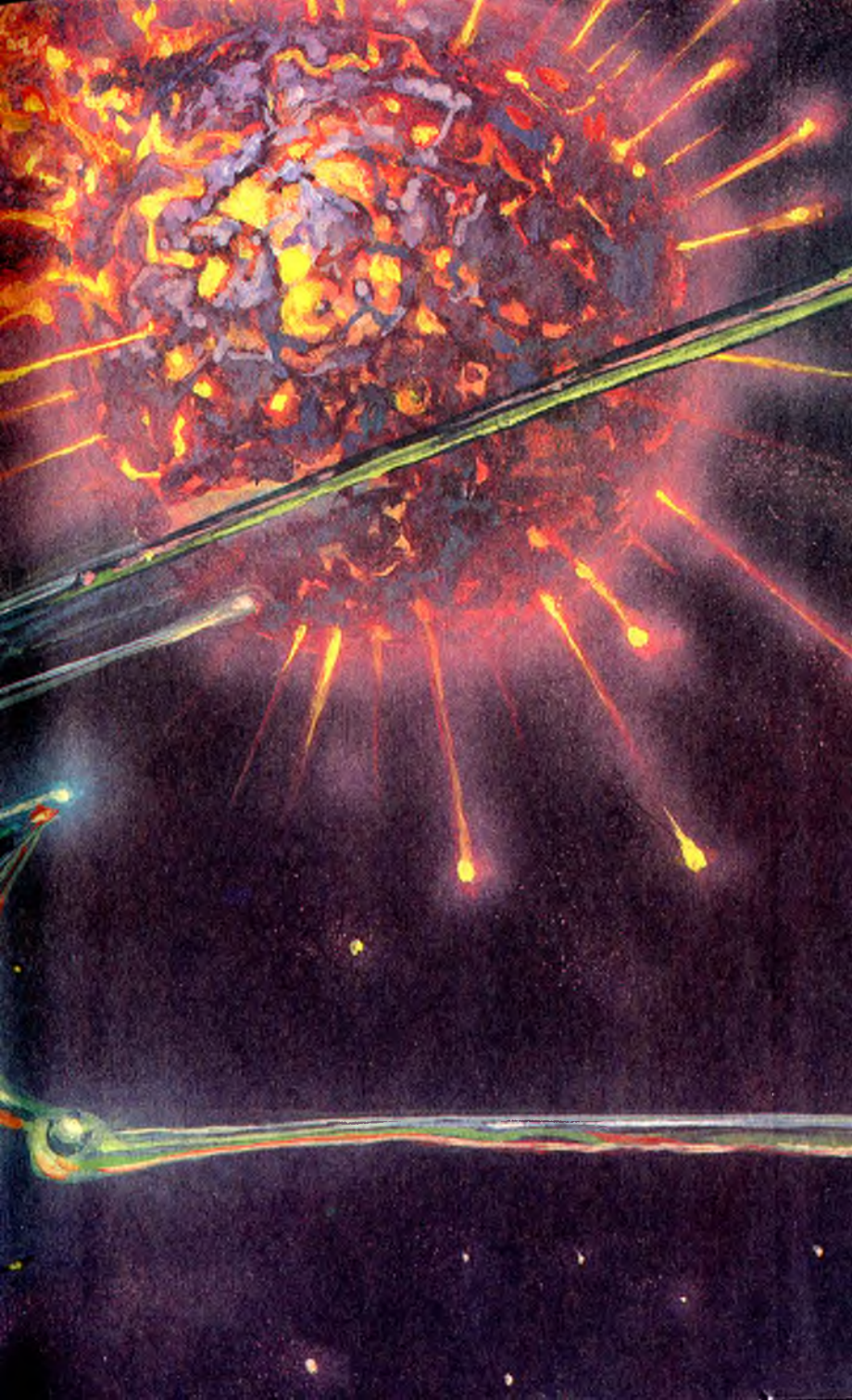

МИРЫ ДЖОНА УИНДЕМА

ДЖОН УИНДЕМ

Сканировал и создал книгу - vtakhanov

WORLDS OF JOHN WYNDHAM

Volume two

THE CHRYSALIDS

THE KRAKEN WAKES

«POLARIS» PUBLISHERS
1995

МИРЫ ДЖОНА УИНДЕМА

Том второй

КУКОЛКИ

КРАКЕН ПРОБУЖДАЕТСЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1995

Миры Джона Уиндема. Т. 2 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1995. — 319 с.

Во втором томе собрания сочинений Джона Уиндема читатель найдет романы «Куколки» и «Кракен пробуждается». В первом из них изображен мир, в котором давно отгремела ядерная война. Человечество сохранилось лишь на нескольких клочках свободной от радиации земли. Процветают религиозный фанатизм и ненависть ко всему, что отклоняется от Нормы. Но даже в обществе, стиснутом жесткими рамками, пробиваются ростки нового...

Во втором романе — «Кракен пробуждается» — таинственные пришельцы, для которых глубины земных морей — дом родной, объявляют человечеству войну — войну на уничтожение, потому что у двух рас слишком мало общего, чтобы прийти к согласию.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных произведений и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

The Chrysalids

Copyright © 1955 by John Beynon Harris

The Kraken Wakes

Copyright © 1953 by John Beynon Harris

© Издательство «Полярис», *составление, оформление, название серии*, 1995

Куколки

© Н. Коптюг, *перевод*, 1995

Кракен пробуждается

© А. Захаренков, *перевод*

ISBN 5-88132-250-9

КУКОЛКИ

ГЛАВА 1

Когда я был совсем еще маленьким, мне часто снился город, — странно, ведь тогда я даже не знал, что такое город. Передо мной возникали дома, тесно сгрудившиеся в изгибе большой голубой бухты. Я различал здания, улицы, береговую линию, лодки в гавани; но наяву-то я никогда не видел ни моря, ни лодок...

Да и здания не походили на те, что я знал. Движение на улицах странное, повозки мчались без лошадей, а в небе летали сверкающие штуки, похожие скорее на рыб, чем на птиц.

Чаще всего это чудесное место было освещено солнцем, но изредка дело происходило ночью, множество огоньков протягивалось вдоль берега, словно бусы из светлячков, а часть огоньков, казалось, плыла прямо по воде или по воздуху. Красивое, завораживающее место.

Однажды, когда я был еще мал и не умел молчать, я спросил свою старшую сестру Мэри, где находится волшебный город.

Она покачала головой и ответила, что теперь таких мест нет. Может быть, предположила она, мне виделись сны о давних временах? Сны — штука странная, их трудно объяснить. Возможно, я видел часть прекрасного мира, где некогда жили Прежние Люди, до того, как Господь наслал на них Кару.

А потом она очень серьезно посоветовала мне ни с кем больше не разговаривать о сне. Насколько ей было известно, таких городов никто из нас не видал ни во сне, ни наяву, так что не стоило упоминать об этом.

Совет был хорош, и у меня, к счастью, хватило ума ему последовать. Люди из нашей местности быстро замечали все странное или необычное: например, даже то, что я был левшой, вызывало легкое недовольство. Тогда, да и позднее,

я больше никому не рассказывал о городе, сам почти забыв о нем. Я становился старше, и сны приходили все реже.

Но совет запомнился. Не будь его, я бы мог проболтаться об удивительном взаимопонимании между мной и моей двоюродной сестрой Розалиндой, а это уж точно привело бы нас к большой беде. Конечно, если бы мне поверили. Я думаю, в то время мы оба просто не придавали ничему значения, да и все мы привыкли к осторожности. Я, во всяком случае, не считал себя странным. Нормальный мальчишка, и мир вокруг — само собой разумеющееся. Так я и жил, пока не встретил Софи. Даже тогда я не осознал разницу. Только теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что именно тогда начали расти мои первые сомнения.

В тот день, как частенько бывало, я убежал гулять один. Мне, наверное, было лет десять, сестре Саре — пятнадцать, с ней не очень-то поиграешь. Я бежал по дорожке на юг, мимо полей, пока не очутился на высоком берегу, стал бегать там и унесся довольно далеко от дома.

Берег меня тогда не удивлял: он был слишком высок и велик, мне и в голову не приходило, что это дело рук человеческих или что он как-то связан с Прежними Людьми, о которых я иногда слышал. Для меня это был просто берег — сначала он изгибался, а потом уходил прямо к дальним холмам. Берег — часть мира, не более удивительная, чем река, небо или холмы.

Я часто бродил по верху, но редко спускался, почему-то та сторона казалась мне чужой; не враждебной, но и не моей. Однако я открыл одно местечко, где дожди, сбегая по склону, размыли в песке целую канаву. Если усесться сверху да сильно оттолкнуться, можно здорово скатиться, пролететь пару метров и шлепнуться в мягкий песок.

Часто бывая там, я никогда никого не встречал, а тут вдруг, поднимаясь после третьего спуска, услышал голос:

— Привет!

Сначала я не понял, откуда донесся голос, осмотрелся, не сразу заметил, как шевелятся верхние ветки большого куста. Они раздвинулись, высунулось лицо: маленькое, загорелое, обрамленное темными кудрями. Выражение лица серьезное, но глаза так и сверкают. Сначала мы молча разглядывали друг друга, потом я ответил:

— Привет!

Поколебавшись, она все же выбралась из-за куста. Перед мной стояла девочка, пониже меня, видно, помоложе, в домотканых красно-коричневых брючках и желтой рубашке Крест, по обычаю нашитый спереди, был из темно-коричневой ткани. Волосы подвязаны двумя желтыми бантиками. Она постояла на месте в нерешимости, потом любопытство одолело осторожность, и она шагнула вперед.

Я попросту таращился на нее — чужая девчонка! Время от времени, по праздникам, собирались вместе все окрестные дети, потому я и поразился, встретив совершенно чужое лицо.

— Как тебя зовут?

— Софи. А тебя?

— Дэвид, — ответил я. — Ты где живешь?

— Вон там, — она неопределенно махнула рукой. Потом отвела глаза, посмотрела на мою канавку. — Здорово?

Помолчав, я предложил:

— Попробуй.

Она уставилась на меня серьезными глазами, потом вдруг решила, взобралась наверх, уселась и помчалась вниз, так что волосы и ленты развевались по ветру. Потом скатился я: Глаза ее сияли от возбуждения, Софи уже не казалась такой серьезной.

— Давай еще!

Несчастье произошло на третий раз. Она уселась, оттолкнулась, съехала, свалилась в песок, но почему-то левее, чем обычно. Я тоже уселся, ожидая, чтобы она отошла в сторону. Но она не двигалась.

— Эй! — нетерпеливо крикнул я.

Она попыталась встать, вскрикнула.

— Ой, не могу, больно!

— Что случилось? — спросил я, съехав вниз и подойдя к ней.

Лицо Софи сморщилось, в глазах стояли слезы.

— Левая нога застряла.

Я разгреб песок руками. Левый ботинок попал между двух острых камней, я попробовал вытащить его. Ничего не получилось.

— Ты не можешь... ну, выкрутиться?

Она стиснула губы, попыталась покрутить ногой, но ничего не вышло.

— Давай подергаю?

— Нет, ой, нет, больно!

— Давай я разрежу шнурки, а ты вытянешь ногу, — предложил я

— Нет, — испугалась девочка, — мне нельзя!

Я растерялся. Если бы она сумела высвободить ногу из ботинка, мы бы легко выдернули его, но она не соглашалась, и я не знал, что делать. Софи откинулась на песок.

— Ой, как больно! — Она больше не могла сдерживаться, слезы так и покатились из глаз, но она не ревела, только поскуливала, как щенок.

— Снимай! — сказал я

— Нет, я не должна, не должна!

Я сел рядом, не зная, как быть. Она стиснула мою руку и заплакала. Ясное дело, нога-то болела все сильнее. Впервые в жизни мне предстояло принять решение, и я его принял.

— Снимай, а то так и умрешь тут!

Софи согласилась — не сразу, но все же согласилась.

Пока я разрезал шнурки, она с волнением следила за мной, а потом попросила:

— Отойди и не смотри!

Я заколебался. Но детство ведь переполнено всякими непонятными правилами, так что я отошел и стал к ней спиной.

Сначала она лишь пыхтела, потом снова заплакала. Я обернулся.

— Не могу. — Софи со страхом глядела на меня сквозь слезы.

Я присел посмотреть.

— Только никому не рассказывай, никогда! Обещаешь?

Я кивнул. Она не кричала, только поскуливала. Когда я наконец высвободил ногу, выглядела она ужасно, то есть вся ступня у нее распухла, я и не заметил, что пальцев там больше чем надо.

Я вытащил и башмак, протянул ей, но обуться Софи не смогла, да и наступать на распухшую ногу ей явно было больно. Я попробовал понести ее на спине, но она оказалась тяжелее, чем я думал.

— Так нам далеко не уйти, лучше сбегая за помощью, — сказал я.

— Нет, — возразила она. — Я доползу.

Она довольно долго ползла, не жалуясь на боль, а я плелся рядом с башмаком в руках. Наконец Софи остановилась. Брючки ее протерлись, коленки тоже были стерты

до крови. Мне не часто встречались даже мальчишки, способные столько терпеть, и я слегка оробел. Я помог ей подняться, она оперлась на меня и показала струйку дыма там, где находился ее дом. Оглянувшись, я увидел, что девочка заползает в кусты, а потом побежал.

Дом я отыскал сразу, постучал, волнуясь, и дверь открыла высокая женщина. На красивом лице выделялись яркие большие глаза. Платье на ней было красноватое, немного короче, чем носили у нас, но крест нашит так же, как нашивали дома, от горла к подолу, с перекладиной на груди. Крест был зеленый, как и косынка на голове.

— Вы — мать Софи? — спросил я.

Она пристально посмотрела на меня и спросила, нахмурившись:

— Что случилось?

Я объяснил.

— Ох! — воскликнула она. — Нога!

И вновь пристально поглядела мне в глаза. Потом оставила метлу, спросила:

— Где она?

Я привел ее куда надо, и Софи выползла из-за кустов.

Мать осмотрела распухшую ступню и ободренные колени.

— Бедняжка! — Она подхватила Софи на руки, поцеловала ее. — Он видел?

— Да. Мамочка, я старалась, но мне было так больно!

Мать кивнула, вздыхая:

— Ну что, идем, теперь уж ничего не поделаешь.

Она понесла Софи, а я пошел следом.

Заповеди и наставления, затвержденные в детстве, помнятся наизусть, но до тех пор, пока не появится пример, они мало что значат. Кроме того, пример еще нужно узнать и понять.

Потому-то я терпеливо ждал, пока мать Софи промывала, смазывала и бинтовала ей ступню, но не усматривал никакой связи между ушибленной ногой и утверждениями, звучавшими почти каждое воскресенье.

«И Господь создал человека по образу своему и подобию. И глаголет Господь, что у человека должно быть одно тело, одна голова, две ноги и две руки; и каждая рука должна сгибаться в двух местах, и кисть каждой руки должна иметь

пять пальцев, и на каждом пальце должен быть ноготь...» — и так далее, например:

«Потом Господь создал женщину, так же по образу и подобию своему, но с некоторыми отличиями: голос ее должен быть выше, чем у мужчины, и борода у нее не должна расти, и у нее должны быть две груди» — и так далее.

Все это я знал слово в слово. Но сейчас я смотрел на ступню Софи, лежавшую на коленях ее матери, видел шесть пальцев, видел, как ее мать на мгновение замерла, потом склонилась, поцеловала маленькую распухшую ступню, и на глазах ее выступили слезы.

Мне было жаль их, я переживал за Софи и ее боль. И все.

Пока мать бинтовала ногу, я огляделся. Дом был куда меньше нашего, но мне он понравился. В нем было уютно. Да и мать Софи, несмотря на все беспокойство и расстройство, не глядела на меня так, словно я был единственным неприятным и непредсказуемым элементом в упорядоченной жизни, — а именно так на меня обычно смотрели дома. Комната тоже казалась какой-то дружелюбной, потому что на стенах не висели всякие длинные надписи, на которые мне указывали, ругая. Вместо них висело несколько рисунков с лошадьми, они мне очень понравились.

Наконец Софи, причесанная и умытая, пропрыгала к стулу у стола и серьезно осведомилась, буду ли я есть яйца.

Миссис Вендер попросила меня подождать внизу, пока она отнесет Софи в спальню. Вскоре она вернулась и присела около меня. Взяв меня за руку, она внимательно всмотрелась в мое лицо. Я сразу ощутил ее волнение. Правда, я не понимал, отчего она так волнуется. И еще я удивился: вот уж не ожидал, что и она умеет так думать. Я попытался мысленно убедить ее в том, что бояться нечего, но моя мысль до нее не дошла. Она все смотрела на меня, и глаза ее блестели, почти как у Софи, когда девочка старалась сдерживать слезы. В мыслях ее царило беспокойство — и беспорядок. Я снова попытался утешить ее, но она меня не слышала. Потом она кивнула и произнесла:

— Ты хороший мальчик, Дэвид. Ты был так добр к Софи. Мне хочется отблагодарить тебя.

Мне стало неловко, и я уставился на свои башмаки. Мне еще никто не говорил, что я хороший мальчик. Я не знал, что нужно отвечать.

— Софи тебе понравилась, правда? — спросила женщина, все еще глядя на меня.

— Да, — ответил я. — По-моему, она ужасно храбрая, ведь ей было так больно.

— Ты смог бы хранить тайну — очень важную тайну — ради нее?

— Да, конечно, — согласился я слегка неуверенно. Мне было невдомек, какая тут может быть тайна.

— Ты... ты видел ее ступню и... и пальцы? — Теперь женщина смотрела мне прямо в глаза.

Я кивнул.

— Вот это и есть наша тайна, Дэвид, — пояснила она. — Никто не должен знать об этом. Раньше знали лишь мы с отцом, теперь и ты. Никто не должен знать, слышишь? Никто!

— Конечно, — согласился я.

Она замолкла. То есть голос ее замолк, но мысли-то продолжали нестись, как будто кто-то кричал «никто», «никогда», а странное эхо повторяло эти слова. Но вот все изменилось, она сделалась напряженной, напуганной и какой-то яростной. Нечего было и пытаться успокоить ее мысленно, поэтому я неуклюже попытался выразить словами свои чувства:

— Честное слово, никто и никогда!

— Это очень, очень важно, — настаивала миссис Вендер. — Ну как бы тебе объяснить?

Но зачем объяснять? Я слышал ее чувства и уже все понял. Слова не имели такой силы.

Она продолжала:

— Если кто-нибудь узнает, они... они жестоко накажут ее. И нас. Нужно постараться, чтобы этого не случилось.

Теперь ее волнение стало практически осязаемым, как железная дубинка.

— Из-за шести пальцев?

— Да. Это должно остаться нашей тайной. Обещаешь?

— Обещаю. Хотите, поклянусь?

— Нет, я тебе верю.

Она и не подозревала, как твердо я умел держать слово. Никому не скажу, даже Розалинде. Но все же в душе моей осталось недоумение: столько переживаний — из-за таких маленьких пальчиков?.. Однако у взрослых так часто бывает, волнуются по пустякам. Так что я еще раз повторил, что буду молчать.

А мать Софи все смотрела на меня, только грустные глаза ее как бы ничего не видели. Я начал ерзать на стуле. Она сразу очнулась и улыбнулась. Улыбка у нее была добрая.

— Можно мне приходиться поиграть с Софи? — спросил я, прежде чем уйти.

Миссис Вендер заколебалась, потом все же ответила:

— Хорошо, только пусть никто не знает, куда ты ходишь!

Я уже дошел до берега, направляясь к дому, и тут вдруг воскресные наставления соединились с реальностью. В уме у меня будто щелчок раздался, зазвучали слова: «...и каждая нога должна сгибаться в двух местах, и в конце стопы должно быть пять пальцев... — и так далее, до конца: — И всякое существо, во всем похожее на человека, но в чем-то отступающее от Нормы, не есть человек. Оно не является ни мужчиной, ни женщиной. Оно — хула истинному образу Господа и ненавистно ему».

Мне стало не по себе, и я остановился, недоумевая. Богохульство — ужасный грех, это мне внушили с рождения. Но что ужасного в Софи? Обычная маленькая девочка, правда, куда смысленнее и смелее тех, каких я знал раньше. Но ведь по Определению Человека...

Да, где-то тут вкралась ошибка. Ну, есть у нее на ноге один лишний палец... два, наверное, ноги-то две... и потому она должна быть «ненавистна Богу»?

Много непонятного в мире...

ГЛАВА 2

Домой я пробрался, как всегда. Сначала вышел на узенькую тропку, потом осторожно пошел по ней, держа руку на рукоятке ножа. Вообще-то мне не разрешали подходить к лесу, потому что хищники изредка добирались даже до Вакнука. Вдруг я наткнулся на дикого пса или кота? Но сегодня я слышал только маленьких зверьков, торопливо разбегавшихся в разные стороны.

Никого не встретив, я добежал до дома, влез в окно и тихонько пробрался в свою комнату.

Наш дом не так легко описать. Лет пятьдесят назад его начал возводить мой дед Элиас Сторм, но с тех пор появилось столько пристроек, что теперь дом со всех сторон был окружен кладовыми, сараями, амбарами: там — конюшня, тут — свинарник, с другой стороны — комнаты для наем-

ных работников, сыроварня и так далее. И все это выходило во двор, посреди которого лежала навозная куча.

Как и все дома в округе, наш дом стоял на фундаменте из крепких тесаных бревен, но он был тут самым старым, и потому его внешние стены были сделаны из камней и кирпичей, оставшихся еще от построек Пржежных Людей, только стены между комнатами были мазаные.

Мой дед, если верить отцу, был добродетелен до того, что слушать становилось тошно. Много позже я сумел узнать о нем то, что казалось больше похожим на правду, хотя тоже звучало достаточно невероятно.

Элиас Сторм явился с востока, с какого-то побережья. Почему он пришел сюда, никто не знает. Он-то уверял, что ушел от грешников, чтобы основать свою общину в другом месте. Говорили еще, что соседи просто не могли его больше выносить. Как бы то ни было, он перебрался в Вакнук, в то время совсем неразвитую область — практически фронтир, новые неизведанные земли, граница обжитого края с диким.

Ему было сорок пять лет, и все нажитое им добро уместилось в обоз из шести повозок. Он был решительным, грубым и сильным мужчиной. И еще он неустанно ратовал за нравственность. Глаза его, скрытые под густыми бровями, легко вспыхивали евангельским огнем. «Преклонение перед Господом» часто слетало с его уст, а страх перед дьяволом постоянно жил в его сердце. Трудно сказать, чего было больше.

Вскоре после того как он возвел дом, Элиас уехал, а вернулся с женой — очень застенчивой и очень хорошенькой, к тому же моложе его на двадцать пять лет. Говорили, что, если на нее никто не смотрел, она двигалась, как молодая телочка, но под взглядом супруга превращалась в робкого кролика. Женитьба оказалась неудачной: после свадьбы у молодой жены не зародилась любовь к мужу, она не вернула ему молодость, да и опытной домохозяйки из нее не вышло.

Элиас никогда не закрывал глаза на чужие недостатки. Быстро румянец его жены увял, и она умерла, не жалуясь вскоре после того, как произвела на свет второго сына.

Дедушка Элиас ни секунды не сомневался в том, как надо правильно воспитывать сына и наследника. Вместо костей у моего отца была вера, вместо жил — принципы, а

все вместе повиновалось мозгу, забитому примерами из Библии и «Раскаяний» Николсона.

Отец и сын были едины в своей вере. Вся разница заключалась в их подходе: глаза деда никогда не светились жадной проповедовать — но он строго следил за соблюдением всех норм и законов.

Джозеф Сторм, мой отец, женился только после смерти деда и не повторил ошибку Элиаса. Взгляды моей матери полностью совпадали с его собственными. У нее было сильно развито чувство долга, и она всегда точно знала, в чем этот долг заключается.

Наш округ, как и наш дом, первое строение здесь, назывался Вакнук. Говорили, что когда-то тут было поселение Прежних Людей с таким же названием. Во всяком случае, сохранились остатки зданий, а на некоторых фундаментах даже можно было ставить новые дома. Кроме того, сохранились береговая насыпь и огромный шрам, наверное, с тех пор, как Прежние Люди срезали половину горы, чтобы что-то узнать. В общем же наш Вакнук — обычная законопослушная община из сотни больших и малых дворов.

Отец мой пользовался влиянием в округе. Он впервые прочитал проповедь в церкви, построенной его отцом, в шестнадцать лет. Тогда в Вакнуке жило около шестидесяти семей. Чем больше земель расчищалось для земледелия, тем больше людей тут селилось. Но отца они не заслоняли, наоборот, он оставался самым крупным землевладельцем, часто читал воскресные проповеди, неустанно разъяснял законы, принятые в небесах, а кроме того, в определенные дни отправлял закон и на земле, будучи местным мировым судьей. В оставшееся время он следил за тем, чтобы вся его семья подавала округе пример правильной жизни.

Центром жизни дома была большая гостиная, она же кухня. Дом был самым большим и богатым в округе, ну и кухня, конечно, тоже. Огромный камин являлся объектом гордости, конечно, не греховой, нет, просто отец гордился тем, что использовал дары Господа по назначению.

Мать следила за чистотой. Пол был искусно выложен кирпичом, натуральным и искусственным камнем. Мебелью служили добела оттертые столы и табуретки. Стены побелены, и на них висело несколько больших сверкающих сковородок, не помещавшихся в буфете. В качестве украшений были развешаны деревянные панели с изречениями, в основном из «Раскаяний».

Слева от камина висела надпись: «ИСТИННЫЙ ЧЕЛОВЕК — ТОЛЬКО ПО ОБРАЗУ ГОСПОДА». Справа: «ТВОРЕНИЯ ГОСПОДА СОДЕРЖИ В ЧИСТОТЕ». Напротив: «БЛАГОСЛОВЕННА БУДЬ НОРМА», и еще: «В ЧИСТОТЕ НАШЕ СПАСЕНИЕ».

А самое большое изречение висело против двери, и, едва войдя в комнату, вы читали: «ОСТЕРЕГАЙСЯ МУТАНТА!»

Частое упоминание о надписях привело к тому, что я знал их наизусть еще до того, как научился читать; возможно, меня и читать-то учили по ним. Я знал их наизусть, как знал и все остальные надписи в доме, например: «НОРМА ЕСТЬ ВОЛЯ ГОСПОДНЯ», или «ПРОИЗВОДИ ТОЛЬКО СЕБЕ ПОДОБНЫХ», или «ДЬЯВОЛ — ОТЕЦ ОТКЛОНЕНИЯ», да и всякие другие о Нарушениях и Хуле.

Многие надписи я еще не понимал. О других кое-что знал. Нарушения, например. Потому что тогда что-нибудь происходило. Прежде всего, отец являлся домой не вовремя и не в духе. Вечером он созывал всех, включая работников, в комнату, мы становились на колени, а он сообщал, в чем мы провинились перед Господом, и читал молитвы о прощении. Наутро нас поднимали на рассвете и выводили во двор. И вот, едва всходило солнце, мы начинали петь гимны, а отец приносил в жертву двухголового теленка, или четырехногого цыпленка, или другое Нарушение. Бывали Нарушения и пострашнее...

Касались Нарушения не только животных. Иногда вырастала ни на что не похожая пшеница или неправильные овощи; отец приносил их в дом и гневно швырял на стол. Ему всегда было стыдно. Если было всего несколько растений, их вырывали и уничтожали. Но если весь урожай оказывался неудачным, мы дожидались хорошей погоды, а потом поджигали поле, распевая при этом гимны. В детстве мне все это очень нравилось.

Отец был настолько благочестив, так тщательно все сам проверял, что у нас происходило куда больше жертвоприношений и поджогов, чем у других соседей. Но если кто-то упоминал о том, что у нас многовато Нарушений, потому что мы им подвержены, отец обижался и сердился. «Кому охота швырять деньги на ветер? — отвечал он. — Если бы соседи были более добросовестны, их уничтожения давно превзошли бы наши. К несчастью, у некоторых людей слишком гибкие принципы».

Вот так я и выучил, что такое Нарушения. Это все, что не выглядит правильно, то есть животные, не во всем похожие на родителей, или растения, отличающиеся от прежних. Чаще всего отличались они какой-то мелочью, но отец все равно считал их Нарушениями. А уж если такое случалось среди людей, это было просто богохульство — настоящее Отступление. Отступление от Нормы.

Но все же по вопросу о Нарушениях часто возникали споры, и тогда приходилось посылать за инспектором округа. Отец редко звал инспектора, он предпочитал уничтожать все, что казалось ему неправильным или сомнительным. Были люди, не одобрявшие его тщательности. Они говорили, что наш уровень Отступлений был бы куда ниже, если бы мой отец не устраивал столько уничтожений и не подавал сводки так часто. Но все же Вакнук хвалили за чистоту и веру.

Вакнук давно уже перестал быть фронтиром. Упорный труд принес свои плоды, и теперь наши животные и наши урожаи вызывали зависть даже на востоке. Милях в тридцати от нас был Дикий Край — пустынная засушливая местность, где вряд ли удалось бы получать урожаи без Отклонений от Нормы. Потом шел пояс шириной где десять, а где и двадцать миль, а за ним — таинственные Окраины, где ни на что нельзя положиться и где, по словам отца, «сам дьявол обходит свои владения и законы Господа забыты». Потом еще были Плохие Края, о них тоже ничего не знали. Почти никто из пожелавших их исследовать не вернулся назад, а вернувшиеся быстро умирали.

Да, о Плохих Краях мы просто ничего не знали, а вот Окраины доставляли нам много хлопот. То есть их жители... Ну, их называли людьми, только на самом деле они не люди, а сплошные Отступления, даже если внешне и похожи на людей. Они совершали набеги на цивилизованные поселения, крали зерно, животных, одежду, инструменты и оружие. А еще они иногда крали детей.

Небольшие набеги бывали два-три раза в год, и никто не обращал на них особого внимания, кроме ограбленных, конечно. Обычно семьям удавалось спастись, а потом все помогали им кто чем: деньгами, птицей, скотом. Но время шло, люди осваивали все новые земли, и Окраины сдвигались все дальше и дальше, так что их жителям оставалось все меньше места. Иногда им становилось совсем плохо, тогда они объединялись и нападали на наши поселения.

Когда мой отец был маленьким, матери пугали детей «Вот придет старая Мэгги из Окраин, у нее четыре глаза, чтобы следить за тобой, и четыре уха, чтобы слышать тебя, и четыре руки, чтобы шлепать тебя » Еще одно страшное лицо — волосатый Джек «Вот позову его — унесет тебя, да в пещеру, они там все волосатые и хвостатые, на завтрак съедают маленького мальчика, а на ужин — маленькую девочку...» В мое время таких сказок боялись лишь малыши. Но взрослые сознавали реальность угрозы и часто посылали петиции правительству в Ригу.

Однако можно было и не слать просьбы о помощи. Никто не мог предвидеть, откуда последует нападение, потому и помощь направить заранее было трудно. Правительство слало лишь соболезнования да предлагало формировать собственную охрану. Хорошо им там, на востоке... Что до охраны, то у нас с детства все мужчины умели пользоваться любым оружием.

До Вакнука набеги еще ни разу не доходили, хотя иногда нашим мужчинам и приходилось бросать дела и мчаться на помощь за десяток миль. Такие перерывы в работе нам дорого обходились, да и беспокойство с каждым разом все усиливалось. Так ведь и до нас доберутся...

Но в основном мы жили тихо-мирно, в постоянном труде. Двор у нас был большой, семья не мала и угоidia тоже. Отец, мать, две сестры, дядя Аксель, а еще служанки, доярки, их дети и мужья, работавшие на поле или со скотиной. В общем, каждый вечер больше двадцати человек садились за наш стол, а на молитвы шли и из ближайших домов, целыми семьями с детьми да женами.

Дядя Аксель был не совсем родным, когда-то он женился на сестре моей матери, Элизабет. Он тогда был моряком; она уехала с ним в Ригу и умерла, пока он был в плавании, а он вернулся оттуда покалеченным. Мастер на все руки, только передвигался медленно из-за своей ноги. Отец позволил ему жить у нас.

Еще он был моим лучшим другом.

У матери было четыре сестры и двое братьев. Самая младшая сестра и братья были сводными всем остальным. Старшую сестру, Ханну, прогнал из дома ее муж, и больше ее никто никогда не видел. Потом по возрасту шла моя мать, Эмилия, потом Гарриет — у ее мужа была большая ферма в Кентаке, за пятнадцать миль от нас. Потом Элизабет, жена дяди Акселя. Куда делись тетя Лилиан и дядя

Томас, я не знал, а вот дядя Энгус Мортон, сводный брат матери, жил на ферме по соседству, и это раздражало моего отца, потому что они с Энгусом постоянно ругались и ссорились. Ну а дочь Энгуса — Розалинда — это моя двоюродная сестра.

Вакнук разрастался, большинство ферм походили друг на друга; постоянно расширяясь, люди вырубали деревья, расчищали новые земли. Говорили, теперь даже в Риге знают, где находится Вакнук, так что и карта им не требовалась.

В общем, я жил на процветающей ферме в процветающем крае. Но в десять лет я не особенно задумывался об этом. Мне всегда казалось, что вокруг слишком много дел для небольшого числа людей, так что в тот вечер я затаился, выжидая, когда можно будет просто спуститься к столу.

Я побродил по двору, наблюдая за тем, как распрягают и чистят коней. Наконец дважды прозвонил колокол, и все направились в кухню. Смешавшись с толпой, я двинулся к столу. Войдя в комнату, я как всегда увидел перед собой надпись: «ОСТЕРЕГАЙСЯ МУТАНТА!» Но я настолько привык к ней, что взгляд мой на ней даже не задержался, меня волновал только запах пищи.

ГЛАВА 3

С тех пор я пару раз в неделю навещал Софи. По утрам местные старушки учили нас читать, писать и считать, а после обеда я потихоньку сбегал из дома, зная, что меня не хватятся, — каждый будет думать, что я занят делом с кем-то другим.

Скоро нога у Софи прошла, и она показала мне все заветные уголки вокруг их дома.

Однажды я сводил ее посмотреть, как работает паровая машина, единственная в округе, и мы ею очень гордились. Работника рядом не было, так что мы все изучили, а потом влезли на поленницу у сарая и сидели там, болтая ногами.

— Дядя Аксель говорит, что у Прежних Людей были машины и получше, — сообщил я.

— А мой папа говорит, что если хотя бы четверть того, что говорят о Прежних, правда, то они были просто волшебниками.

— Но ведь они умели делать чудеса! — настаивал я.

— Такие чудеса, что невероятно!

— А что, твой отец не верит, что они умели летать?

— Нет, — ответила Софи. — Глупо. Если бы они умели летать, то и мы тоже могли бы

— Но ведь мы многое заново узнаем про них, — возразил я. — Уж летать-то мы не научимся Или летаешь, или нет.

Я подумал, не рассказать ли ей свой сон про город и летающие штуки, но сон ведь ничего не доказывает. Вскоре мы пошли к дому.

Джан Вендер вернулся из своих поездок. Он растягивал на деревянных рамах шкуры, колотя по ним молотом, все вокруг пропахло сырой кожей. Софи кинулась к нему, а он подхватил ее одной рукой и прижал к себе.

— Здравствуй, детка, — сказал он

Со мной он поздоровался очень серьезно. Мы без слов пришли к соглашению, что будем обращаться друг с другом по-мужски. Когда мы встретились впервые, он так на меня глянул, что я испугался. Постепенно его отношение ко мне изменилось, мы подружились. Джон Вендер часто рассказывал нам о том, что видел, и научил меня разным полезным вещам. Однако иногда я ловил на его лице все то же странное выражение.

Неудивительно. Лишь через несколько лет я понял, как он взволновался, придя однажды домой и узнав, что Софи подвернула ногу — и что ступню ее видел Дэвид, сын Джозефа Стормы! До сих пор я считаю, что он тут же убил бы меня, да миссис Вендер удержала его и тем спасла мне жизнь. Конечно, мертвый мальчик наверняка не нарушит своих обещаний. Но если бы Джон Вендер знал, что произошло у нас дома вскоре после того, как я познакомился с Софи, он бы так не волновался.

Я загнал в руку здоровенную занозу, выдернул ее, но кровь пошла так сильно, что пришлось бежать в дом. В кухне все были заняты, потому я отыскал тряпочку и стал неуклюже возиться с ней. Наконец на меня обратила внимание мать, произнесла «ц-ц» в знак неодобрения, по своему обыкновению, затем заставила меня промыть ранку. А потом перевязала мне руку, ворча, что вот ведь непременно надо было пораниться, когда она так занята. Я попросил прощения и добавил:

— Да я бы справился, будь у меня третья рука.

В комнате внезапно наступила мертвая тишина. Мать окаменела. Я с недоумением огляделся.

Мэри замерла с пирогом в руках, двое работников ждут ужина. Отец у своего стула, остальные готовы сесть. И все устали на меня. Я заметил, что изумление на лице отца переходит в гнев. Встревожившись, но еще ничего не понимая, я смотрел, как сжимаются его губы, как резко выдвигается вперед подбородок, как сверкают глаза под сведенными бровями.

— Повтори, что ты сказал!

Да, тон-то был мне хорошо знаком. Я попытался сообразить, что же я на сей раз нарушил, но ничего не придумал и заикаясь произнес:

— Я... я с-сказал, что и сам бы завязал...

— И ты пожелал иметь третью руку? — обвиняющим голосом произнес он.

— Нет же, отец, нет, я только сказал «если бы»...

— И по-твоему, это не желание?

— Но я же сказал «если»...

Я так перепугался, что не мог объяснить: я же ничего такого не имел в виду! Тут я заметил, что все с тревогой смотрят на отца. Выражение лица у него стало совсем мрачным.

— Ты, ты — мой собственный сын! — ты просил дьявола дать тебе еще одну руку! — обвиняюще заявил он.

— Но я не... я...

— Не лги, мальчишка! Все присутствующие слышали тебя!

— Но...

— Не ты ли только что выразил недовольство обликом, данным тебе Господом по образу и подобию его?!

— Я только сказал «если»...

— Ты богохульствовал, сын мой! Ты выступал против Нормы! Все тебя слышали. Что ты теперь ответишь? Что есть Норма?

Я сдался — я знал, что отец уже не слышит меня.

— Норма есть образ божий, — повторил я, как попугай.

— А, так ты знаешь — и все же богохульствуешь! Ты, мой сын, совершаешь преступление в присутствии родителей! Что есть мутант?

— Тот, кто проклят Богом и людьми, — пробормотал я.

— И ты пожелал им стать! Что ты можешь сказать?

Сердце у меня упало, я был уверен, что говорить что-либо бесполезно. Я сжал губы и опустил глаза.

— На колени! — скомандовал отец. — На колени — и молись!

Все опустились на колени. Отец возвысил голос:

— Боже, мы согрешили. Прости нас, что мы не сумели обучить этого ребенка... — Молитва еще долго гремела и угрожала, а потом отец сказал: — Теперь иди к себе и молись. Молись, несчастный, чтобы Господь даровал тебе прощение, которого ты не достоин. Я зайду к тебе.

Ночью, после визита отца, когда слегка утихла боль, я не мог уснуть, пытаюсь решить вопрос: я же не пожелал себе третью руку?.. Если уж нельзя даже случайно подумать о третьей руке, то что будет, если у кого-то обнаружат нечто лишнее, например лишний палец?..

Когда я наконец заснул, мне приснился сон.

Мы все собрались в саду, точь-в-точь как на последнем Очищении. Тогда это был маленький безволосый теленок, он стоял и глупо моргал, отворачиваясь от сверкания отцовского ножа. Теперь рядом с отцом стояла маленькая девочка — Софи, она была босиком и пыталась спрятать свои пальцы, но все равно мы их видели. Мы стояли и ждали, а она подбегала то к одному, то к другому, просила помочь, спасти ее, но все отворачивались с ничего не выражающими лицами. И вот мой отец пошел на нее, выставив сверкающий нож. Вот он схватил ее, вытащил на середину двора; взошло солнце, все запели гимн. А отец держал Софи так же, как он держал вырывавшегося теленка. И вот он взмахнул ножом, и солнце сверкнуло на лезвии...

Если бы Джон и Мэри Вендер были здесь, когда я проснулся, крича и плача от ужаса, если бы они увидели, как я лежал один в темноте, пытаюсь убедить себя, что это был только сон, страшный сон, они бы не боялись, что я выдам их тайну.

ГЛАВА 4

С тех пор постоянно что-то происходило, детское спокойствие кончилось — словно один сезон сменился другим.

Наверное, первым толчком к переменам послужила моя встреча с Софи. Ну а вторым — то, что мой дядя Аксель узнал обо мне и Розалинде. Однажды он — и как нам

повезло, что именно он! — наткнулся на меня, когда я с ней разговаривал.

Наверное, мы помалкивали о своей способности просто из инстинкта самосохранения. Мы не думали, что нам что-нибудь угрожает. Когда дядя Аксель обнаружил меня за сарайчиком, где я сидел и вслух разговаривал как бы сам с собой, я даже не пытался сделать вид, что играл. Он, должно быть, стоял рядом минуту или две, а я его и не замечал.

Дядя Аксель был рослым мужчиной, не худым и не толстым, но каким-то прочным, и вид у него был такой... закаленный. Мне казалось, что руки у него давно задеревенели, потому-то он так ловко пилит-строгает. Он стоял рядом, как всегда, опираясь на палку, потому что нога у него неправильно срослась после того перелома. Он слегка нахмурился, сдвинув седеющие брови, но по лицу было заметно, что я его скорее забавляю.

— Ну, Дэви, и с кем это ты болтаешь? Феи, гномы или кролики?

Я покачал головой. Он подошел, прихрамывая, сел рядом, выдернул из стога соломинку и стал ее жевать.

— Тебе скучно?

— Нет.

Он снова нахмурился:

— А не веселее ли было бы поболтать с кем-нибудь из ребят? Наверное, интереснее, чем разговаривать с самим собой?

Я заколебался. Но дядя Аксель ведь был моим лучшим другом — среди взрослых. И я сказал:

— А я и не разговаривал с самим собой.

— С кем же тогда?

— С Розалиндой.

Он пристально поглядел мне в глаза.

— Что-то я ее не вижу.

— Нет, тут ее нет, она дома, вернее, рядом с домом, там есть такое потайное место, ее брат сделал домик в рощице, на одном из деревьев.

Сначала дядя Аксель не понял. Он говорил так, будто все это игра. Но после того как я подробно все объяснил, он задумался, замолк. Я продолжал рассказывать, а он молчал, только лицо его становилось все серьезнее. Я кончил. Он несколько минут молчал, потом спросил:

— Значит, это не игра, ты мне правду говоришь, Дэви, мой мальчик? — и так пристально, так сурово поглядел на меня.

— Конечно, правду, дядя Аксель.

— А ты никому не рассказывал — совсем никому?

— Нет, это наш секрет, — ответил я, и он облегченно вздохнул.

Отбросив соломинку, он выдернул из стога еще одну, пожевал ее в раздумье, выплюнул и снова посмотрел мне прямо в глаза.

— Дэви, ты должен дать мне обещание.

— Какое, дядя Аксель?

— Вот что, — он говорил удивительно серьезно. — Я хочу, чтобы ты хранил вашу тайну и дальше. Обещай мне, что никогда, никогда никому не расскажешь того, что только что рассказал мне. Никогда. Это очень важно. Ты потом и сам все поймешь, а пока — обещай мне, что будешь стараться, чтобы никто никогда ничего не узнал. Обещаешь?

Меня глубоко поразила его настойчивость. Никогда еще он так со мной не разговаривал. Я понял, что даю обещание хранить тайну о чем-то настолько важном, что и сам еще всего не понимаю.

Дядя Аксель все время смотрел мне в глаза и, после того как я дал обещание, просто кивнул головой, видя, что и я серьезен. Мы пожали друг другу руки в знак согласия. Потом он предложил:

— Может, тебе лучше попросту забыть об этом?

Я немного подумал, покачал головой:

— Нет, дядя Аксель, боюсь, не выйдет. Понимаете, это просто здесь, во мне. Ну все равно что забыть... — я замолчал, не зная, как выразить свои чувства.

— Все равно что забыть, как говорить или слышать? — спросил он.

— Да — но иначе.

Он кивнул и спросил еще:

— Ты как, слышишь слова... в голове?

— Да нет, это не то, что «слышу» или «вижу». Есть такие... словоформы... картинки слов... а когда еще и произнесешь вслух, то легче друг друга понять.

— Но тебе ведь не обязательно произносить слова вслух, как ты только что делал, а?

— Нет, просто так легче.

— Да, легче. И опаснее — для вас обоих. Пообещай мне, что ты никогда больше не будешь разговаривать вот так, мысленно, вслух.

— Хорошо, дядя Аксель, — согласился я.

— Станешь постарше — поймешь, как это важно!

Он настойчиво уговаривал меня взять такое же обещание с Розалинды, и я ничего не сказал ему про остальных — он и так уже был сильно взволнован. Но я решил взять со всех обещание молчать. А пока мы с ним снова пожали друг другу руки и дали клятву никому ничего не рассказывать.

В тот же вечер мы обсудили все с Розалиндой и остальными. Ощущение, давно уже жившее в каждом из нас, определилось: видимо, все мы нет-нет да и навлекали на себя подозрение, или недоверчивый взгляд, или еще что. Эти-то взгляды и удержали нас от большой беды. Мы никогда не договаривались о том, как себя вести, нет; но каждый из нас был осторожен — наверное, срабатывал все тот же инстинкт самосохранения. А теперь, после того как дядя Аксель с таким волнением настаивал на необходимости сохранять тайну, мы все ощутили опасность куда сильнее. Она не имела определенной формы и тем не менее была вполне реальна. Более того, передавая другим, как сильно беспокоился дядя Аксель, я будто затрагивал островки страха, жившие в нас. Никто не возражал. Все охотно дали клятву — все были рады разделить общее бремя. Впервые мы что-то предприняли группой. Нет, мы стали группой, признав свою отделенность от остальных людей и ответственность друг перед другом. С того момента жизнь наша изменилась, мы стремились уже к сохранению своего вида, хотя тогда еще и не могли этого понять. Тогда, казалось, главное — это возникшее в нас ощущение общности...

Почти сразу вслед за таким событием в моей жизни произошло еще одно, имевшее значение для всего поселения: большой набег из Окраин.

Как всегда, единого плана защиты не оказалось. Были назначены штабы в разных секторах; всем взрослым мужчинам по сигналу тревоги надлежало явиться в свой штаб, где им скажут, насколько серьезно нападение и какие меры следует принять. Пока на нас нападали небольшие группы, такая система действовала, но когда жители Окраин объединились под водительством способных воинов, нам нечего

было им противопоставить. Они продвинулись довольно далеко, уничтожая нашу вооруженную охрану, грабя население и не встречая серьезного сопротивления, так что они успели пройти миль двадцать пять по освоенным землям.

К тому времени мы смогли собраться с силами, да и люди из соседних округов организовали защиту. Мы были лучше вооружены, у многих были ружья, а у нападавших — только луки, ножи, копья да что-то из награбленного. Однако их было так много, что бороться с ними оказалось нелегко. Они прекрасно ориентировались в лесу и умели прятаться лучше, чем настоящие люди, так что им удалось продвигаться еще ближе к нам, прежде чем мы сумели вовлечь их в большую битву.

Мальчишек все это возбуждало. Враги находились миль за семь от нас, и наш двор в Вакнуке тщательно укрепляли, у нас проходили сборы, подготовка к бою. Отца в самом начале военных действий ранили стрелой в руку, так что он оставался дома, помогая организовать людей в подразделения.

Когда все уехали, вокруг стало неестественно тихо. Затем появился одинокий всадник. Он побыл у нас недолго, рассказал, что врагов разгромили, часть их вождей захватили в плен, а потом умчался дальше. В тот же день в наш двор въехала группа вооруженных людей, они везли двух пленных.

Я бросил все, чем занимался, и помчался на них посмотреть. На первый взгляд ничего интересного. После всех рассказов об Окраинах я ожидал увидеть двухголовых, или мохнатых, или многоногих-многоруких существ. Но эти.. На первый взгляд обычные бородатые мужчины. Правда, невероятно грязные и оборванные. Один — светловолосый, и волосы у него росли кустиками, словно он не стригся, а отсекал их ножом. А второй... Я просто остолбенел, когда его увидел. Обо всем забыл, стоял и таращился: одеть его прилично, причесать, подстричь бороду — вылитый мой отец!..

Он озирался вокруг, сидя на лошади, и тут заметил меня. Глаза его скользнули мимо, но тут же снова вернулись ко мне. Станный, непонятный взгляд...

Он открыл рот, будто собираясь заговорить, однако из дома вышло несколько человек, и среди них мой отец, с рукой на перевязи.

Я увидел, как отец остановился на крыльце, озирая всадников, потом тоже заметил человека в центре группы. Сначала он замер, как и я, потом вдруг кровь отхлынула у него от лица и он весь посерел.

Я быстро глянул на пленного. Тот неподвижно сидел на коне, но лицо у него стало такое, что у меня перехватило горло. Я никогда еще не встречал столь явную ненависть: все морщины у него сразу резко выступили, глаза засверкали, зубы оскалились, как у дикого зверя. Меня будто ударили; я увидел и понял нечто прежде неведомое, нечто жуткое, и запомнил это на всю жизнь...

Отец ухватился здоровой рукой за притолоку, постоял так секунду, вид у него стал и вовсе больной; потом повернулся и вошел в дом.

Пленнику освободили руки. Он спрыгнул с коня, и тогда я понял, чем он отличается от людей. Он возвышался над всеми чуть не на два фута, но не потому, что был гигантом. Если бы у него были правильные ноги, вряд ли пленник был бы выше моего отца. Ноги же у него были чудовищно длинные и тонкие, и руки оказались такими же. Получеловек, полупаук...

Ему дали поесть и попить. Он сел на скамейку, и его острые колени задрались почти до плеч. Он окинул взглядом двор, замечая все вокруг, и снова остановил на мне взгляд. Затем поманил меня пальцем. Я сделал вид, что не понял. Он вновь поманил меня. Мне стало стыдно за свой страх и я подошел.

— Как тебя зовут, мальчик? — спросил пленник

— Дэвид. Дэвид Сторм.

Он кивнул, чем-то довольный.

— А тот мужчина, с рукой на перевязи, наверное, твой отец — Джозеф Сторм, да?

— Да.

Он снова кивнул, оглядел дом и пристройки:

— Значит, это Вакнук?

— Да.

Не знаю, стал ли бы он еще расспрашивать, но тут меня отправили в дом. Вскоре они все уехали, и человек-паук с ними. Я был рад их отъезду. Моя первая встреча с жителем Окраин получилась не особо впечатляющей, но очень неприятной.

Позднее я слышал, что пленникам удалось сбежать в ту же ночь. Не помню, кто мне сказал об этом. Только не отец.

Он никогда не поминал тот день, а у меня никогда не хватало мужества спросить.

Кажется, совсем немного времени минуло после нападения, а отец снова ввязался в ссору с моим дядей Энгусом Мортонем.

Они воевали на протяжении многих лет. Отец как-то заявил, что если у Энгуса Мортоня и есть принципы, они столь гибки и неустойчивы, что угрожают благочестию всей общины. А Энгус, по слухам, ответил, что Джозеф Сторм — педант с кремневым сердцем, да еще и фанатичен до крайности. Неудивительно, что ссора могла произойти на любой почве. На сей раз основанием для нее послужили конигиганты.

Слухи о таких конях доходили и до нас, хотя мы никогда их не видели. Отец не мог отрешиться от мыслей о них, а узнав, что Энгус покупает таких коней, отправился смотреть. Все его подозрения подтвердились. Едва он увидел огромных коней, высотой в двадцать шесть ладоней, как сразу понял, что они Неправильные. Он с отвращением отвернулся от них и направился к инспектору — с требованием, чтобы их уничтожили, как Нарушения.

— Вы не правы, — возразил инспектор. — Они одобрены правительством, так что я тут власти не имею.

— Не верю, — ответил отец. — Господь не мог создать таких коней. Правительство не могло их одобрить.

— Могло, — подтвердил инспектор. — Более того, Энгус говорил мне, что он запасся их заверенными родословными, зная своих соседей.

— Конечно, кое-кому они понравятся! — сердито воскликнул отец. — Такое чудище может заменить двух, а то и трех обычных лошадей. Но это не значит, что они Правильные. Такой конь не может быть созданием божьим, значит, это Нарушение и его нужно уничтожить.

— В официальном документе сказано, что они получены путем скрещивания крупных особей. Попробуйте отыскать в них хоть один недостаток.

— Но они Неправильные! Богобоязненная община всегда понимает, в чем Нарушение, и борется с ним! Уж если правительство не знает, каковы должны быть твари господни, то мы-то знаем!

— Как в случае с кошкой Дакерсов? — усмехнулся инспектор.

Отец гневно воззрился на него. То дело все еще не давало ему покоя.

Примерно год назад он узнал, что у жены Бена Дакерса есть бесхвостая кошка. Он провел расследование и выяснил, что у этой кошки никогда не было хвоста. Тогда, как мировой судья, он потребовал уничтожить Нарушение. Но Дакерс подал на отца жалобу, и отец так рассердился, что сам уничтожил кошку, не дожидаясь, пока придет официальный ответ. Когда же получили официальный ответ, подтверждавший существование в природе бесхвостых кошек, положение отца оказалось очень неловким, да еще и компенсацию пришлось платить. Кроме того, он был вынужден принести публичное извинение, не то лишился бы своего поста.

— Нет, тут дело совсем другое, — резко возразил отец инспектору.

— Послушайте, — терпеливо сказал инспектор, — эти кони санкционированы. Если вам недостаточно такого свидетельства, пойдите и пристрелите их, а там посмотрим, что с вами будет.

— Ваша обязанность — издать приказ об этих так называемых конях! — настаивал отец.

И тут инспектору надоело.

— Моя обязанность — охранять их от дураков и фанатиков, — отрезал он.

Отец не ударил инспектора, но, видно, дело почти дошло до того. Несколько дней он кипел от ярости, а в ближайшее воскресенье прочел нам проповедь о терпимости к мутантам, угрожавшей чистоте нашей общины. Он призывал бойкотировать владельца Нарушений, намекал на аморальность в высоких сферах, уверял, что кое-кто уже сочувствует мутантам, и в заключение покрыл позором «беспринципного наемника беспринципных хозяев», местного представителя сил зла.

Хотя у инспектора и не было кафедры, с которой он мог бы ответить, но все же многие его замечания о преследовании, презрении к властям, фанатизме, религиозной мании, законе о клевете и возможных последствиях прямого выступления против властей, против постановления правительства широко разошлись по округу.

Видимо, последний пункт его едких замечаний удержал отца от действий. У него хватило хлопот и расходов с кошкой Дакерсов, но кошка-то стоила немного, а конигиганты обошлись бы куда дороже. Кроме того, Энгус Мортон не из тех, кто упустил бы случай добиться наказания..

Словом, атмосфера в доме стояла такая, что так и хотелось оттуда сбежать.

С тех пор как вновь воцарилось спокойствие и в округе не бродили чужаки, родители Софи стали отпускать ее на прогулки, когда мог, и я вырывался из дома.

Софи, конечно, не ходила в школу. Даже если бы у нее была подложная справка, ее тайну все равно бы скоро раскрыли. А у родителей Софи, хоть они обучили ее читать и писать, почти не было книг. Потому-то мы много разговаривали во время прогулок, вернее, говорил я, пытаюсь передать ей все, что узнавал из уроков и из Книг.

Мир, рассказывал я ей, очевидно, довольно велик, может быть, круглой формы. Цивилизованная его часть называется Лабрадор, а Вакнук — лишь небольшой его уголок. Считалось, что так называли мир еще Прежние, хотя никто ничего не знал наверняка. Лабрадор весь окружен водой, называемой морем, там водятся рыбы. Никто из моих знакомых не видел моря, кроме дяди Акселя. Море было далеко, но если проехать миль триста к востоку, северу или северо-востоку, вы наверняка до него доберетесь. А вот если ехать на юг или юго-запад, то никуда не попадешь — или убьют жители Окраин, или погибнешь в Плохих Краях.

Еще говорили, будто в прежние времена в Лабрадоре было так холодно, что тут почти никто и не жил, только добывали какие-то таинственные вещества прямо из земли да деревья выращивали. Но если такое и было, то очень давно. Тысяча лет назад? Две тысячи? Люди гадали, да точно никто не знал. Неизвестно, сколько поколений провели жизнь в полном одичании со времен Кары и до начала Новой истории. От варварских эпох остались лишь «Раскалания» Николсона, да и то лишь потому, что они несколько столетий пролежали в каменном ящике. А от Прежних Людей сохранилась лишь Библия.

Помимо тех времен, о которых рассказывалось в двух книгах, были известны три столетия нашей истории, а за ними — забвение. Из пустоты протягивались нити легенд, но и они поистрепались за годы странствий из памяти в память. Название Лабрадор, например, пришло к нам из уст

в уста, его нет ни в Библии, ни в «Раскаяниях». Может, о холодах легенды говорят правду, хотя теперь у нас всего два зимних месяца; но тут причиной может быть Кара — она что угодно объясняет...

Долгое время велись споры о том, есть ли жизнь еще где-нибудь кроме Лабрадора да большого острова Ньюфаундленда. Считалось, что все остальное — это Плохие Края, принявшие на себя весь удар Кары. Потом выяснилось насчет Окраин. Конечно, там жили не настоящие люди, а одни Отступления, закона божьего они не знали, и покорить их было пока невозможно. Но позднее — как знать? Если Плохие Края и правда потихоньку сокращаются, то со временем мы все покорим.

Не так уж много было известно о нашем мире, но все же такие уроки получались куда интереснее, чем Этика, был у нас и такой воскресный класс. Этика — о том, что можно и чего нельзя. Большинство «нельзя» совпадали с теми, о которых дома неустанно твердил отец. Но почему-то причины запретов оказывались разными, и меня это сбивало с толку.

В соответствии с Этикой, человечество — то есть мы — пытались снова войти в милость к Господу нашему. Мы карабкались по узенькой, но верной тропе к тем вершинам, с которых упали. От нашего верного пути ответвлялись другие, на вид более легкие, но они не являлись верными, а вели прямо в пропасть. С помощью Господа нашего мы вернем себе все, что утеряли. Тропа наша трудна, человек не может полагаться только на себя. Лишь власть имущие вправе решать, правильно ли мы движемся.

Мы искупим вину, и с нас снимут Кару. Если мы сумеем противостоять искушениям, нас ждет награда — прощение. И возврат Золотого Века. Такие Кары уже насылались на Землю: изгнание из Рая, Потоп, эпидемии, разрушения городов. Нынешняя Кара — самая страшная. Наверное, первое время казалось, что она превосходит все предыдущие несчастья вместе взятые. Почему ее наслал Господь, пока было неясно. Скорее всего Каре предшествовал период высокомерного презрения к религии, как и перед прошлыми Карами.

Большинство бесчисленных правил и примеров в Этике можно было бы объяснить так: цель и обязанность человека — неустанно бороться со злом, которое обрушилось на нас после Кары. Превыше всего — следование Норме.

Но об этом я Софи не рассказывал. Не то чтобы я считал Софи Отклонением или Отступлением от Нормы, но все же чем-то она от меня отличалась, так? В общем, нам с ней и без того хватало тем для разговоров.

ГЛАВА 5

Похоже, мое отсутствие никого в Вакнуке не волновало, но стоило попасться на глаза, и меня немедленно при-страивали к делу.

Сезон удался, дни были солнечные, хотя и дождей выпадало изрядно.

Даже фермерам не на что было жаловаться — только трудиться приходилось много, чтобы скорее уничтожить последствия набега. Если не считать овец, число Нарушений тоже всю весну оставалось чрезвычайно низким. Урожай и вовсе удался настолько правильный, что инспектор приказал сжечь лишь одно из полей Энгуса Мортонa, да и среди овощей оказалось совсем мало Отступлений. Похоже было, что в этот сезон мы поставим рекорд по Чистоте. Даже мой отец осмелился сказать, что Вакнук как будто бы отогнал силы Зла и что нужно воздать хвалу Господу. Наказан-то был лишь один хозяин — владелец коней-гигантов, а не вся община.

Все были постоянно заняты, так что мне удавалось улизнуть из дома довольно рано. В длинные летние дни мы с Софи бегали больше и дальше, чем раньше, хотя и старались соблюдать осторожность, придерживаясь мало используемых тропок, чтобы никого не встретить. Софи так воспитали, что она сразу робела, встречая чужих, это был почти инстинкт. Человек не успевал еще показаться, как она бесшумно исчезала. Она подружилась только с Корки, что присматривал за паровой машиной, остальные ее пугали.

Мы нашли небольшой галечный пляж. Я часто снимал башмаки, закатывал штаны и шлепал по воде, заглядывая во все ямки. Софи сидела на большом плоском валуне, выступавшем из воды, и тоскливо следила за мной глазами. Потом мы стали ходить туда с двумя маленькими сачками, нам их сделала миссис Вендер, и с банкой, куда можно было сложить добычу. Я шлепал по воде, вылавливая крошечных креветок, а Софи пыталась достать их с берега. Ей никак это не удавалось. Вскоре она сдалась и просто сидела на камне, с завистью глядя на меня. Наконец, осмелившись,

она стянула башмак и задумчиво посмотрела на свои пальцы. Потом сняла второй башмак, закатала штаны и вошла в воду. Она немного постояла так, глядя сквозь воду на свои ступни. Я позвал ее.

— Иди сюда, тут их много.

Софи зашлепала по воде, смеясь от возбуждения. Навозившись, мы уселись на камень, болтая ногами.

— Они не совсем страшные, правда? — спросила она, критически рассматривая свои пальцы.

— Они совсем не страшные! Мои по сравнению с ними такие шишковатые! — ответил я убежденно, и она явно обрадовалась.

Через несколько дней мы снова отправились на пляж. Поставив банку на камень, рядом с башмаками, мы носились взад-вперед, ничего не замечая, как вдруг раздался голос.

— Привет, Дэвид!

Я поднял глаза, чувствуя, как рядом окаменела Софи.

На берегу стоял парень — Алан, сын Джона Эрвина, кузнеца, года на два старше меня. Самообладания я не потерял.

— О, привет, Алан.

Потом я подобрался к камню и кинул Софи башмаки: один она поймала в воздухе, второй вытащила из воды.

— Что вы тут делаете?

— Креветок ловим.

Отвечая, я выбрался на камень. Я и в лучшие времена не очень жаловал Алана, а сейчас он был мне вовсе ни к чему.

— Они же ни на что не годятся, лучше уж рыбу ловить, — с презрением сказал он.

Он поглядел на Софи. Она шла к берегу, держась от нас подальше.

— Кто она?

Я нагнулся, надевая башмаки, и не сразу ответил, дожидаясь, пока Софи исчезнет в кустах.

— Кто она? — повторил Алан. — Она не — он внезапно замолк.

Я заметил, что он вытаращился на песок, и быстро обернулся. На камне остался непросохший отпечаток — все шесть пальцев. Я опрокинул банку, вода и пляшущие креветки стерли след, но я знал, что случилось непоправимое. Сердце у меня упало.

— Ого! — сказал Алан, и глаза его сверкнули — Так кто она?

— Моя подружка.

— Как ее зовут?

Я молчал.

— Все равно узнаю, — ухмыльнулся он

— Не твое дело!

Он не обратил на мои слова внимания, повернулся и уставился в том направлении, куда ушла Софи

Я взбежал вверх и кинулся на него. Алан был крупнее меня, однако мое нападение было полной неожиданностью, и мы оба свалились. Дрался я плохо, но ярость придала мне сил, и я молотил кулаками куда придется. Мне надо было задержать его, чтобы Софи успела надеть башмаки и скрыться, а уж потом-то ее не найти. Он вмиг оправился от первого изумления и пару раз дал мне по лицу, что сразу заставило меня забыть о Софи — теперь уж я защищал себя.

Мы сцепились и катались по земле, я продолжал молотить куда попало, но Алан был много тяжелее. Силы мои иссякали, однако кое-чего я добился: не дал ему сразу ринуться в погоню за Софи. Наконец он уселся на меня верхом и стал меня лупить, а я никак не мог выкрутиться, только пинался и вертелся, пытаюсь защитить голову от его ударов. Как вдруг он издал вопль и свалился, я спихнул его, сел и увидел, что рядом стоит Софи с булыжником в руке

— Я его стукнула, — гордо сказала она. — Как думаешь, он мертв?

Да, она его и правда ударила. Лицо Алана побелело, по щеке стекала струйка крови, но все же он дышал, значит, не умер.

— О Господи! — Софи выронила камень.

Мы поглядели на Алана, потом друг на друга. Кажется, нам обоим хотелось помочь ему, но мы не решались

«Никто не должен знать — никто!» — внушала нам мисс Вендер. А теперь Алан знал, и мы испугались

Я поднялся, схватил Софи за руку и потащил ее прочь.

Джон Вендер терпеливо выслушал нас

— Ты уверен, что он видел? Может, он заинтересовался Софи, потому что не знал ее?

— Нет, он заметил отпечаток и потому хотел поймать ее

Вендер медленно кивнул:

— Понимаю...

Я подивился его спокойствию.

Он посмотрел на нас. Глаза у Софи расширились, сверкая от страха и возбуждения. А у меня, наверное, глаза покраснели и лицо было грязное.

Вендер повернулся к жене.

— Боюсь, пришло, милая, — произнес он. — Пришло время.

Миссис Вендер побледнела, расстроилась.

— Мне жаль, Мэри, но ничего не поделаешь. Мы ведь знали, что этот день все равно придет. Слава Богу, сегодня я остался дома... Долго ты будешь собираться?

— Нет, Джон. У меня давно все готово.

— Ну что ж, тогда займись.

Он обошел стол, обнял и поцеловал ее. На глаза миссис Вендер навернулись слезы:

— О Джон, почему ты так добр ко мне, ведь я принесла тебе только...

Но он снова поцеловал ее, они молча посмотрели друг на друга, а потом повернулись к Софи.

Миссис Вендер тут же взяла себя в руки. Она вынула из буфета еду и поставила на стол.

— Умойтесь-ка, грязнули, да поешьте!

Умываясь, я все же спросил:

— Миссис Вендер, если все дело в пальцах Софи, почему вы не отрезали их, когда она была совсем маленькой?

— Остались бы следы, Дэвид, и люди бы сразу догадались, в чем дело. Ну, ешьте поскорее!

— Мы уезжаем! — сообщила мне Софи с набитым ртом.

— Уезжаете? — глупо повторил я.

— Конечно. Мама говорила, что, если кто-то узнает обо мне; нам сразу придется бежать. Когда ты пришел в первый раз, они тоже сразу хотели уехать.

— Но... сразу? И вы никогда не вернетесь?

— Наверное.

До того я хотел есть, но тут у меня весь аппетит пропал. Я сидел за столом, ковыряя вилкой в тарелке. Слышно было, как взрослые быстро ходят по дому, хлопая то тем, то другим. Звуки казались мне угрожающими. Я посмотрел через стол на Софи. В горле комок застрял, я никак не мог его проглотить.

— И куда? — спросил я грустно.

— Не знаю... далеко.

Мы продолжали сидеть. Софи ела, болтала, а я и есть не мог. Все вокруг внезапно почернело. Я знал, что кончается что-то хорошее, и мне стало так грустно, что я с трудом сдерживал слезы.

Миссис Вендер внесла несколько мешков и пакетов, положила их возле двери и снова вышла. Я мрачно следил за ней. Мистер Вендер вошел с улицы, собрал все и вышел. Миссис Вендер вошла, взяла Софи за руку и увела ее в другую комнату. Снова вошел мистер Вендер, взял еще мешки, и я направился за ним во двор.

Кони, Спот и Сэнди, терпеливо стояли на месте, пока он пристраивал поклажу. Я спросил, почему они не берут повозку, но мистер Вендер покачал головой:

— С повозкой нужно ехать по проторенной дороге, а на коне — где угодно.

Я постоял рядом, собираясь с духом, и наконец выпалил:

— Мистер Вендер, нельзя ли и мне с вами?

Он замер, поглядел на меня. С минуту мы молчали, потом он медленно, с жалостью покачал головой. Наверное, он заметил, что из глаз моих вот-вот польются слезы, потому что положил руку мне на плечо и повел в дом.

Миссис Вендер стояла посреди комнаты, видимо, вспоминая, что еще нужно взять с собой.

— Он хочет ехать с нами, Мэри, — сообщил ей мистер Вендер.

Она опустилась на табуретку, протягивая ко мне руки, и я подбежал, не в силах говорить.

— О Джонни, я боюсь за него! Этот ужасный отец!

Теперь я был так близко, что слышал ее мысли. Они неслись очень быстро, но понимать их мне было легче, чем слова. Она искренне хотела бы взять меня с собой, но этого делать было нельзя. Я уже знал ответ — до того, как мистер Вендер промолвил:

— Понимаю, Мэри. Но я боюсь за Софи. И за тебя. Если нас поймут, то обвинят не только в сокрытии, но и в похищении детей...

— Если они отберут Софи, мне будет все равно, Джонни.

— Милая, если нам удастся выбраться из округа, им станет на нас наплевать. Но если мы увезем с собой сына Стормы, он поднимет шум и крик на сотни миль кругом, и нам не спастись. Они наставят постов везде, а мы ведь не можем так рисковать жизнью Софи, верно?

Миссис Вендер помолчала. Я чувствовал, что и она сама уже все поняла. Она крепко обняла меня:

— Дэвид, ты ведь понимаешь? Твой отец рассердится, и мы не сумеем спрятать Софи в безопасное место. Я бы взяла тебя с собой, но мы не смеем — ради Софи. Мужайся, мальчик. Ведь ты ее единственный друг, и ты будешь мужественным ради нее, правда?

Слова казались мне такими неуклюжими! Ее мысли были куда яснее, и я уже принял неизбежное решение. Говорить я не мог — только кивнул и прижался к ней, а она обняла меня так, как никогда не обнимала моя собственная мать.

В сумерках сборы закончились. Мистер Вендер отвел меня в сторону.

— Дэвид, — обратился он ко мне — как мужчина к мужчине. — Я знаю, ты привязан к Софи. Ты защищал ее, как герой. Ты и теперь мог бы ей помочь.

— Конечно, мистер Вендер, но чем?

— А вот чем. Мы уедем, а ты, если можешь, побудь здесь до утра. Мы сможем подальше отъехать... Сделаешь?

— Да.

Мы пожали друг другу руки, и я почувствовал себя сильнее. Я отвечал за нее и за себя, как в тот первый день, когда она подвернула ногу.

Софи, прощаясь, сунула мне что-то в руку. На ладони у меня лежал темный локон. Она крепко обняла и поцеловала меня, а потом отец усадил ее на коня. Миссис Вендер тоже поцеловала меня.

— Прощай, милый Дэвид, — она нежно коснулась моей щеки. — Мы тебя никогда не забудем, — добавила она, и глаза ее заблестели.

Они отправились в путь. Джон Вендер вел коней, придерживая свободной рукой жену, а на спине его висело охотничье ружье. Один раз они приостановились, помахали мне и исчезли в лесу.

Солнце поднялось довольно высоко, все уже были в поле, когда я вернулся домой. Во дворе никого не было, но у конюязи стоял инспекторский пони, и я догадался, что отец дома.

Я надеялся, что отсутствовал достаточно долго. Ночь прошла плохо. То есть остался-то я безбоязненно, но в темноте мне стало не по себе. Я никогда еще не ночевал вне дома. Там все было знакомо, а опустевший дом Вендеров, казалось, вдруг наполнился странными звуками. Я нашел свечи и зажег их, еще я развел огонь в очаге, но все равно мне постоянно что-то слышалось. Я долго сидел на табуретке, прислонившись к стене, так, чтобы никто и ничто не в силах было ко мне сзади приблизиться. Несколько раз мужество покидало меня, и мне хотелось сбежать оттуда. Удерживали же меня не только данное Вендерам обещание и безопасность Софи, но и темнота снаружи, и чуждые звуки в ней.

Потом я уснул, а когда проснулся, солнце светило мне прямо в лицо. Я доел хлеб, оставшийся от ужина, но все равно есть хотелось. Добежав до дома, я хотел незамеченным проскользнуть к себе, чтобы притвориться, будто проспал. Но мне не повезло: Мэри заметила меня и окликнула из окна кухни.

— А ну иди сюда! Тебя всю ночь искали. Где ты был? Отец рвет и мечет! Беги к нему, а то еще хуже будет.

Отец сидел вместе с инспектором в комнате, где собирались лишь в исключительных случаях. Я, должно быть, пришел в критический момент. Инспектор-то выглядел как обычно, а вот отец...

— Иди сюда! — рявкнул он, едва я показался на пороге. Я неохотно приблизился.

— Где ты был? Где ты пропадал всю ночь?!

Я молчал.

Распалаясь, он продолжал спрашивать, но я молчал.

— Подойди! Упорство тебе не поможет! Что это за ребенок — это исчадие?! С кем ты вчера играл?

Я молчал.

Он гневно смотрел на меня. Таким я его еще не видел. Мне стало дурно от страха.

Тут вмешался инспектор. Тихо, спокойно он сказал:

— Знаешь, Дэвид, сокрытие Отступления в человеке — очень серьезное преступление, людей за это в тюрьму сажают. Мне должны докладывать обо всех Нарушениях. Даже если кажется, что Отступление совсем маленькое, я должен о нем знать. Юный Эрвин вряд ли ошибся — у девочки на ногах шесть пальцев, так?

— Нет!

— Он лжет! — вмешался отец.

— Понятно, — спокойно ответил инспектор. — Ну а если это не так, что плохого, если мы узнаем, кто она?

Тут я решил, что лучше всего молчать. Мы уставились друг на друга.

— Ты ведь понимаешь? Если это неправда... — продолжал уговаривать меня инспектор, но отец прервал его:

— Мальчишка врет. Я сам с ним поговорю. Иди к себе!

Я заколебался, зная, что означает его приказ. Знал я и то, что в теперешнем состоянии отца никакой роли не играет, сознаюсь я или нет. Стиснув зубы, я пошел к дверям. Отец шагнул за мной, взяв со стола кнут.

— Это, — резко произнес инспектор, — мой кнут.

Отец, казалось, не слышал.

Инспектор встал.

— Это мой кнут, — повторил он.

Отец остановился, швырнул кнут на стол. И пошел за мной.

Не знаю, где в таких случаях пряталась мать — может, она боялась отца? Пришла Мэри и, всхлипывая, обмыла мне спину. Она поплакала, помогая мне лечь в постель, потом попыталась напоить меня с ложки бульоном. Перед ней-то я храбрился, но едва она вышла, слезы так и полились в подушку. Конечно, мне было больно, но еще сильнее я страдал от горя, презрения к себе и унижения. Давясь от слез, совершенно раздавленный, я стискивал в кулаке темный локон.

— Софи, я не смог, — рыдал я в одиночестве, — не смог!..

ГЛАВА 6

К вечеру я успокоился и тогда почувствовал, как Розалинда пытается поговорить со мной, да и остальные тоже. Я сказал им про Софи. Теперь это уже не тайна. Ощувив их потрясение, я попытался объяснить им, что человек с небольшим Отклонением вовсе не чудовище, как нам всегда твердили. Но теперь-то для Софи разницы не было!

Меня выслушали с сомнением. Они понимали, что я говорю правду, но ведь нас всех одинаково учили с младенчества... Однако когда говоришь с кем-то мысленно, лгать не

можешь. Поэтому они мне поверили и попытались принять новую идею: Отступление, Отклонение, Нарушение — совсем не обязательно страшное, мерзкое зло. Не очень им это удалось. Да и утешить меня они не могли, поэтому постепенно отключились, и я понял, что все спят — кроме меня.

Я все лежал, представляя себе, как Софи и ее родители пробираются к Окраинам, к сомнительной безопасности. Я отчаянно надеялся, что они уже далеко и мое предательство не погубит их.

А когда сон все же пришел, меня обступили лица и люди. Мне снова приснилось, как отец расправляется с Нарушением, и, когда он занес нож над Софи, я проснулся от собственного вопля. Я так напугался, что не решался уснуть, но все же провалился в сон. Теперь мне привиделся большой город, широкие улицы и летающие штуки. Давно мне такого не снилось, а город был все такой же, и почему-то он меня утешил.

Мать заглянула утром, вид у нее был отсутствующий и недовольный. Потом пришла Мэри и запретила мне вставать. Мне пришлось лежать на животе и поменьше вертеться, чтобы спина быстрее заживала. Я покорно согласился с ее наставлениями, так и правда было легче. Я лежал, размышляя, что взять с собой, когда удастся убежать из дома. Лучше всего, пожалуй, увести коня да уехать в Окраины.

Днем заглянул инспектор, принес пакетик липких леденцов. Я хотел было расспросить его об Окраинах, однако потом решил, что не надо — еще догадается.

Он обращался со мной весьма дружелюбно, но у него было дело, и он вскоре начал расспрашивать меня:

— Давно ли ты с девочкой познакомился — кстати, как ее зовут?

Теперь можно было и сказать.

— И как долго ты знал, что она Отклонение?

Похоже, правда мне не повредит.

— Довольно давно, — промолвил я.

— Сколько же?

— С полгода.

Он удивленно поднял брови.

— О, совсем плохо, это называется злостное укрывательство. Ты же знал, что она отклоняется от Нормы, так?

Я опустил глаза, поерзал и перестал — очень больно было.

— Но это... ну, совсем другое, чем то, что нам рассказывали, — попытался объяснить я. — Такие крошечные пальчики!

Инспектор взял себе леденец, протянул мне пакетик.

— «.. и на каждой ступне должно быть пять пальцев», — процитировал он. — Помнишь?

— Да, — неохотно признал я

— Ну вот, каждая часть определения Нормы так же важна, как любая другая, и если ребенок в чем-то отступает от Нормы, значит, у него нет души. Он сотворен не по образу и подобию Господа; это просто имитация, подражание, и потому в нем допущена ошибка. Только Господь может сотворить совершенство. Отступления могут выглядеть совсем как мы, но они все же не люди, они другие.

Обдумав его слова, я возразил.

— Но Софи-то не другая — лишь в этом!

— Станешь старше — поймешь. Ты уже знаешь определение Нормы, ты ведь сразу понял, что Софи отклоняется. Почему же ты не рассказал о ней отцу — или мне?

Я рассказал ему свой сон. Инспектор помолчал, потом кивнул:

— Ясно. Но человеческие Отступления — не то что животные.

— А что с ними делают?

Он уклонился от ответа:

— Знаешь, мне положено включить твое имя в свой список. С другой стороны, отец уже крепко тебя наказал, так что я, может быть, и не стану... Однако дело серьезное. Дьявол посылает к нам Отклонения, чтобы совлечь нас с пути истинного. Иногда ему удается сделать почти точную копию человека, так что нам приходится постоянно следить за малейшими недостатками. Увидишь ошибку, даже самую крошечную, — немедленно сообщи. Запомнишь?

Я не смел взглянуть ему в глаза. Инспектор — лицо важное. Но я не верил, что Софи послал сам дьявол. И не понимал, при чем тут маленькие пальчики на ее ногах.

— Софи ведь была моим другом — лучшим другом, — сказал я.

Инспектор продолжал смотреть на меня, потом покачал головой:

— Преданность — дело хорошее, и все же бывает так, что человек ее неверно понимает. Когда-нибудь ты осо-

знаешь, что нужно быть преданным одному делу — чистоте расы...

Тут дверь отворилась, и вошел мой отец.

— Их поймали! — сообщил он инспектору, с отвращением взглянув на меня.

Инспектор сразу вскочил, и они вышли.

Я уставился на закрытую дверь, трясаясь от стыда. Слезы покатались из глаз, я зарыдал и никак не мог остановиться, забыв даже про больную спину. Новость, сообщенная отцом, оказалась куда болезненнее. Сердце так сжалось, что было не вздохнуть.

Но вот снова отворилась дверь, я быстро отвернулся к стене. На плечо мне опустилась рука, и голос инспектора произнес:

— Ты ни при чем, старина. Их случайно остановил патруль — миль за двадцать отсюда.

Через пару дней я сообщил дяде Акселю:

— Я хочу убежать из дома.

Он прервал работу, задумчиво глядя на меня:

— Я бы не стал, обычно это плохо кончается. Куда ты собрался?

— Да я вас хотел спросить.

Он покачал головой:

— Куда бы ты ни попал, с тебя сразу потребуют удостоверение о соответствии Норме. А из него они тут же узнают, кто ты.

— А в Окраинах?

Он уставился на меня:

— Черт возьми, там тебе нечего делать! Да у них даже еды не хватает, они постоянно голодают, потому-то и совершают набеги. Нет, там тебе придется вести постоянную борьбу за выживание.

— А в других местах?

— Туда можно попасть лишь на корабле, да и то... — Он вновь покачал головой. — Насколько я знаю, если сбегаешь от того, что тебе не нравится, то и на новом месте будет так же. Конечно, если бы было куда — но некуда. Послушай меня, здесь лучше, чем во многих других местах. Нет, Дэви, не советую. Через несколько лет ты станешь взрослым, и все изменится. По-моему, лучше уж потерпеть, — лучше, потому что, если сбежишь, тебя сразу поймают и приволокут обратно.

В этом что-то было. Я уже понял смысл слова «унижение». Но судя по тому, что он сказал, я и через несколько лет вряд ли пойму, куда бежать. Надо бы побольше узнать о мире.

Я спросил его, и он ответил:

— За Лабрадором совсем не верят в Бога.

Так мог бы ответить и мой отец, о чем я сказал дяде. Он усмехнулся:

— Ладно, Дэвид, если не будешь болтать, я тебе кое-что расскажу.

— Это что, тайна? — спросил я в недоумении.

— Не совсем. Но бывает так, что люди привыкли во что-то верить. И священники хотят, чтобы они продолжали верить. Никто не скажет «спасибо», если расскажешь нечто новое, только беду на себя накличешь. Моряки в Риге быстро это поняли, так что теперь они делятся лишь с другими моряками. Если людям хочется думать, что вокруг одни Плохие Края, пусть. От их мыслей ведь ничего не меняется, а нам спокойнее.

— Но и в учебнике тоже написано, что есть лишь Плохие Края да Окраины.

— А есть и другие книги, просто ты их не видел. Да и в Риге их немного. Кроме того, нельзя верить всем рассказам моряков. Но я-то повидал кое-что и знаю: мир куда удивительнее, чем мы тут себе представляем. Ну что, будешь молчать?

— Буду!

— Ладно, слушай... Если отплыть из Риге по реке, попадаешь в море. На восток плыть нельзя, море или бесконечно, или кончается, и корабль может свалиться с земли — точно никто не знает.

Если же плыть к северу, держась вдоль берега, приплывешь на другую сторону Лабрадора. Можно плыть и прямо на север, никуда не сворачивая. Тогда окажешься в холодных краях, там много островов, живут на них лишь птицы да животные.

Говорят, на северо-востоке есть земля, где растения не сильно отклоняются от Нормы, люди и животные не выглядят неправильными, но их женщины слишком рослые и сильные. Они сами правят своей землей и выполняют всю тяжелую работу, мужчин до двадцати четырех лет держат в клетках, а потом съедают. Едят они и моряков, потерпевших кораблекрушение. Хотя никто никогда не встречал людей.

побывавших там, и трудно сказать, на чем основаны такие сведения. С другой стороны, нет и таких, кто бы вернулся да опроверг слухи.

Сам-то я бывал лишь на юге, плавал туда трижды. Нужно положить право руля, выбравшись из реки, и двигаться близко к берегу. Через сотню-другую миль попадешь в залив Ньюфа, можно зайти в порт Ларк, пополнить запасы пресной воды и продуктов — если жители Ньюфа позволят. Затем нужно двигаться на юго-восток, затем на юг, снова вдоль побережья и снова право руля. Ну, там сплошь идут Плохие Края или совсем Плохие Окраины. Много всего растет, но с корабля ясно видно, что все отклоняется от Нормы. Есть там и животные, только большинство их ни на что не похоже, ясно, что Нарушения, трудно назвать — какие...

Дальше сплошь Плохие Края. Когда моряки впервые увидели те земли, они жутко перепугались. Чувствовалось, что Чистота осталась далеко позади и мы плывем все дальше от Бога, даже он тут не поможет. Все знают: высадишься в Плохих Краях — умрешь. Но еще больше всех волновало другое: как же там цветет и растет то, что противоречит законам Божьим, будто имея право на существование?

Да уж, в первый раз немудрено испытать настоящее потрясение. Гигантские стебли пшеницы перерастают деревья. Здоровенные мхи и лишайники, разросшиеся на камнях, а корни развеваются по ветру. Есть деревья, растущие на утесах, и с них длинные зеленые веревки свешиваются вниз, в воду. Непонятно, или это земное растение с такими корнями, или морское — с такими ветвями. Там сотни странностей — и ничего нормального! Целые джунгли сплошных Отступлений! Животных как будто нет, но иной раз попадется что-то на глаза, сам не знаешь что. Птиц много. А еще где-то далеко и высоко летает что-то большое, вроде и не птицы. Жуткая, порочная земля... Всякий, побывавший там, понимает: такое могло бы быть и у нас, если бы не законы о Чистоте и инспекторы.

Плохо, правда? Но и это еще не худшее. Дальше, дальше на юг, и вот уже совсем мало растений, а затем начинаются земли, где нет вообще ничего. Ни-че-го.

Побережье пустое — мрачное, черное. Угольно-черная пустыня. Если попадаются скалы, то острые, голые. В море ни рыбы, ни водорослей, ни ила. Если корабль заплывет туда, ракушки и прочая грязь, налипшие на дно, отпадают,

и весь корабль становится чистым, словно с него все соскребли. Птиц нет. Никакого движения, только волны набегают на черный берег.

Страшное место. Капитаны отводят корабли подальше, и матросы этому радуются.

Но вряд ли те земли всегда были такими. Известно, что капитан одного корабля решился подплыть поближе. Команда видела какие-то руины, остатки гигантских построек. Наверное, останки городов Прежних Людей. Больше ничего неизвестно: корабль-то возвратился, но вся команда истаяла на глазах, в живых никого не осталось. Другие корабли уже не рисковали.

На сотни миль тянутся черные земли. Многие корабли возвращались, решив, что дальше ничего нет. Священники радовались, слыша рассказы матросов. Все совпадало с учением церкви, и долгое время никто не стремился к путешествиям. Но потом любознательность взяла верх, и хорошо оснащенные корабли вновь устремились на юг.

Один из исследователей, Мартер, писал в журнале примерно следующее: «Кажется, Черный берег — это худшее в Плохих Краях. Нельзя ничего утверждать, потому что никому не хочется высадиться и умереть. Но все же заметно, что там нет растительности, и еще: по ночам местами заметно тусклое свечение. Однако можно утверждать, что правое крыло партии церкви неверно считает, что все это — результат Отклонений. Ничто там не указывает на возможность распространения “загрязнения” по всей земле, как наказание “нечистым” областям. Наоборот, заметно, что Плохие Края постепенно отступают. Конечно, трудно вести наблюдения на расстоянии, но там все же появляются живые организмы — растения и животные, правда, не соответствующие никаким известным Нормам».

После публикации журнала Мартеру пришлось худо, ведь он фактически утверждал, что даже Отклонения могут постепенно прийти к Норме. Его обвинили в ереси и привлекли к суду, а церковники потребовали принять указ о запрещении дальнейших исследований.

Процесс еще не кончился, когда вернулся почти забытый корабль «Смелый». И сам корабль, и команда были в ужасном состоянии, но люди говорили, что они побывали в землях за Плохими Краями. В доказательство они привезли золото, серебро, медь и полный трюм специй. Пришлось принять их новости, но тут же разгорелся спор по поводу

специй, ведь никто не знал, как они должны выглядеть. Верующие отказывались к ним прикасаться, а те, кто не так часто посещал церковь, предпочитали думать, что все подобные виды описаны в Библии. Чем бы они ни были, ради них стоило плавать на юг

Цивилизации там нет. У жителей тех земель нет понятия о грехе, и они не уничтожают Отклонения. Ну а там, где знают о грехе, неверно его понимают. Во многих местах не стыдятся мутантов. Их не беспокоит, если ребенок внешне не во всем соответствует Норме. Если дети могут жить и трудиться, как все, к ним хорошо относятся. А есть и места, где наша Норма считается Отступлением. Есть племя безволосых, они считают, что волосы — отметка дьявола. Есть племя беловолосых с красными глазами. Есть такое, где у всех очень длинные изогнутые пальцы. Есть острова, где живут толстяки, и такие, где одни тощие. Говорят, есть и такие места, где люди казались бы совсем правильными, если бы не одно странное Отступление: они все чернокожие. Но даже в такое поверить легче, чем в покрытых мехом хвостатых существ, живущих на деревьях. В общем, достаточно увидеть всего несколько таких племен, и начнешь верить во что угодно.

Там опасно. Рыбы и прочие морские твари злее, чем у нас. Сходя на берег, никогда не знаешь, как тебя примут местные жители. Местами они вполне дружелюбны, — а иные встречают чужаков отравленными стрелами. Есть и такие, где пришельцев встретят снарядами из перца, завернутого в листья.

Иногда не удается договориться даже и с дружелюбно настроенными людьми, ты не понимаешь их, а они — тебя. А порой вслушаешься — вроде и наш язык, только произносят иначе. И еще такая странная штука: у них те же легенды о Прежних Людях, что и у нас. Как они строили плавучие города, как умели переговариваться на расстоянии, и все прочее. Но тревожнее всего то, что каждое племя считает себя Нормой, а других — Отступлениями.

Сначала-то это кажется глупым, однако чем больше племен встречаешь, тем чаще начинаешь задумываться: ведь все так же убеждены в своей правоте, как и мы. Ну, спрашиваешь себя: а откуда известно, что именно мы сделаны по образу и подобию Господа? В Библии не говорится о том, что в те времена люди были другими, но никаких определений Нормы там тоже нет. Определение пришло к

нам из «Раскаяний» Николсона, а он писал черёз несколько поколений после Кары. Ну вот и думаешь: а откуда он-то знал, что есть Норма? Может, ему только казалось, что он прав?..

Дядя Аксель много еще рассказывал мне о юге, было интересно, но на мой вопрос он не ответил, и я прямо спросил его:

— Дядя Аксель, а города там есть?

— Города? — повторил он. — Ну, есть кое-где маленькие... поселки, что ли. Наверное, величиной с Кентак, только другие.

— Нет, большие города, — и я описал ему город из своего сна.

Он странно поглядел на меня.

— Нет, о таком я не слышал.

— Может, дальше?

Он покачал головой:

— Дальше не пройти. Море зарастает водорослями. Сплошные водоросли, не дай Бог, попадешь — потом корабль с трудом выбирается оттуда.

— О, так вы уверены, что городов там нет?

— Конечно, иначе бы мы о том услышали.

Я испытал разочарование. Похоже, бежать на юг — то же самое, что в Окраины. Теперь, видно, надо привыкнуть к мысли, что мне снился город Прежних.

Дядя Аксель продолжал делиться сомнениями о Норме, возникшими у него после путешествия. А потом спросил:

— Дэви, ты понимаешь, зачем я это рассказываю?

Честно, понимал я не очень. Да мне и не хотелось искать недостатки в той вере, которую я впитал с младенчества. Я вспомнил услышанную как-то фразу

— Вы... потеряли веру? — спросил я

Дядя Аксель фыркнул и скорчил рожу

— Слова из проповеди! — ответил он и задумался. — Я хочу объяснить тебе, что если даже все вокруг говорят «это правда», их слова ничего не доказывают. Никто, никто не знает, что есть образ и подобие божие, в чем Норма. Они думают, что знают, мы думаем, что знаем, а может, Нормой были лишь Прежние Люди? — Он серьезно посмотрел на меня. — Ну например, откуда я, или кто другой, может знать, не приближает ли тебя и Розалинду ваше отличие от

остальных к Норме, к облику Прежних? Ведь легенды говорят, что Прежние Люди умели общаться на расстоянии! Мы-то не можем, а вот вы с Розалиндой можете. Подумай, Дэви, вдруг и в самом деле вы с ней ближе к правильному облику, чем мы все.

Я заколебался — и принял решение.

— Дядя Аксель, есть и другие.

Он был поражен.

— Другие? — повторил он. — И много?

Я покачал головой:

— Не знаю, кто они, то есть не знаю имен. У имен нет мысленной формы, мы и не пытаемся выяснить. Просто у всех в мыслях как бы разные голоса. Я и о Розалинде узнал случайно.

Он пристально, с беспокойством уставился на меня.

— И сколько же вас?

— Восемь. Было девять, но один умолк с месяц назад. Я и хотел спросить вас, дядя Аксель, как вы думаете, может, кто-то узнал? Он так внезапно замолк... Ведь если узнали о нем...

Но дядя покачал головой:

— Не думаю. Нам бы тоже стало известно. А не уехал ли он?

— По-моему, он жил поблизости. Но он бы сообщил нам, если бы уезжал.

— Он ведь сообщил бы вам, если бы о нем догадались, правда? Похоже, произошел несчастный случай. Хочешь, я узнаю?

— Да, а то мы... боимся.

— Ладно, — кивнул дядя Аксель, — попробую. Значит, мальчик, и недалеко. Месяц назад. Еще что-нибудь?

Я рассказал ему то небольшое, что знал. Мне сразу стало легче. Конечно, прошел месяц, с нами пока ничего не случилось, но все же было не по себе.

Прежде чем разойтись, он еще раз мне напомнил: никто не может знать точно, что есть Норма и истинный облик Господа нашего.

Лишь позже я понял, к чему дядя Аксель это все говорил. И еще я понял: его не слишком волновало, что есть Норма. Прав ли он был, пытаюсь подготовить нас к предстоящим испытаниям? Не знаю... Может, лучше было бы ничего не рассказывать? Но все же он облегчил нам пробуждение...

А пока я решил не убегать из дома.

Появление моей сестры, Петры, было для меня полной неожиданностью — и традиционным сюрпризом для остальных.

В последнюю неделю-две в доме ощущалось неопределенное чувство выжидания, но никто не поминал о нем вслух. Я и не подозревал, что происходит нечто странное, до той ночи, когда раздался вопль младенца. Вопль был пронзительный, и он явно шел из дома, а не вне его — а ведь вечером никаких младенцев не было. Но наутро все молчали. Никто и подумать не мог о том, чтобы упомянуть о ребенке открыто до приезда инспектора: он выдавал удостоверение о соответствии младенца Норме. Если бы оказалось, что новорожденный не отвечает облику и подобию Господа, удостоверения бы не выдали и все сделали бы вид, что ничего не произошло. Как будто младенца и не было.

Едва рассвело, отец послал одного из конюхов за инспектором. Ожидая его приезда, все домашние старались скрыть беспокойство, притворяясь, что наступил еще один обычный день.

Время шло и шло, конюх вернулся с вежливым сообщением, что инспектор постарается заглянуть к нам в течение дня — а ведь человек, занимавший положение моего отца, мог надеяться на немедленный визит.

Да, даже очень благочестивый человек не должен ссориться с местным инспектором и публично обзывать его непочтительными словами. У инспектора есть много способов отплатить.

Отец разгневался, тем более что традиция не позволяла ему гневаться открыто. Более того, он сознавал, что инспектор хочет его позлить. Все утро отец болтался по дому и по двору, то и дело взрываясь по пустякам. Все ходили на цыпочках и старались изо всех сил не привлекать его внимания.

Никто не осмеливался объявить о рождении ребенка до того, как проведут официальное освидетельствование. Чем дольше затягивалось объявление, тем больше времени было у злых языков для изобретения всевозможных причин отсрочки. Влиятельный человек мог ожидать, что его ребенку выдадут удостоверение как можно раньше. Но ведь нельзя было и произносить слово «младенец», и нам приходилось притворяться, будто моя мать лежит в постели из-за простуды или чего-то вроде

Моя сестра Мэри то и дело бегала в комнату матери, а в остальное время старалась скрыть беспокойство, громко докрикивая на слуг. Я болтался по дому, не желая пропустить объявление. Отец бродил вокруг

Напряжение усиливалось и оттого, что все знали уже дважды удостоверения не было. Отец хорошо сознавал, да и инспектор тоже, что окружающие втайне прикидывали, не отошлет ли мой отец мою мать прочь (так дозволялось делать по закону), если и в третий раз нам не повезет. Ну а пока было бы нелепо и недостойно посылать за инспектором еще раз, так что приходилось сносить напряжение, кто как умел.

Лишь после обеда инспектор не спеша подъехал к дому на своем пони. Отец взял себя в руки и вышел его встречать. Он чуть не задохнулся, стараясь оставаться вежливым. Однако и теперь инспектор не спешил. Он медленно слез с пони, медленно прошел в дом, болтая о погоде. Отец, добагровев, поручил гостя Мэри, та отвела его в комнату матери. Мы продолжали ждать.

Позже Мэри рассказывала, что инспектор долго хмыкал и гмыкал, детально изучая младенца, и наконец вышел оттуда с ничего не выражающим лицом. В маленькой гостиной он присел к столу, долго затачивал перо, потом все же извлек из дорожной сумки пустой бланк и медленно, отчетливо записал, что после тщательного освидетельствования он официально подтверждает соответствие данного младенца Норме человеческого существа женского пола, свободного от каких-либо видимых Отклонений. Он задумчиво разглядывал бланк еще несколько минут, как если бы его что-то не удовлетворяло, поколебался, прежде чем поставить подпись. Наконец расписался, тщательно присыпал написанное песком и протянул бланк моему разъяренному отцу, все еще сохраняя на лице некоторую неуверенность. Безусловно, в душе он не сомневался, иначе бы просто не подписал бумагу. Отец прекрасно это знал.

Наконец-то можно было признать существование Петры! Мне торжественно сообщили, что у меня появилась еще одна сестра, и вскоре повели смотреть на нее. Она лежала в колыбельке около кровати матери.

Я понять не мог, откуда инспектор знает, что она человек, она была такая розовая и сморщенная! Но, наверное, с ней все в порядке, а то он бы не выдал удостоверения. Да,

инспектора не в чем было обвинять: она и вправду выглядела нормальным младенцем...

В то время как мы по очереди входили посмотреть на нее, зазвонил колокол. Работы прекратились, вскоре мы все собрались в кухне на молитву благодарения.

Через два-три дня после рождения Петры я случайно узнал часть семейной истории, которую предпочел бы не узнавать.

Я тихо сидел в одной из комнат, а за стеной, в спальне, лежала в постели моя мать. Если мне удавалось проскользнуть туда сразу после обеда, я мог немного отдохнуть от работы, иначе мне сразу находили дело. До сих пор меня тут не искали, так что мне удавалось даже подремать с полчаса. Обычно там было удобно, хотя сейчас приходилось вести себя совсем тихо, так как мазанные стены внутри дома сильно потрескались, и я двигался на цыпочках, чтобы мать меня не услышала.

В тот день я как раз решил, что все уже заняты делом и не накинутся на меня сразу, как вдруг к дому подъехала повозка, и я увидел в ней тетю Гарриет.

Я видел ее всего восемь или девять раз, она ведь жила миль за пятнадцать от нас, но мне она нравилась. Она была года на три моложе матери, и внешне они походили друг на друга. Но у тети Гарриет черты лица были помягче, вот она и производила совсем иное впечатление. Глядя на нее, я думал: вот такой могла бы быть и моя мать, такой бы я хотел ее видеть... С тетей и разговаривать было легче, потому что она слушала не только затем, чтобы исправлять.

Я тихонько прокрался к окну, пронаблюдав за тем, как тетя Гарриет привязывает коня, вынимает из повозки белый сверток и несет его в дом. Наверное, ей никто не встретился, потому что через несколько секунд ее шаги раздались в коридоре, а затем щелкнула задвижка в соседней комнате.

— Ты, Гарриет! — воскликнула мать в изумлении, причем в голосе ее слышалось неодобрение. — Так быстро! Ты что, взяла крошку с собой?!

— Знаю, — ответила Гарриет, принимая упрек в тоне матери, — но я должна была, Эмили, должна! Я узнала, что ты родила раньше срока, и я... о, вот она! Прелестный

ребенок, сестра, прелестный! — Наступила пауза, потом она добавила. — Но и моя тоже, правда?

Последовали взаимные поздравления, стало неинтересно. По мне так все младенцы на одно лицо.

Мать сказала:

— Я так рада, дорогая. Генри, наверное, тоже счастлив?

— Конечно... — ответила тетя Гарриет.

Как-то неправильно она это произнесла, даже я понял. Она заторопилась:

— Она родилась неделю назад, и я не знала, что делать, а потом услышала, что твоя девочка родилась раньше срока, ну как будто бы Господь ответил на мои молитвы — Тетя Гарриет замолкла, потом небрежно — да только небрежность ей не удалась — спросила: — У тебя уже есть удостоверение?

— Конечно, — резко ответила мать, готовая к нападению. Я знал, какое у нее при этом выражение лица. Но тут она добавила: — Гарриет! У тебя что, нет удостоверения?!

Тетя молчала, мне показалось, что я слышу подавленные всхлипывания. Мать потребовала — холодно и настойчиво:

— Гарриет! Дай мне взглянуть на это дитя — и как следует!

Сначала ничего не было слышно, лишь всхлипы тети. Потом она нетвердо повторила:

— Ничего особенного, ты видишь, такая мелочь.

— Мелочь! — чуть ли не рявкнула моя мать. — Ты имела наглость явиться в мой дом со своим чудовищем и говоришь мне, что это — мелочь?

— Чудовище?! — Голос у тети был такой, словно ее ударили. — О... о... о... — она лишь тихо стонала.

— Неудивительно, что ты не решилась вызвать инспектора!

Тетя тихо плакала. Мать немного подождала, потом спросила:

— Хотела бы я знать, зачем ты сюда явилась? Зачем ты привезла сюда это?

Тетя Гарриет высморкалась и ответила тусклым голосом:

— Когда она родилась... когда я увидела.. я хотела покончить с собой. Я понимала, что ее не признают, хотя это такая мелочь! Но потом я подумала: может быть, мне удастся ее спасти. Я же люблю ее. Прелестная девочка — если бы не это... Правда, она прелесть?

Мать молчала. Тетя продолжала:

— Не знаю на что, но я еще надеялась. Я знала, что могу поддержать ее у себя, что ее не сразу отберут, можно хотя бы месяц не заявлять. Я решила подождать.

— А Генри? Он-то что сказал?

— Он... он велел сразу сообщить о ней. Но я не дала — я... Я не могу, не могу! Господи, ведь это третий раз! Я молилась, молилась и молилась, я надеялась, а потом узнала о тебе и решила, что Господь ответил на мои молитвы.

— Вот как? — холодно произнесла мать. — Нет, мой ребенок не имеет к этому отношения! Не понимаю, к чему ты ведешь? — добавила она резко.

— Я подумала, — отвечала тетя безжизненным голосом, — я подумала, может, ты позволишь мне оставить тут свою дочку и взять на время твою...

Мать явно и слова не могла вымолвить от изумления.

— Всего на день-два, а я бы пока получила удостоверение. Ведь ты моя сестра, моя родная сестра! Ты могла бы помочь мне сохранить ребенка! — Она разрыдалась.

Долгая пауза — и голос матери:

— За всю свою жизнь я еще не слышала таких чудовищных слов! Ты приехала сюда предложить мне вступить в аморальный, преступный сговор... ты сошла с ума, Гарриет! Подумать, что я отдам свою дочь... — Она замолкла, слышав тяжелые шаги отца в коридоре.

— Джозеф, — позвала мать, едва он вошел, — ну-ка гони ее, пусть она немедленно покинет наш дом!

— Но это же Гарриет, дорогая, — с недоумением вымолвил отец.

Мать объяснила, в чем дело. Тети Гарриет совсем не было слышно. Отец с недоверием спросил:

— Это правда? Ты за тем и приехала?

Медленно, устало тетя ответила:

— Третий раз. Они заберут ребенка, как забрали двух других. Я не вынесу этого, не вынесу... Генри, видимо, выгонит меня. Найдет новую жену, она родит ему нормальных детей. А у меня ничего не останется на этом свете — ничего. Я надеялась встретить тут сочувствие, ведь моя сестра могла бы мне помочь. Теперь я вижу, как глупо было надеяться...

Все помолчали.

— Ну что ж, я все поняла, теперь уеду — Голос у нее стал какой-то мертвый.

Но отец был не из тех, кто позволит кому-то сказать последнее слово.

— Не понимаю, как ты посмела явиться сюда, в богобоязненный дом, с подобным предложением! Хуже того, что-то не вижу я в тебе раскаяния или стыда!

Голос тети стал подтверже:

— Чего мне стыдиться? Я не сделала ничего постыдного! Я не раскаиваюсь, хотя и признаю свое поражение.

— Не раскаиваешься! — повторил отец. — Не стыдишься, хотя и произвела на свет эту насмешку над обликом Творца! Не стыдишься того, что пыталась вовлечь собственную сестру в преступный сговор! — Он сделал глубокий вдох и загремел так, будто стоял за кафедрой: — Враги Господа осаждают нас. Они пытаются уязвить Его через нас. Они без устали трудятся над искажением Его облика. Они пытаются осквернить Чистоту расы. Ты согрешила, женщина! Загляни в свое сердце, и ты найдешь там грех! Твой грех ослабил и наши позиции, враг нанес всем нам удар — через тебя! Ты носишь крест на платье, чтобы иметь защиту от врага рода человеческого. Но в сердце твоём нет креста! Ты недостаточно бдительна! И вот — Отклонение. А любое, пусть даже мелкое, Отступление от облика Господа — это богохульство. Ты произвела на свет скверну.

— Мое бедное дитя!

— Дитя, но если бы тебе позволили оставить его у себя, твое дитя выросло бы и произвело себе подобных — и продолжало бы сеять скверну, пока все и вся вокруг не обратились бы в мутантов и Нарушения! Так произошло в тех местах, где воля и вера ослабли. Но здесь такого никогда не будет! Наши предки были правильными людьми, и они оставили нам доброе наследство — Норму. Позволить тебе предать нас? Чтобы получилось, что наши предки жили зря? Позор на твою голову, женщина! Убирайся! Смирненно возвращайся домой, извести закон о своем ребенке и молись — очищайся! Ты не только произвела на свет Отклонение, но и выступила против закона, ты согрешила намеренно!.. Я милосерден. Я не потащу тебя в суд. Ты сама очистишься, облегчишь свою совесть. Преклони колени, молись, и да простятся тебе твои грехи!

Легкие шаги, тихий плач младенца. Тетя подошла к двери, остановилась.

— Да, я буду молиться! — Голос ее окреп. — Я буду просить Господа послать чуточку сострадания в наш жуткий

мир, милосердия к слабым, любви к несчастным и обездоленным. Я спрошу его: действительно ли он повелел, чтобы младенец страдал и душа его была обречена на вечное проклятие за небольшое пятнышко на теле... И я буду молить Господа, чтобы он разбил сердца самодовольным и лицемерам...

Дверь закрылась, тетя тихо прошла по коридору.

Я осторожно прокрался к окну. Она подошла к повозке, бережно опустила в нее белый сверток и несколько секунд смотрела на него. Потом отвязала коня, села в повозку, взяла сверток на колени и прикрыла его плащом. Она повернулась — и до сих пор я вижу ее, как тогда: ребенок на руках, плащ слегка распахнулся, виден крест на платье; глаза смотрят вдаль, а лицо словно из гранита.

Она встряхнула вожжами и выехала со двора.

Отец продолжал вещать:

— Еще и ересь! Попытка подменить младенца — куда ни шло, у женщин бывают странные идеи. Я бы не обратил на это внимания, сообщил бы о ребенке — и все. Но ересь — дело другое. Не просто бесстыжая — опасная личность! Вот уж не ожидал встретить такую порочность в твоей сестре! Как она могла подумать, что ты прикроешь ее грех, зная, что тебе самой дважды пришлось понести наказание? Ересь в моем доме! Нет, я этого так не оставлю!

— Может быть, она не сознавала, что говорит? — неуверенно предположила мать.

— Значит, надо заставить ее осознать свой грех.

Мать начала было отвечать, но голос ее прервался, и она заплакала. Я никогда не видел ее плачущей. А отец продолжал объяснять, как необходима Чистота в мыслях, сердцах и делах наших, как важна она в женщинах. Он еще не кончил, когда я на цыпочках выбрался из комнаты. Я все думал, что же это за «мелочь», может, лишний пальчик на ноге, как у Софи, чем она «запятнана»? Но я так никогда и не узнал, в чем дело.

Наутро нам сообщили, что тетя Гарриет утопилась. О младенце ни слова...

ГЛАВА 8

Вечером отец помолился за тетю Гарриет, и с тех пор ее имя у нас не упоминалось. Как если бы ее стерли из памяти у всех, кроме меня. А мне все вспоминался ее голос, когда

она сказала: «Я не стыжусь!» Мне не рассказывали, как она умерла, но я знал, что это не было несчастным случаем. Я еще многого не понимал, однако с тех пор во мне зародилось ощущение опасности, неуверенности. Почему-то оно было сильнее, чем все, что я передумал и перечувствовал, страдая за Софи. Я боялся — и не мог отделаться от страха.

Тот младенец отличался от других какой-то «мелочью», был «запятнан». На теле его было что-то лишнее, а может, чего-то не хватало. Девочка не во всем подходила к определению Нормы. «Мутант!» — кричал тогда отец. Мутант! Я вспоминал читанное в книгах, проповеди приезжего священника и отвращение в его голосе, когда он громовым голосом возвещал с кафедры: «Проклятье мутантам!»

Проклятье мутантам... Мутант — враг не только рода человеческого, но и всего живого. Семя дьявола, стремящееся взрасти и дать плод, чтобы нарушить божественный порядок в нашем краю, в нашей земле, осуществлявшей волю Господню. Мутант превратит все сущее в непристойный хаос Окраин, не станет здесь закона Божьего, как в тех местах на юге, о которых рассказывал дядя Аксель. Мутант — позорная фантазия дьявола, насмешка над Господом...

«Мелочь — это первый шаг...»

Ночами я стал молиться:

— О Боже, пожалуйста, Боже, сделай меня таким, как все! Не хочу быть другим! Пожалуйста, Господи, пусть я проснусь и буду таким, как все!

А утром я сразу слышал Розалинду или кого другого. Значит, на мою молитву никто не отвечал. Я вставал таким же, каким лег накануне в постель, и вот я шел в кухню, завтракал, а перед глазами висела надпись, переставшая быть просто частью обстановки — казалось, слова так и таращатся на меня, они ожили: «Проклятье мутанту, оскверняющему взор Господень!»

Я боялся.

Так прошло ночей пять, а потом дядя Аксель попросил меня сразу после завтрака помочь ему починить плуг. Мы часа два поработали, затем он предложил отдохнуть, и мы выбрались на солнце. Он дал мне кусок овсяной лепешки, и мы оба молча жевали, как вдруг дядя Аксель сказал:

— Ну же, Дэви, давай!

— Что «давай»? — спросил я глупо.

— Выкладывай, что тебя грызет в последние дни, — ответил он. — Что стряслось — кто-то узнал?

— Нет, — ответил я, и он облегченно вздохнул.

— Так что же?

И я рассказал ему про тетю Гарриет и ее младенца. Еще не досказав, я расплакался. Какое облегчение — выговориться!

— Понимаете, все дело в ее лице, я никогда еще не видел такого лица, мне оно все мерещится — в воде, и младенец...

Кончив, я посмотрел на дядю Акселя. Таким мрачным я его еще не видывал, губы у него сжались, он кивнул:

— Так вот в чем дело...

— Понимаете, младенец был в чем-то неправильный... И потом, Софи... Раньше я не понимал, а сейчас — я боюсь, дядя Аксель! Что они сделают, если узнают обо мне?

Он опустил руку мне на плечо.

— Никто никогда не узнает, Дэви, никто, я-то не в счет. Но мне не полегчало, как прежде.

— И все же один из нас исчез, — напомнил я ему. — Может, о нем узнали?

Дядя Аксель покачал головой:

— Можешь спать спокойно, Дэви. Примерно тогда погиб мальчик, Уолтер Брент, девяти лет. Он крутился возле дворовых, и на него упало срубленное дерево.

— Где?

— Миль десять отсюда, на ферме Чиппинг.

Я призадумался. Чиппинг годился, да и несчастный случай объяснял причину внезапного исчезновения. Не желая ничего плохого неведомому Уолтеру, я все же надеялся, что это он и был.

Дядя Аксель снова заговорил:

— Дэви, никто не знает и не узнает, ведь ничего не видно. Разве что ты сам себя выдашь. Учись быть осторожным, мальчик. И они никогда не узнают.

— А что они сделали с Софи? — спросил я, но он не ответил.

— Запомни мои слова, Дэви. Они считают себя Нормой, однако никто не может знать наверняка. Даже если Прежние были такими же, как они и я, что толку? Да, люди рассказывают об их чудесном мире, думая, что в один прекрасный день все возродится. В эти рассказы вплелось много ерунды. Но пусть даже часть их — правда, чего ради

мы должны идти по их следам? Где теперь они сами, где их чудесный мир?

— Господь наслал на них Кару, — процитировал я.

— Конечно, конечно, ты отлично вызубрил проповеди, а? Легко сказать — но понять нелегко, особенно если повидал свет и знаешь, что такое Кара. Это ведь не бури, ураганы, потопа и пожары, как в Библии. Все вместе — и хуже! После Кары остались Плохие Края, черные берега, светящиеся в ночи, да руины. Может, нечто подобное и произошло в Содоме и Гоморре, только на сей раз погибло куда больше земель. Единственное, чего я совсем не понимаю, — это последствия.

— А Лабрадор?

— И Лабрадор, просто здесь всего этого меньше. Здесь да в Ньюфе. Что же за ужас тогда произошел? И почему? Я еще могу себе представить, что Господь в гневе мог уничтожить все живое и даже весь мир. Но при чем тут Отклонения? И такая неразбериха!..

Я не мог понять, в чем затруднение. Господь всемогущ и может наслать на нас все что угодно. Я попытался объяснить это дяде, но он покачал головой:

— Надо верить, что Господь не сошел с ума, Дэви, иначе будет совсем плохо; но что бы там ни случилось, — он помахал рукой вокруг, — это было безумием, Дэви. Произошло нечто всеобъемлющее, превосходящее мудрость Господа. Что же это было?

— Кара... — начал я.

Дядя Аксель нетерпеливо заерзал на месте.

— Слово — заржавевшее зеркало, и ничего больше. Хорошо бы священникам увидеть те края. Они не поймут, но, может, хоть думать бы начали: «Чем мы заняты? Чему учим? Какими были Прежние Люди, что они натворили, чем было вызвано то жуткое несчастье? Как они уничтожили себя и чуть не весь мир?»

А потом, может, они бы спросили себя: «А правы ли мы? Кара изменила мир. Сможем ли мы заново выстроить его? Нужно ли это? Зачем стремиться возратить бывшее, если все чудеса Прежних привели их к Каре?» Ведь ясно, мой мальчик, что, несмотря на все их чудеса, Прежние не были свободны от ошибок. Просто никто из нас не знает, в чем они ошиблись.

Многое из того, о чем говорил дядя Аксель, до меня не дошло, но суть я вроде бы ухватил.

— Но если мы не будем пытаться подражать Прежним, что же делать?

— Можно попытаться быть собой и строить свой мир, — предложил он.

— Не понимаю... то есть не думать о Чистоте расы и правильном облике? Не обращать внимания на Отклонения?

— Ну, не совсем, — он покосился на меня. — Ты ведь слышал, какую ересь несла твоя тетка. А теперь и твой дядя. Что, по-твоему, делает человека человеком?

Я начал пересказывать Определение, но он прервал меня:

— Нет! По этому Определению можно слепить восковую фигуру, она же не станет человеком?

— Нет...

— Значит, нечто внутри человека делает его человеком.

— Душа? — спросил я.

— Нет, душа — это для церкви, чтобы дань собирать. Я считаю, человека отличает прежде всего ум, разум. Это ведь не вещь — это свойство, и у всех умы разные. Они бывают лучше или хуже, и чем сильнее ум, тем лучше. Понимаешь?

— Нет, — сознался я.

— Послушай, Дэви, я думаю, церковники более или менее правы, говоря об Отклонениях, да только причины тут другие. Они правы, считая, что в Отклонениях нет ничего хорошего. Ну, разрешили бы они существование Отклонений, и что? Разве дюжина рук или ног, две головы или глаза на стебельках могут помочь кому-либо в жизни? Нет. Человек сформировался физически, прежде чем осознал себя человеком, и такую форму называют правильной. А потом произошло нечто внутри его, и человек осознал себя личностью, понял, что обладает чем-то, чего нет у других существ, — умом. Он сразу оказался на ином уровне. Как многие животные, человек был уже физически развит, но вот у него появилось новое качество — ум, и он стал развивать его. Это единственное, что человек мог развивать с пользой для себя. И до сих пор единственное, что он может делать: развивать новые свойства ума. — Дядя Аксель ненадолго задумался, потом продолжил: — Когда я плавал второй раз, у нас был доктор, и он говорил примерно так. Чем больше я думаю о его словах, тем больше смысла в них нахожу. Мне кажется, у тебя, Розалинды и остальных как раз и появилось такое новое качество. Нельзя просить Господа, чтобы он забрал у тебя твое свойство. Все равно что просить, чтобы он сделал тебя слепым или глухим. Я

знаю, как тебе трудно, Дэви, но отбросить это — не выход. Ты должен привыкнуть так жить. Нужно повернуться лицом к опасности. Раз уж ты таким уродился, старайся извлечь из этого как можно больше пользы — и притом не выдать себя.

Я, конечно, не все тогда понял, многое дошло до меня, остальное воспринялось лишь после других бесед. И после того, как Майкл пошел в школу.

В тот вечер я рассказал всем об Уолтере Бренте. Нам было жаль его, и все же все мы испытали облегчение от того, что произошел лишь несчастный случай. Еще одна странность: он, видимо, был моим дальним родственником, ведь фамилия моей бабушки была Брент.

После того мы решили, что пора узнать имена друг друга, чтобы в дальнейшем не мучиться неизвестностью.

К тому времени нас было восемь — то есть восемь детей, способных объясняться друг с другом мыслеформами на расстоянии. Были неясные сигналы от других, но мы их не считали — слишком неясно.

Кроме нас с Розалиндой были еще: Майкл, живший в трех милях от нас; Салли и Кэтрин, жившие на ферме по соседству; Марк — чуть не за девять миль; сестры Энн и Рейчел, жившие совсем рядом, всего в полутора милях. Самой старшей из нас была Энн, ей исполнилось тринадцать; самым младшим был раньше Уолтер.

Итак, мы сделали второй шаг к объединению: выяснили, кто мы. Стало как-то легче. Постепенно заповеди на стенах перестали меня пугать. Они снова превратились в предметы обстановки. Конечно, я не забывал о тете Гарриет и Софи, но кошмары мои прекратились.

Кроме того, вскоре мне пришлось думать о другом, и это отвлекало меня от грустных мыслей.

Как я уже упоминал, учились мы мало. Читать, писать, Библия да «Раскаяния» и начатки счета. Немного. Во всяком случае, родителей Майкла это не удовлетворяло, и они отправили его в школу в Кентак. Там он узнавал много такого, о чем наши старушки и слыхом не слыхивали. Естественно, все узнанное он передавал нам. Сначала было трудно, потому что мы не привыкли к такому расстоянию, но через несколько недель упорных занятий дело пошло на лад, и он начал передавать нам практически все, что узнавал сам. Сообщал он и то, чего не понял, а мы все вместе

старались ему помочь. Мы гордились, когда он стал первым учеником в классе.

Я узнавал все больше, и это помогало мне жить. Еще я наконец начал понимать, что говорил дядя Аксель. Но мы осознали и трудности, от которых нам не удавалось избавиться. Трудно было запомнить, что окружающие не должны замечать внезапно возросший запас наших знаний. Нелегко сдержаться, слыша ошибочные суждения о мире, или делать свою работу так, как мы были приучены, хотя благодаря Майклу мы узнавали, как облегчить любой труд...

Случались и опасные моменты. Например, ляпнешь что-нибудь, не думая, — и взрослые поднимут брови, с подозрением на тебя глядя. Или выскочишь со своим предложением, когда никто этого не ждет. Но чем дальше, тем меньше ошибок мы совершали, ведь опасность жила рядом. Медленно, неуверенно, наудачу мы учились избегать прямых подозрений и жить двойной жизнью. Прошло целых шесть лет, прежде чем опасность подступила к нам вплотную.

Собственно, мы жили довольно сносно вплоть до того дня, когда внезапно узнали, что нас не восемь, а девять.

ГЛАВА 9

Поразительно, что моя младшая сестра Петра казалась такой нормальной. Ни один из нас не подозревал ее — ни один. Она была такая веселая, такая хорошенькая. Так и вижу ее — маленькая непоседа с короткими золотистыми кудрями, носится туда-сюда, таская за собой безобразную косоглазую куклу, которую она обожала. Она и сама еще походила на игрушку, как все дети. Петра часто плакала, смеялась, потом затихала, прыгала, бегала и падала. Я очень любил ее, и даже мой отец питал к ней нежные чувства. Мне и в голову не приходило, что она чем-то отличается от всех, пока не произошел тот случай.

Мы собирали урожай. Сначала косили вшестером, а потом я передал косу соседу, собираясь помочь метать стога, и тут меня стукнуло... Такого я еще не испытывал. Вот я начал вязать сноп... и вдруг почувствовал страшный удар по голове, или нет, в голове... Я, наверное, пошатнулся. Потрясение было столь сильным, что я даже не успел подумать, бежать или нет, в голове моей засела боль, будто крючок застрял, и я повиновался призыву. Выронив сноп, я

помчался по полю, мимо изумленных, смазанных лиц. Я бежал неведомо куда, ощущая лишь, как это срочно. Через поле, мимо ограды, вниз по пастбищу к реке...

Скатываясь по берегу вниз, я заметил, что по полю Энгуса Мортонa, обгоняя ветер, к реке несется Розалинда.

По берегу, через мостик, к омуту. Ни секунды не сомневаясь, не задерживаясь, с разбегу в воду — и я нырнул возле Петры. Она из последних сил цеплялась руками за какой-то кустик, держа нос над водой. Еще чуть-чуть — и она бы сорвалась. Быстро доплыв до нее, я схватил сестру на руки.

Боль в голове сразу прекратилась. Я обхватил ее одной рукой, поплыл к берегу. Нашупав дно, встал и увидел над собой обеспокоенное лицо Розалинды.

— Кто это? — спросила она вслух дрожащим голосом и приложила руку ко лбу. — Кто на такое способен?

Я ответил.

— Петра?! — повторила Розалинда, недоверчиво уставившись на девочку.

Я вынес сестренку на берег, положил на траву. Она была без сил и почти без чувств, но ничего плохого с ней не случилось.

Розалинда подошла, опустилась перед ней на колени. Мы оба молча смотрели на промокшую одежду, слипшиеся куряшки... Потом посмотрели друг на друга.

— Я не знал. Я и понятия не имел, что она — одна из нас.

Розалинда прижала кончики пальцев к вискам, слегка покачала головой и встревоженно взглянула на меня.

— Нет, она похожа на нас, но она другая. Никто из нас не умеет так... звать. В ней что-то большее...

Тут набегали люди — и с нашего поля, и вслед за Розалиндой. Никто не мог понять, почему Розалинда вылетела из дома как на пожар.

Я взял Петру на руки, чтобы отнести ее домой. Кто-то спросил:

— Но как же ты узнал? Мы ничего не слышали!

Розалинда обратила к спрашивавшему изумленный взгляд.

— Не слышали?! Она так орала! По-моему, ее было слышно в Кентаке!

Казалось, нам удалось убедить их. Хотя я молчал — дело в том, что все наши взволнованно интересовались, что

произошло, а я мысленно просил их подождать, пока мы с Розалиндой останемся одни и сможем все рассказать, не вызывая ничьих подозрений.

В ту ночь, впервые за много лет, мне снова привиделся кошмар. Но когда отец занес сверкающий нож, Отклонение, дрожавшее в его руках, не напоминало Софи. Это была Петра. Я проснулся, весь в холодном поту.

На следующий день я попытался мысленно поговорить с Петрой. Важно было объяснить ей все прежде, чем она себя выдаст. Я долго пытался, но ничего не получалось, да и остальные старались — ничего! Может, лучше словами?

Воспротивилась Розалинда:

— Видимо, страх разбудил ее способности, хотя она ничего не сознает, может, и знать не знает, как все случилось. Если попытаться сразу все объяснить, мы только увеличим риск. Ей же всего шесть лет, не стоит перегружать малышку — это нечестно и опасно.

Остальные согласились. Мы все знали, как трудно следить за каждым словом, даже если делаешь это годами. И мы решили отложить разговор с Петрой до тех пор, пока не возникнет острая необходимость, или до другого случая, словом, подождать, пока она повзрослеет, если удастся. А пока будем пытаться налаживать связь с ней.

Причин, мешавших нам жить спокойно, как прежде, вроде бы не было. Не было и выбора — ведь если нам не удастся сохранить тайну, мы все погибнем.

За последние несколько лет, взрослея, мы начали лучше понимать окружающих. Лет пять-шесть назад наши мысленные «беседы» были скорее игрой, однако теперь, чем больше мы понимали, тем более мрачной становилась наша беспокойная «игра». В сути-то своей она не изменилась. Но ясно было, что тайну нужно хранить, то есть скрывать наше истинное «я» — наше «мы». Ходить, разговаривать, жить, как все. Мы обладали даром, лишним чувством, которое, как горько говаривал Майкл, могло быть благом, а стало нашим проклятием. Глупейшая «норма» была бы лучше. «Нормальные» принадлежали к обществу, а мы — нет. Мы должны были не раскрываться, не общаться мысленно, когда хотелось, не использовать свои знания, не выказывать свое отличие.

Мы вели жизнь обмана, укрывательства, молчания. Майкла больше, чем всех нас, раздражала перспектива вести

себя так до конца своих дней. У него было богатое восприятие, и он уже сейчас представлял себе, к чему нас может привести постоянная необходимость самоподавления, но и он ничего не мог предложить взамен. Что до меня, я считал, что раз эти «не» нужны нам для выживания, то и я должен их соблюдать. Лишь смутно я начинал осознавать отсутствие положительного начала в такой жизни. Чем старше я становился, тем острее делалось чувство опасности.

Однажды наш старый работник, Джейкоб, ворчал по поводу «неправильных» бобов — опять придется сжечь весь урожай!

— А все нынешнее беззаконие, — пробурчал он, когда я очутился рядом. — Штраф за укрывательство целого выводка неправильных поросят! А если жена родит троих детей, отклоняющихся от Нормы, ее просто выгоняют. Вот когда мой отец был молодым, женщин уже за первое Нарушение секли. Если же она производила на свет троих неправильных, ее объявляли вне закона, отбирали свидетельство нормальности и продавали в рабство. Так-то! И вообще тогда побольше молились да следили за Чистотой. В те годы мутантов было куда меньше, говорил отец, а если и рождались, их тут же сжигали. Как урожай или животных.

— Сжигали! — не удержался я.

— А разве есть другой способ искоренить Отклонения?

— Насчет урожая или животных — понятно, но люди...

— А люди-мутанты хуже всего, — отрезал Джейкоб. — Сам дьявол попирает истинный облик Его! Конечно, надо сжигать их, как в прежние времена. А на деле? Эти чувствительные души в Риге, которые сами-то никогда не имели дела с мутантами, заявили: «Ну, хоть они и не люди, но ведь кажутся людьми. Если их уничтожить, это ведь будет убийство или почти убийство, того и гляди — волнения начнутся». И вот, оттого что некоторые чистоплюи недостаточно тверды в своей вере, у нас появились новые законы. Мол, пусть живут и умирают естественной смертью. Объявить их вне закона и изгнать в Окраины, а младенцев просто выбрасывать туда. Это они считают милосердием?! По крайней мере, правительство понимает, что мутанты не должны плодиться, и принимает меры, прежде чем выкинуть их в Окраины. Но подозреваю, что скоро начнут выступать и против этого. Что же получается? Да то, что население Окраин растет, совершает на нас набег!

А сжечь бы их сразу — и дело с концом! Какого черта они возглашают «Проклятье мутанту!», а потом обращаются с ним, как с родней?

— Но ведь мутанты не виноваты... — начал я.

— Не виноваты? — усмехнулся старик. — А дикий кот виноват в том, что он дикий кот? Однако ты его убиваешь. В «Раскаяниях» писано: «Очищай все живое огнем». Но проклятое правительство теперь думает иначе. Так Господь скоро найдет на нас еще одну Кару. — Джейкоб все бурчал, как древний пророк. — И ведь постоянно скрывают, и будут скрывать, потому что нет настоящего наказания. Женщина рождает чудовище, а потом идет в церковь и публично говорит, что ей жаль!.. А эти кони Энгуса Мортонa с их свидетельством? Проклятый инспектор хочет удержаться на своем посту, потому не спорит с Риго. А потом люди удивляются, почему растет число Отклонений... — Он все ворчал, плюясь от омерзения.

Позднее я спросил дядю Акселя, многие ли думают так же, как старый Джейкоб. Он задумчиво поскреб щеку.

— Многие старики все еще считают, что это их дело, — так было до появления должности инспектора. Часть пожилых тоже, но другая часть готова оставить все так, как есть. Они не столь привержены форме, как их отцы, и полагают: не важно, как все делается, лишь бы мутанты не могли размножаться. Но если несколько лет подряд будут такие урожаи, как сейчас, — не знаю...

— А почему уровень Отклонений иногда вдруг повышается?

Он покачал головой:

— Понятия не имею. Наверное, дело в погоде. Если зима выдается тяжелая и часто дуют юго-западные ветры, Отклонений много. Не сразу, а в следующий сезон. Говорят, что-то попадает к нам с ветром из Плохих Краев. Никто не знает, что именно. Старики считают, что это предзнаменование, напоминание о Каре. Следующая весна тоже будет тяжелой. Люди начнут больше прислушиваться к старикам — и искать козлов отпущения.

Он замолк, глядя на меня выразительными глазами. Я понял намек и передал его остальным.

Да, уже сейчас было ясно, что нам не повезло, и люди действительно ищут, на ком бы сорвать злость. Мы все больше волновались за Петру.

Целую неделю после несчастного случая на реке мы были вдвойне осторожны и постоянно прислушивались, не возникло ли у кого-то подозрений. Но ничего такого не обнаруживалось. Очевидно, все решили, что мы с Розалиндой одновременно услышали вопль, еле доносившийся с такого расстояния.

Мы чуть-чуть расслабились — но ненадолго. Прошел лишь месяц, и у нас появился новый источник волнений.

Энн сообщила, что выходит замуж...

ГЛАВА 10

В голосе, в мыслях Энн слышался вызов.

Сначала мы не восприняли новость серьезно. Уж слишком не хотелось в это верить. Во-первых, женихом был Алан Эрвин, тот самый Алан, с которым я когда-то подрался на берегу реки и кто потом донес на Софи. Родители Энн владели большой богатой фермой, а Алан был сыном кузнеца и мог унаследовать его место. Сложение у него было подходящее: рослый, здоровый — но и все. Понятно, что родителям Энн хотелось чего-то большего. Вот мы и считали, что из ее затей ничего не выйдет.

Однако мы ошибались. Она сумела убедить родителей, и вскоре было объявлено о помолвке. Тут уж мы здорово встревожились. Нам внезапно пришлось задуматься о последствиях, и хотя мы были еще молоды, но уже понимали, в чем сложность.

Первым попытался поговорить с Энн Майкл:

— Нельзя, Энн, ради тебя самой! Ты же связываешь свою жизнь с калеккой. Подумай, Энн, хорошенько подумай!

Она сердито накинулась на него:

— Я не дура. Конечно, я все обдумала. Я думала об этом куда больше, чем вы. Я женщина, и я имею право выйти замуж, рожать детей! Вас трое, нас пятеро. Что же, двоим никогда не выходить замуж? Не жить собственной жизнью, не иметь своего дома? Так что двоим из нас придется выйти замуж за нормальных!.. Я полюбила Алана и хочу стать его женой. Вы должны быть мне благодарны, вам же станет легче.

— Не обязательно, — спорил Майкл, — не верю, что мы — единственные. Должны быть другие, может, их просто не слышно. Если подождать...

— Чего?! Ждать годы, ждать всю жизнь? У меня есть Алан, а вы хотите, чтобы я ждала неведомо кого! А если он так и не придет? Или я его возненавижу? Вы хотите, чтобы я отказалась от Алана и потеряла все? Нет! Я не просила сделать меня такой, и у меня есть право на нормальную жизнь, как у всех! Мне будет нелегко. А вы думаете, легче будет, если я вот так и буду одна год за годом? Нам всем нелегко, но, если двоим придется отказаться от всякой надежды на любовь и дом, станет куда хуже! Трое могут выйти замуж за троих, а двое? Останутся в стороне? Они же никому не нужны! Ты, Майкл, не задумывался об этом, да и вы все тоже. А я знаю, чего хочу, потому что никто из вас не влюблялся — кроме Дэвида и Розалинды — и не знает, каково мне!

Конечно, отчасти она была права. Мы постоянно помнили о своих проблемах. Хуже всего — необходимость вести двойную жизнь, наши собственные семьи попросту душили нас. Мы могли лишь надеяться на освобождение в будущем. Правда, мы еще не знали, как его достичь, но все понимали, что брак с «нормальным» будет невыносимым. Ведь любой из нас по-прежнему окажется ближе к остальным, чем к собственным мужу или жене. Не супружество, а подделка. Муж и жена — по разные стороны барьера, более широкого, чем барьер различных языков, язык-то можно выучить. А тут одному из двоих придется постоянно что-то скрывать, второй же никогда не сможет выучиться. Не жизнь — несчастье. Придется следить за каждым шагом, не доверять человеку, с которым связал свою жизнь, опасаясь разоблачения. А ведь мы уже убедились в том, что время от времени все допускают ошибки.

Мы так привыкли общаться мысленно, что общение лишь с помощью слов, звуков стало казаться нам несовершенным, а все окружающие — недоразвитыми, полуглухими. Помоему, «нормальные» не сумеют понять, до чего мы близки друг другу. Как объяснить, что такое «думать вместе», сообща решать задачу, непосильную для одного? Нам не приходится искать подходящее слово, мы не лжем, не при-творяемся, даже если бы захотелось, — в мыслях это невозможно. Непонимание среди нас исключается. Что же станется с тем из нас, кто свяжет свою жизнь с полуглухим «нормальным»? Ведь он может лишь догадываться о мыслях и чувствах жены! Результат — затянувшееся несчастье, раздражение, которое неминуемо должно вылиться наружу.

Или же накопятся маленькие несоответствия, постепенно укрепитесь подозрение...

Энн, все прекрасно понимая, перестала обращать на нас внимание. Она отказывалась отвечать нам, но мы-то не знали, совсем она отключилась или все же слушает наши беседы по вечерам. И мы уже не решались обсуждать что-либо откровенно, не пытались выработать какую-то позицию. Может, тут ничего и нельзя было сделать, во всяком случае, мне ничего в голову не приходило. Розалинда тоже ничего не могла предложить.

Розалинда стала высокой стройной девушкой. Она была такой симпатичной, что мне постоянно хотелось смотреть на нее. Двигалась она легко, грациозно. Кое-кто уже начал заглядываться на нее, а Розалинда была со всеми вежлива — не более. Она всегда отличалась решительностью и во всем полагалась на себя. Наверное, она невольно вселяла в кавалеров робость, и после немногих попыток за ней переставали ухаживать. Она никому не давала надежд. Может, поэтому она больше всех нас была потрясена поступком Энн.

Иногда мы с Розалиндой тайком встречались. По-моему, никто — кроме остальных наших, конечно, — и не подозревал, что мы любили друг друга. Мы тайком ласкались, а в мыслях сидело: неужели вот так — всю жизнь? Но надвигавшаяся свадьба Энн вгоняла нас в еще большую тоску. Жениться или выйти замуж за «нормального»? Даже за самого доброго, самого понимающего?..

Конечно, единственный, у кого я мог спросить совета, был дядя Аксель. Как и все в округе, он знал о готовящейся свадьбе, но не подозревал, что Энн — одна из нас. Новость он принял крайне мрачно. Обдумав все, он покачал головой:

— Да, Дэви, плохо дело, ты прав. Я уж лет пять-шесть как понял, но все надеялся, что до свадеб дело не дойдет... Похоже, вы все приперты к стенке, а?

Я кивнул:

— Она нас не слушает, отдалилась. Уверяет, что все кончено. Пытается стать «нормальной». Раньше у нас никогда не бывало ссор, а тут она накричала на нас и завершила словами, что всех нас ненавидит. Дело в том, что она влюбилась в Алана и хочет выйти за него замуж. Я и не знал, что можно вот так чего-то хотеть. Она — как слепая, и думать не желает, что с ней может случиться. Как быть?..

— А ты не считаешь, что ей все же удастся стать «нормальной», полностью отключившись от вас? Или это слишком сложно?

— Мы думали об этом, — ответил я. — Она может не отвечать, вот сейчас она молчит. Но молчать постоянно... Это же все равно что принести обет молчания на всю оставшуюся жизнь! Она не в силах заставить себя просто забыть и стать Нормой! Майкл объяснял ей: это все равно как если бы она вышла замуж за однорукого и делала вид, что у нее тоже одна рука. Ничего хорошего не выйдет.

Дядя Аксель немного подумал.

— И вы уверены, что она с ума сходит по Алану и ей ничего не втолкуешь?

— Да, она на себя не похожа, в голове хаос. Еще до того, как она замолкла, мы чувствовали, насколько искажены ее мысли.

Дядя Аксель пожал плечами:

— Женщины часто считают, что влюблены, когда им просто хочется замуж. Оправдываются перед собой. Вредато в том нет, да и иллюзия сослужит им потом службу. Но по-настоящему влюбленная женщина — дело другое, она живет в мире, где все перспективы искажены. У нее одна цель, и на нее ни в чем нельзя положиться. Она принесет в жертву что угодно, включая себя самое, лишь бы быть любимой. Ей это кажется логичным. Остальные считают ее безумной, она опасна в социальном смысле. А если у нее к тому же чувство вины перед другими, она всеми силами будет стараться от него избавиться, и тогда... — Он помолчал. — Опасно, Дэви, слишком опасно. Сожаление... самоотречение... самопожертвование... стремление к очищению... Все станет давить на нее, она ощутит тяжесть ноши — и желание с кем-то ее разделить. Да, Дэви, боюсь, что рано или поздно...

Я тоже так считал.

— Но что же делать? — спросил я горько.

Он пристально поглядел мне прямо в глаза.

— А как ты считаешь, есть у вас право что-то предпринять? Один из вас собрался сделать шаг, опасный для восьми. Конечно, сама она не до конца осознает это. Если Энн и собирается сохранять по отношению к вам лояльность, она все равно подвергает вас риску, делает это намеренно, преследуя личную цель. Есть ли у нее право на

создание угрозы для семи человек, лишь потому что она хочет жить со своим избранником?

Я заколебался:

— Ну, если так подходить...

— Только так! Есть ли у нее такое право?

— Но мы же старались ее разубедить, — ушел я в сторону от вопроса.

— И вам не удалось. Вы что же, будете спокойно сидеть и ждать, пока она не потеряет самообладание и не выдаст вас?

— Не знаю...

— Послушай-ка, — сказал дядя, — я знал человека, пережившего кораблекрушение, и вот они плыли в лодке, а воды и пищи было мало. Один из них напился морской воды и сошел с ума — пытался сломать лодку, чтобы все пошли на дно. Он оказался опасным, он мог погубить всех. Пришлось выкинуть его за борт, а трое оставшихся добрались до берега. Не выкинь они его — им бы не хватило воды, и все бы погибли.

Я покачал головой:

— Нет, на это мы не пойдем.

Дядя Аксель продолжал смотреть мне в глаза.

— Нельзя сказать, что наш мир уютен и приятен, он небезопасен для всех, кто отличается от Нормы. Но, может ваш вид и не способен выжить...

— Дело не в том. Если бы нужно было «выбросить за борт» Алана, мы бы так и поступили. Но ведь вы имеете в виду Энн, а это немыслимо. Не потому, что она женщина, нет. Просто мы слишком близки, вот мне она ближе, чем собственная сестра. Трудно объяснить... — Я остановился: как же выразить все словами? — Понимаете, это хуже, чем убийство, как если бы мы оторвали часть самих себя...

— Ну что ж, значит, над вашими головами нависает меч

— Знаю, — грустно согласился я. — Но меч внутри нас — еще хуже.

Я ничего не сообщил остальным, боясь, что Энн поймает наши мысли. Но я и так знал наверняка, что все скажут как знал и то, что дядя предложил единственно верный способ. Только никто из нас на это не пойдет.

Энн упорно молчала... Слушает она нас или нет? Ее сестра Рейчел рассказала нам, что теперь Энн объясняется

только вслух и вообще ведет себя как «норма», и все же мы не решались обмениваться мыслями так свободно, как прежде.

Настал день свадьбы, потом они с Аланом переехали в дом, подаренный им ее отцом. Народ посудачил о том, что зря-де она вышла замуж за сына кузнеца, но и все.

В последующие месяцы мы почти ничего не слышали о ней, даже сестру она не особенно жаловала. Оставалось лишь надеяться, что Энн счастлива.

А мы с Розалиндой всерьез задумались о себе. Не помню, когда мы с ней решили пожениться, мы ведь не были близкими родственниками, ее отец приходился моей матери сводным братом. Мне кажется, такие вещи как бы суждены свыше, особенно если они совпадают с вашими собственными желаниями. В общем, мы с ней всегда это знали. Мы росли, постоянно думая вместе, и были близки как никто. Кругом царила неприязнь, и с годами мы становились все ближе, не сознавая сначала, что любим друг друга.

Осознав же, поняли, что хоть этим не отличаемся от «нормы» — и что препятствия перед нами все те же.

Бражда наших семейств продолжалась уже много лет. Началась она из-за коней-гигантов, а вылилась в постоянные распри и взаимные обвинения наших отцов. Они бдительно следили, не появились ли на полях соседа Отклонения, и было известно, что оба предлагали награду за информацию о малейшем Нарушении.

Отец даже шел на некоторые жертвы в своем стремлении быть более благочестивым, чем Энгус. Например, мы перестали высаживать помидоры и картофель — он предпочитал покупать их. Конечно, уровень нормальности на обеих фермах поднялся, но уровень дружелюбия все опускался... Ясно было, что на союз детей наши семьи никогда не согласятся...

Мы оба понимали, что придется трудно. Ее мать уже пыталась подыскать Розалинде жениха, да и я замечал, что моя мать изучает соседских девушек, — пока, правда, крайне неодобрительно. Мы были уверены в том, что никто не подозревает о наших отношениях. Если Стормы и Мортон общались, то очень мало и язвительно, а встречались мы только в церкви.

Мы оказались в тупике и не знали, как из него выбраться. Жениться тайком? Но Энгус мог и пристрелить нас, или наши благочестивые семейства наконец объединились бы, чтобы объявить нас вне закона. Мы часто обсу-

дали положение, пытаюсь найти выход, но даже спустя полгода после свадьбы Энн все еще ничего не придумали.

Что до остальных, то через полгода они перестали так сильно волноваться. Конечно, мы помнили об угрозе, но ведь мы жили так с раннего детства.

Но однажды воскресным вечером Алана нашли мертвым на тропинке, ведущей через поле к его дому. Из горла его торчала стрела.

Новость мы узнали от Рейчел, и, пока она пыталась дозваться до сестры, мы все с беспокойством прислушивались. Рейчел старалась изо всех сил. Безуспешно! Энн не отвечала — даже в горе она не откликалась на наши утешения.

— Я сбегая к ней, — сказала нам Рейчел. — Может, кто-то сидит рядом, вот она и молчит.

Мы ждали почти час. Потом услышали расстроенную Рейчел:

— Она даже не впустила меня в дом. Соседку впустила, а меня — нет.

— Она считает, что кто-то из нас его убил, — решил Майкл. — Кому что известно?

Но все решительно отрицали свое участие, никто ничего не знал об убийстве.

— Необходимо заставить ее поверить нам, — сказал Майкл. — Попытаемся дозваться — все вместе.

Мы попытались — безуспешно.

— Плохи дела, — признал Майкл. — Рейчел, попробуй отнести ей записку. Составь ее так, чтобы никто чужой не догадался.

— Попробую.

Еще час, наконец снова Рейчел:

— Бесполезно. Я передала записку соседке, но она вышла и сказала мне, что Энн порвала записку, не читая. Там сейчас наша мать, она пытается убедить Энн пойти домой.

Майкл помолчал, затем посоветовал:

— Можно ожидать всего. Старайтесь не вызывать подозрений, но готовьтесь к бегству. Рейчел, держи нас в курсе. Если что случится, сообщай сразу!

Я не знал, что делать. Петра уже спала, стоит ли ее будить? Ее-то уж никто не заподозрит. Так что я лишь

прикинул, что делать в случае несчастья, и решил, что у меня будет достаточно времени, если придется бежать обоим.

Рейчел позвала нас уже ночью:

— Мы с мамой идем домой. Энн всех выгнала, мама хотела остаться, но Энн вне себя, у нее истерика. Она заставила всех уйти. Сказала маме, что знает, кто убил Алана, но имен не называла.

— Ты считаешь, она имела в виду нас? — спросил Майкл. — Может, Алан просто с кем-то разругался?

Рейчел почти не сомневалась:

— Если бы дело обстояло так, она бы впустила меня, не стала бы кричать, чтобы я убиралась. Но все же утром я сбегаю к ней, узнаю, не передумала ли она.

Этим нам и пришлось удовлетвориться, после чего мы все ненадолго забылись беспокойным сном.

Позднее Рейчел рассказала нам, что произошло утром.

Она поднялась на рассвете и побежала к дому Энн по полю. Сначала она не решалась стучать, боясь криков и упреков. Но так стоять тоже толку мало... Она собралась с духом и подняла молоточек. Стук эхом отозвался по дому, но к дверям никто не подходил. Она снова постучала, погромче. Тишина. Рейчел заволновалась. Снова постучала, потом побежала за соседкой. Вдвоем они выбили окно и влезли внутрь. И нашли Энн в спальне — она повесилась.

Они сняли ее, положили на постель, прикрыли простыней. Рейчел казалось, что все это сон, она не могла опомниться. Соседка взяла ее за руку и повела к двери, как вдруг заметила на столе листок бумаги и протянула его Рейчел:

— Это, наверное, тебе или твоим родителям.

Рейчел тупо поглядела на листок, прочла надпись и тупо начала:

— Это не... — и замолчала.

Она сделала вид, что внимательно читает записку, вспомнив, что соседка, к счастью, не умеет читать.

— Да, это нам, — ответила она, сунув листок за пазуху.

Но там было написано: «Инспектору».

Муж соседки отвез Рейчел домой, и она сообщила родителям о смерти Энн. Наконец, оставшись одна в той комнате, где они долго жили вместе, Рейчел прочла письмо сестры.

В нем были перечислены все наши имена, включая Рейчел и даже Петру, объяснено, в чем заключалось наше

Отклонение, и далее утверждалось, что это мы убили Алана. Рейчел дважды прочла письмо и затем сожгла его.

Через день-другой напряжение среди нас слегка спало. Самоубийство Энн, конечно, было трагедией, но никто о нем не задумывался. Молодая жена, ожидающая первого ребенка, временно лишилась рассудка, узнав о внезапной смерти мужа. Печально, однако ничего не поделаешь.

Никто, включая нас, не знал, кто повинен в смерти Алана Эрвина. Расследование показало, что многие питали к нему неприязнь и многих он успел обидеть, но ни у кого не нашлось мотива для убийства. Старый Вильям Тей признал, что это он делал стрелу, но ведь практически все стрелы в округе были сделаны его руками. Это была обычная охотничья стрела, в любом доме их десятки. Люди, конечно, сплетничали. Говорили, что Энн в последнее время не так сильно любила Алана и даже слегка побаивалась его. К большому огорчению ее родителей, начали даже поговаривать, что-де она сама пустила в него стрелу, а затем покончила с собой. Но и эти слухи утихли за неимением доказательств. В конце концов тайну списали за неразгаданностью. Кто знает, может, то был несчастный случай, а охотник теперь не решается признаться.

Мы постоянно прислушивались, не заподозрит ли и нас кто-нибудь. Нет, ничего подобного. Со временем мы позволили себе расслабиться. Однако, хотя источник постоянного напряжения исчез, эффект его все еще сохранялся. Мы чувствовали, как резко отличаемся от остальных, и понимали, что безопасность всех находится в руках каждого.

Мы горевали об Энн, но горе наше смягчалось знанием, что на самом деле мы лишились ее еще год назад, когда она только вышла замуж. Лишь Майкл не разделял общего облегчения.

— Одна из нас оказалась недостаточно сильной, — повторял он.

ГЛАВА 11

Весенние инспекции прошли благоприятно. Всего два поля во всей округе были осуждены на уничтожение, но они не принадлежали ни отцу, ни Энгусу Мортону. Два предыдущих года были настолько плохими, что даже те, кто не сразу уничтожали Отклонения в первый раз, во второй не задумываясь убивали всех животных, вызывавших сомне-

ние, вследствие чего уровень нормальности у нас снова повысился. Люди стали относиться друг к другу добрее, по-соседски. К концу мая начали даже заключать пари о дальнейшем снижении уровня Отклонений. И старый Джейкоб признал, что гнев Господень поутих.

— Господь милостив, — говорил он с некоторым сожалением. — Он дает нам еще один шанс. Будем надеяться, грешники ступят на путь истинный, не то через год будет еще хуже. Да и нынешний год пока не кончился, все еще может испортиться!

Однако ничего плохого не происходило. Урожай на полях соответствовали Норме, да и овощи по размерам не превышали допустимых пределов. Похоже было, что и погода установилась хорошая. Инспектор почти безвылазно сидел у себя в кабинете, так как делать ему было нечего. К нему даже начали прилично относиться жители округи.

Как и остальные, мы настроились на спокойное трудовое лето. Возможно, все и обошлось бы — если бы не Петра.

Прекрасным ранним утром в июне она выкинула сразу две штучки, зная, что этого делать нельзя. Во-первых, влекомая жаждой приключений, в одиночку отправилась погулять на своем пони. Во-вторых, отъехав от наших полей, она не остановилась, а углубилась в лес.

Я уже упоминал, что лес вокруг Вакнука довольно безопасен, однако полагаться на это не стоит. Дикие кошки чаще всего убегают, нападают они редко. Но все же никто не ходил в лес без оружия — мало ли какие крупные звери могут пробраться к нам из Окраин!

Зов Петры прозвучал у меня в голове так же внезапно и так же оглушающе, как и в первый раз. На сей раз в нем не звучала такая ужасная паника, и все же человеку, мысленно принявшему такой вопль, становилось не по себе. Кроме того, у девочки начисто отсутствовал контроль. Она прямо-таки волнами испускала ощущение ужаса, которое заглушало все вокруг.

Я хотел дозваться остальных, чтобы они не мчались на зов, но меня не слышала даже Розалинда. Трудно описать подобное заглушение. Словно пытаешься перекрыть жуткий шум и одновременно разглядеть что-нибудь в густейшем тумане. Хуже всего, абсолютно неясна была причина страха Петры — бессловесный вопль протеста. Чисто рефлекторное действие, не мысли, не контроль. Сомневаюсь даже

чтобы она сама знала, что творит. Инстинкт... Я лишь понял, что ей плохо и что она далеко...

Выскочив из кухни, я подбежал к дому, схватил ружье, всегда висевшее у двери, взведенное и заряженное на случай необходимости. Через пару минут, оседлав коня, я уже несся по направлению к Западному лесу.

Если бы Петра хоть на секунду перестала так «вопить», мы бы связались друг с другом и последствия ее выходки не были бы столь серьезны. Но она продолжала посылать сигналы боли и тревоги, напрочь отделяя нас друг от друга, так что оставалось лишь как можно быстрее мчаться к ней.

Дорога была не слишком хорошей, в одном месте я даже свалился с коня и потерял несколько минут, ловя его. Наконец я добрался до места, но Петру не увидел. Сначала я увидел ее пони. Он лежал на полянке с разодранным горлом, а на нем сидело невиданное мной прежде чудовище, жадно урча и пожирая громадные куски мяса.

Я стал снимать ружье, и движение, видно, привлекло его внимание. Зверь повернул голову, посмотрел на меня и собрался для прыжка. Я поднял ружье, но тут в воздухе свистнула стрела и вонзилась ему прямо в горло. Зверь взвился в воздух и рухнул, все еще глядя на меня желтыми глазами. Мой конь от испуга встал на дыбы, так что ружье мое выпало в воздух. Еще две стрелы вонзились в чудовище, и оно застыло на земле, мертвое.

Справа от меня на поляну выехала Розалинда, держа в руках лук. С другой стороны появился Майкл, держа стрелу наготове. Мы все еще не могли общаться — Петра заглушала нас всех.

— Где она? — спросила вслух Розалинда.

Мы осмотрелись и наконец заметили небольшую фигурку, висевшую метрах в четырех от земли на молодом деревце. Розалинда подъехала к дереву и сказала малышке, что уже можно слезть. Петра продолжала висеть там, в развилке, — казалось, она не в состоянии двинуться. Я спрыгнул с коня, вскарабкался на дерево и снял ее, а Розалинда усадила ее к себе и попыталась утешить. Но Петра поглядела на своего милого пони, и ее «вой» лишь усилился.

— Нужно прекратить это, — сказал я, — она же всех сюда созовет.

Майкл, убедившись в том, что зверь мертв, присоединился к нам и с беспокойством смотрел на Петру.

— Она и понятия не имеет, что творит. Просто вопит от ужаса — внутри, в душе. Уж лучше бы орала вслух! Давайте-ка отведем ее в сторону, так, чтобы она перестала глядеть на пони.

Мы отошли за кусты. Майкл попытался спокойно поговорить с Петрой, но девочка, казалось, не слышала его, и горе ее ничуть не утихло.

— А не попробовать ли нам всем вместе передать ей какой-нибудь образ? — предложил я. — Утешение-сочувствие-облегчение. Готовы?

Мы пытались — секунд пятнадцать. Никакого успеха. Мы беспомощно смотрели на нее. Правда, небольшое изменение наступило: ужас исчез, хотя горе и непонимание все еще заглушали наши мысли. Петра заплакала. Розалинда обняла ее, прижала к себе.

— Что ж, пусть ее, авось полегчает, — сказал Майкл.

Пока мы ждали, чтобы она успокоилась, случилось то, чего я и опасался. Из-за деревьев верхом на лошади показалась Рейчел, а с другой стороны появился юноша, которого я раньше не видел. Конечно, Марк.

До сих пор мы никогда не собирались вместе — слишком опасно. А теперь мы были почти уверены, что откуда-нибудь сюда спешат еще две девушки, а мы ведь всегда считали, что нам нельзя показываться группой.

Так что мы торопливо объяснили новичкам, что случилось, и попросили их побыстрее убраться отсюда — да и Майкла тоже. А мы с Розалиндой попытаемся успокоить Петру. Они сразу согласились и исчезли за деревьями, мы же все пытались утешить Петру — безрезультатно.

Минут через десять из-за кустов показались Салли и Кэтрин. Верхом, и луки наготове. А мы-то надеялись, что наши встретятся им по пути и сумеют предупредить! Но они явно домчались сюда другим путем.

Девушки подъехали ближе, недоверчиво глядя на Петру. Мы снова все объяснили, и снова вслух, а потом попросили их уехать. Они уже развернули лошадей, и тут показался незнакомец — крупный мужчина верхом на гнедой кобыле.

— Что здесь происходит? — резко спросил он, глядя на нас с подозрением.

Я не знал, кто он, но вид его мне не понравился. Задавая ему обычные вопросы, я подождал, пока он выдернет из кармана карточку с отметкой о проверке личности в нынеш-

нем году. Мы установили, что ни он, ни я не являемся преступниками.

— Так в чем дело? — спросил незнакомец.

Мне сильно хотелось посоветовать ему не лезть не в свое дело, но потом я решил, что лучше уж быть повежливее, и объяснил, что на пони моей сестренки напал неизвестный зверь, а мы прибежали на помощь. Пристально поглядев на меня, он повернулся к Салли и Кэтрин.

— А вы как тут оказались?

— Услышали крик ребенка и, конечно, поспешили сюда.

— Но я ехал за вами и ничего не слышал!

Салли и Кэтрин переглянулись, потом повернулись к нему:

— Мы-то услышали!

Настало время и мне вступить в разговор.

— По-моему, слышно было далеко, бедняга пони ведь тоже визжал.

Я отвел мужчину за кусты и показал останки бедного пони и жуткого зверя. На лице чужака отразилось изумление, словно он не ожидал такого доказательства. Но он еще не успокоился — потребовал, чтобы я показал ему карточки Розалинды и Петры.

— Чего ради? — спросил я.

— Разве вы не слышали, что жители Окраин рассылают повсюду своих шпионов?

— Нет, — ответил ему я. — А что, мы так похожи на шпионов?

Однако незнакомец не обратил внимания на мой вопрос.

— Да, так вот, и было указание всех проверять. Скоро начнутся крупные неприятности, так что лучше вам не соваться в лес.

Его все еще что-то раздражало. Он поглядел на пони, потом на Салли.

— По-моему, если этот пони и визжал, то уже с полчаса прошло. Как же вы услышали?

— Но шум-то несся отсюда, а подъехав, мы услышали плач маленькой девочки, — ответила она просто.

— И правильно поступили, — вставил я. — Не окажись мы намного ближе, вы спасли бы ей жизнь. К счастью, девочка не пострадала, хотя пережила сильный испуг. Думаю, мне лучше поскорее отвезти ее домой. Спасибо за помощь!

Салли и Кэтрин приняли все как должное. Поздоровали нас со спасением Петры, выразили надежду, что она быстро оправится от шока, и уехали. Мужчина не спешил; его все еще что-то не удовлетворяло, но и прицепиться было не к чему. Он испытующе оглядел нас, собираясь что-то сказать, затем передумал. Повторил совет не соваться больше в лес и тоже уехал.

— Кто он? — тревожно спросила Розалинда.

Я мог назвать лишь имя на карточке: Джером Скиннер. Но я не знал его, и похоже было, что он не знал нас. Я спросил бы Салли, не слышала ли она раньше о нем, но Петра все еще мешала нам общаться. Странно было ощущать себя отрезанным от остальных, и я невольно вспомнил Энн, подумав: как же ей удалось так надолго отрезать себя от нас?

Розалинда двинулась к дому, все еще прижимая к себе Петру. Сняв с мертвого пони седло и уздечку, выдернув из зверя стрелы, я последовал за ними.

Дома Петру сразу уложили в постель. До самого вечера она продолжала волноваться, но к девяти часам наконец уснула.

— Слава Богу! — немедленно воскликнул кто-то.

— Кто этот Скиннер? — хором спросили мы с Розалиндой.

Салли ответила:

— Он тут недавно, отец знает его. У него там, не далеко от леса, ферма. Нам здорово не повезло, он заметил нас и, конечно, понять не мог, зачем мы галопом несемся в лес.

— Похоже, он нас заподозрил, но почему? В чем? — спросила Розалинда. — Неужели он знает о мысленном общении? Мне казалось, никто и не догадывается...

— Ну, сам-то он не умеет мыслить образами — не посылает и не принимает, — сказала Салли.

Тут вмешался Майкл — его даже мысленно ни с кем не спутаешь:

— О чем вы тут?

Мы объяснили, он выразил свое мнение:

— Некоторые, кроме нас, начали задумываться о возможности появления чего-то такого, но они пока не знают, чего именно. Они называют это свойство «телепатией», вернее, называют так те, кто в нее верит. А многие вовсе не верят в ее существование.

— А те, кто верит, считают телепатию Отклонением? — спросил я.

— Трудно сказать, видимо, пока вопрос так не стоит. Но ведь если Господь может читать наши мысли, то и люди, сотворенные по образу и подобию Его, тоже должны бы это уметь. Можно попытаться доказать, что человек утерять эту способность после Кары... но не хотел бы я доказывать это трибуналу.

— Тот мужчина что-то учуял, — сказала Розалинда. — Кто-нибудь еще интересовался вами?

Все дружно ответили «нет».

— Хорошо. Но нужно сделать все, чтобы такого больше не случилось. Дэвид объяснит Петре ситуацию и будет учить ее контролю. Если снова произойдет нечто подобное, постарайтесь не обращать внимания. Оставьте это на нас с Дэвидом. Но если зов будет таким же мощным, как в первый раз, пусть тот, кто добежит до девчонки раньше всех, стукнет ее, что ли, чтобы она ненадолго потеряла сознание... Нам нельзя собираться группой! В следующий раз удача отвернется! Вы согласны?

Все согласились, а потом мы с Розалиндой остались вдвоем и долго обсуждали, как мне заговорить с Петрой.

На следующее утро я проснулся рано и сразу почувствовал горе Петры. Она уже ничего не боялась, лишь оплакивала своего бедного пони.

Я попытался передать ей мысленно хоть что-нибудь — она не отозвалась. И все же в переживаниях ее наступила пауза, девчушка с недоумением прислушалась. Я встал, оделся, вышел в коридор и прошел к ней. Она мне очень обрадовалась, и ощущение печали сильно поубавилось. Уходя, я пообещал взять ее с собой на рыбалку.

Нелегко объяснить кому-то словами, как передавать мыслеобразы. Все мы начинали с нуля, но нам было легче, так как мы быстро нашли друг друга. С Петрой же дело обстояло иначе. Еще когда ей было всего шесть с половиной лет, она передавала мысли, вернее, чувства, с такой силой, что заглушала нас всех. Сама она этого не осознавала, потому и не могла контролировать себя. Как умел, я старался объяснить ей, в чем дело. С первого случая прошло полтора года, ей исполнилось уже восемь лет, но все же трудно было найти для нее простые слова. Мы сидели на берегу реки, и я целый час пытался втолковать сестре, в чем дело. Пустой

номер! Ей стало скучно, и она меня уже не слушала. Нужно было придумать что-то новое.

— Давай поиграем, — предложил я. — Закрой глаза, зажмурься и представь себе, что смотришь в темный колодец. Ничего не видно, верно?

— Да, — она изо всех сил зажмурила глаза.

— Хорошо. Постарайся думать только о том, что колодец глубокий и темный. Поняла?

— Да.

— Ну а теперь смотри, — сказал я.

Я представил себе кролика — и как он морщит нос. Петра засмеялась. Слава Богу. Значит, она и принимать может. Я придумал ей щенка, цыплят, лошадку и повозку. Минуты через две она открыла глаза и с недоумением осмотрелась.

— А где же они?

— Нигде. Они в уме, это я думал о них — придумывал для тебя. Такая игра. Теперь я закрою глаза, и мы вместе будем смотреть в колодец. А ты придумай для меня какую-нибудь картинку.

Я добросовестно играл свою роль и потому полностью открылся ей, в чем и состояла моя ошибка. В меня будто молния ударила, я чуть сознание не потерял. Остальные тотчас начали жаловаться. Я объяснил им, что происходит.

— Поосторожнее, вы! — попросили все.

— Я чуть себе ногу не отрубил! — это Майкл.

— А я руку обварила! — это Кэтрин.

— Успокой ее, — посоветовала Розалинда.

— Она и не беспокоится. Она совершенно спокойна; просто она так устроена.

— Согласен, но надо же учить ее контролю! — выступил Майкл.

— Знаю — и стараюсь. Может, у кого есть совет?

— В следующий раз предупреди нас! — попросила Розалинда.

Взяв себя в руки я обратился к Петре:

— Ты подумала слишком сильно, — сказал я ей. — Попробуй сделать для меня маленькую картинку, ладно?

Петра кивнула и закрыла глаза.

— Готовьтесь! — мысленно крикнул я. Сам же пожалел в душе, что от мысленного обстрела не спрячешься.

На сей раз последовал лишь маленький взрыв. Я чуть не ослеп, но все же сумел уловить образ.

— Рыбка! Рыбка с повисшим хвостиком!

Петра была в восторге.

— И верно, рыба, — подтвердил Майкл. — Успех налицо, нужно лишь научить девочку использовать не более одного процента ее теперешней мощи, пока мы не научимся защищаться, или она сожжет нам все мозги!

— А что ты мне еще покажешь? — спросила Петра, и мы продолжили урок.

На следующее утро мы снова занимались. Дело оказалось тяжким и изматывающим, но и прогресс был налицо. Петра начала понимать, что такое связанная мысль и как передать другому ее образ. Конечно, делала она все по-детски, но все же мы могли понимать ее, несмотря на искажения. Труднее всего было удержать ее в рамках: едва она начинала возбуждаться, мы глохли и слепли.

Все жаловались, что ничем не могут заниматься, пока мы с Петрой учимся. К концу очередного урока я сказал Петре:

— Ну а теперь я попрошу Розалинду, чтобы она придумала для тебя картинку. Закрой глаза.

— А где же Розалинда? — спросила Петра, озираясь.

— Ее здесь нет, но это неважно. Закрой глаза и ни о чем не думай. «И остальные тоже», — добавил я мысленно.

Розалинда придумала пруд с утками, которые плавали в нем, словно танцуя, — все, кроме одного, тот старался изо всех сил, но у него ничего не получалось. Петре очень понравилось, и она даже смеялась от восторга, однако внезапно она передала свой восторг мысленно. Картинка исчезла, мы все едва чувств не лишились.

Да, нам приходилось тяжело, но мы так радовались ее успехам!

Уже на четвертом занятии она научилась освобождать мозг от всего лишнего, не закрывая глаз, что существенно облегчило дело. К концу недели мы здорово продвинулись. Мысли Петры все еще были неясными и нестабильными, но они становились четче с каждым днем. Простые мыслеобразы она принимала прекрасно, только не умела еще включаться в наш общий разговор.

— Слишком трудно и слишком быстро, — сказала она мне. — Но я всегда слышу, кто это: ты, Розалинда, Майкл или Салли. Вы просто очень быстро разговариваете. А другие говорят еще быстрее.

— Кто — Кэтрин и Марк? — спросил я.

— Да нет, их я отличаю, — нетерпеливо ответила Петра. — Я о тех, других, они очень далеко.

Я решил воспринять новость спокойно:

— Похоже, я их не знаю. Кто они?

— И я не знаю. Разве ты их не слышишь? Они вон там, только далеко-далеко, — она махнула рукой на юго-запад.

Я поразмышлял.

— Они и сейчас там?

— Да.

Я изо всех сил попытался что-нибудь уловить, но у меня ничего не получилось.

— Может, ты попробуешь передать мне, что слышишь?

Она попыталась. Что-то там было, только слишком смутно и непонятно. Возможно, Петра пыталась передать то, чего сама не понимала? Я позвал на помощь Розалинду, но и она мало что поняла. Петре явно было трудно, так что мы пока все прекратили.

Несмотря на то что у Петры по-прежнему сохранялась склонность то и дело испускать оглушающий мысленный вой, мы очень гордились ее успехами, — как родители своим ребенком. Словно мы открыли в неизвестном человеке способность стать великим певцом, но еще лучше.

— Да, все интереснее, — сказал как-то Майкл. — И будет еще интереснее, если, конечно, она нас всех не убьет сначала...

Как-то после ужина, дней через десять после эпизода с пони, дядя Аксель попросил помочь ему подогнать колесо, пока еще не стемнело. Внешне-то он был невозмутим, но так глянул на меня, что я тут же согласился. Выйдя из дома, мы ушли за стог сена, где нас не могли увидеть и услышать. Он сунул в рот соломинку и пристально посмотрел на меня.

— Дэви, мой мальчик, ты был неосторожен?

Есть сотня способов быть неосторожным, но он имел в виду всего один.

— Нет, по-моему.

— Кто-то из вас? — предположил он.

— Вроде нет.

— Гм-м, почему же тогда о тебе расспрашивает Джо Дарли?

— Понятия не имею.

— Не нравится мне это, Дэви.

— Только обо мне?

— О тебе и Розалинде Мортон.

— Ах вот как... Все же это только Джо Дарли... Может он что-то слышал о нас и хочет поднять скандал?

— Не исключено, — сдержанно согласился дядя Аксель. — Но с другой стороны, инспектор уже не раз использовал Джо Дарли в своих негласных расследованиях. Мне это не нравится.

Мне и самому это не понравилось. Но Джо не говорил ни с одним из нас, и вряд ли ему удалось собрать уличающий материал. Он ведь не мог подогнать нас под какое-то из известных Отклонений.

Дядя покачал головой:

— Их списки неограниченны, в них можно включать новое — нельзя сразу обозначить миллион Отклонений, которые могут случиться. Часть работы инспектора в том и заключается, чтобы выискивать новые нарушения и заводить расследование, если ему покажется, что он что-то обнаружил.

— Мы уже думали об этом, — сказал я. — Если начнутся расспросы, то все равно они не знают, чего ищут. Нам надо будет лишь изобразить полное недоумение, как всем нормальным людям. Если даже у Джо или кого-то другого есть какие-то сведения, то ведь это только подозрения, прямых улик-то нет.

Но дядя Аксель не успокоился:

— А Рейчел? Ее здорово потрясло самоубийство сестры...

— Нет, — уверенно ответил я. — Во-первых, ей пришлось бы донести и на себя, да и мы сразу поняли бы, что она что-то скрывает.

— А юная Петра? — спросил он тихо.

Я так и вытаращил глаза:

— Откуда вы знаете? Я же вам не говорил!

Он удовлетворенно кивнул:

— Стало быть, я верно вычислил.

— Но откуда же вы узнали? — спросил я, волнуясь. Интересно, кому еще пришла в голову та же мысль? — Она сама вам сказала?

— Нет, просто я наткнулся на... — Дядя Аксель замолк, потом продолжал: — Все дело в Энн. Я же предупреждал тебя, что из ее замужества ничего хорошего не выйдет. Есть такой тип женщины — не успокоится, пока не станет насто-

ящей рабыней мужа, тряпкой для вытирания ног. Вот такой она и была.

— Вы не... вы же не думаете, что она рассказала Алану о себе?

— Рассказала, — подтвердил он. — Более того, и о вас тоже.

Я с недоверием уставился на него:

— Ну уж, дядя Аксель!

— Точно, Дэви. Может, поначалу она и не собиралась. Может, сказала о себе; бывают женщины, которые не умеют молчать в постели. Может, ему пришлось выколачивать из нее остальные имена. Но он знал, — знал все.

— А вы-то откуда?..

Тут он вдруг ударился в воспоминания:

— Помнится, когда-то на берегу моря в Риге был крохотный притон, он принадлежал одному типу по имени Грут, и тот извлекал из своего заведения немалую выгоду. У него и прислуга была, три женщины и двое мужчин, они делали все, что он велел. Все. Если бы он их выдал, то двух девушек повесили бы за убийство, а одного из мужчин посадили бы на всю жизнь — за тяжкое преступление, мятеж. Не знаю уж, что натворили остальные, но только все они были у него в руках. Отличная ситуация для шантажа. Если слугам давали чаевые, он забирал деньги себе. Он следил за тем, чтобы девушки не отказывали морякам, — а потом отбирал деньги и подарки. Я частенько наблюдал за ним и ясно помню выражение его лица, когда он смотрел на них. Злорадное вождение — он знал, что они в его власти, да и они это знали. Стоило ему нахмуриться, и они уже плясали под его дудку. — Дядя Аксель на мгновение задумался. — Знаешь, никак не ожидал увидеть то же выражение лица в нашей церкви. Когда это случилось, мне стало сильно не по себе. Я вспомнил того типа из Риге, находясь здесь, в Вакнуке, — этот так же смотрел на тебя, Розалинду, Рейчел и Петру. По очереди. Больше его никто не заинтересовал.

— А вы не ошиблись — всего лишь выражение лица...

— Нет, Дэви, только не это выражение. Да, я его лично помнил — будто вновь оказался там, в Риге. Кроме того, если бы я ошибался, откуда бы мне знать про Петру?

— И что же потом?

— Ну, вернулся я домой, сел и маленько повспоминал Грута, поразмышлял о нем и о его приятной жизни. И еще кое о чем. А потом натянул на свой лук новую тетиву.

— Так это сделали вы! — воскликнул я.

— Ничего другого не оставалось, Дэви. Я, конечно, знал, что Энн обвинит кого-то из вас, но не могла же она донести на вас, не выдав себя. И свою сестру к тому же. Рискованно, но я пошел на риск.

— Да уж, риск был велик, мы все чуть не попались.

И я рассказал ему о письме Энн к инспектору, найденном Рейчел.

Дядя Аксель покачал головой:

— Не думал я, что она так далеко зашла, бедняжка. Уверен, что мой поступок вас спас. Алан ведь не был дураком. Прежде чем начать шантаж, он сделал бы полную запись и припрятал ее в укромном месте, на случай внезапной смерти. Плохо бы вам всем пришлось.

Чем больше я думал, тем яснее понимал, что нам всем действительно пришлось бы крайне плохо.

— Вы рисковали жизнью, дядя Аксель.

Он пожал плечами:

— Я-то не сильно рисковал, а вот вы...

Вскоре мы вернулись к тому, с чего начался разговор.

— Значит, нынешние расследования ничего общего со смертью Алана не имеют, уж столько времени прошло.

— Кроме того, Алан наверняка ни с кем не стал делиться тайной — он ведь рассчитывал получать за нее деньги, — согласился дядя. — Понятно, что они мало знают, иначе не затевали бы секретное расследование. Инспектор не захочет ссориться с твоим отцом или с Энгусом Муртоном. Но мы до сих пор не выяснили, откуда идет беда.

Я невольно подумал, что все началось после того случая с пони. Дядя Аксель, конечно, знал о смерти пони, хотя остального я ему не рассказывал, оберегая Петру. Мы молчаливо решили, что для его же собственной безопасности ему лучше знать поменьше. Однако он все равно узнал про Петру, так что теперь я детально описал ему все, что тогда произошло. Может, дело было в чем другом, однако ничего такого мы больше не знали. Он записал имя того чужака.

— Джером Скиннер... Попытаюсь разведать.

Вечером мы посоветовались, но без большого успеха. Майкл сказал:

— Если вы с Розалиндой уверены, что вас подозревать не в чем, то и я не вижу, к чему еще можно прицепиться. Только к тому случаю. К тому мужчине, — он послал мысленный образ, даже и не пытаясь произнести имя «Джером Скиннер» по буквам. — Если у него возникли подозрения, то он должен был послать донос своему окружному инспектору, а тот — вашему. Значит, о вас задумались уже несколько человек, да еще возникнут вопросы о Салли и Кэтрин. К сожалению, сейчас подозрения так и витают в воздухе, потому что известно о шпионах из Окраин. Завтра и я попробую что-нибудь разузнать.

— А нам что делать? — спросила Розалинда.

— Пока ничего, — ответил Майкл. — Если мы правы, то вас две группы, одна — Салли с Кэтрин, и вторая — ты, Дэвид и Петра. А мы трое ни при чем. Следите за собой, чтобы они не воспользовались вашей же оплошностью для налета. Если начнется расследование, мы прикроемся простачками, как и договорились. Петра, конечно, уязвимое звено, она еще слишком мала и не все понимает. Если начнут с нее, дело может кончиться одинаково для нас всех — стерилизацией и изгнанием в Окраины... Значит, на ней и надо сосредоточиться. Они не должны ее поймать. Может, пока на ней и нет подозрения, но ведь она была там, и потому все равно ее в покое не оставят. Если вы заметите, любой из вас, чрезмерный интерес к ней, то лучше сразу сбежать. Стоит им начать — и они все из нее вытряхнут.

Может, это ложная тревога, но если беда нагрянет, ты, Дэвид, за них отвечаешь. Ты отвечаешь за то, чтобы Петру не допрашивали — любой ценой. Если тебе придется кого-то убить, чтобы спасти ее, — убей! Дашь им повод — так они, не задумываясь, убьют нас. Не забывай: если нас раскроют, то постараются уничтожить — немедленно.

Если же произойдет худшее и ты не сможешь увести Петру, лучше убить ее, чем отдать им в руки, чтобы ее искалечили и выкинули в Окраины. Смерть будет куда милосерднее. Ты понял? Все согласны?

Все согласились. Я представил себе маленькую девочку, искалеченную, израненную, брошенную нагишом в Окраины, — и тоже согласился.

— Что ж, прекрасно, а пока было бы неплохо, если бы вы подготовились к побегу.

Сейчас трудно сказать, могли ли мы тогда поступить иначе. Стоило любому из нас сделать один ложный шаг — и плохо пришлось бы всем. К несчастью, мы получили сведения о расследовании лишь теперь, а не двумя днями раньше...

ГЛАВА 12

После общего совещания и разъяснений Майкла угроза разоблачения стала казаться мне куда более реальной и близкой, чем после разговора с дядей Акселем. Я наконец осознал, что в какой-то день мы все окажемся перед необходимостью спастись бегством.

Я знал, что в последний год беспокойство Майкла неуклонно росло. Словно он чувствовал, что у нас остается все меньше времени. Теперь и мне передалось его ощущение. Прежде чем лечь спать, я даже сделал кое-какие приготовления. То есть приготовил лук со стрелами, нашел мешок и положил в него хлеба и сыра. Еще я решил на завтра упаковать запасную одежду и обувь, да мало ли что может понадобиться. Нужно собрать одежду для Петры, одеяла, сосуд с пресной водой, огниво...

Я заснул, продолжая составлять список нужных вещей...

Прошло не больше трех часов, и я проснулся оттого, что открылась моя дверь. Луны не было, но ночь стояла звездная, и я рассмотрел маленькую фигурку в белой ночной рубашке.

— Дэвид, тебя Розалинда зовет...

Но Розалинда уже ворвалась сама:

— Дэвид, нужно бежать! Сейчас же — арестовали Салли и Кэтрин!..

Ее вытеснил Марк:

— Поторопитесь, пока есть время! Они все подготовили заранее. Наверняка уже отправлен отряд и за вами, бегите!

— Жду тебя у холма, скорее! — добавила Розалинда.

Я тихо шепнул Петре:

— Надевай комбинезон, и тихо!

Она, очевидно, не поняла наших быстрых мыслей, но уловила ощущение опасности и исчезла, выскользнув в коридор.

Я быстро натянул одежду, скатал в рулон одеяло, нашарил в темноте лук со стрелами, мешок и пошел к двери.

Петра уже почти оделась. Я выхватил из ящика комода кое-какую одежду, завернул все в одеяло.

— Не обувайся, — шепнул я, — иди на цыпочках, как кошка!

Выбравшись во двор, мы обулись. Петра собралась что-то спросить, но я приложил палец к губам и послал ей мысленный образ Шебы, нашей черной кобылы. Сестра кивнула, и мы осторожно прокрались по двору. Я открыл дверь конюшни, и тут раздался какой-то звук.

— Кони, — шепнула Петра.

Топот коней — но пока на расстоянии.

У меня уже не было времени искать седло и упряжь Шебы, мы вывели кобылу на поводу, я влез с поклажей, а Петра устроилась сзади, обхватив меня руками. Мы бесшумно выскользнули со двора через дальний выход и помчались к реке, а топот копыт все приближался.

— Ты уже тут? — спросил я Розалинду.

— Десять минут как! — ответила она. — У меня-то все было готово, а вот тебя мы никак не могли добудиться. Хорошо хоть Петра проснулась.

Петра уловила упоминание о себе и возбужденно вмешалась — у нас будто искры из глаз посыпались.

— Потихе, милая, потихе! — попросила Розалинда. — Мы тебе потом все расскажем. — Она помолчала, приходя в себя, потом позвала: — Салли? Кэтрин?

Они хором отозвались:

— Нас везут к инспектору. Мы ничего не понимаем, правильно?

Майкл и Розалинда согласились.

— Нам лучше отключиться от вас, — продолжала Салли. — Легче будет изображать нормальных, так что не старайтесь нас услышать.

— Хорошо, но мы постоянно готовы принять вас, — сказала мысленно Розалинда. — Передавайте, если нужно. — Она переключилась на меня: — Скорее, Дэвид, на ферме уже горит свет!

— Мы близко, да и они сразу не поймут, куда мы уехали в темноте.

— Но конюшня-то теплая, сразу догадаются, что вы сбегали.

Я оглянулся. Видно было освещенное окно и фонарь, раскачивавшийся в чьей-то руке. До нас даже донесся мужской голос, звавший кого-то. Я понукал Шебу, пока мы не добрались до брода, затем до мельницы. Мимо нее мы проехали шагом — чтобы никого не разбудить. Вдоль стены

бегала на цепи собака, но она не залаяла на нас. Вскоре я получил облегчение, испытанное Розалиндой. Она была уже совсем близко.

А вот и она, там, под деревьями у дороги. Ее уже видно — рядом кони-гиганты! На них были навьючены большие плетеные корзины, в одной из которых стояла Розалинда, держа наготове свой лук.

Я подъехал поближе, и она склонилась, чтобы рассмотреть, с чем я явился.

— Давай сюда одеяла. А в мешке что?

Я ответил, и она с упреком спросила:

— Это все?!

— Я же спешил, — оправдывался я.

Она уложила одеяла на планку, соединявшую корзины, я поднял Петру, и Розалинда усадила ее на коня.

— Давайте-ка сядем вместе, — велела Розалинда. — Влезай в другую корзину, при нужде можешь стрелять левой рукой.

Она спустила короткую лесенку, и я вскарабкался на коня. Шеба тут же побрела домой. Розалинда свернула плетеную лесенку, тряхнула вожжами, и не успел я усестся, как мы уже двинулись в путь. Второй конь шел рядом.

Мы двигались, то и дело пересекая ручьи, петляли по дороге, и я сообразил, что Розалинда продумала дорогу, стараясь запутать наши следы. Я, видимо, механически передал ей эту мысль, потому что она холодно ответила:

— Жаль, что ты не догадался немного подумать, прежде чем уснуть.

— Хотел все сделать завтра, — запротестовал я. — Не похоже было, что нам придется бежать так сразу...

— Ну конечно, а когда я попыталась посоветоваться с тобой, оказалось, что ты спишь как свинья! Мы с мамой целых два часа упаковывались да еще втаскивали корзины на коней, а ты спал!

— С мамой?! — потрясенно переспросил я. — Она знала?

— По-моему, догадывалась... но никогда ничего не говорила. Вечером я сказала ей, что, возможно, уеду. Она заплакала, но не удивилась, не спорила и не пыталась меня разубедить. Похоже, она давно решила помочь мне в случае чего — вот и помогла.

Я не мог и представить себе, чтобы моя мать сделала то же самое для нас с Петрой. Но все же она плакала, когда отец выгнал тетю Гарриет. А тетя Гарриет ради ребенка

готова была нарушить закон. И мать Софи... Интересно, сколько же у нас матерей, закрывающих глаза на Нарушения закона о Чистоте? И будет ли моя мать радоваться или печалиться, если мы с Петрой спасемся?..

Мы продолжали петлять: по каменистой тропе, через ручей, вновь по камням. Наконец очутились в лесу и ехали вдоль дороги, пока небо не стало сереть. Тогда мы забрались поглубже в лес, нашли для коней подходящее место, стреножили их и пустили пастись.

После того как мы закусили хлебом с сыром, Розалинда сказала:

— Раз уж ты так хорошо поспал, тебе первому и караулить.

Они с Петрой завернулись в одеяла и уснули.

Я уселся, положив на колени лук, а рядом воткнул несколько стрел. Ничего не было слышно, только птицы да жевавшие кони. Солнце начало пригревать. Время от времени я вставал и бесшумно обходил нашу поляну, держа стрелу на натянутой тетиве. Ничего. Через пару часов меня позвал Майкл:

— Где вы?

Я ответил.

— Куда едете?

— На юго-запад. Ночь будем ехать, а днем скрываться.

Он одобрил, однако высказал опасение:

— Плохо, что из-за шпионов везде полно патрулей. Не знаю, умно ли поступила Розалинда, взяв таких коней, ведь если их заметят, все сразу поймут, где вы, и отпечатка такого копыта достаточно.

— Однако обычные кони не смогут их перегнать, да и сил у них куда больше.

— Да, их выносливость вам пригодится. Дэвид, тебе надо крепко обо всем подумать. Дела плохи, о вас знают куда больше, чем мы думали, хотя пока еще не пронюхали про меня, Рейчел и Марка. Но они здорово перепугались и посылают за вами погоню. Я запишусь в один из отрядов, потом постараюсь наметить, что вас видели на юго-восточной дороге. А потом Марк поведет их на северо-запад.

Если вас кто-то заметит, не дайте тому уйти. Любой ценой. Но не стреляй из ружья. Был приказ не стрелять в вас, только давать сигнал. Любой выстрел будут проверять.

— Да у нас и ружья-то нет, — ответил я.

— Тем лучше, они-то считают, что есть.

Я намеренно не взял с собой ружье, отчасти из-за шума, но больше потому, что они тяжелые, медленно заряжаются и становятся бесполезными, едва кончится порох. Конечно, стрела не так далеко летит, но пока враг перезаряжает ружье, успеешь выпустить в него дюжину стрел.

Вмешался Марк:

— Я вас слышал, постараюсь распусть слухи о северо-западном направлении.

— Хорошо. Но не раньше, чем я тебе скажу. Розалинда, видимо, спит? Попроси ее позвать меня, как проснется, ладно?

И все смолкли. Часа два я еще нес караул, затем разбудил Розалинду. Петра не шелохнулась. Я лег рядом и вскоре тоже заснул.

Или на сей раз я чутко спал, или это было простым совпадением, но разбудила меня горестная мысль Розалинды:

— Майкл, я его убила, он мертв!.. — и дальше сплошной хаос.

Майкл, как всегда, излучал спокойствие и уверенность:

— Не плачь, Розалинда. Ты должна была так поступить. Ведь это они начали войну. А разве у нас нет права на жизнь?

— Что случилось? — спросил я.

Они не отвечали.

Я осмотрелся. Петра все еще спала, кони паслись рядом.

Майкл снова заговорил:

— Спрячь его, Розалинда, найди ямку и засыпь ее листьями.

Розалинда уже взяла себя в руки. Я встал, подхватил лук и пошел к ней. Но тут мне пришло в голову, что Петра останется без защиты, и в кусты я не полез. Да вот и Розалинда, медленно выходит из-за кустов, очищая стрелу пучком листьев.

— Что случилось?

Она, похоже, снова потеряла контроль над мыслями, я слышал лишь ее эмоции. Подойдя ближе, она заговорила в слух:

— Мужчина. Шел по следу. Майкл сказал... О Дэвид, я не хотела, но ведь иначе нельзя?

Глаза ее наполнились слезами. Я обнял ее, и она заплакала у меня на груди. Что я мог сказать? Только уверить ее, что она все сделала правильно.

Мы медленно вернулись к корзинам, и Розалинда присела возле Петры. Я спросил:

— А конь?

— Не знаю... он шел пешком.

Я прошел назад по нашим следам, ища стреноженную лошадь, но ничего не обнаружил. Вернувшись, я застал Петру проснувшейся, она болтала с Розалиндой.

День все тянулся. Ни Майкл, ни остальные не возникали. Несмотря на случившееся, мы решили переждать на месте до вечера.

Уже на закате мы что-то уловили — внезапно. Не ясный мыслеобраз, как обычно. Нет, крик боли. Петра всхлипнула и кинулась к Розалинде. Удар был столь силен, что стало больно. Мы с Розалиндой, широко раскрыв глаза, смотрели друг на друга. У меня затряслись руки. Но все же шок был столь неясным, что трудно было сказать, от кого он исходит.

Потом — смесь боли и стыда, безграничное горе и... Это, конечно, Кэтрин! Розалинда стиснула мою руку, и мы молча терпели, пока боль не утихла.

Вот Салли, волны любви и нежности к Кэтрин, потом — боль. И горестно — всем нам:

— Они добились от нее, добились... О Кэтрин, бедная... Не вините ее, пожалуйста, не вините! Ее пытаются. На ее месте мог быть любой из нас... Она почти без сознания, она нас не слышит. О Кэтрин, Кэтрин!.. — дальше одно горе.

Снова Майкл, сначала нетвердо, затем — жестко, как никогда:

— Это война! Я еще посчитаюсь с ними за Кэтрин!

На час наступило затишье, мы тем временем безуспешно пытались утешить Петру. Она мало что поняла, но чувства до нее дошли, и малышка испугалась.

И вот снова Салли — устало, печально:

— Кэтрин все признала, я тоже. Меня бы все равно заставили, а я... — Она вроде заколебалась, но мысль все же дошла до нас: — Я не могла... простите нас, простите!..

Майкл — с беспокойством:

— Салли, мы тебя не обвиняем — вас не обвиняем. Все понятно. Но ты должна сказать, что вы им открыли.

— Они знают, что мы умеем общаться мысленно, на расстоянии. Еще о Дэвиде и Розалинде. Они уже догадывались, но требовали от нас подтверждения.

— А Петра?

— О ней тоже... Бедная малышка! Но мы не могли... они так знали. Ведь Дэвид и Розалинда увезли ее с собой.

— А о других?

— Нет, мы сказали, что других нет, и нам как будто поверили. Они стараются понять, как мы посылаем мысленные образы и на какое расстояние. Я пытаюсь лгать. Говорю, что миль на пять, не больше, и делаю вид, что на таком расстоянии уже невозможно ясно различать мысли... Кэтрин в беспамятстве, она уже ничего не передаст вам... Они еще еще допрашивают меня... Если бы вы видели, что с ней сделали... Майкл, ее ступни...

И Салли исчезла.

Мы замолкли. Нам всем передалась ее боль, ее горе. Слова ведь нужно расслышать и воспринять, а мыслеобразы всегда в тебе.

Солнце уже садилось, и мы собирались в путь, когда нас назвал Майкл.

— Послушайте, они впали в панику. Обычно за Отклонениями не гонятся, если человеку удалось сбежать из округа. Ясно ведь, что без удостоверения нормальности жить можно лишь в Окраинах. Но сейчас они вне себя. Мы чуть не двадцать лет жили среди них, а они и не подозревали ничего, мы же внешне ничем не отличаемся от «нормальных». Выпустили указ, объявляющий вас вне закона как Отклонения. В нем содержится описание вашей вичности. Теперь вы официально объявлены нелюдьми и потому лишены права на жизнь. Всякий, кто решится вам помочь, совершает преступление. Всякий, кто поможет вам скрыться, также подлежит наказанию. В общем, вы вне закона. Любой может пристрелить вас на месте. Если кто-то сообщит о вашей смерти и представит доказательства, обещаю награда. Но если вас доставят живыми, награда будет куда больше.

Мы помолчали, потом Розалинда спросила:

— Не пойму, почему они не дадут нам спокойно уйти?

— Боятся. Они хотят поймать вас, чтобы как можно больше узнать. Потому и награда назначена. Дело не только в соответствии облику и подобию, хотя теперь они кричат об этом. Они поняли, что мы представляем для них опас-

ность. Представьте себе, что нас много и мы все делаем сообща, не путаясь в неуклюжих словах, как они. Мы ведь обгоним их во всем. Им это не нравится. Вот нас и хотят стереть с лица земли, прежде чем наше число увеличится. Они считают, что иначе не выживут, — может, они и правы...

— Салли и Кэтрин убьют?

Вопрос нечаянно выскользнул у Розалинды, и мы с беспокойством прислушались. Девушки не откликнулись. Конечно, они обе могли быть без сознания, или просто отключились, или мертвы...

— Вряд ли, — решил Майкл. — Они не станут так рисковать общественным мнением. Одно дело — заявить о физических недостатках новорожденного, тут же случай деликатный. Ведь те, кто знал Салли и Кэтрин с детства, не согласятся с решением объявить их нелюдьми. Если их убьют, многие начнут сомневаться в правоте властей.

— Но нас они ведь хотят убить? — с горечью спросила Розалинда.

— Вас пока не схватили, вы далеко ушли. Для чужих вы попросту Отклонения, бежавшие от закона.

Отвечать было нечего. Майкл спросил:

— Куда вы сейчас?

— На юго-запад, — ответил я. — Хотели бы укрыться в лесу. Но раз любой охотник готов пристрелить нас, придется уходить в Окраины.

— Пожалуй, так лучше. Попробуйте на время спрятаться там, а я попробую добыть фальшивые свидетельства о вашей смерти. Завтра я выезжаю с поисковым отрядом на юго-восток. Буду сообщать вам все новости. Не забудь, Дэвид: наткнетесь на кого-то — стреляй первым!

И мы отключились. Розалинда оседлала коней, мы навьючили на них поклажу и вскарабкались сами. Я снова сидел слева, а Розалинда с Петрой — справа. Розалинда перегнулась, шлепнула по гигантскому боку, и кони тяжело двинулись вперед.

До сих пор Петра молчала, но тут она разрыдалась, так и излучая огорчение. Шмыгая носом, она объяснила нам, что не хочет ехать в Окраины, ведь там живут и старая Мэгги, и волосатый Джек, и прочие чудища, о которых ей рассказывала мать.

Нам легче было бы успокоить ее, если бы мы сами не страдали от подобных страхов, или если бы мы точнее представляли себе, куда направляемся. Но мы мало что

могли сказать об Окраинах и потому молча терпели ее переживания. Правда, теперь Петра уже научилась немного сдерживаться, да и мы постепенно привыкли воздвигать нечто вроде мысленного барьера. Но все же было очень тяжело. Прошло чуть не полчаса, прежде чем Розалинде удалось уменьшить боль, терзавшую и девочку, и нас. Тотчас возник раздраженный, обеспокоенный Майкл:

— Ну что там у вас опять?

Узнав, в чем дело, он тотчас забыл о собственном раздражении и обратился прямо к Петре. Медленно, терпеливо он начал посылать ей мыслеобразы, объясняя, что Окраины — совсем не такое место, как говорится в сказках. Просто многие из живущих там не особенно счастливы. Их выгнали из дома, когда они были совсем еще маленькими, а некоторым приходилось убегать, потому что они не во всем подходили на обычных людей. Им приходилось жить в Окраинах — в других местах люди постоянно с ними ссорились. Конечно, некоторые из них выглядели довольно странно, но они же не виноваты. Их нужно пожалеть, а бояться тут нечего. Например, если бы у нас случайно обнаружили лишние пальцы или там ухо, нас бы тоже сразу выслали в Окраины, а ведь внутри-то мы такие же, как сейчас. Независимо, как человек выглядит, к этому можно привыкнуть..

Но тут Петра прервала его:

— А другая-то кто?

— О чем ты?

— Ну, там кто-то еще посылает мне картинки-мысли, и я тебя плохо слышу, — ответила Петра.

Настала пауза. Я вслушался, но ничего не уловил, никаких «картинок-мыслей». Потом: «Ничего», — от Майкла, Марка и Рейчел. Петра мысленно приказала: «Помолчите!» Мы замолкли и стали ждать.

Я заглянул в соседнюю корзину. Розалинда сидела, обняв Петру, и с беспокойством смотрела на нее. Петра закрыла глаза, внимательно к чему-то прислушиваясь. Наконец она слегка расслабилась.

— Ну, что там? — спросила Розалинда.

Петра открыла глаза и недоуменно ответила:

— Меня кто-то расспрашивает. Она далеко-далеко и говорит, что раньше уже улавливала мои мысли-страхи. Она хочет знать, кто я и где. Отвечать?

Мы не знали, что делать. Потом Майкл чуть возбужденно спросил, не считаем ли мы... Мы согласились, и он четко передал:

— Давай, Петра!

— Мне придется громко, — сказала Петра.

Хорошо, что она нас предупредила: мы успели закрыться, а то бы она попросту выжгла нам мозги. Я пытался сосредоточиться на дороге, но и это не помогало. Все мысленные образы были очень просты, как и следовало ожидать от ребенка. Но передавала Петра их настолько мощно, что я ослеп и оглох.

Во время паузы Майкл невольно вскрикнул:

— Ох!..

Но Петра снова попросила нас не мешать — и продолжила.

— Где она? — спросил потом Майкл.

— Вон там, — ответила Петра.

— Где?

— Она тычет рукой на юго-запад, — пояснил я.

— Ты не поинтересовалась у нее, как называется место, детка? — спросила Розалинда.

— Да, но я такого слова не знаю. Там две части и много воды. Она тоже не поняла, где я.

Розалинда предложила:

— Пусть она передаст тебе по буквам.

— Но я же не умею читать! — со слезами возразила Петра.

— Ох, и в самом деле... Зато ты можешь передавать сама... Давай-ка я покажу тебе мысленно нужные буквы, а ты попробуешь передать их для нее — ну, картинками. Попробуем?

— Давай, — неуверенно согласилась Петра.

— Начинаем. Поберегитесь! — передала нам Розалинда.

Она представила в уме «Л», и тут же Петра с оглушающей силой переслала образ неведомо куда. Розалинда продолжила: «А», «Б» — и так далее, пока не получилось слово «Лабрадор». Петра вслушалась и вслух произнесла:

— Она поняла слово, но не знает, где это. Она попробует узнать. Она хочет послать нам свои буквы, но я ответила, что не умею читать.

— Милая, давай попробуем! Ты примешь букву, а потом покажешь нам, только полегче, чтобы мы уловили.

Первая буква была «Z». «ZEALAND».

— Что же это такое? — спросили все хором.

— ЗЕЛАНДИЯ. Что это?

— «З» — как пчела, з-зз, — пояснила Петра.

— Ты уверена? Может, ты неверно поняла?

— Нет, я все поняла правильно, — упрямо повторила Петра.

— Дядя Аксель говорил, что воды гораздо больше, чем мы думаем. Может, это «S», Sealand — морская земля, при-
морье?..

— Да, она говорит, там много воды, везде, и еще там светит солнце, там светло, она показала мне. Это очень большое место, и там большие дома, в Вакнуке таких нет. И еще там есть повозки, они ездят без лошадей, и еще такие штуки, они летают...

С потрясением я вдруг узнал в ее пересказе город моих давних снов! Я тут же вмешался и приказал остальным помолчать, а потом показал картинку — какая-то обтекаемая штука, сверкая, летит по воздуху.

— Похоже, — согласилась Петра, — а называют — Зеландия.

— Странно, ты-то откуда знаешь? — спросил Майкл.

Я не ответил.

— Пусть Петра продолжает, потом разберемся.

Мы медленно передвигались по лесу, стараясь не оставить следов, так что приходилось частенько останавливаться. Кроме того, луки мы держали наготове, нужно было то дело наклоняться, чтобы не задевать ими за нависшие ветви. Вряд ли нам тут попадутся люди, а вот зверей было предостаточно. К счастью, они сами убегали прочь, едва слышав нас. Возможно, их пугали наши кони.

Пока мы закусывали, я расспрашивал Петру о том, что ей показали. Чем больше она объясняла, тем сильнее я волновался. Почти все совпадало с моим сном, а теперь выяснялось, что такое место и правда существует. Значит, мне не просто снились Прежние Люди, значит, такой город и правда где-то существовал! Но Петра сильно устала, так что я перестал задавать вопросы и уложил их с Розалиндой спать.

На восходе солнца меня позвал Майкл:

— Они обнаружили след, Дэвид! Собака отыскала труп, а потом и следы ваших коней. Мы повернули на юго-запад,

чтобы присоединиться к другим охотникам. Торопитесь! Где вы?

Я и сам точно не знал, видно, близко уже Дикие Края.

— Поспешите! Чем дольше вы провозитесь, тем скорее они сумеют выслать отряд вам наперерез.

Разбудив Розалинду, я все ей объяснил, и минут через десять мы тронулись в путь. Петра еще спала. Но теперь скорость для нас была важнее, чем укрытие, мы выбрались на первую попавшуюся дорогу и устремились в юго-западном направлении. Проехав миль десять, в очередной раз свернули направо и внезапно оказались лицом к лицу со всадником, ехавшим нам навстречу.

ГЛАВА 13

Он, видимо, сразу сообразил, кто мы, бросил вожжи и сдернул с плеча лук. Но мы выстрелили первыми.

Мы не сделали поправку на движение и потому оба промахнулись. Его стрела пролетела между нами, задев одного из коней-гигантов. Я снова промазал, а Розалинда попала в его коня; тот взвился на дыбы, едва не скинув всадника, потом развернулся и, спотыкаясь, поскакал прочь. Я снова выстрелил, стрела попала коню в зад, он дернулся, скинув человека, но все же побежал дальше. Мы промчались мимо упавшего — незнакомец шарахнулся в сторону, в кусты. На повороте мы оглянулись, увидели, что он сидит на обочине, ощупывая ушибы. Хуже, однако, было то, что впереди нас неслась обезумевшая раненая лошадь.

Еще пара миль — и лес внезапно кончился. Мы оказались на краю поля. Перед нами простирались засеянные поля и пастбище, где паслись коровы и овцы. На поле росло нечто похожее на овес, но урожай был таким неправильным — у нас бы его сразу сожгли! Мы обрадовались: значит, скоро начнутся дикие земли, Краины. Вдали виднелась ферма и за ней — лес. Мы даже различали столпившихся во дворе, вокруг раненой лошади, мужчин и женщин. Видимо, она только что вбежала во двор, и люди не могли понять, что случилось. Мы решили ехать напрямик, не дожидаясь, пока нас обнаружат.

Жители фермы были так поглощены лошадью, что мы преодолели половину пути, оставшегося до деревьев, прежде чем нас заметили. Один из них случайно глянул в нашу сторону, после чего они все развернулись — и застыли.

Наверное, они никогда еще не видели таких коней, а потому на время словно окаменели. Зато лошадь, вокруг которой они толпились, при нашем появлении заржала, снова встала на дыбы и умчалась прочь.

Стрелять нам не пришлось. Люди кинулись врассыпную, и мы беспрепятственно проехали через двор.

Дорога поворачивала влево, но Розалинда направила коней к лесу, и они понеслись, сшибая изгороди. У самого леса я обернулся. Кучка людей стояла возле дома, показывая на нас пальцами.

Миля через три мы вновь оказались на открытом месте, только все там поросло травой, какой мы еще не видавали. Мы пробирались через нее, держась на юг, еще пару часов. Потом попали в рощицу неведомых, но хотя бы нормального размера деревьев и кустов.

Вскоре мы решились остановиться. Я стреножил коней, Розалинда развернула одеяла, мы сели поесть и мирно ели, как вдруг Петра оглушающе послала кому-то свою мысль. Я прикусил язык, Розалинда закатила глаза и приложила руку ко лбу.

— О Господи, Петра!

— Извините, я забыла, — небрежно отозвалась малышка. С минуту она молча прислушивалась, потом сообщила: — Она хочет поговорить с кем-нибудь из вас, попробуйте уловить.

— Ладно, только ты-то сама пока ничего не передавай!

Я старался изо всех сил, но ничего не слышал — лишь неясное усилие, как дымка в тумане.

— Придется тебе, Петра, а вы берегитесь!

Мы попытались отключиться, а потом Петра начала медленно передавать то, что ей удавалось понять. Даже не могу объяснить, как это у нас получалось, но уверен: главное мы сразу поняли.

Прежде всего — важность. Причем важны не мы, а Петра. Ее нужно спасти во что бы то ни стало. Такие мысленные способности до сих пор были не известны, их открытие имеет огромное значение. Помощь идет, но пока еще они далеко, и мы должны стараться спасти Петру. Ну и так далее, в том же духе.

— Вы все слышали? — спросил я остальных.

— Да, — ответил Майкл, — хотя и не все поняли. Ясно, что Петра умеет передавать свои мысли и чувства с неслыханной силой, то есть в сравнении с нами. Но та женщина

упирала на неожиданность подобного открытия среди примитивных народов. Меня это поразило, а вы заметили? Неужели она имела в виду нас?

— Конечно, — уверенно отозвалась Розалинда.

— Мы что-нибудь не так поняли, — вставил я. — Может, Петра передала ей наши сведения так, что неизвестная решила, будто мы сами из Окраин? А...

Тут, как всегда оглушающе, вмешалась Петра. Я не обратил на нее внимания:

— Да и насчет помощи мы что-то не поняли. Она ведь где-то на юго-западе, а все знают, что там лишь Плохие Края. Даже если черные земли где-нибудь кончаются, как же она сумеет нам помочь?

Розалинда не стала спорить:

— Поживем — увидим, а теперь давайте спать.

Мне самому хотелось спать, и так как Петра хорошо отдохнула, пока мы ехали, мы велели ей караулить, будить нас, если она услышит или увидит нечто подозрительное. Мы с Розалиндой заснули раньше, чем донесли головы до одеял.

Я проснулся — Петра трясла меня за плечо. Солнце садилось.

— Майкл, — пояснила она.

Я окончательно пришел в себя:

— Что случилось?

— Они снова напали на ваш след. Маленькая ферма, у леса. Там целый отряд, они двинутся в путь, как только рассветет. Вам лучше опередить их. Не знаю, что вас ждет, но не исключено, что на западе вы на кого-то напоретесь. Думаю, они разобьются на небольшие группы. Вряд ли часовые будут стоять поодиночке, ведь Окраины совсем близко. Может, вам и удастся улизнуть.

— Ладно, — устало согласился я. — Как Салли и Кэтрин?

— Не знаю, не отвечают. Наверное, я слишком далеко от них.

Включилась Рейчел, ее было еле слышно:

— Кэтрин без сознания, и она так давно молчит, что мы с Марком, мы думаем... мы боимся...

— А Салли?

— С ее умом что-то странное... — Рейчел замолкла, осталась лишь ощущение глубокой печали.

Майкл не сразу ответил на мой зов.

— Ты понимаешь, Дэвид? — жестко, резко прозвучала его мысль. — Они напуганы. И готовы нас уничтожить, искалечить... Они не должны схватить Розалинду и Петру, лучше уж сам убей их в случае чего, понимаешь? Это лучше, чем отдать их в руки палачей!

Я глянул на Розалинду — она еще спала; подумал о той боли, которая донеслась до нас издалека, когда пытали Кэтрин. Представил, что с Розалиндой или Петрой произойдет нечто подобное, — и содрогнулся.

— Да, — ответил я всем, — я понимаю.

Слов не было, лишь сочувствие и попытки ободрить.

Петра с недоумением уставилась на меня:

— А почему Майкл велит тебе нас убить?

— Только если нас схватят, — будничным тоном ответил я, стараясь убедить ее в том, что все идет совершенно нормально.

Она поразмышляла, потом спросила:

— А почему? Мы же не причинили им вреда?

— Не знаю... Они нас боятся. Понимаешь, это такая штука, которую нельзя подумать и объяснить, ее только чувствуешь. Они напуганы — и потому жестоки.

— А почему? — опять спросила Петра.

— Так они устроены. Если нас поймают, они постараются сделать нам очень больно.

— Но я не понимаю — почему! — настаивала Петра.

— Это все сложно и противно. Поймешь, когда станешь старше. Главное сейчас — не дать им поймать тебя и Розалинду. Помнишь, как ты однажды ошпарилась, как тебе было больно? Ну вот, а они хотят сделать еще больнее. Уж лучше просто умереть, все равно что уснуть, глубоко-глубоко.

Я снова посмотрел на Розалинду, тихо дышавшую во сне на прядку волос, упавших ей на глаза, осторожно отвел эту прядку в сторону и нежно поцеловал ее.

— Дэвид, — деловито начала Петра, — когда ты нас убьешь...

Я обнял ее:

— Потихе, детка. Они нас не поймают. Давай-ка разбудим Розалинду, но ей ничего не скажем, ладно? Пусть она не волнуется зря — это будет нашей тайной, хорошо?

— Хорошо.

Мы перекусили и решили двинуться дальше, как только появятся первые звезды. Петра непривычно молчала, и сначала я решил, что она размышляет над нашим разговором. Но я ошибся, потому что она вдруг небрежно заметила:

— Зеландия — удивительная страна, там почти все могут посылать друг другу мысленные картинки и никто никого не мучает.

— А, так ты, значит, снова болтала с ними, пока мы спали? — спросила Розалинда. — Для нас это лучше, чем слушать, как ты передаешь им свои громкие мысли.

Петра оставила ее укор без внимания.

— У них не у всех так хорошо получается, большинство там такие же, как вы, — сравнила она великодушно. — Но та, что разговаривает со мной, лучше всех, а у нее двое детей, и она надеется, что они будут еще лучше. Но меня она считает даже лучше их! Она говорит, что мои картинки куда сильнее и понятнее, чем то, что есть у них, — довольно закончила Петра.

— Да уж, не сомневаюсь, — строго сказала Розалинда. — Но тебе пора бы научиться передавать нормальные картинки, а не такие громкие!

Петра ничуть не смутилась:

— Она говорит, они меня научат, и я стану еще лучше! А когда я вырасту, у меня тоже будут дети, и я их тоже научу.

— Неужели? А мне-то казалось, что такие, как мы, обречены на горе.

— Только не в Зеландии, — покачала головой Петра. — Там даже те, кто не умеет так говорить, из-за всех сил учатся.

Мы задумались. Я припомнил рассказы дяди Акселя о землях за черными берегами, там, где нормой считались Отклонения, а все остальные — мутантами.

— Она говорит, что людям, умеющим общаться только вслух, чего-то не хватает и нам должно быть их жалко, — продолжала Петра. — Они ведь никогда не научатся понимать друг друга, как мы. Так и проживут каждый сам по себе, а мы будем думать вместе.

— Не могу сказать, что мне их жаль, — вставил я.

— Ну, она так говорит, потому что считает, что те люди живут скучно по сравнению с нами, — философски произнесла Петра.

Она все болтала. Многого мы не могли воспринять, а может, это она не все правильно поняла. Ясно было одно: жители Зеландии, кем бы они ни были, имели весьма высокое мнение о себе. Похоже, Розалинда права, решив, что «примитивными» они считают именно нас.

Ночь выдалась звездная. Мы ехали, пробираясь через заросли кустов и неведомых трав, на юго-запад. Помня о предупреждении Майкла, мы старались ехать бесшумно, внимательно глядя по сторонам. Долгое время слышались только ровная поступь наших коней да шорох — это разбегались с нашего пути всякие мелкие зверьки.

Часа через три впереди обозначилась темная линия — густой-прегустой лес. Мы решили поискать какую-нибудь тропу, как вдруг из темноты грохнул выстрел. Кони так рванули, что я чуть не вылетел из корзины. Один конь кинулся вбок, веревка лопнула, и он исчез в лесу. Второй помчался за ним. Нам ничего больше не оставалось, как только изо всех сил держаться за края корзины. Не знаю, была ли за нами погоня. Вряд ли. До сих пор у меня изредка бывают кошмары — снится та гонка по густому лесу.

Но вот наш конь начал успокаиваться, выбирать дорогу. Вскоре Розалинде удалось поймать вожжи, и она стала понукать коня, направляя его в сторону небольшого провета среди деревьев. Выбравшись на полянку, мы остановились, не зная, куда двигаться дальше.

Раздался треск ветвей, мы оба враз вскинули луки, но из-за деревьев выбежал второй конь. Он радостно заржал и встал рядом, словно его по-прежнему удерживала веревка.

Дорога была неровной, ехать приходилось медленно, преодолевая ухабы, ручьи и густые заросли.

Пожалуй, мы уже добрались до Окраин. Погонятся ли за нами и сюда, неизвестно. Мы попытались узнать что-нибудь у Майкла, но он, видимо, спал. Слезть с коней мы не решались, хотя сильно устали. Двигаться дальше или дождаться утра?.. Впрочем, через несколько мгновений за нас сделали выбор.

Мы как раз ехали по темной аллее, ветви деревьев сходились где-то высоко над головой. Внезапно что-то свалилось на меня с дерева, я даже не успел ничего увидеть или услышать. Из глаз у меня полетели искры, и я потерял сознание.

Я медленно приходил в себя. Меня звала Розалинда — настоящая Розалинда, мне редко приходилось такой ее видеть или слышать. Она всегда была одинаковой: решительной, практичной — сама у меня на глазах создавала такой образ, будучи еще девочкой. Она очень рано поняла, что чем-то отличается от всех, и сознательно замкнулась в себе. Розалинда упорно строила броню, искала и нашла оружие для борьбы с враждебным миром. Я наблюдал за ее ростом, видел, как она привыкает к маске — до того, что иногда и сама забывает, какова же она на самом деле.

Я любил ее. Любил эту высокую стройную девушку, любил ее шею, длинные ноги, походку, уверенность в движениях, умелые руки и улыбающиеся губы. Любил смотреть на ее золотистые волосы, на тонкие гладкие плечи и нежные щеки.

Но все это видел любой, смотревший на нее. Это любить было легко.

А сейчас меня звала другая Розалинда — нежная, любящая, забывшая о своей непробиваемой броне.

У меня снова не хватает слов... Слова — даже слова поэта — могут показать однотонную любовь. А я любил ее весь, каждой мыслью и чувством, я готов был слиться с ней духовно в одно целое, весь мир принадлежал нам, когда мы вот так были вместе...

Ни Майкл, ни остальные не знали такую Розалинду. Никто не знал моей милой, нежной возлюбленной, так желавшей счастья и любви. Не могу сказать, как долго мы с ней радовались воссоединению: мгновения было достаточно. Потом я увидел темное серое небо, ощутил неудобство — и, услышав Майкла, с трудом собрался с мыслями.

— Не пойму, что... Похоже, сам-то я цел, голова, правда, болит и страшно неловко...

Только тут я сообразил, что все еще лежу в корзине, но она движется, а меня словно пополам свернули и связали.

— Они свалились на нас сверху, — пояснила Розалинда. — Их четверо или пятеро, и один прыгнул прямо на Дэвида... Это Окраины.

Мне слегка полегчало. Я боялся, что мы угодили в другие руки.

— Это в вас стреляли минувшей ночью? — спросил Майкл.

— Да, но мы не знаем — кто.

— Они, — сказал он мрачно. — Я-то надеялся, что они сбились со следа. Нас собрали вместе: считают, что рискованно врываться в Окраины небольшими группами. Часа через четыре мы выступаем — около сотни человек, решено нанести удар заодно и по Окраинам. Попробуйте избавиться от коней.

— Ты опоздал со своим советом, — отозвалась Розалинда. — Мне связали руки, а Дэвид в другой корзине и тоже связан.

— А Петра?

— С ней все в порядке — сидит, болтает с жожаком.

— Что же произошло?

— Сначала они прыгнули на нас, а потом из-за деревьев выскочили другие и остановили коней. Нас связали, теперь едем дальше, в Окраины.

— Вам угрожают?

— Нет, но следят, чтобы мы не сбежали. Похоже, они знают, кто мы, но не знают, что с нами делать. По-моему, их куда больше заинтересовали наши кони. Вон тот, рядом с Петрой, так увлеченно разговаривает с ней... как будто он и сам еще дитя...

— Ты не можешь попытаться выведать, куда вас везут?

— Я спрашивала, но он не знает. Ему просто велено нас куда-то доставить.

— Ну что ж... — впервые Майкл явно растерялся. — Подождем. А вы скажите им, что за вами гонятся.

Я с трудом высвободил одну ногу, встал.

— Эй! — дружелюбно окликнул меня тот, что ехал рядом. Незнакомец остановил коня и протянул мне кожаную фляжку. Я с благодарностью напился.

Теперь мне все было видно. Да, отец был прав, утверждая, что здесь над нормальностью только смеются. Вот знакомые стволы, но на них совсем незнакомые ветви. Вот знакомые ветви на чудовищном стволе. Вот непонятные извивающиеся, стелющиеся по земле растения. Вот гигантские лишайники в высохшем русле реки. А вот древнего вида миниатюрные деревца неизвестной породы.

Я исподтишка посмотрел на жожака. Он был ужасно грязный, а так казался вполне нормальным.

— Что, не бывал еще у нас? — спросил он, поймав мой взгляд.

— Нет. Здесь везде так?

— Нет, тут везде все разное. Потому-то и называют Окраинами, что ничего правильного не вырастает. Пока.

— Пока? — переспросил я.

— Ну да. Когда-то везде в Плохих Краях ничего не было, и в диких местах тоже, а теперь границы меняются. По-моему, Господь играет с нами, только что-то он затянул игру...

— Господь? — повторил я. — Но нам твердили, что здесь правит дьявол!

— Конечно, они так говорят, да они не правы, мальчик. А вот у вас там точно царит дьявол, уж очень они все высокомерны. «Истинный облик» и прочее... Хотят быть как Прежние Люди, и ничему-то их Кара не научила.

Прежние небось тоже считали, что они выше всех. Уж у них были идеалы, уж они знали, как нужно править миром. Они хотели жить с удобствами, считали, что остальное само собой, думали, что стали умнее Господа! Не вышло, парень, не могло выйти. Они считали себя последним словом Господним, но ошиблись. Господь никогда не произносит последнего слова. Если он его скажет, значит, он мертв. Но он не умер — он меняется, как все сущее. И вот когда они решили застопорить развитие мира, чтобы им самим жилось удобно, он и наслал на них Кару. Чтобы напомнить — жизнь есть развитие. Господь понял, что получается у них не то, вот и перетряхнул хорошенько мешочек — вдруг в следующий раз выпадет больше очков? — Вожак снова помолчал, потом продолжил: — Может, он недостаточно хорошо тряхнул. Похоже, что местами началось все то же самое. Вот у вас, например. Люди по-прежнему уверены в своем превосходстве, будто Господь произнес свое последнее слово, создав их. Вот и пытаются не допускать перемен, добиваются новой Кары. Надоест Ему — покажет, кто прав.

Я молчал. Странно, сколько мне уже попадалось людей, уверенных в том, что уж они-то точно знают, чего желает Господь!

А чужак тем временем говорил, размахивая руками, и я наконец заметил его Отклонение: на правой руке у него не было трех пальцев.

— Когда-нибудь и здесь станет хорошо. Конечно, могут появиться совсем новые растения, животные. Тут все дело в Каре. В других местах пытаются уничтожать Отклонения, но кто знает, удастся ли им это? Как понять, что внутри овоща или зерна нет каких-то изменений? Ведь часто возникают споры, а кончается дело тем, что выбирают наиболее

урожайный сорт. А животные? Ведь их скрещивают, добывая лучшего удоя или больше мяса? Конечно, уничтожают Отклонения — самые заметные! Ты как думаешь, приди к нам Прежние, они признали бы нас? А животных, растения? Не уверен. Остановить-то это нельзя. Вот твои кони, например.

— Они одобрены правительством, — ответил я.

— Вот именно!

— Но если это продолжается, почему Кара?

— О, животные-то могут меняться, твои люди просто не желают видеть перемены в человеке! Они уничтожают все новое, они стараются сохранить свой вид в неприкосновенности, потому что больны высокомерием — считают себя выше всех. Считают, что только они отвечают истинному облику. Ну что ж, значит, они — боги? Вот их величайший грех: они пытаются убить саму жизнь.

Тут уж я заподозрил, что наткнулся на новую веру. Я перевел разговор на другую тему, спросил, почему нас взяли в плен. Вожак, похоже, сам точно не знал, хотя и уверял меня, что так поступают со всеми новичками.

Я позвал Майкла:

— Что нам сказать? Они ведь увидят, что внешне мы совершенно нормальные. Нужно будет как-то объяснить наш побег.

— Лучше всего сказать правду, но не всю: как Салли и Кэтрин — минимум.

— Ладно. Петра, ты поняла? Скажешь, что умеешь посылать мысленные картинки мне и Розалинде, а о Майкле и Зеландии молчи.

— Но люди из Зеландии уже совсем близко, — уверенно ответила она. — Они уже совсем-совсем близко!

Майкл принял новость скептически:

— Если они успеют — прекрасно, а пока вам лучше помалкивать.

Мы посоветовались, говорить ли нашим охранникам о преследовании, и решили, что хуже не будет.

Мой спутник не удивился:

— Нас это устраивает.

Петра снова общалась со своей дальней собеседницей, и тут мы почувствовали, что расстояние стало куда меньше. Петре уже не приходилось прилагать столько сил для передачи мыслей, и я наконец-то тоже что-то расслышал. Да и Розалинда из всех сил попыталась послать вопрос — и ей

ответили! Мы ощутили радость неизвестных собеседников, добившихся связи с нами, ведь им хотелось узнать о нас куда больше, чем могла рассказать Петра.

Розалинда обрисовала наше теперешнее положение и добавила, что пока нам как будто ничто не угрожает. Женщина посоветовала:

— Вы все же поосторожнее, соглашайтесь с ними во всем, главное — протянуть время. Подробно расскажите им об опасности, угрожающей вам со стороны ваших соплеменников. Нам трудно давать советы, мы же совсем их не знаем. Есть «отклонения», не признающие никакой «нормы». Может, вам стоит преувеличить свои отличия от остальных? Но главное — девочка! Вы должны сберечь ее любой ценой! Нам никогда еще не встречались столь одаренные дети. Как ее зовут?

Розалинда передала имя по буквам, потом спросила:

— Кто вы? Что такое Зеландия?

— Мы — Новые Люди, такие же, как вы. Мы умеем думать сообща. Мы строим новый мир, отличный и от мира Прежних, и от мира нынешних дикарей.

— Такой мир и такие именно люди, каких видит в будущем Господь? — осведомился я, уловив в ее словах нечто знакомое.

— Не знаю... никто не знает. Но мы стремимся построить иной, лучший мир. У Прежних было множество языков, стран и народов, но они не умели мыслить все вместе. Пока они жили в примитивных условиях, как дикари, им было легче. Но чем сложнее становились социальные структуры, тем труднее было достичь единодушия. Они научились жить небольшими группами, но их крупные объединения постоянно враждовали — от жадности, алчности! Они не думали о последствиях, не желали принимать на себя ответственность. Они сами породили гигантские проблемы, а потом спрятали головы в песок... У них не было нашего способа общения — не было и взаимопонимания. Они не так уж далеко ушли от животных.

Нет, успеха они и не могли добиться. Если бы не Кара, они все равно бы впали в нищету, голод и варварство. Ведь под конец они расплодились, как животные. В общем, как вид они все равно были обречены...

Мне снова пришло в голову, что эти зеландцы довольно высоко себя ценили. Меня-то воспитали в почтении к Преж-

ним, и мне трудно было принять их слова. Пока я пытался распутать клубок мыслей, Розалинда снова спросила:

— Откуда же вы взялись?

— Нашим предкам повезло, они жили на двух островах, удаленных от остальной цивилизации. Правда, они тоже испытали на себе и Кару и ее последствия, но все же у нас было легче, чем во многих других местах. Впрочем, и предков отрезало от мира, и они едва не впали в варварство. Однако вскоре появились люди, умевшие думать сообща, потом те, у кого это получалось лучше, стали учить остальных. Конечно, они и женились на таких же, так что способность переговариваться мысленно все росла.

Потом начали искать себе подобных в других местах — и лишь тогда поняли, как им повезло. Даже там, где не особенно обращают внимание на физические Отклонения, таких, как мы, безжалостно преследовали.

Долгое время нам не удавалось помогать другим, хотя те, кто оказывался поближе, и доплывали до Зеландии на лодках. Но потом мы снова начали строить всякие машины и тогда уж смогли по-настоящему оказывать помощь. Однако нам еще ни разу не удавалось связаться с кем-нибудь из ваших краев. Мне все еще трудно общаться с вами, но мы приближаемся, станет легче. Мне придется передохнуть. Главное — девочка, берегите ее, она уникальна! Она очень нужна нам!

Женщина словно растаяла, зато в наши мысли вмешалась Петра. Вряд ли она все поняла, однако главное уловила.

— Она обо мне! — завопила Петра, и мы чуть не лишились чувств.

— Поберегись, хвастунишка! — сердито ответила Розалинда. — Конечно, нам еще не встретился волосатый Джек, но кто знает? Майкл, ты все слышал?

— Да, — сдержанно отозвался Майкл. — Снисходительна, а? словно проповедь детям читает... Ох, как они еще далеко! Не знаю, успеют ли, — мы уже выступаем.

Наши кони неумоимо продвигались вперед. Пейзаж был не просто странным — нас он пугал, ведь мы росли там, где таких Отклонений не существовало. Правда, растений, о которых рассказывал дядя Аксель, тут не было, но не было и ничего знакомого. Деревья, кусты, трава — все неправильное!

Мы лишь один раз остановились, чтобы попить-поесть, и вновь двинулись в путь. Часа через два добрались до неширокой реки. С нашей стороны — крутой берег, с противоположной — низкие рыжеватые холмы.

Мы пошли вниз по течению, и возле жуткого дерева — походит на гигантскую деревянную грушу, а все ветви растут на вершине большим пучком — перешли реку вброд. Затем пробрались между двумя холмами и остановились на небольшой площадке, где ждали семь или восемь мужчин с луками в руках. При виде наших коней, казалось, они готовы были разбежаться в разные стороны.

— Слезайте, — велел наш страж.

Петра и Розалинда уже спускались, я тоже слез, коней пошлепали по бокам, и они тяжело двинулись дальше. Петра боязливо вцепилась в меня. Пока что никто и не посмотрел на нас — все провожали глазами коней-гигантов.

Нельзя сказать, что эти люди выглядели страшными. У одного на руке, сжимавшей лук, я заметил шесть пальцев. У другого голова походила на большое блестящее яйцо — ни волос, ни бровей. У третьего — невероятно крупные руки и ноги. Что до остальных, ничего особенного в глаза не бросалось.

Нам с Розалиндой стало полегче: мы ведь ожидали увидеть тут настоящий зверинец. Да и Петра облегченно вздохнула, не найдя среди чужаков волосатого Джека. Повернувшись наконец к нам, незнакомцы разделились: двое куда-то повели нас, а остальные остались нести вахту.

Утоптанная тропинка вела через лесок к поляне. Справа снова начинались холмы, не выше тридцати—сорока футов. В них виднелись многочисленные отверстия, из которых свисали плетеные лестницы.

Внизу, под холмами, стояли хижины и палатки. Дымилась пара костров, там что-то готовили. Несколько потрепанных мужчин и женщин бродили взад-вперед.

Мы пробирались между хижинами и кучами мусора, пока не достигли самой большой палатки. Вблизи она оказалась накидкой для стогов, видно, ее стащили во время набега. Накидка была натянута на палки. Около входа в палатку сидел мужчина.

Он поднял голову, и я вздрогнул — так он походил на моего отца! Тут я признал его: тот самый человек-паук, которого я когда-то видел пленным в Вакнуке.

Нас вытолкнули вперед. Человек-паук осмотрел нас, и глаза его несколько раз прошлись по стройной фигуре Розалинды. Его взгляд мне не понравился — да и ей тоже. Потом он пристально поглядел на меня и кивнул, чем-то удовлетворенный.

— Помнишь меня?

— Да.

Он долго молчал, потом произнес:

— Знаешь, кто я?

— Догадываюсь.

Человек-паук вопрошающе поднял бровь.

— У моего отца был старший брат, лет до трех-четырех он считался нормальным, потом удостоверение отобрали, а его самого...

Он медленно кивнул:

— Правда, но не вся. Этого старшего брата любила его мать. Когда за ним пришли, его уже не было дома. Конечно, семья постаралась замять дело, сделали вид, что ничего не было. — Он помолчал, потом добавил: — Старший сын. Наследник. Весь Вакнук должен был стать моим! Если бы не это! — Он вытянул длинную руку, повертел ею. Потом опустил ее, переведя взгляд на меня. — А ты можешь точно сказать, какой длины должны быть руки, человеческие?

— Нет.

— Вот и я не могу. Но кто-то, какой-то эксперт в Риге, может. Вот и живу дикарем среди дикарей. Ты как, тоже старший?

— Единственный сын, — сказал я. — Был еще младший, но...

— Не дали бумажку, да?

Я кивнул.

— Стало быть, и ты все потерял?

Мне и в голову не приходило так смотреть на дело. Не думаю, что я когда-либо верил в свое право наследника. У меня с детства было ощущение ненадежности, ожидание, что рано или поздно обо мне узнают. Я долго жил под угрозой разоблачения и потому, наверное, не испытывал той горечи, что преследовала его. Я был рад, что спасся, и сказал ему об этом. Он не слишком обрадовался.

— Ты что ж, недостаточно смел, чтобы бороться за свое?

— Но если это все ваше по праву, то у меня-то нет прав, — ответил я. — Я рад тому, что больше не надо скрываться.

— Все мы тут скрываемся.

— Может быть... но вы-то живете, не притворяясь иными, чем есть. Вам не надо следить за собой, долго думать, прежде чем решиться рот открыть.

Он покивал головой:

— Да, мы про вас слышали — у нас везде свои. Не пойму только, почему они кинулись за вами даже сюда?

— Наверное, все дело в том, что наших Отклонений не видно, — ответил я. — Они боятся, что таких много, и хотят поймать нас, чтобы мы их выявили.

— Ну что ж, у вас есть веские причины не попадаться им в руки, — заметил человек-паук.

Я слышал, что Розалинда передает наш разговор Майклу, но не вмешивался — нельзя вести две беседы сразу.

— Значит, за вами гонятся? И сколько их?

— Не знаю точно.

— Насколько я понял, у вас есть способ узнать.

Интересно, что ему известно про нас?

— Лучше бы ты не пытался нам врать, парень. Они ведь гонятся за вами, а нам какое дело? Выдадим — и все тут.

Петра перепугалась.

— Их больше сотни, — выпалила она.

Человек-паук внимательно посмотрел на нее:

— Значит, один из ваших едет с ними? Так я и думал... Сотня для троих — слишком много, слишком... Ясно. У вас что, ходили слухи о готовящемся набеге?

— Да, — признался я.

Он ухмыльнулся:

— Удобно! Стало быть, они решили первыми напасть на нас! И вас заодно поймать. Идут сюда по вашим следам... И далеко они сейчас?

Спросив Майкла, я выяснил, что основной отряд еще далеко. Где именно? Не зная, как передать это словами, я молчал, а человек-паук, поняв мое затруднение, терпеливо ждал.

— Твой отец с ними? — вдруг спросил он.

Сам я остерегался спрашивать Майкла, да и теперь не стал — помедлил, потом ответил:

— Нет.

Краем глаза я заметил, что Петра открыла было рот, и тут же почувствовал, как Розалинда на нее накинута.

— Жаль, — отозвался наш хозяин. — Я-то надеялся встретиться с ним на равных. Думал, он с ними, это вполне

в его духе. Но, может, он не так стремится поддерживать Норму, как говорят? — Человек-паук пронизывающе смотрел на меня, но меня поддерживала Розалинда — я ощущал ее сочувствие и жалость, как теплое рукопожатие.

Внезапно он уставился на Розалинду, а она стояла перед ним, глядя на него холодными глазами. Вдруг, к моему изумлению, она опустила глаза и покраснела — как будто надломилась.

Наш хозяин усмехнулся...

Но он ошибался. Она не поникла перед победителем — ее охватили ужас и отвращение, пересилившие самообладание. Я уловил его образ, невольно переданный ею мне и кутко искаженный. Она напугалась — не как женщина, а как дитя, внезапно увидевшее чудовище. Петра тоже уловила уродливый образ — и закричала от страха.

Я кинулся на него, опрокинув его вместе с табуреткой. Стражники навалились на меня, но один раз я все же успел ему врезать. А он сидел, потирая челюсть, и насмешливо разглядывал нас.

— Делает тебе честь, — признал он, — и только. — Человек-паук встал, расправив длиннющие ноги. — Ты еще не видел наших женщин, мальчик? Погляди, погляди, тогда поймешь меня. А она ведь может иметь детей. Мне давненько хотелось завести ребенка — даже если он и будет похож на своего папочку. — Он снова усмехнулся, потом кососмотрел на меня: — Лучше смирись, парень, будь благоразумным. Второй раз тебе это не пройдет. — Он передел взор на тех, кто удерживал меня. — Выкиньте его. А будет сопротивляться — пристрелите.

Меня утащили к тропе и там выпустили. Я развернулся, но они держали луки наготове. Постояв, я пошел, потом побежал. Этого они и ждали. Не стали стрелять, избили да вывернули в кусты. Помню, как летел по воздуху, но самого падения не помню...

ГЛАВА 15

Меня куда-то тащили. Чьи-то руки держали меня за плечи, по лицу хлестали тонкие ветки.

— Тш-ш-ш!.. — прошипел голос.

— Сейчас... я сам... — прошипел я в ответ.

Потом я повернулся.

Рядом на корточках присела молодая женщина. Солнце было совсем низко, под деревьями стемнело. Я не мог ее рассмотреть. Темные волосы, свисавшие с двух сторон, загорелое лицо, темные глаза. Платье местами порвано. Платье без рукавов — и я впервые видел платье без креста. Странно, почти неприлично: женщина — без защитного креста!

Мы молча изучали друг друга.

— Ты не узнал меня, Дэвид, — печально произнесла она.

— Софи! О Софи!..

Она улыбнулась:

— Милый Дэвид! Тебя сильно избили?

Я попробовал пошевелить руками и ногами. Было больно, голова трещала, на левой щеке запеклась кровь, но вроде бы никаких переломов.

Я попытался встать, однако Софи меня удержала.

— Нет, пока подожди, пусть стемнеет. — Она все смотрела на меня. — Ты, маленькая девочка и еще эта — кто она?

Я сразу пришел в себя, стал с ужасом звать их — ничего! Но мою паническую тревогу услышал Майкл и сразу отошел:

— Слава Богу! Мы так переволновались. Успокойся, они уснули от изнеможения.

— А Розалинда?..

— С ней все в порядке, говорю тебе! Ты как?

Я вкратце обрисовал положение. Вряд ли мы общались дольше нескольких секунд, но все же довольно долго, и Софи с любопытством уставилась на меня.

— Кто она, Дэвид?

Я ответил, что это моя двоюродная сестра. Софи пристально всмотрелась мне в лицо, потом кивнула:

— И он пожелал ее, да?

— Он так сказал.

— Она ведь могла бы родить ему детей? — настаивала Софи.

— Чего ты добиваешься? — вскричал я.

— А, так ты ее любишь?

Слова, слова... Мы с Розалиндой давно стали одним целым, с общими мыслями, чувствами, ощущениями. Мы смотрели общими глазами, любили единым сердцем, радовались совместной радостью. Разделить можно было лишь наши тела... Как объяснить словами?

— Да, мы любим друг друга, — ответил я.

Софи покачала головой, подняла несколько прутьев, сломала их, глядя на свои коричневые пальцы. Затем промолвила:

— Он уехал — туда, где битва. С ней пока ничего не случится.

— Она спит. Они обе спят.

Софи подняла на меня глаза, недоумевая:

— Откуда ты знаешь?

Я объяснил ей, насколько мог просто. Она снова стала ломать палочки, потом кивнула:

— Да, помню. Мама говорила, что ты... ты как бы понимал ее раньше, чем она произнесет что-то вслух. Так?

— Наверное. По-моему, и у твоей матери был наш дар, только она сама этого не знала.

— Чудесно, должно быть, иметь такое — будто еще одни глаза внутри.

— Похоже. Но не такое это и чудо — бывает плохо, больно.

— Больно быть любимым Нарушением, — отозвалась Софи. Она все еще сидела на корточках, глядя на руки невидящими глазами. — Если твоя подруга сможет рожать ему детей, я стану не нужна, — наконец вымолвила она.

Я заметил слезы у нее на щеках.

— Софи, милая, ты любишь его, — любишь этого паука?!

— О, не называй его так — пожалуйста! Мы ведь не виноваты в своих... Его зовут Гордон. Он добр со мной, Дэвид, и он привык ко мне. Нужно, чтобы у тебя оставалось так мало в жизни, как у меня, чтобы понять... Ты ведь никогда не знал одиночества. Ты не представляешь себе, какая пустота встречается здесь каждого из нас. Я бы с радостью рожала ему детей, если бы могла, я... О, за что они еще и калечат нас! Лучше бы убивали, это милосерднее!

Из-под ее плотно сжатых век покатались слезы. Я взял Софи за руку.

И вспомнилось: мужчина держит женщину за руку, глядя вверх. Женщина на коне и маленькая фигурка, машущая мне рукой, пока они не исчезли за деревьями. И я — расстроенный, чувствую ее поцелуй на щеке, сжимаю в кулаке локон... А сейчас... Сердце у меня сжалось от жалости.

— Софи, — сказал я, — милая Софи, этого не будет. Ты понимаешь? Этого не будет. Розалинда не позволит, я знаю.

Открыв глаза, она посмотрела на меня сквозь слезы.

— Ты просто пытаешься меня утешить, ты не можешь знать...

— Знаю, Софи. Ведь с тобой я могу лишь говорить, а с ней мы и мыслим вместе.

Она все еще сомневалась:

— Это правда?

— Да. Я почувствовал, как она его видит.

— А ты не можешь читать мои мысли? — с беспокойством спросила Софи.

— Нет, конечно, это же не подглядывание, больше похоже на разговор в уме, как если бы ты могла не приносить слова вслух, а просто думать их — для другого.

Мне трудно было объяснить ей это — труднее, чем дяде Акселю. Но я все пытался, пока не заметил, что уже темно.

— Ты сможешь идти? — спросила Софи. — Тут близко.

Я поднялся, чувствуя, как отзываются болью все ушибы. Она, похоже, лучше видела в темноте, чем я, и взяла меня за руку. Мы шли вдоль деревьев, но слева замелькали огоньки, и я понял, что берег остался в стороне. Вскоре мы добрались до холма, и Софи сунула мне в руки конец лестницы.

— За мной! — шепнула она и быстро вскарабкалась наверх.

Я полз куда медленнее. Наверху она помогла мне забраться в пещеру. Там было темно; я только слышал, как Софи ходит, что-то ища. Потом посыпались искры — она высекала огонь кремнем.

Зажглись две свечи — маленькие и ужасно вонючие, но все же я смог оглядеться.

Мы находились в пещере примерно десять на пятнадцать футов, выдолбленной в песчанике. Вход прикрывала подвешенная на крючьях шкура. В углу, видно, была дыра в крыше, потому что там капала вода, падая в деревянное ведро, вытекала из него и скатывалась наружу. В другом углу стоял сплетенный из ветвей лежак, накрытый шкурами и одеялом. Несколько плошек. Черный очаг. Ручки ножей, воткнутих прямо в стену. Копье, лук и колчан со стрелами возле лежака.

Я вспомнил чистую, светлую кухню в доме Вендеров, дружелюбную комнату без всяких надписей на стенах. Пламя свечей заколебалось, распространяя вокруг грязную жирную копоть и вонь.

Софи набрала в плошку воды, нашла относительно чистую тряпочку и взялась смывать кровь с моего лица.

— Ничего, рана неглубокая, — успокоила она меня.

Я вымыл руки, после чего она сполоснула и убрала плошку.

— Есть хочешь?

— Очень, ничего не ел весь день.

— Побудь здесь, я скоро.

Я сидел, глядя на тени, плясавшие по стене, слушал капанье воды. А ведь тут, в Окраинах, такая пещера — попросту роскошь. «Нужно иметь так мало, как осталось у меня...» — кажется, так сказала Софи? Она, конечно, имела в виду не вещи.

Чтобы отключиться от тяжких мыслей, я позвал Майкла:

— Эй, где вы? Как дела?

— Мы расположились на ночлег, опасно идти ночью. — Он попытался показать мне место, но я не узнал его. — Идем медленно, сильно устаем. А эти люди знают свои леса, да? Мы все засаду ждем, а они пальнут — и скрылись. Троих убили, семерых ранили.

— И все же вы идете сюда?

— Да, похоже, Окраинам хотят дать урок. Кроме того, семерены поймать вас троих. Ходят слухи, что нас в Вак-руке больше двадцати, вот и надеются выловить всех с нашей помощью. — Он явно сильно волновался, да и настроение было плохое. — Боюсь, Рейчел осталась одна...

— Одна?

— Она с трудом передала мне: что-то случилось с Марком. А теперь мы так далеко, что я ее не слышу.

— Его схватили?

— Нет, то есть она думает, что нет, но он умолк. Если бы это... Он бы передал ей, а он просто молчит — уже больше суток.

— Несчастный случай, помнишь, давно, Уолтера? Заболел — и все.

— Возможно... Рейчел ничего не знает и потому боится. Она же там совсем одна, а теперь еще и друг друга не увидим.

— Странно, что я не слышал, когда вы с ней общались.

— Видно, ты как раз был без сознания.

— Слушай, да ведь когда Петра проснется, она сможет поговорить с Рейчел! — вспомнил я. — Для нее же нет предела расстояния!

— Конечно, как я забыл! — согласился Майкл с облегчением.

Тут из-за занавески у входа показалась рука, затем и вся Софи. Она вошла в пещеру и протянула мне деревянную плешку. Потом поправила вонючие свечки и уселась на шкуру неизвестного мне зверя, а я принялся за еду. Я не знал, что ем, но в общем вкус был ничего. Я успел почти все доесть, и тут рука у меня дернулась, остатки еды свалились на рубашку, и сам я чуть не упал.

Петра проснулась.

С трудом мне удалось пробиться в ее вопли, и она тут же переключилась с горя на радость. Приятнее, но почти так же больно. Она, видимо, разбудила Розалинду, потому что сквозь шум я смог уловить, как и Розалинда, и Майкл, и даже та женщина из Зеландии взволнованно спрашивают, что стряслось. Петра взяла себя в руки.

— Какого черта?! — спросил Майкл. — Что за громы и молнии?

Петра, с великим трудом сдерживая радость, ответила:

— Мы боялись, что Дэвида убили.

Наконец-то я поймал и ощущения Розалинды — смесь радости и горя, нежности и печали. Я и сам не мог передать ей что-либо отчетливое. К счастью, Майкл положил этому конец:

— Неприлично вести себя так в присутствии третьих лиц. Когда сможете разьединиться, поговорим. Ну, как дела, где вы?

Постепенно все прояснилось. Розалинда с Петрой все еще находились в той же палатке, «паук» ушел, но их сторожил здоровяк с красными глазами и белыми волосами. Я объяснил, где я.

— Прекрасно, — подвел итог Майкл. — Значит, этот ваш «паук» здесь вроде вождя. И он ушел биться. А может, наблюдать? Тогда он вернется в любой момент.

— Я боюсь его! — внезапно истерически вмешалась Розалинда. — Он другой, другой! Я не могу... все равно что со зверем... Если он попытается, лучше убить себя!

Майкл будто ушат холодной воды на нее выплеснул:

— Такой глупости ты не сделаешь! Надо будет, убей его!

Он больше и говорить об этом не стал, переключив общее внимание на другое. Впервые Майкл сам попробовал передать вопрос нашей неведомой спасительнице:

— Вы считаете, что успеете до них добраться?

Ответ достиг нас издалека, но все виделось уже четко:

— Нам осталось шестнадцать часов пути, — уверенно отозвалась она, и недоверие Майкла сразу пошло на убыль.

— Ну что ж, значит, вам нужно продержаться до тех пор.

— Погодите минутку, не отключайтесь, — попросил я.

Я взглянул на Софи. В тусклом свете было видно, что она пристально смотрит на меня.

— Ты «говорил» со своей девушкой?

— И с сестрой. Они проснулись, за ними следит альбинос. Странно...

— Что?

— Ну, я думал, к ним приставят женщину...

— Ты ведь в Окраинах, — с горечью напомнила Софи.

— Но... понятно... Дело вот в чем. Как ты думаешь, можно ли удалить стражника? По-моему, сейчас самое время. Когда он вернется... — Я пожал плечами, не сводя с Софи взгляда.

Она отвернулась, несколько секунд глядела на огонь в печи, потом кивнула:

— Да, так будет лучше для всех нас — кроме него... Да, сделаю.

— И теперь же?

Она снова кивнула.

Я взял копье, взвесил его в руке — легкое, но удобное.

— Нет, Дэвид, тебе лучше остаться здесь.

— Почему?

— Если тебя заметят, поднимется тревога. А на меня никто и внимания не обратит.

Софи была права, конечно, и я неохотно положил копье на место.

— Но ты сможешь?..

— Да, — решительно ответила она.

Софи подошла к стене и выдернула из нее нож. Блеснуло широкое лезвие. Похоже было, что нож достался ей после одного из набегов. Она сунула нож за пояс так, что торчала лишь темная ручка, потом снова посмотрела на меня.

— Дэвид...

— Да?

Но Софи передумала, сказав уже другим тоном:

— Передай им: ни звука! Что бы ни случилось, ни звука! Пусть идут за мной, а пока — пусть поищут куски ткани

потемнее и завернутся в них, чтобы лиц не было видно. Поймут они тебя?

— Конечно. Но, может, лучше мне?..

— Нет, Дэвид, ты же не знаешь местность.

Она погасила свечи и выскользнула наружу. Я передал все указания Розалинде, а потом мы вдвоем объяснили все Петре.

Я ждал, считая падавшие в ведро капли.

Долго так высидеть я не мог, подошел к отверстию, тихонько выглянул наружу. Кое-где горели небольшие костры, бродили люди. Слышались тихие голоса, вот закричала ночная птица, донесся вой какого-то зверя.

Вдруг мелькнула волна возбуждения: Петра. Никто не отозвался. Потом Розалинда: «Все в порядке». Похоже, она испытала шок. Но я не стал спрашивать, в чем дело. Я просто прислушивался. Вокруг ничего не изменилось. Время тянулось мучительно долго. Наконец подо мной, где-то внизу, хрустнула ветка, натянулась веревка, и я шагнул в глубь пещеры.

Розалинда — с некоторым сомнением:

— Дэвид? Ты здесь?

— Да, поднимайтесь!

И вот женская фигурка возникла в отверстии, за ней вторая, поменьше, вот и третья. Вход завесили, зажгли свечи.

Розалинда и Петра молча, с ужасом смотрели на Софи, а та спокойно зачерпнула в плошку воды и стала отмывать нож.

ГЛАВА 16

Девушки с любопытством и подозрением рассматривали друг друга. Софи оглядела Розалинду, ее красновато-коричневое платье с нашитым коричневым крестом, кожаные башмаки. Она посмотрела на свои мягкие мокасины, короткую оборванную юбку. Тут она заметила, что на лифе у нее появились пятна, которых раньше не было, без тени смущения сдернула с себя одежду и принялась замывать в холодной воде.

— Тебе надо отпороть крест, — сказала она Розалинде, — да и у нее тоже. Мы, женщины Окраин, его не носим — нас-то он не защитил... Да и мужчины этого не любят... Держи! — Софи выдернула из ниши нож поменьше и протянула Розалинде.

Розалинда робко взяла нож в руки, посмотрела на крест — она ведь никогда не носила платьев без такой нашивки.

— У меня тоже когда-то был крест, и он мне ничуть не помог, — сказала Софи.

Все еще сомневаясь, Розалинда обернулась ко мне, но я живнул:

— Они не любят напоминаний об истинном облике, это опасно.

— Да, — добавила Софи, — во-первых, вы тотчас выделяетесь, во-вторых, словно вызов бросаете.

Розалинда с неохотой принялась отпаривать крест.

Я спросил Софи:

— Что теперь? Не лучше ли нам убраться подальше, пока не хватились?

Софи, продолжая оттирать пятна, покачала головой:

— Нет. Его могут найти в любой момент и сразу кинутся на поиски. Решат, что это ты его убил, что вы сбежали в лес. Они же не станут искать вас тут — а уж вокруг все перетрясут.

— Ты считаешь, нам лучше оставаться в пещере?

— Дня два-три. Потом, когда поиски прекратятся, я вас выведу.

Розалинда внимательно всмотрелась в нее:

— Почему ты это делаешь?

Я объяснил ей — конечно, не вслух, но Розалинда не успокоилась. Они с Софи продолжали изучать друг друга, как вдруг Софи бросила свой лиф в воду, встала, наклонилась к Розалинде, так что темные волосы упали на ее обнаженную грудь, и злобно прошипела:

— Оставь меня в покое, и будь ты проклята!

Розалинда напряглась, готовая к нападению, а я уже собрался прыгнуть между ними. Несколько минут они не двигались, потом что-то переменялось — напряжение спало. Ненависть ушла из глаз Софи, но она не шевельнулась. Лишь губы у нее задрожали, и она снова горько повторила:

— Будь ты проклята! Ну, смейся надо мной, и будь проклято твое прекрасное лицо! Смейся надо мной, потому что я люблю его, да толку-то? Боже мой, что толку? Если бы даже ты тут не появилась, что ему с меня толку?!

Она прижала кулаки к лицу, постояла так, вся дрожа, и кинулась ничком на свой лежак.

Мы беспомощно смотрели на нее. Один мокасин свалился с ноги, и я увидел знакомые шесть пальцев.

Розалинда с раскаянием и тревогой глянула на меня, собралась встать, но я помотал головой. В пещере слышались лишь всхлипы Софи да бесконечное «кап-кап».

Петра выжидающе уставилась на нас, потом перевела взгляд на Софи, снова на нас. Мы не шелохнулись. Петра, видно, решила, что надо брать дело в свои руки. Она подобралась к лежаку, положила ручку на темные волосы и тихо попросила:

— Не плачь, ну, пожалуйста, не плачь!

Софи резко затихла. Потом, не поворачиваясь, вытянула руку, обняла Петру за плечи. Она еще плакала, но куда тише. Наши сердца сжимались от бессильной жалости к ней.

Спал я на жестком холодном полу и проснулся с большой неохотой — меня настойчиво звал Майкл:

— Ты что, решил проваляться весь день?

— Который час?

— Около восьми, наверное. Светать начало часа три назад, и у нас уже была схватка.

— Что случилось?

— Мы заметили засаду, выслали вперед небольшой отряд. Он столкнулся с их отрядом, шедшим вслед за засадой. Они решили, что напали на наши основные силы, и кинулись в бой. Ранили двух-трех наших.

— Так вы уже близко?

— Да, похоже.

Ничего хорошего, подумал я. Мы ведь не могли вылезти из пещеры при свете. С другой стороны, если мы останемся здесь, а они захватят все селение, то нас сразу обнаружат.

— А как там друзья Петры? Думаешь, мы можем на них рассчитывать? — спросил Майкл.

— Безусловно, — холодно отозвалась женщина.

— У вас ничего не изменилось?

— Нет, еще часов восемь, восемь с половиной — и мы до вас доберемся. — Холодность исчезла из ее мыслей, появилось нечто вроде благоговейного ужаса. — Жуткая страна! Мы видели Плохие Края, но никто из нас и представить себе не мог... Сейчас летим над землей, похожей на спекшееся черное стекло. Ничего живого, лишь черное стекло, будто океан застывших черных чернил... Потом пояс плохих

земель — и снова чернота. Что они тут делали, что такое сумели натворить, как возникло столь жуткое место?!

Теперь понятно, почему наш народ сюда не стремился. Словно с края света попадаешь прямо в ад... ни надежды, ни жизни... Но почему? Почему? Мы знаем, они были как дети, получившие вдруг мощь и силу богов... И что же, все с ума посходили? Вместо гор — кучи головешек, вместо равнин — черное стекло... А ведь прошло уже столько веков! Жутко... безнадежно. Чудовищное безумие! Страшно представить себе целый народ, сошедший с ума... Не знай мы, что вы нас там ждете, уже развернулись бы и бежали обратно...

Но тут ее прервала Петра — мы все пошатнулись, такое горе она излучала. Мы не подозревали, что она не спит и прислушивается. Конечно, она расстроилась, уловив мысль о возвращении. Я утешил ее, и та женщина вновь смогла заговорить с нами — успокоить девочку. Петра затихла.

Майкл напомнил:

— Дэвид, как насчет Рейчел?

Припомнив его волнение минувшей ночью, я объяснил Петре, что надо сделать.

Петра помолчала, прислушиваясь к Рейчел, потом покачала головой:

— Про Марка она ничего не знает и чувствует себя совсем несчастной. Еще она спрашивает про Майкла.

— Передай ей, что и с ним, и с нами все в порядке. Еще скажи, что мы ее любим и что она не должна бояться. Пусть постарается никому не выказывать своего беспокойства.

— Она все поняла. — Петра спросила меня вслух: — Дэвид, Рейчел боится, а еще она... она плачет внутри. Ей нужен Майкл.

— Это она тебе сказала? — спросил я.

— Нет, но у нее, там за мыслями, есть еще такие мысли, я их слышу.

— Пожалуй, лучше будет, если мы никому ничего не скажем, — решил я. — Ведь никто из нас не слышит того, что у других за мыслями. Сделай вид, что ты их не замечала, ладно?

— Ладно, — согласилась Петра.

Я надеялся, что поступаю правильно. Подумав, я попытался представить себе такие «задние мысли», как их назвала Петра, и мне все это не очень понравилось. Что еще слышит Петра?..

Через несколько минут проснулась Софи. Казалось, прошлой ночью она выплакалась и теперь была совсем спокойна. Она велела нам отойти в дальний угол, а сама открыла занавеску. Потом развела огонь в очаге, дым от него большей частью выходил наружу, а остатки — что ж, они затемняли и без того грязную пещеру. Потом Софи поставила на огонь железный котелок, налила в него воды и насыпала что-то из разных мешочков.

— Присмотр-ка, — велела она Розалинде.

Уходила она минут на двадцать, вернувшись, бросила в пещеру пару твердых лепешек и влезла сама. Подошла к котелку, помешала содержимое, пригнулась.

— Все в порядке? — спросил я.

— Да. Тело нашли, но решили, что это твоих рук дело. Поискали рано утром в окрестностях, но мужчин осталось мало, так что сейчас все думают о другом. Возвращаются те, кто дрался ночью. Ты что-нибудь знаешь?

Я рассказал ей о неудачной засаде.

— Они близко? — спросила она.

Я позвал Майкла, потом ответил:

— Только что вышли из леса.

— Значит, часа через три доберутся до берега реки.

Софи разлила похлебку по плошкам. Вкус оказался приятнее, чем вид. А вот хлеб был менее съедобным. Сначала она разбила лепешку камнем, потом размочила в воде. Петра пожаловалась: дома мы ели совсем другое!.. И внезапно кинула вопрос:

— Майкл, а мой отец там?

От неожиданности он машинально ответил «да». К счастью, Петра не поняла, что это означает, а вот Розалинда опустила плошку, уставившись в нее невидящими глазами.

Да, одно дело — подозревать, и совсем другое — знать. Мне послышался безжалостный проповеднический голос отца, я даже знал, какое у него выражение лица:

— Дитя, которое станет взрослым и сможет размножаться, станет сеять вокруг заразу, и все превратятся в мутантов, в чудовища! Здесь такого не случится!

А еще мне вспомнилась тетя Гарриет: «Я буду молить Господа нашего послать миру немного милосердия...» Бедная тетя Гарриет, ее мольбы оказались столь же бесполезными, сколь беспочвенными были надежды...

Мир, в котором отец мог отправиться на такую охоту! Что за мир!..

Розалинда взяла меня за руку. Софи подняла голову, лицо ее сразу переменялось:

— Что с ним?

Розалинда ответила. Глаза Софи расширились от ужаса. Она глядела на меня, на Петру, отказываясь понять, и собралась было что-то сказать, но тут же закрыла рот. Я тоже посмотрел на Петру, потом на Софи, на ее лохмотья, на пещеру...

— Чистота... — молвил я. — Воля Господня. Чти отца своего... Должен ли я простить его — или убить?

Ответ поразил меня — последние слова я неумышленно передал и мысленно, и женщина из загадочной страны ответила мне:

— Не думай сейчас о нем. Ваша задача — выжить. Ни он, ни его образ мыслей долго не продержатся. Они считают себя венцом творенья, им ведь не к чему стремиться. Но жизнь-то полна перемен! Жизнь есть развитие. Если живущие не сознают этого, они обречены на гибель. Идея о совершенном человеке порождена величайшим тщеславием. Завершенный образ — это кощунственный миф. Прежние люди поверили в него — и навлекли на себя Кару. Остались разбитые части мира, твой отец принадлежит к одной из них. Они ушли в прошлое, хотя сами этого не сознают. Скоро они добьются стабильности — превратятся в ископаемых...

Она несколько смягчилась, но все же речи ее тоже мало чем отличались от проповеди:

— Перед нами — новый мир, и мы его покорим. А перед нами — пустота.

Она кончила, а мы с Розалиндой все сидели, пытаясь до конца осознать ее слова. Видно было, что Петре скучно.

Софи с любопытством глядела на нас, потом сказала:

— На вас неловко смотреть. А вы не могли бы и мне рассказать?

— Ну... — я замолк, не зная, как все выразить.

— Она сказала, чтобы мы не думали о моем отце, потому что он все равно ничего не понимает, по-моему, — выпалила наконец Петра. Ей удалось выразить самую суть длинной речи.

— Она? — переспросила Софи.

Я вспомнил: она же ничего не знает о зеландцах.

— У Петры есть свои друзья, — пояснил я.

Софи присела у входа, затем выглянула наружу.

— Довольно много мужчин вернулось, некоторые толпятся у палатки Гордона, да и другие идут туда же. Он, видимо, тоже вернулся.

Она продолжала смотреть вниз, доедая свою порцию, потом поставила плошку на пол.

— Схожу посмотрю.

Софи спустилась по лестнице. Ее не было больше часа. Я пару раз осторожно высунулся, разглядел «паука» Гордона, сидевшего возле палатки. Похоже было, что он делит своих мужчин на отряды и объясняет им задачи, чертя что-то на земле.

— Ну что? — спросили мы хором, когда Софи вернулась.

Она как будто заколебалась.

— О Господи, Софи, мы же хотим, чтобы вы победили, но мы хотели бы уберечь Майкла, если удастся!

— Мы устроим засаду на нашем берегу, — сообщила она наконец.

— Вы позволите им перебраться?

— На той стороне негде расположить отряд, — пояснила Софи.

Я немедленно передал сведения Майклу, предложив ему держаться в стороне — пусть упадет в реку на переправе или придумает еще что.

Через несколько минут чей-то голос снизу позвал Софи.

Она прошептала:

— Не высовывайтесь, это он! — и кинулась вниз.

Прошел, видимо, еще час. Потом раздался четкий зов зеландки:

— Отзовитесь! Передавайте любые цифры!

Петра с восторгом занялась делом, а то она уже маяться стала от безделья.

— Довольно, подожди немного... О, даже лучше, чем мы надеялись, думаю, через час доберемся!

Еще полчаса. Я несколько раз высовывался наружу. Казалось, селение опустело, вокруг хижин бродили лишь старухи.

— Мы у реки, — доложил Майкл.

Еще минут пятнадцать—двадцать, и вновь Майкл:

— Дураки, сами все испортили! Мы их заметили. Правда, разницы никакой — сразу стало ясно, что в узком проходе между холмов и должна быть засада. Остановились на совет.

Совет длился недолго, вскоре Майкл опять позвал нас:

— Вот план. Отступаем. Оставим часовых, они будут делать вид, что охраняют проход. Притворимся, что задержались, а основной отряд тем временем разделится и перейдет реку в двух местах, выше и ниже по течению. Потом обойдем их за холмами и сомкнемся. Поправки есть?

Селение располагалось у подножия холмов, значит, мы скорее всего тоже угодим в кольцо. Мужчин почти нет, может, нам удастся выбраться из пещеры и скрыться среди деревьев... Или мы попадем прямо в лапы одного из отрядов?

Снова выглянув наружу, я увидел, что старухи выносят туки и втыкают в землю стрелы, чтобы были под рукой. Пожалуй, сейчас бежать не стоит.

«Поправки», — спросил Майкл. Но как что-нибудь изменить? Даже если бы я и рискнул оставить Розалинду и Петру одних, вряд ли мне удалось бы еще что узнать. Паук» ведь приказал со мной не церемониться. Да и на расстоянии заметно, что я не местный, так что любой из них выстрелит в меня, не задавая вопросов.

Скорее бы Софи вернулась! Но ее все не было.

— Перебрались, — сообщил Майкл. — Никакого сопротивления.

Нам оставалось только ждать.

Вдруг грянул выстрел, потом еще несколько. И тишина. Через несколько мгновений из леса показалась толпа мужчин и женщин, они явно бежали из своей засады на звуки выстрелов. Потрепанные, несчастные, большинство их походило на обычных, крайне опустившихся людей, хотя были заметны и Отклонения. На всех было три-четыре ружья, у стальных — лишь лук да стрелы. У нескольких — копыя. Паук» возвышался над всеми, рядом была Софи с луком в руках. Они совсем растерялись.

— Что происходит? — спросил я Майкла. — Это вы стреляли?

— Нет, второй отряд, они стараются отвлечь их на себя, чтобы мы смогли напасть с тыла.

— Кажется, удалось, — сказал я.

Раздались новые выстрелы, потом крики и вопли. Полегли стрелы, побежали люди.

Вдруг — четкий вопрос:

— Вы целы?

Мы лежали на полу у входа в пещеру. Нам хорошо было видно происходящее, и вряд ли кто теперь мог заметить нас

или кинуться сюда. Даже Петра понимала, что происходит, она так и излучала возбуждение.

— Потише, детка, потише, мы уже совсем близко! — сурово молвила зеландка.

Летящих стрел прибавилось — людей тоже. Местные пытались спрятаться среди хижин, продолжая отстреливаться.

Внезапно поток стрел обрушился на них с другой стороны. Люди впали в панику, многие кинулись к пещерам. Я приготовился скинуть лестницу, если кто подбежит к ней.

Появилось с полдюжины всадников, и я увидел «паука». Он стоял у своей палатки, держа лук наготове. Софи держала его за потрепанную куртку, уговаривая бежать к пещерам, но он лишь оттолкнул ее, не сводя глаз с всадников. Потом вскинул лук, изо всех сил натянул его и пустил стрелу. Я видел, как стрела вонзилась прямо в сердце моему отцу, как он упал на спину Шебе и рухнул на землю.

«Паук» бросил лук, повернулся, сгреб Софи в охапку и по ежал. Его длиннющие ноги успели сделать не больше трех шагов: в спину и в бок ему вонзились сразу две стрелы, и он упал.

Софи было вскочила и побежала, но в руку ей вонзилась стрела, вторая угодила в шею... Она упала.

Петра, по счастью, ничего этого не видела. Озираясь, она с недоумением спросила:

— Что за странный шум?

— Не пугайся, это мы. Не покидайте пещеру!

Теперь и я слышал странный, все усиливающийся рокот. Непонятно было, откуда он доносился — будто сразу отовсюду.

Все больше всадников выезжало из-за деревьев, некоторых я знал всю жизнь. А теперь они охотились на нас. Большинство местных попряталось по пещерам и стреляло оттуда — без большого успеха.

Вдруг один из всадников закричал и вскинул руку, показывая на небо. Я тоже поднял голову.

Над нами повис какой-то туман, пронизанный быстрыми сверкающими молниями. А над ним, как бы сквозь вуаль, я разглядел ту самую рыбообразную машину, которую видел в детстве во сне. Деталей из-за тумана не было видно, но все же я рассмотрел сверкающее белое тело и что-то крутящееся над ним. Эта штука становилась все больше и больше, опускаясь вниз.

А перед пещерой плыли какие-то нити, похожие на блестящую паутину.

Стрельба прекратилась. Нападающие, опустив луки и ружья, молча таращились вверх. Кое-кто попытался убежать, кони ржали от страха, метались туда-сюда. Начался настоящий хаос. Сталкивались бегущие люди, лошади несли прямо по хрупким хижинам. Я позвал Майкла

— Иди к нам, скорее!

— Bery!

Тут я его заметил — он только что поднялся со своего упавшего коня, увидел нас, помахал рукой, потом вскинул голову, глядя на неведомую машину. Она все опускалась, а под ней кружил странный туман.

— Иду, — повторил Майкл.

Он шагнул, потом остановился и попытался снять что-то с руки. Пальцы у него прилипли.

— Странно, — пробормотал он. — Похоже на паутину, но липкую. Не могу отцепить руку... — Внезапно он испугался: — Не могу!..

— Не дергайся, — спокойно посоветовала зеландка. — Пожись, если можешь, не двигайся, подожди. Лежи неподвижно, чтобы тебя всего не опутало.

Я видел, что Майкл ее послушался, хотя в мыслях его не ощущалось большого доверия. Внезапно я осознал, что люди машут руками — и каменеют в неестественных позах. А странные нити все падали, и люди застывали в них, как мухи в потоке или паутине. Коня тоже падали, запутавшись в липких нитях.

Мне на руку упала нитка. Я тут же велел Розалинде и Петре отойти подальше. Осторожно повернув руку, я попытался стереть нить о стену. Но ко мне подплыло еще несколько нитей, и рука моя намертво прилипла к стене.

— Вот они! — закричала Петра и вслух, и мысленно.

Сверкающая белая рыбина опустилась на землю, вокруг нее взвихрились нити, еще несколько влетело в пещеру. Одна нить подплыла прямо к моему лицу, и я невольно закрыл глаза. Что-то коснулось моих век — и я не смог разлепить их.

ГЛАВА 17

Требуется немало решимости, чтобы лежать совершенно неподвижно, когда чувствуешь, как на тебя что-то налипает и сжимает в кокон, давит на тело.

Майкл тоже был встревожен; я уловил, что он думает: не попробовать ли встать и бежать? Но зеландка сразу вмешалась, и Розалинда начала убеждать Петру не дергаться.

— Вас тоже запутало? — спросил я.

— Да, ветер от машины нанес их в пещеру... Петра, милая, ты же слышала, не дергайся.

Машина постепенно затихла, остановилась. Наступила оглушающая тишина. Слышались подавленные стоны — больше ничего. Я понял, почему: нити залепили рот, и я не смог бы ничего сказать, даже если бы попытался.

Казалось, мы ждали целую вечность. Кожа у меня сохла, стало больно.

Зеландка позвала:

— Майкл? Начни считать, я подойду к тебе.

Майкл начал посылать цифры. Он дошел до двенадцати — затем чувство облегчения и благодарности. Я уловил его мысль:

— Вон в той пещере.

Скрипнула лестница, раздалось шипение. Руки и лицо мои повлажнели, нити растаяли, кожа расправилась. Веки еще были липкими, и я с трудом раскрыл глаза.

Прямо передо мной стояла фигура в белом сияющем комбинезоне. В воздухе плавали нити, но, попадая на костюм или шлем, сразу сыпались вниз. Лица мне не было видно, только глаза через небольшое оконце. В руке, закрытой белой перчаткой, зеландка держала металлическую бутылку, из которой с шипением била какая-то струя.

— Повернись, — услышал я мысленный приказ.

Я повернулся, она «попшикала» на меня из бутылки. Потом вошла в пещеру, перешагнула через меня — я еще лежал, — направилась к Петре с Розалиндой, продолжая разбрызгивать неведомую жидкость. На пороге появились голова и плечи Майкла, он тоже был весь опрыскан. Несколько обрывков нитей опустились на него и сразу растаяли. Я сел, огляделся.

Посреди площадки покоилась белая машина. Та штука, наверху, перестала крутиться, и теперь можно было рассмотреть, что перед нами нечто вроде конической прозрачной спирали. Виднелись окошки и открытая дверь.

Все кругом было словно опутано паутиной, мгновенно сплетенной тысячами пауков. Нити почти не блестели, даже не шевелились, хотя дул ветерок.

Не только нити казались неподвижными — все будто окаменело. Можно было различить контуры людей и коней, являвшихся среди хижин. Вдруг раздался резкий треск, и я увидел, как упало небольшое деревце. А вон медленно накренился большой куст, другой, уже и корни торчат из земли. Неестественно и жутко...

Позади облегченно вздохнула Розалинда. Мы с Майклом подошли к ней. Петра громко, укоризненно произнесла:

— Это было ужасно!

Глаза ее с упреком остановились на белой фигуре.

Женщина еще несколько раз повела рукой, разбрызгивая жидкость, потом сняла перчатки и откинула шлем. Она разглядывала нас, а мы так попросту вытаращились на нее.

У нее были большие глаза с зеленовато-коричневыми радужками, опущенные длинными темно-золотистыми ресницами. Нос прямой, скульптурно-четкие ноздри. Рот великоват, пожалуй; округлый, но не мягкий подбородок. Волосы ее были немного темнее, чем у Розалинды, но коротко подстрижены, как у мужчины.

Сильнее всего нас поразило ее лицо. Оно не было бледным — нет, кожа у нее была белая, как сметана, а на щеках будто отсвет розовых лепестков. Она была так прекрасна, будто ее никогда не касались ни дождь, ни ветер. С трудом верилось, что человеческое существо может быть таким совершенным, таким нетронутым, без единого изъяна.

Мы ведь поняли, что перед нами отнюдь не цветущая юная девушка. Ей было не меньше тридцати — трудно определить точнее. Она была так уверена в себе, так спокойна! Рядом с ней самообладание Розалинды казалось напускным.

Оглядев нас, зеландка перевела взгляд на Петру. Улыбнулась, обнажив прекрасные белые зубы.

Последовал очень сложный мыслеобраз: радость, удовлетворение, облегчение, одобрение и — к моему изумлению — нечто вроде благоговения. Петра не могла еще ухватить все эмоции, но все же уловила достаточно, чтобы стать необычайно серьезной. Она смотрела женщине прямо в глаза, будто понимая, что настал решающий момент в ее жизни.

Потом выражение ее лица изменилось, она засмеялась, но мы ничего не слышали. Вот зеландка склонилась, взяла Петру на руки. Петра осторожно коснулась ее лица, как бы доверяясь в том, что все происходит на самом деле. Женщина засмеялась, поцеловала ее и поставила на пол. Она потрясла головой, словно не веря себе.

— Стоило, — произнесла она вслух, но мы едва поняли слово — произношение было непривычно. — Да, стоило!

Зеландка перешла на мысленные образы, их понимать было куда проще, чем ее речь.

— Нелегко было добиться разрешения. Такое огромное расстояние, так дорого! Они считали, что не стоит. Но стоило, стоило!.. В таком возрасте, без всякой тренировки!.. — Она удивленно рассматривала Петру. — Такая маленькая, а посылает мысль чуть ли не вокруг всего земного шара. — Она снова покачала головой, потом обратилась ко мне: — Ей придется много учиться, но мы дадим ей лучших учителей, и в один прекрасный день она сама начнет их учить. Да, вы довольно далеко продвинулись, но и мы многому сумеем обучить вас. Ну что ж, если вам тут больше нечего делать, отправимся?

— В Вакнук? — спросил Майкл.

Женщина вопросительно обернулась к нему, и он пояснил:

— Ведь там Рейчел.

— Не знаю, сейчас спрошу...

Мы не слышали ее вопроса, но вот она с сожалением ответила:

— Мы не сможем взять и ее. Путь оказался длиннее, чем мы рассчитывали, да еще пришлось лететь высоко и быстро над теми ужасными землями... — Зеландка приостановилась, видимо, соображая, как бы попроще разъяснить все нам — примитивным существам. — Машине нужно горючее. Чем больше веса, расстояния, высоты, тем больше надо горючего. Нам осталось только на возвращение, мы не можем лететь в Вакнук и там приземляться — упадем в море. Троих-то мы увезем...

Мы все молчали, она же, объяснив, спокойно ждала. Внезапно мы заметили, как тихо вокруг. Ни звука, ни движения. Даже листья на деревьях не шелохнутся. Розалинда потрясенно спросила:

— Они что... все?.. Я думала... я не поняла...

— Да, они мертвы, — просто ответила зеландка. — Все мертвы. Пластмассовые нити стягиваются, высыхая на воздухе, попавший в них быстро теряет сознание. Это милосерднее, чем ваши луки и стрелы.

Розалинда поехала, я тоже. Что-то тут было не то. Одно дело бороться лицом к лицу — или пасть в битве, а здесь — совсем другое. Да и наша спасительница — в ее мыслях не ощущалось особого беспокойства или жестоко-

сердия. Неудовольствие, как если бы ее на что-то вынудили. Она поняла наше смятение и с упреком покачала головой.

— Убивать живых неприятно. Но делать вид, что можно обойтись без этого, — самообман. Мы едим мясо, овощи уничтожаем сорняки. Все это часть общего процесса жизни. В нем нет ничего постыдного или страшного. Мы должны бороться за выживание, должны спасать от гибели себе подобных, — или сами погибнем.

Наступит день, когда и мы сойдем с лица земли, чтобы уступить место новым видам. Наверное, мы попытаемся бороться с неизбежным, как и Прежние Люди. Но в конце концов уступим, как сейчас нам уступают эти. Они защищают свой вид, хотят уничтожить нас, а мы спасаем себя и своих.

Я вижу, вы потрясены. Но ведь вас воспитали эти люди, и вам по-прежнему кажется, что вы с ними чем-то связаны. А они-то сразу поняли, что вы другие! Они-то шли сюда, чтобы уничтожить вас! Потому что мы превосходили их, мы выше их. Мы не просто умеем общаться на расстоянии, думать сообща — мы подошли к возможности объединять все умы воедино для решения сложнейших задач. Мы не пытаемся превращать живых людей в слепки с одной и той же модели, как чеканят монеты. Мы не пытаемся подменять своими проповедями Господа.

Жизнь — это развитие, а мы — часть жизни. Неподвижность — враг всего сущего. Если вы шокированы, лучше подумайте о том, что уже натворили ваши народы и что еще могут натворить. Я мало что о вас знаю, но образец-то везде один. Вспомните, как они собирались поступить с вами!

Как и раньше, у меня возникло ощущение, что она сама тоже читает проповедь. Но все же я успевал следить за ходом ее мысли. Так отключиться, как она, осознать себя полностью отличным от обычных людей я не мог. Не уверен, что мне и сейчас это удастся. Мне все еще казалось тогда, что мы — лишь несчастное загнанное меньшинство. Но зато отлично помнил, отчего нам пришлось бежать. .

Я глянул на Петру. Ей явно стало скучно, она сидела, глядя в лицо зеландке, и не слушала нас. А передо мной пронеслись образы: вот тетя Гарриет в воде, с белым свертком в руках; покончившая с собой Энн; боль Салли и Этрин; Софи, превратившаяся в дикарку, Софи со стрелой в горле...

На их месте могла быть и Петра.. Я подошел к сестренке, обнял ее.

Все это время Майкл стоял у входа, глядя на машину. Но вот он обернулся к нам:

— Петра, ты не могла бы позвать Рейчел?

— Да, она здесь. слышит, спрашивает, что у нас происходит.

— Передай ей. что бы ей ни говорили, мы живы и в безопасности.

— Да, — вскоре сказала Петра, — она все поняла.

— Теперь передай ей вот что. Пусть она наберется терпения да ведет себя поосторожнее. Дня через три-четыре я за ней приду. Передашь?

Петра все передала и, как всегда, излишне громко, потом нахмурилась, произнесла вслух с оттенком презрения:

— Она вся плачет! Почему, Господи? Не понимаю! А мыслы сзади не грустные — она счастлива Почему?

Мы молча смотрели на Майкла.

— Вы вне закона, так что я иду один, — решительно сказал он.

— Но Майкл.. — начала Розалинда.

— Она там совсем одна, — прервал ее Майкл. — Ты бы оставила Дэвида — или он тебя?

Отвечать было нечего.

— Но ты сказал, что идешь за ней?

— Да. Мы, конечно, можем пожить в Вакнуке, дожидаясь, пока обнаружат нас — или наших детей... Нет, не годится. Уйти в Окраины? — Он с отвращением глянул вниз. — Тоже плохо. Что ж, раз машина не может лететь за ней, я сам пойду.

Зеландка склонилась вперед, глядя на него с сочувствием и восхищением.

— Майкл, путь долг — и там эти жуткие земли!

— Знаю. Но мир ведь круглый, значит, есть и иной путь.

— Будет трудно и очень опасно.

— Не опаснее, чем жизнь в Вакнуке. Да и сможем ли мы жить там, зная, что у нас есть куда уйти! Теперь мы уверены, что мы не «отклонения», не каприз природы. Теперь нам не просто нужно выжить — у нас есть цель!

— Майкл, — зеландка смотрела ему прямо в глаза, — Майкл, ты доберешься до нас, и мы будем тебе рады.

Дверь с шумом захлопнулась, машина задрожала, поднялся ветер. Через окна мы видели Майкла — его одежда развевалась по ветру. Даже деревья дрожали.

Пол под ногами дрогнул, накренился. Машина дернулась и взлетела в ночное небо. Выровнявшись, она взяла курс на юго-запад.

Петра так перевозбудилась, что часть ее ощущений передалась и нам.

— Чудо, все видно на мили кругом! Майкл, какой ты крошечный!

— Сейчас я кажусь тебе крошечным, Петра, — донеслась до нас мысль Майкла. — Но мы придем, и я снова покажусь тебе большим!

Все было как в моем сне. Яркое солнце — ярче, чем мы когда-либо видели в Вакнуке, — освещало большой голубой залив с лодками, несшими разноцветные паруса, и без парусов. На берегу раскинулся город, тянувшийся в сторону холмов. Из-за зелени выглядывали белые дома, виднелись даже крошечные машины, катившиеся по дорогам. Посреди зеленого поля, чуть в стороне от города, стояла высокая башня, на вершине ее мерцал яркий свет, и наша машина снижалась прямо к нему.

Все было так знакомо, что я даже испугался. Вдруг снова проснулся в Вакнуке? Я взял Розалинду за руку.

— Ты тоже это видишь?

— Да, Дэвид, никогда бы не подумала, что на свете существует такая красота... И здесь есть такое, о чем ты мне не рассказывал!

— Что же?

— Прислушайся! Откройся... Петра, перестань болтать хоть на минуту, детка, пожалуйста!

Я вслушался — мысленно. Вот наш пилот с кем-то общается... Не то.

Казалось, внизу гудит большой улей, но беззвучно. Слово разливается ясный свет.

— Что это? — спросил я с недоумением.

— Разве ты не понял, Дэвид? Это люди — такие же, как мы!

Конечно, она права! Я вслушивался, пока не пришлось защитить мозг — Петра перевозбудилась и еле сдерживалась. Мы летели прямо над городом.

— Теперь верю, — сказал я Розалинде. — Раньше ведь себя со мной не было.

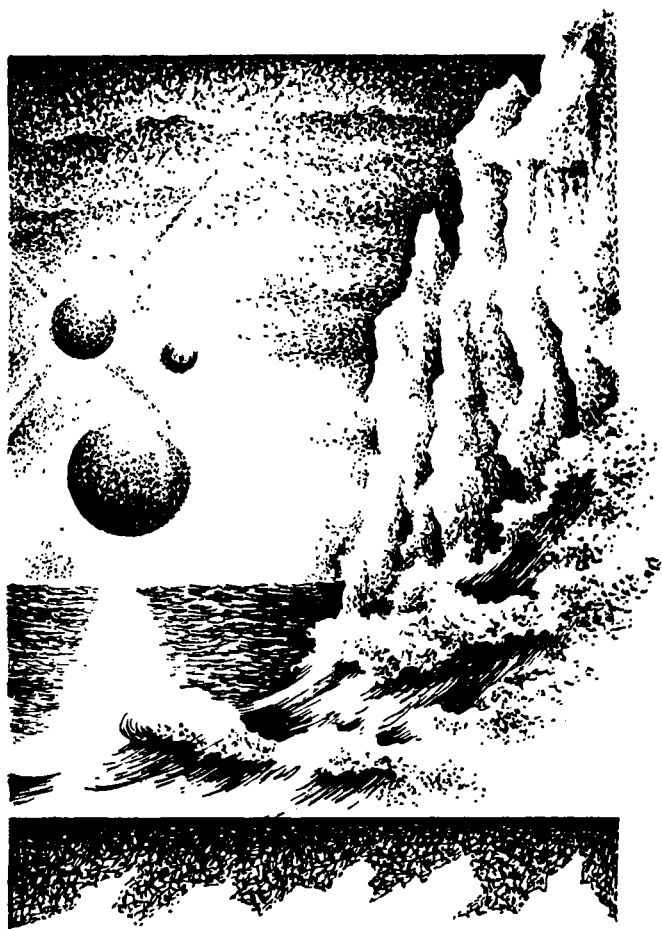
Она обернулась, и я увидел настоящую Розалинду — ту, что всегда скрывалась где-то глубоко внутри. Броня исчезла, передо мной будто цветок раскрывался...

— Теперь, Дэвид... — начала она.

Но тут нас всех прихлопнуло — даже машина дернулась. Отовсюду понеслись протестующие мысли-чувства.

— Ох, простите! — извинилась Петра — перед командой и всем городом. — Но здесь так здорово!

— Ладно уж, детка, — ответила Розалинда. — На сей раз мы тебя извиним. Да, здесь здорово!

КРАКЕН ПРОБУЖДАЕТСЯ

Огромный айсберг, выброшенный на мель приливом, прочно стоял на дне. Холодные волны Атлантического океана разбивались о него, как о скалу, взметая в воздух тучи брызг.

Ослепительные белые утесы на фоне иссиня-черной воды: они были повсюду. Я невольно залюбовался. Мне показалось, что в то утро их было гораздо больше, чем обычно. Ледяные глыбы поменьше плавно раскачивались на волнах, ветер и течение медленно относили их к проливу.

— Думаю, — сказал я, — мне сто́ит написать... отчет.

— Ты хочешь сказать — книгу? — поправила Филлис, не отрывая взгляда от океана.

— Книгу?! Вряд ли из этого выйдет нечто в коленкоровом переплете, но, пожалуй, ты права, действительно книгу, — согласился я.

— Книга — всегда книга, даже если никто кроме автора и его жены никогда ее не прочтет.

— Все-таки не исключено, что кто-нибудь когда-нибудь и прочтет. Я чувствую, мне следует взяться за перо, ведь мы с тобой знаем о случившемся больше, чем кто другой. Есть, конечно, специалисты в своей узкой области более компетентные, но в целом общую картину мы можем описать куда лучше.

— Без ссылок на документы?

— Если хоть кто-нибудь прочтает книгу и она его заинтересует, он без труда отыщет необходимую документацию, то есть все, что от нее осталось. Я лишь опишу события, как они представляются мне... нам, — поправился я.

— Если рассматривать что-то одновременно с двух точек зрения, ничего путного не получится, — резонно заметила Филлис и плотнее запахнулась в пальто.

Ее дыхание становилось белым облачком пара на холодном воздухе. Мы любовались айсбергами. Их было не счесть сколько, самые дальние угадывались только по белоснежной пене разбивающихся о них волн.

— Книга поможет нам скоротать зиму, — предположила Филлис, — а потом, когда настанет весна, может быть... С чего ты хочешь начать?

— Не знаю, еще не думал об этом, — признался я.

— Мне кажется, тебе стоит начать с той ночи на борту «Джиневры», когда мы увидели..

— Но, дорогая, — возразил я, — еще никто не доказал, что эти явления взаимосвязаны.

— Если ты собираешься подыскивать всему доказательства, то лучше не берись совсем.

— Я начну с первого погружения.

Филлис покачала головой:

— Если читатель опустит что-либо несущественное — это полбеда. Много хуже, если нечто важное опустишь ты сам.

Я насупился.

— Да, я никогда не был убежден, что те болиды... Но, черт возьми, слово «совпадение» и существует потому, что в самом деле существуют совпадения.

— Вот так и напиши Только начни с «Джиневры».

— Ладно, — уступил я — Глава первая «Любопытный феномен».

— Милый, мы живем не в девятнадцатом веке! Я бы на твоём месте разделила книгу на три Фазы. Фаза первая...

— Дорогая, чья это будет книга?

— Конечно, твоя, милый.

— Значит ли это, что она будет принадлежать мне больше, чем моя жизнь с тех пор, как я встретил тебя?

— Да, милый. Итак, Фаза первая... Ой, посмотри скорей!

Громадная льдина, подточенная водой, откололась от айсберга и, тяжело описав в воздухе дугу, со всего размаху обрушилась в воду, взметнув к небу миллионы сверкающих брызг. Продолжая по инерции вращение, она на какое-то мгновение замерла почти горизонтально и качнулась назад, оставляя за собой искрящийся водяной шлейф. Мы как зачарованные смотрели на затухающие колебания этого гигантского маятника, пока льдина не успокоилась, выставив на обозрение миру другую свою грань.

Филлис вернулась к разговору.

— Первая Фаза, — начала она уверенно — и вдруг остановилась. — Нет, в начале нужен эпиграф — на целую страницу, отражающий самую суть.

— Пожалуй, — согласился я. — Думаю...

Филлис замотала головой:

— Подожди... сейчас... Вспомнила! Эмили Петифел! Ты о ней, вероятно, никогда и не слышал...

— Совершенно верно, — вставил я. — Мне хотелось бы...

— Это из «Розовой Книги Детства». Вот послушай. — И Филлис, вынув руку из кармана, продекламировала.

— Слишком длинно, дорогая, и, прости, немного не по теме.

— Да, но последние две строчки, Майк, вот эти:

Но что это, мама, ответь мне скорее,
Из моря украдкой выходит на берег?

— Жаль, дорогая, и все же я должен повторить: нет.

— Ты не найдешь ничего лучшего, — обиделась она. — Ну а что у тебя?

— Я имел в виду Теннисона.

— Теннисона?! — поморщилась Филлис.

— Слушай, — сказал я и, в свою очередь, прочитал небольшой отрывок. — Конечно, это не шедевр, но ведь и Теннисон был когда-то начинающим поэтом.

— Мои две последние строчки более точны.

— По букве, но не по духу. И, кто знает, может быть, слова Теннисона в конце концов окажутся истиной.

Мы еще немного поспорили, однако я так считаю: книга моя, а Филлис, если захочет, может написать свою.

*Под громоподобными волнами
Бездонного моря, на дне морском
Спит Кракен*, не потревоженный снами,
Древним, как море, сном.
Тысячелетнего века и веса
Огромного водоросли глубин
Переплелись с лучами белесыми,
Солнечными над ним.
На нем многослойную тень рассеял
Коралловых древ неземной раскид.
Спит Кракен, день ото дня жирея
На жирных червях морских,
Покуда последний огонь небесный
Не опалит Глубин, не всколыхнет вод, —
Тогда восстанет он с ревом из бездны
На зрелище ангелам. и умрет.*

Альфред Теннисон

* Сказочное морское чудовище, по преданию, обитавшее у берегов Норвегии (норв.) — Здесь и далее примеч пер.

Я — истинный свидетель, вы — истинный свидетель, практически все твари божьи — истинные свидетели: ума не приложу, как возникают совершенно различные версии одного и того же события! Я знаю только двух людей, чье описание происшедшего в ночь на 15 июля полностью совпадает; эти двое — Филлис и я. Но так как Филлис — моя жена, люди, по своей простоте, говорят за нашими спинами, будто я повлиял на нее. О, как плохо они знают Филлис!

Итак, время: 23 часа 15 минут; место: 35-я широта, 24 градуса западнее Гринвича, судно «Джиневра»; ситуация: медовый месяц. Вот факты, не вызывающие сомнений.

Маршрут поездки проходил через Мадейру, Канарские острова, острова Зеленого Мыса и затем круто поворачивал на север, чтобы по пути домой захватить Азоры.

Мы стояли на верхней палубе, облокотясь на перила, вдыхая прохладный ночной воздух. Из салона доносилась заунывная мелодия — красивый баритон страдал от неразделенной любви. Отдыхающие танцевали.

Корабль шел плавно, как по реке. Мы молчали, уставившись в бесконечные просторы моря и неба. Эстрадный певец надрывно стонал за нашими спинами.

— Как хорошо, что я не могу разделить его горе, это было бы ужасно, — пробурчала Филлис. — И зачем тиражировать подобные завывания?

К счастью, мне не надо было отвечать — внимание Филлис неожиданно переключилось.

— Как мрачен и зловещ сегодня Марс, — сказала она. — Хочется верить, что это не дурное знамение.

Я взглянул на красную точку среди тысяч белых. Надо признать, в тот вечер Марс действительно был ярок, как никогда. Хотя, возможно, все объяснялось тем, что мы находились в тропиках: звезды здесь тоже совсем другие...

— Да, — согласился я, — хочется верить...

Некоторое время мы молча пялились на красную точку.

— Странно, кажется, он увеличивается, — озадаченно заметила Филлис.

Я сказал, что это скорее всего галлюцинация. Однако Филлис была права: Марс явно увеличивался в размерах, и более того...

— Еще один! Нет, двух Марсов быть не может... — растерялась она.

И тем не менее они были. Вторая точка, чуть меньше первой, мерцала таким же алым светом.

— Еще! Видишь? Там, слева.

— Вероятно, какой-то тип реактивных самолетов, — предположил я.

Точки становились все ярче и все ниже опускались по небосклону, пока не оказались почти над линией горизонта. От них по воде побежала розовая дорожка отраженного света.

— Пять, — насчитала Филлис.

И сколько нас ни просили потом описать эти точки подробнее, мы говорили тогда и продолжаем утверждать сейчас, что установить их точные очертания было невозможно. Равномерно красный, слегка размытый по контуру шар — вот все, что мы тогда разглядели. Попробуйте вообразить пурпурный источник света, окутанный густым туманом, таким, что образуется довольно отчетливый ореол, и вы получите примерное представление, на что это походило.

Естественно, кроме нас на палубе слонялись и другие отдыхающие и не мы одни обратили внимание на необычное явление. Но кому привиделись тела сигарообразной формы, кому — цилиндры, кому — диски, кому, естественно, — блюдца, кто усмотрел восемь, кто — девять, кто — дюжину объектов. Мы — пять.

Что же касается ореола, то даже если он и являлся следствием работы реактивных двигателей, приближались объекты сравнительно медленно, и у пассажиров «Джиневры» хватило времени, чтобы сбегать в салон позвать своих друзей поглазеть на небо. Так что вскоре все перила облепили зеваки, наперебой высказывавшие догадки, одна лучше другой.

Взметнулось облако розового пара — первый объект с шипением погрузился в воду. Вскоре пар расстелился над водой, потерял розовый оттенок и стал просто белым туманом.

ном в лунном свете. Вода в месте погружения бурлила и пенилась. Когда туман рассеялся, на глади моря не осталось ничего, кроме постепенно успокаивающейся воронки.

Следом погрузился второй шар, затем — третий, и, наконец, все пять небесных тел с огромным свистом исчезли в море, оставив после себя бурлящие воронки.

На «Джиневре» затрезвонили колокола, корабль изменил курс, и команда приготовилась к спуску шлюпок. Мужская половина пассажиров застыла наготове со спасательными жилетами.

Четыре раза корабль прошел туда и обратно, исследуя район, однако никаких следов аварии мы не обнаружили — море было пустынным и спокойным.

Я в то время являлся штатным сотрудником И-би-си*; поэтому, не раздумывая, я поспешил к капитану, протянул ему свою визитную карточку и объяснил, что на радио наверняка заинтересуются происшедшим.

— Здесь, наверное, опечатка: Би-би-си? — переспросил капитан.

Конечно, И-би-си тогда уступала знаменитой радиовещательной компании, и мне вечно приходилось давать необходимые пояснения. Заверив капитана, что все напечатано правильно, я добавил:

— Насколько я успел выяснить, у каждого пассажира есть своя версия. Я бы хотел услышать вашу, официальную, чтобы сравнить со своей.

— Неплохая мысль, — согласился капитан, — но начнем с вас.

Когда я закончил, он кивнул и протянул мне вахтенный журнал. В основном наши наблюдения совпадали: объектов — пять и форму их определить невозможно. Я отметил про себя, что все пять тел зарегистрированы радаром и отнесены к разряду НЛО.

— А что вы лично об этом думаете? — поинтересовался я. — Не наблюдали ли вы нечто подобное раньше?

— Нет... никогда, — как-то нерешительно отозвался капитан.

— Никогда?

— Хорошо, только не для печати. Видеть — не видел, но мне рассказывали о двух случаях, почти в точности со-

* ЕВС — English Broadcasting Company — Английская радиовещательная компания.

впадающих с этими. Оба они произошли в прошлом году. Первый раз это случилось ночью — было всего три... болида. Во втором случае — полдюжины, и, несмотря на то что их наблюдали при дневном свете, они выглядели так же, как вчерашние: размытые красные пятна. И тоже над Тихим океаном, правда, в другой его части.

— А почему не для печати?

— Тогда было всего два-три свидетеля, а вы сами понимаете... Какой моряк хочет прослыть пустозвоном?! Оба случая, конечно, стали известны, но только среди своих. Мы, так сказать, не столь скептически, как остальные: в море иногда случаются странные вещи.

— Ну а хоть какое-нибудь объяснение, на которое я смог бы сослаться?

— Я предпочел бы этого не делать и ограничиться записью в вахтенном журнале. Вчера я зафиксировал происшедшее только потому, что на сей раз было несколько сот свидетелей.

— А почему бы нам не исследовать дно, вы же точно засекли место погружения?

Он покачал головой:

— Здесь больше тысячи саженей. Слишком глубоко.

— А в тех двух случаях? Тоже никаких следов крушения?

— Нет. Если б они были, то власти наверняка провели бы официальное расследование. Никаких доказательств.

Мы поговорили еще немного, однако больше ничего интересного мне не удалось из него вытянуть. Я вернулся в каюту и, написав короткий репортаж, передал его в Лондон. В тот же вечер материал пошел в эфир в рубрике «Любопытное происшествие».

Вот так я оказался одним из первых свидетелей того, что положило начало всем нашим бедам.

Я убежден, что все взаимосвязано: и эта ночь, и рассказ капитана, и то, что произошло в дальнейшем, хотя даже теперь, спустя годы, у меня нет никаких доказательств. Чем все это закончится? Боюсь заглядывать вперед, я бы даже предпочел вообще обо всем забыть, если б это было возможно. Да, все начиналось так незаметно! Ничто не предвещало катастрофы. Однако трудно представить, что можно было бы предпринять, заранее зная об опасности. Потенциальную угрозу расщепления атомного ядра человечество осознало довольно рано, но что от этого изменилось?!

Возможно, если бы мы сразу атаковали... Но что или кого атаковать, мы не знали, а потом уже было слишком поздно. Да и не хочу я здесь оплакивать наши просчеты. Моя цель — четко и, по возможности, кратко описать события, послужившие причиной нашего сегодняшнего положения. Пусть даже сведения о них отрывочны и не связаны между собой.

«Джиневра» прибыла в Саутгемптон по расписанию, без каких-либо прочих происшествий. Их никто и не ждал — то, что произошло, само по себе было из ряда вон, и когда-нибудь, в отдаленном будущем, мы могли сказать своим внукам нечто вроде: «Когда ваши дедушка и бабушка были молодыми, они видели морского дракона».

Это был великолепный медовый месяц, лучшего я не мог себе и представить. И Филлис, когда мы, опершись на перила, смотрели на суету портового города, восторженно отозвалась о нашей морской прогулке.

Мы славно устроились в нашем замечательном новом доме в Челси, наслаждаясь тишиной и уютом, позабыв о странных болидах. Лишь в понедельник утром, явившись в офис родной И-би-си, я с удивлением обнаружил, что коллеги в мое отсутствие окрестили меня Ватсон-болидом из-за огромного количества откликов на передачу. Всучив кипу писем, мне сказали: «Ты заварил эту кашу, тебе и расхлебывать».

Оказывается, на свете существует несметное число любителей сверхъестественного, которые только тем и занимаются, что раскапывают душераздирающие секреты и тайны. Им достаточно малейшего повода, чтобы усмотреть единомышленника в первом встречном. Разбирая корреспонденцию, я выявил целый букет загадочных явлений. Одного моего коллегу, сделавшего передачу о привидениях, слушатели завалили письмами о левитации, телепатии, материализации, гипнозе и тому подобном. Я же затронул несколько иную область. Большинство моих респондентов сочли, что коль я занимаюсь болидами, то мне будет интересно узнать о таких явлениях, как: дождь из лягушек, таинственное выпадение золы, разновидности свечения на небе и морские чудовища.

Просмотрев письма, я отложил с полдюжины, возможно, относящихся к моей теме. В одном из них рассказывалось о

недавнем случае у Филиппин: явное подтверждение рассказа капитана «Джинебры». Другое письмо заинтересовало меня тем, что его автор в интригующей форме приглашал встретиться с ним в «Золотом пере». Я решил принять приглашение, тем более что там всегда можно неплохо перекусить.

Встреча произошла неделю спустя. Пригласивший меня мужчина был всего на два-три года старше меня. Он заказал четыре стакана тию-пепе и первым делом признался, что имя на конверте — вымышленное и что сам он — капитан королевской авиации.

— Видишь ли, — сказал он, — сейчас-то они уверены, что мне все померещилось, но едва найдутся доказательства, не преминут сделать это государственной тайной. Такая вот петрушка, дружище.

Я посочувствовал.

— Ладно, — продолжил он, — я все равно влип, а ты собираешь данные, поэтому я все тебе расскажу. Только на меня не ссылайся — не хочу неприятностей от начальства. Нет законов, запрещающих делиться галлюцинациями, но кто знает...

Я понимающе кивнул.

— Это случилось три месяца назад. Обычный патрульный полет примерно в нескольких сотнях миль от Формозы...

— А... а разве...

— Эх, парень, есть множество вещей, которые у нас не афишируют, хотя и не делают из них больших секретов, — сказал он. — Итак, я совершал обычный патрульный полет. Радар засек их еще вне зоны видимости; они стремительно приближались с запада. Я решил выяснить, что это, и пошел на перехват; попытался связаться с ними, но безрезультатно. Три красные точки — я их уже видел, — три красные точки, яркие даже при солнечном свете. Я снова и снова вызывал их — ни ответа ни привета. Не обращая на меня никакого внимания, они неслись с бешеной скоростью, хотя я сам летел со скоростью близкой к пятистам миль в час.

Так вот... — Он перевел дыхание. — Я — капитан патрульной службы, и я доложил на базу, что передо мной неизвестный тип летательных аппаратов — если это вообще можно назвать аппаратом, — и, так как они не отвечают, я

предложил палнуть по ним. А что еще оставалось? Дать им уйти? Тогда какого черта я вообще патрулирую!

Для очистки совести я еще разок попытался выйти с ними на связь, но им было плевать на меня и на мои сигналы.

Мы сближались. Нет, это точно были никакие не летательные аппараты. Это было именно то самое, что ты описал в передаче: темно-красное ядро с розовым ореолом. Я сказал бы — миниатюрные красные солнца. И чем дольше я на них смотрел, тем меньше они мне нравились. Я установил гашетку под контроль радара и позволил им обогнать меня. По моим подсчетам, они двигались со скоростью более семисот.

Секунда-две, и орудие выстрелило. Казалось, шар взорвался одновременно со спуском гашетки. Эх, парень, видел бы ты, как он взорвался! Мгновенно разбух до невероятных размеров, становясь из темно-красного — розовым, из розового — белым и весь в эдакую малиновую крапинку. Ну и зрелище, доложу я тебе! Самолет мой тряхнуло взрывной волной, может быть, попали осколки... Не знаю, сколько прошло времени, наверно, немного (я — счастливчик, парень), потому что когда я пришел в себя, то обнаружил, что еще жив, а самолет быстро теряет высоту. Три четверти моего правого крыла — как не бывало, левое тоже выглядело не лучшим образом. Я понял, что пора катапультироваться, и, к моему удивлению, катапульта сработала.

Он призадумался, а потом добавил:

— Я понимаю, что не сказал тебе ничего нового, но обрати внимание на два момента: они перемещались значительно быстрее, чем те, которых видел ты, это во-первых. И во-вторых, что бы это ни было, оно очень уязвимо.

Еще мне удалось вытянуть из капитана патрульной службы, что после взрыва шар не развалился на части, а исчез, лопнул, взорвался весь, целиком, полностью. И, как ни странно, это обстоятельство впоследствии оказалось более значимым, чем думалось вначале.

В последующие недели пришло всего несколько писем, а затем болидная эпопея вовсе стала напоминать историю с Лохнесским чудовищем.

Все, касающееся болидов, спихивали мне — на И-би-си это считалось моим делом.

Изредка из обсерваторий сообщали, что ими зафиксированы красные объекты, перемещавшиеся на высоких скоро-

стях. Однако там были очень осторожны в своих утверждениях, да и ни одна газета все равно не напечатала бы об этом ни строчки, хотя бы потому, что все это сильно смахивало на НЛО, а читатели, по мнению редакторов, предпочли бы в качестве сенсации что-нибудь новенькое.

И все же материал постепенно накапливался и спустя два года события получили должную огласку и внимание.

Тринадцать болидов! Первой их засекла радарная станция на севере Финляндии. Болиды двигались в юго-западном направлении со скоростью тысяча пятьсот миль в час. Финны в своем сообщении называли их «неопознанными летающими объектами». Шведы тоже засекли их, когда они пересекали территорию страны; им даже удалось наблюдать объекты, и они описали их как маленькие красные точки. Норвежцы подтвердили информацию, но, по их данным, скорость точек не превышала тысячи трехсот миль в час. Шотландская станция доложила о них как о телах, «видимых невооруженным глазом», перемещающихся со скоростью тысяча миль. Две станции в Ирландии сообщили, что «неопознанные летающие объекты» пролетают прямо над ними в юго-западном направлении с небольшим отклонением. Еще более южная станция определила их скорость — восемьсот миль в час — и утверждала, что они «отчетливо видны». Метеорологическое судно на 65-м градусе северной широты зафиксировало скорость тел — пятьсот миль. Таково было последнее известие.

Причина, по которой сообщение именно об этом полете болидов оказалось в передовицах, тогда как предыдущие остались без внимания, заключалась не только в обилии поступивших сообщений, позволявших вычертить траекторию полета, — причина была в самой траектории. Но, несмотря на окольные намеки и даже прямые выпады, на Востоке молчали.

После первых атомных испытаний в России и следовавших за ними поспешных и нехарактерных для Востока заявлений Москва взяла за правило в подобных вопросах симулировать глухоту. Такая политика имела определенный успех: создавалось впечатление, что за молчанием непременно стоит сила. Ну а поскольку те, кто был хорошо знаком с действительным состоянием дел в России, не собирались афишировать своей осведомленности, то игру в непричастность можно было продолжать и впредь.

Швеция, избегая конкретизации, объявила, что они примут меры против любого посягательства на их воздушное пространство со стороны кого бы то ни было. Британские газеты заявили, что некая супердержава, столь ревностно охраняющая свои границы, должна признать подобное право и за другими странами. В американских журналах говорилось, что, имея дело с русскими, надо стрелять первым.

Кремль не реагировал.

В редакцию посыпались письма. Сообщения о болидах шли отовсюду, я только успевал отбирать наиболее яркие, откладывая в сторону остальные. Было и несколько описаний болидов, спускающихся в море, причем настолько похожих на мои собственные наблюдения, что не удивлюсь, если их позаимствовали из моей же радиопередачи. В целом, вся корреспонденция оказалась кучей предположений, догадок, бесконечных историй, информации из третьих рук, чистых фантазий, и я мало что извлек из этой кипы бумаг. Но два вывода я все-таки сделал: ни один человек не видел, чтобы болид приземлялся на сушу; ни одно из погружений не наблюдалось с берега — все они были замечены с борта корабля или самолета, далеко в море.

Сообщения поступали еще несколько недель. Скептики сдались, и только самые стойкие из них продолжали твердить: это не более чем галлюцинации. Письма приходили, но мы тем не менее не узнали о болидах ничего нового, ни одной фотографии — как у охотника, который в ответственный момент всегда оказывается без ружья.

Зато следующая вереница болидов пролетела как раз над тем, у кого оружие оказалось, причем в буквальном смысле слова.

Авианосец военно-морских сил США «Тускиги», находясь вблизи Сан-Хуана, на острове Пуэрто-Рико, принял сообщение из Кюрасао о том, что в их направлении летят восемь болидов. Капитан, уверенный, что это посягательство на воздушное пространство острова, сделал необходимые приготовления и, потирая руки, наблюдал за приближением болидов на экране радара. Выждав, пока нарушение воздушных границ стало бесспорным, он отдал приказ произвести шесть залпов с интервалом в три секунды и вышел на палубу полюбоваться ночным небом.

В бинокль он увидел, как шесть красных точек одна за другой превратились в большие клубы розового дыма.

— Так, — сказал он самодовольно, — с этими покончено. Посмотрим теперь, кто станет жаловаться.

Закинув голову, капитан стоял и смотрел, как оставшиеся две точки удалялись в северном направлении.

Шли дни, жалоб не поступало, но не уменьшалось и число сообщений о болидах; политика же умышленного замалчивания лишней раз доказывала, чьих рук это дело.

На следующей неделе еще два болида оказались достаточно неосторожны, пролетев в радиусе действия разведывательной станции Вумера, за что и заплатились; еще три были уничтожены морским судном в районе Кодиака.

Вашингтон отправил Москве ноту протеста с указанием на неоднократные нарушения воздушных границ и, выражая соболезнования родственникам погибших, подчеркнул, что ответственность лежит не на тех, кто находился на борту летательных аппаратов, а на тех, кто, вопреки международным соглашениям, послал их на смерть.

Кремль после нескольких дней «созревания» выдал ответный протест, заявив, что тактикой приписывания своих преступлений другим Запад никого не удивил, что оружием, разработанным советскими учеными для дела мира, недавно уничтожено более двадцати летательных аппаратов над территорией Союза, и это должно вразумить всякого, кто ещемышляет шпионажем.

Положение осталось туманным, а весь несоветский мир разделился на два лагеря: тех, кто верил русским, и тех, кто не верил им. У первых не возникало никаких вопросов — их вера была тверда. Вторые сомневались — считать ли заявление Москвы чистой ложью или, может, русские все-таки сбили пусть не двадцать, но хоть пяток болидов.

Обмен нотами затянулся на несколько месяцев.

Поток информации о небесных телах рос с каждым днем. О чем это свидетельствовало, сказать было трудно: то ли об увеличении интереса к проблеме, то ли об активизации самих болидов. Частенько попадались сообщения о новых столкновениях ВВС с «неизвестными летательными аппаратами», время от времени в газетах появлялись перепечатки из советских изданий с угрозами в адрес капиталистического мира и обещаниями показать всем милитаристским болидам силу и мощь единственно истинной народной демократии.

Однако для поддержания интереса публики необходимо «топливо» — без новых дров он быстро угасает. Да, болиды существовали, они пронеслись по небу на высоких скоростях, взрывались, если в них стреляли... Ну и что из того? Они не проявляли никаких признаков агрессии, во всяком случае, никто об этом не знал. Они не оправдывали ожиданий, а публика жаждала сенсаций.

Интерес к ним пошел на убыль. Началась пора спокойных рассуждений. Все вернулись к истокам, к версии огня Святого Эльма, новой формы природного электричества. Атаки на болиды со стороны военных судов и наземных станций прекратились. Загадочным телам позволили беспрепятственно совершать их непонятные маршруты. Регистрировалось только время появления, скорость и направление движения. Красные точки в небе всех разочаровали.

Тем не менее в Адмиралтейство и штаб-квартиру ВВС стекались со всего мира всевозможные данные. На военных картах отмечались маршруты болидов, созывались совещания, и постепенно кое-что начало вырисовываться.

В редакции И-би-си мой стол продолжал считаться местом, где оседало все, связанное с болидами, и хотя, казалось, дело совсемдохлое, на случай, если оно вдруг оживет, я держал порох сухим. В то же время я вкладывал свою лепту в создание общей картины, посылая специалистам информацию, которая, на мой взгляд, могла их заинтересовать.

Таким образом, я оказался в числе отмеченных и был приглашен в Адмиралтейство для ознакомления с некоторыми результатами работы комиссий.

Меня пригласил капитан Винтерс. Сообщив, что материалы, которые мне покажут, не являются государственной тайной, он подчеркнул, что желательно пока не использовать их в передачах.

Я пообещал, и тогда он извлек из стола карту мира, сплошь заштрихованную тонкими линиями, каждая из которых была помечена циферкой и датой. Казалось, что на карту наброшена паутина, и это впечатление усиливали крохотные красные точки, разбросанные по всей ее поверхности и напоминающие паучков-крестовиков.

Капитан Винтерс взял лупу и склонился над столом.

— Вот, — сказал он, наведя лупу на Азорские острова, — это ваш вклад.

Я посмотрел на карту и различил маленькую красную точку, отмеченную цифрой пять и датированную днем, когда мы с Филлис наблюдали исчезающие в глубинах болиды. Рядом, ближе к северо-востоку, тянулась полоса точно таких же точек.

— Точка — это болид? — спросил я.

— Один или более, — ответил капитан. — А это их курсы, — добавил он, указывая на тонкие линии. — Естественно, только те, о которых нам известно. Итак, что скажете?

— М-да. Во-первых, бросается в глаза, что их чертовски много, гораздо больше, чем я мог вообразить. А во-вторых — какого дьявола они группируются в скопления вроде этого? — Я ткнул пальцем.

— А! — воскликнул капитан. — Теперь на минуту отвлечитесь и прищурьтесь.

Я прищурился и понял, что он имеет в виду.

— Области концентрации...

Капитан кивнул:

— Вот именно! Пять основных и целый ряд поменьше. Самая большая — юго-западнее Кубы, вторая по плотности — в шестистах милях от Кокосовых островов, огромные скопления — у Филиппин, Японии и Алеутов. Я не обольщаюсь и не утверждаю, что места скоплений определены с абсолютной точностью, даже наоборот. Вот, посмотрите, сколько линий ведет в район к северо-востоку от Фолклендов, а ведь здесь зафиксировано всего три погружения. О чем это говорит? Только о том, что это место — вдалеке от водных трасс и, следовательно, нет очевидцев. Что-нибудь еще привлекло ваше внимание?

Я отрицательно покачал головой, пытаюсь сообразить, к чему он клонит. Капитан достал карту промеров глубин и развернул ее на столе рядом с первой.

— Области концентрации в районе больших глубин? — догадался я.

— Да, и почти нет сообщений о погружениях в местах мельче, чем четыре тысячи саженей.

Я задумался. Капитан тоже молчал.

— Ну и что? — не выдержал я.

— Вот именно: ну и что?

Мы снова склонились над картами.

— Да, еще! — вспомнил он. — Все сообщения касаются исключительно погружений, и ни одного — о взлете.

— Капитан, — спросил я, — что вы обо всем этом думаете? У вас есть какие-нибудь предположения? И если есть, собираетесь ли поделиться со мной?

— У нас есть целый ряд теорий, но все они, по тем или иным причинам, неудовлетворительны. Ну а ответ на второй вопрос вытекает из первого.

— А как насчет русских?

— Они здесь ни при чем. В действительности они обеспокоены еще больше нашего. Русские с молоком матери впитали ненависть к капиталистам и всегда во всем подозревают Запад. Вот и теперь они не могут отделаться от мысли, что эти болиды — наши козни и происки, хоть и не понимают, что за игру мы ведем. Единственное, в чем сходятся мнения Востока и Запада, — эти штуки — не природное явление и появление их не случайно.

— А если не Россия, а какая-то другая страна, вы бы об этом знали?

— Без сомнения.

Мы снова погрузились в изучение карт.

— Мне постоянно напоминают, — нарушил молчание я, — слова небезызвестного Шерлока Холмса, сказанные им моему тезке: «Когда вы устранили невозможное, то все, что останется — каким бы невероятным оно ни было, — и будет истиной». Кто может утверждать, что если болиды — не продукт земной цивилизации...

— Мне не нравится такое разрешение вопроса, — обожал меня капитан.

— Оно никому не понравится, — согласился я, — и тем не менее... Или почему, например, не предположить, что нечто в глубинах достигло высокой стадии эволюции и теперь объявилось на поверхности во всей красе высоко развитой технологии. Почему бы и нет?

— Еще менее вероятно, — заметил капитан.

— В таком случае мы опровергаем Холмса — мы устранили все возможное и невозможное. А глубины — совсем неплохое место, чтобы схоронить что-либо от глаз человеческих, преодолев, естественно, технические трудности.

— Кто спорит, — согласился капитан, — но среди этих, как вы выразились, трудностей — давление в четыре-пять тонн на квадратный дюйм.

— Гм, об этом стоит поразмыслить. — Я нахмурился. — Возникает еще один вопрос: что они здесь делают?

— Вот-вот.

— И никакой зацепки?

— Они прилетают, — задумчиво рассуждал капитан, — возможно, и улетают. Но преобладает явно первое — вот в чем дело.

Я взглянул на карту, испещренную линиями и точками.

— Вы что-нибудь предпринимаете? Или мне не следует задавать подобных вопросов?

— Для этого мы вас, собственно, и пригласили, к этому я и вел весь разговор. Мы собираемся произвести разведку. Само собой разумеется, что ни о каких радиопередачах не может идти и речи, но нам необходимо все записать и заснять, от и до. Так что, если ваши люди заинтересуются...

— И куда мы отправляемся?

Он показал пальцем на карте.

— О! — воскликнул я. — Моя жена питает пристрастие к тропическому солнцу, особенно в Вест-Индии.

— Сколько мне помнится, у нее было несколько довольно неплохих документальных сценариев.

— Да-да, — размышляя, пробубнил я. — Если И-би-си откажется, это будет непростительной ошибкой.

Пока берег не исчез за горизонтом, огромный предмет, возбуждающий наше любопытство, был скрыт под чехлом. Он, как гора, возвышался посреди кормы на специально сконструированной опоре.

Снимали чехол в торжественной обстановке, но «разоблаченная» тайна оказалась всего лишь металлической сферой около десяти футов в диаметре с круглыми, похожими на иллюминаторы, окнами и с большим кольцом для троса сверху.

Начальник экспедиции, капитан-лейтенант, окинув влюбленным взглядом свое детище, обратился к присутствующим:

— Аппарат, который вы сейчас видите, называется батископ.

Он сделал значительную паузу.

— Кажется, Биб... — шепнул я Филлис.

— Нет, — ответила она, — у того была батисфера.

— А...

— Он сконструирован так, — продолжал капитан-лейтенант, — что способен противостоять давлению в две тонны на квадратный дюйм и теоретически может опуститься до

глубины в тысячу пятьсот саженей. Однако мы не планируем погружение более чем на тысячу двести саженей, оставляя, таким образом, запас прочности в семьсот двадцать фунтов на квадратный дюйм. Даже в этом случае мы добьемся достижения доктора Биба, погрузившегося на глубину немногим более пятисот саженей, и Бартона, который достиг отметки семьсот пятьдесят саженей...

Мне стало скучно, и я обратился к Филлис:

— Я как-то не очень разбираюсь в этих саженях. Сколько это будет в нормальных человеческих футах?

Филлис сверилась со своими записями.

— Глубина, которой они собираются достичь, — семь тысяч двести футов, а которой могут достичь — девять тысяч.

— Внушительно.

Филлис в некоторых отношениях гораздо практичнее меня.

— Семь тысяч двести футов, — сообщила она, — это чуть больше мили с третью. А давление на этой глубине немногим больше тонны с третью.

— Ах ты моя сценаристочка, — восхитился я, — что б я без тебя делал? И все же...

— Что?

— Тот парень из Адмиралтейства, капитан Винтерс, говорил о давлении в четыре-пять тонн... — Я повернулся к начальнику экспедиции. — Какая здесь примерно глубина?

— В районе Кайманской впадины, между Ямайкой и Кубой, — ответил он, — более пяти тысяч.

— Но... — начал я удивленно.

— Саженей, милый, — подсказала мне Филлис, — в футах — тридцать тысяч.

— А-а-а, — протянул я. — Это около пяти с половиной миль?

— Да, — подтвердил капитан-лейтенант.

— А... — начал было я.

Но он уже вернулся к своему докладу.

— Это, — обратился он к собравшейся толпе, состоявшей к тому времени из меня и Филлис, — на сегодняшний день предел наших возможностей. Хотя... — Он сделал многозначительный жест и указал на точно такую же сферу, только гораздо меньшего размера. — Здесь перед нами совершенно другой аппарат, способный достичь в два раза большей глубины, нежели батископ, а возможно, и еще большей. Этот аппарат полностью автоматизирован и кроме

всевозможных измерительных приборов оснащен пятью телевизионными камерами. Четыре из них дают изображение в горизонтальной плоскости, а пятая — в вертикальной, под самой сферой.

— Этот прибор, — вдруг раздался чей-то голос, имитирующий интонацию начальника, — мы называем «телебат».

Насмешка не могла смутить капитан-лейтенанта — никак не отреагировав, он невозмутимо продолжал лекцию. Но аппарат уже был окрещен и так и остался телебатом.

В течение трех дней мы занимались испытанием и наладкой оборудования. Нам с Филлис тоже позволили влезть в батископ и погрузиться на триста футов — просто так, чтобы прочувствовать, что это такое, — после чего мы уже не завидовали тем, кому предстояло погружение на тысячу саженей.

Утром четвертого дня все столпились вокруг батископа. Два участника экспедиции — Вайзман и Трэнт — протиснулись сквозь узкое отверстие внутрь аппарата, затем им передали необходимую на глубине теплую одежду, пакеты с едой, термосы с горячим чаем и кофе.

— О'кей, — махнул на прощание Трэнт, показавшись из люка.

Матросы задраили крышку люка и при помощи лебедки перенесли батископ за борт. Он висел, сверкая в солнечных лучах и слегка покачиваясь. Неожиданно на телеэкранах возникло наше изображение — кто-то из парней внутри батископа включил камеру.

— Все! — уже из динамика раздался голос Трэнта. — Опускайте!

Батископ коснулся воды, и через мгновение волны океана сомкнулись над ним.

Я не хочу описывать детально погружение — оно было долгим и утомительным. Надо сказать, смотреть на экран, ничего не делая, довольно скучное занятие. Вся жизнь моря, оказывается, четко разграничена на определенные слой-уровни. Верхний, самый обитаемый слой, кишит планктоном, в котором будто не прекращается пылевая буря. Разглядеть можно только существа, вплотную приблизившиеся к иллюминаторам. Глубже, из-за отсутствия питательного планктона, жизни почти нет, лишь изредка на экранах проскальзывают тени каких-то рыб: мрак и пустота —

вид однообразный до тошноты. Поэтому большую часть времени мы провели с закрытыми глазами и лишь изредка выходили на воздух покурить. Солнце палило нещадно, и матросам приходилось то и дело поливать раскаленную палубу водой. Флаг, что тряпка, болтался на флагштоке, разморенный океан распластался под тяжелым куполом неба, и только где-то над Кубой виднелась тонкая полоска облаков. Кроме помех в наушниках, тихого гудения лебедки и голоса матроса, отсчитывающего пройденные сажени, ничто не нарушало безмолвие дня.

Иногда неожиданно раздавался бодрый баритон начальника экспедиции:

— Эй, там, внизу, все в порядке?

И мгновенно в наушниках отзывалось:

— Да-да, сэр.

Один раз, кажется, Вайзман, спросил:

— Был ли у Биба костюм с электроподогревом?

Выяснилось, что никто не знает.

— Если нет, снимаю перед ним шляпу!

— Полмили, сэр! — раздался скрипучий голос матроса.

Лебедка продолжала вращаться, экраны показывали все то же: отдельные стайки рыб, тут же исчезающие в темноте. Смотреть было не на что.

В наушниках пожаловались:

— Эти твари неуловимы! Стоит поднести камеру к одному иллюминатору — появляются в другом!

— Пятьсот саженей. Вы обходите Биба! — объявил капитан-лейтенант.

— Чао-чао, Биб! — отозвались с глубины, и снова на долгое время наступила тишина.

Внезапно молчание прервал далекий голос

— Удивительно! Здесь опять жизнь: куча головоногих, больших и малых. Видели бы вы их! Что-то еще, на границе света... очень большое... не могу точно... Возможно, гигантский кальмар... Нет, черт побери! Не может быть!.. Кит.. на такой глубине!

— Маловероятно, хотя возможно, — авторитетно заметил начальник экспедиции.

— Но в этом случае... эх, черт, он скрылся! Н-да! Мы, млекопитающие, иногда добираемся и сюда.

— Обходим Бартона! — объявил капитан-лейтенант и добавил, неожиданно сменив тон: — Теперь, ребята, все зависит только от вас. У вас все в порядке?

— Все о'кей, сэр!

снова тишина.

— Скоро миля! Как самочувствие?

— А как там погода наверху? .

— Полный штиль, ни ветерка.

— Тогда продолжим, сэр. Неизвестно, что будет завтра: может быть, придется ждать благоприятной погоды не одну неделю.

— Хорошо, пусть так. Раз вы уверены в себе...

— Уверены, сэр.

— В таком случае еще триста саженей.

Прошло немало времени, прежде чем до нас донесся голос Трэнта.

— Пусто, пусто и темно. Любопытно, как отличаются сло друг от друга

через несколько секунд:

— Опять кальмары?! Светящиеся рыбы.. целый косяк! Ух! Видите?

Мы, не отрываясь, глядели на экраны, с которых на нас уставились диковинные существа — видения ночных кошмаров.

— Ошибка природы, — сказал Трэнт, — или безумие.

— Все, — вдруг объявил начальник экспедиции. — Тысяча двести саженей Отбой, мальчики.

— Хм, — прозвучало в наушниках. — То, что хотели, мы не обЪяружили

Лицо капитан-лейтенанта ничего не выражало. Ожидал ли он от этого погружения какого-нибудь результата или нет — трудно сказать. Думаю, нет. Думаю даже, никто ни на что не рассчитывал: болиды, или что бы там ни было, должны были располагаться на самом дне, а до дна от того мес а, где зависли двое парней, как показывала эхограмма, оставалось не менее трех миль.

Эй, там, на батископе, начинаем подъем Готовы?

Да, сэр

Заработала лебедка, и ворот медленно начал набирать обо оты

— Как у вас, порядок?

— Порядок, сэр

инут десять прошло в молчании

— Здесь что-то есть, — раздалось в наушниках. — Что-то ольшое Плохо видно Неужели опять кит? Постараемся вам показать.

Мы увидели пойманные лучом прожектора яркие точки . х-то крохотных организмов Затем камера метнулась в

сторону, на мгновение все исчезло, и, когда появилось снова, мы разглядели на самой границе света странную большую тень — что-то очень неясное.

— Кружит вокруг нас. Попробую... вот теперь должно быть лучше видно. Это не кит... видите?

На экранах вырисовалось светлое, пятно, несколько овальное, неясных размеров.

— М-да, — звучал голос в наушниках, — это что-то новенькое. Конечно, может быть, и рыба, но больше похоже на черепахообразное. В любом случае ужасно огромное. Держится на расстоянии... не могу различить никаких деталей.

Камера снова показала нам нечто, проплывающее мимо.

— Пошло вверх. Идет быстрее, чем мы. Все, уходит из поля зрения... Может быть...

Внезапно голос оборвался, экран на секунду вспыхнул и погас. Звук лебедки резко изменился — она заработала вхолостую.

Мы некоторое время сидели в молчании, тупо уставившись на черные пятна экранов. Филлис нащупала мою руку и крепко стиснула.

Начальник экспедиции, не проронив ни слова, вышел на палубу.

Чтобы смотать более мили кабеля, требуется время. Возникла пауза. Все почувствовали себя как-то странно неловко и разбрелись по кораблю. Мы с Филлис прошли на нос и сидели там, опустив головы, боясь взглянуть друг другу в глаза.

Прошел, казалось, не один час, прежде чем до нас долетел характерный звук последних оборотов лебедки. Не сговариваясь, мы поспешили на корму.

Из воды показался конец троса. Все, полагаю, ожидали увидеть его измочаленным, раскрученным, похожим на щетку, но вместо этого перед нами предстало нечто иное: оба главных кабеля и кабель коммуникации оканчивались гладкими шарами расплавленного металла. Ошарашенные, мы уставились на них не в силах оторваться.

Вечером капитан корабля прочел молитву, и над океаном прогремело три орудийных залпа.

На следующий день погода не изменилась: палило солнце, море лениво и томно переливалось в его лучах. В полдень начальник экспедиции собрал нас всех вместе. Выглядел он очень усталым и больным.

— Я приказываю продолжать исследования, — коротко и бесстрастно произнес он. — Если ничего не изменится и мы успеем провести соответствующие приготовления, то погружение начнем завтра утром, сразу после рассвета. У меня есть указание проводить погружения вплоть до гибели аппарата, так как другой возможности для наблюдений не представится.

Мы сидели перед мониторами. Снова перед нашими глазами проносились океанические слои, каждый со своими особенностями. Все было, как и в предыдущий раз, только теперь, вместо голосов Вайзмана и Трэнта, в наушниках раздавались всевозможные помехи: треск, скрежетание, хлюпанье, чавканье — звуки, улавливаемые установленными на телебате микрофонами, — адская какофония Глубин. Мы испытали своего рода облегчение, когда на глубине в три четверти мили все стихло.

Кто-то пробормотал:

— А говорили, что никакое давление не может раздавить микрофоны.

Мимо камер скользили головоногие, нервно метались косяки рыб, вспугнутые лучами прожекторов, иногда мелькали смутные очертания гротескных чудовищ.

Миля... миля с половиной... две мили... две с половиной... И тут на экране возникло нечто, привлечшее всеобщее внимание. Необъятное, неопределенное, овальной формы, оно перемещалось с экрана на экран, кружась вокруг аппарата. Три-четыре минуты оно как бы наплывало на нас — всегда мучительно неясное, таинственное, страшное... Затем поднялось вверх и исчезло.

Спустя полминуты экраны погасли.

Почему бы иногда не похвалить свою жену?! Филлис пишет сногшибательные сценарии, и этот был несомненно один из лучших. Жаль только, что его не приняли так, как он того заслуживал

Мы послали его в Адмиралтейство на согласование, и через неделю нас принял капитан Винтерс. Он прямо с порога начал расхваливать Филлис ее сценарий, было видно, что он не на шутку очарован моей женой, и лишь когда

мы устроились в мягких креслах, с сожалением покачал головой.

— Тем не менее, — сказал он, — я хочу попросить вас пока повременить с оглашением материала.

Филлис, естественно, огорчилась, она много и серьезно работала над сценарием не только ради денег: ей хотелось отдать должное погибшим Вайзману и Трэнту.

— Мне жаль, — сказал капитан, — но я предупреждал вашего мужа.

Филлис подняла глаза на Винтерса.

— Почему?

Меня волновал этот вопрос не меньше, чем Филлис: мои наблюдения и записи, не занесенные в официальные протоколы, тоже приходилось откладывать в долгий ящик. Я посмотрел на капитана.

— Постараюсь объяснить, я просто обязан это сделать, — согласился Винтерс, переводя взгляд с меня на Филлис. Он чуть подался вперед. — Сложность заключается в оплавленных тросах, вы сами это должны понимать. Одна только мысль о существе, способном перекусить стальной канат, поражает воображение; даже если только представить возможность его существования. А что будет, когда эта новость выплывет наружу: «Тварь, перекусывающая стальные канаты», «Автоген вместо зубов»? Начнется паника. Согласитесь, это не совсем обычная опасность, подстерегающая людей при глубоководном погружении. Мы должны прежде выяснить, в чем она заключается, а уж потом объявить о ней.

Капитан все понимал и сожалел, но должен был подчиниться приказам.

Мы поговорили еще немного; он уверил, что сам лично известит нас, как только настанет время огласить материал. Нам пришлось смириться.

Перед самым уходом Филлис спросила:

— Капитан, если откровенно, что вы сами об этом думаете? Кто это?

— Если откровенно, миссис Ватсон, то не только у меня а вообще ни у кого нет правдоподобного объяснения.

Так мы и расстались, ничего не добившись.

Спустя неделю, во время обеда, раздался звонок. Филлис сняла трубку.

— Миссис Филлис? Здравствуйте, рад вас слышать. У меня хорошие новости, — раздался в трубке голос капитана.

Винтерса. — Только что я говорил с И-би-си и дал «добро» на ваш материал.

Филлис поблагодарила за приятное сообщение и поинтересовалась:

— Но что же все-таки произошло?

— Видите ли, несмотря на все наши старания, информация просочилась. Вы услышите это вечером в новостях и прочитаете во всех утренних газетах. В создавшемся положении я считаю, вы вправе использовать свой шанс. Лорды Адмиралтейства со мной согласны, они заинтересованы, чтобы передача как можно быстрее вышла в эфир, и подтвердят ваш материал. Вот такие дела. Удачи вам.

Филлис еще раз поблагодарила его и повесила трубку.

— Но что же могло произойти? — спросила она.

У меня, конечно, ответа не было, и нам пришлось ждать девятичасовой сводки новостей.

Сообщение было кратким, но, на наш взгляд, существенным. По радио передали, что американское судно, проводя подводные исследования в районе Филиппин, лишилось глубинной камеры с экипажем из двух человек.

И тут же после новостей нам позвонили с И-би-си и стали твердить о приоритете, сообщив, что они изменили программу, чтобы вставить нашу передачу.

Передача вызвала много шума. Выйдя в эфир сразу за американцами, мы достигли пика общественного интереса. Лорды остались довольны. Передача показала, что они отнюдь не всегда плетутся в хвосте. Хотя, я считаю, им не следовало делать подарков янки, придерживая наш материал. Правда, с учетом дальнейших событий все это не имеет большого значения.

На нас посыпалась корреспонденция с самыми разными объяснениями и догадками, но никакого света на загадку оплавленных тросов они не пролили.

Другое дело, что мы ничего и не ждали. Людям и в голову не могло прийти, что между гибелью аппаратов и устаревшей темой боливов существует какая-то связь.

Однако, тогда как Королевский Флот, казалось, не собирался предпринимать никаких конкретных шагов, занимаясь теоретическими изысканиями, флот США действовал несколько иначе. Окольными путями пришла информация, что американцы готовят вторую экспедицию. Мы с Филлис

сразу же обратились с прошением о включении в ее состав но нам отказали. Сколько человек, кроме нас, обратилось с подобной просьбой — я не знаю, однако народу набралось столько, что американцам пришлось снарядить еще одно судно. На нем нам места тоже не нашлось, все места были отданы американским журналистам и обозревателям, которые собирались вещать не только на Америку, но и на всю Европу.

Что ж, это было их шоу. Жаль было, конечно, терять такую возможность, да что делать?

Мы подозревали, что американцы снова потеряют свой аппарат, но не могли даже предположить, что они потеряют и судно.

Неделю спустя объявился один парень с Эн-би-си — свидетель происшествия. Мы с трудом заманили его к себе на лент, пообещав поделиться кое-какой информацией.

— Никогда не видел ничего подобного, — сказал он, — и не хочу увидеть впредь. Идея была послать первым аппарат типа вашего телебата и, если все сойдет удачно, второе погружение произвести с экипажем. Добровольцев на это у них хватало. Даже смешно, всегда находятся молодцы, которым наскучило пребывание на земле.

Наше судно находилось в нескольких сотнях ярдов, или может, чуть больше, от исследовательского. Но оба корабля связывал телевизионный кабель, так что мы тоже могли следить за погружением.

Сам я считаю, что это была неплохая затея для подогрева публики, хотя главным было, конечно, второе погружение с экипажем. Пусть не такое глубокое, как первое, но все равно...

Итак, мы полюбовались, как камера бултыхнулась в воду, и спустились в салон к мониторам. Наверное, мы наблюдали на экранах то же, что и вы: пелена планктона, затем какие-то рыбы странного вида, кальмары, целые стаи жутких тварей, о которых даже вспоминать не хочется.

Кто посообразительней, уже после первой мили поднялись на палубу под тент покурить и выпить чего-нибудь прохладительного. Я не выдержал где-то в районе двух миль и присоединился к ним, оставив двух-трех типов следить за мониторами и наказав, если что, кликнуть нас. Вскоре один из них тоже вышел перекурить.

— Две с половиной мили, — сказал он. — Темно, как в Туннеле Любви. Даже рыбе должно быть скучно от подобной картины.

Взяв себе кока-колу, он было снова направился ко мне, но вдруг замер, увидев что-то за моей спиной.

— Боже, — выдохнул он.

И тут же из салона раздался пронзительный крик.

Все обернулись в сторону исследовательского судна. Еще минуту назад оно мирно покачивалось на волнах, а теперь...

И-да... Не знаю, какие у вас случаются грозы, но у нас в некоторых местах молния в один момент пронзает здание насквозь, и пламя охватывает его, будто спичечный коробок. Именно так выглядело исследовательское судно. Слышно было, как оно трещит в огне.

Не знаю, может быть, прошло всего несколько секунд, но мне они показались вечностью. Затем корабль взорвался.

Что там находилось на борту — один Бог ведает, но взорвалось оно, как пороховой склад.

На нас обрушился шквал воды и обломков. Мы попадали на палубу, а когда подняли головы, то увидели только затихающие волны от воронки. Подбирать практически было нечего, кроме полудюжины спасательных буйев и трех страшно обгоревших тел. Мы подняли их на борт и взяли курс к дому.

Филлис налила ему чашечку кофе.

— Что это было? — спросила она.

Он пожал плечами:

— Кто его знает... Выглядело так, будто пламя вырвалось из-под воды.

— Никогда не слышала ни о чем подобном, — тихо сказала Филлис.

— Да, — согласился он, — но все когда-нибудь происходит впервые.

— Не очень-то утешительно, — прокомментировала Филлис.

Парень с Эн-би-си внимательно посмотрел на нас.

— Кстати, ребята, вы были на «британской рыбалке»... Может, знаете, зачем нам это нужно? Почему нас вечно тянет сунуть голову в самое пекло?

— Я лично не удивляюсь, — ответил я.

Он кивнул.

— Попробуем так, — предложил он после минутной паузы. — Мне сказали, что невозможно пропустить ток высо-

кого напряжения, к примеру, в миллион вольт, по неизолированному стальному тросу, находящемуся в воде. Не могу спорить, я в этом не разбираюсь. Но если бы это было возможно, то эффект был бы именно тот, который мы наблюдали.

— Но ведь там были и изолированные кабели? — спросила Филлис.

— Конечно. Даже телевизионный кабель, проведенный на наш корабль, и тот был заизолирован. Но он не смог бы выдержать тока столь высокого напряжения, враз расплавился бы. Мне представляется, что ток шел по основному кабелю, хотя друзья-физики со мной не соглашаются.

— У них есть другое объяснение? — спросил я.

— Даже несколько. Кое-что может показаться вполне правдоподобным, — сказал журналист и добавил: — Для тех, кто не видел взрыва.

— Если ты прав, то это весьма странно, — задумчиво произнесла Филлис.

Он посмотрел на нее:

— Все это странно, независимо от того, прав я или нет. Что бы ни говорили физики, они сами озадачены.

— Но с другой стороны... — начала Филлис.

Он покачал головой:

— Я гадать не буду, у нас слишком мало данных. Если бы все, что нам известно теперь, мы знали много раньше...

Мы вопросительно взглянули на него.

— Только между нами... наши собираются сделать еще пару попыток, но без огласки.

— Где?

— Одну — где-то недалеко от Алеут, другую — в бассейне Гватемалы. А что ваши?

— Не знаю, — честно признался я.

Он опять покачал головой:

— Темните...

В течение нескольких недель мы держали ухо востро, тщательно просматривали всю прессу, надеясь хоть что-нибудь вычитать о новых испытаниях... Безуспешно. Месяц спустя снова объявился парень с Эн-би-си.

Нахмутив брови, он сообщил:

— У Гватемалы ничего не обнаружили. Судно южнее Алеутских островов все время держало с базой связь по радио. Во время погружения связь оборвалась, судно исчезло.

Официальные сообщения об американских подводных исследованиях остались за семью печатями. Временами до нас доходили слухи, свидетельствовавшие о неспадающем интересе к событиям в океане. Иногда в прессе появлялись отдельные статьи, сопоставив которые можно было получить смутное представление о состоянии дел.

Наши контакты с Флотом, будучи дружескими, оставляли желать лучшего, что нас сильно огорчало. Коллеги по ту сторону Атлантики чаще находят общий язык со своими официальными источниками, но на этот раз и они молчали. Видимо, и там что-то застопорилось.

Зато о болидах все позабыли, только очень немногие нет-нет да и присылали весточку о новых появлениях красных точек. Я все же не расслаблялся: мало ли что вдруг может всплыть.

По моим данным, оба феномена — катастрофы в океане и болиды — никто так и не связал друг с другом. Вскоре их и вовсе забросили, оставив необъясненными сенсациями летнего сезона, а по прошествии трех лет и мы с Филлис о них почти не вспоминали.

Нас занимало другое: рождение сына Вильямса и его смерть восемнадцать месяцев спустя. Чтобы помочь Филлис пережить горе, я исхитрился раздобыть заказ на репортаж о путешествии, продал дом, и некоторое время мы скитались по свету.

Честно говоря, мои репортажи были моими только отчасти, на самом деле внешний лоск и эффектные концовки, которые так нравились слушателям И-би-си, принадлежали Филлис. Она, естественно, писала и свои сценарии, когда не была занята наведением глянца на мои репортажи.

Мы много трудились, и к моменту возвращения домой наш престиж вырос, у нас накопилось множество материала, было над чем поработать и даже появилась уверенность в том, что мы на правильном пути.

И тут американцы потеряли у Марианских островов круизный лайнер. Заметка была очень краткой — слегка приукрашенное в редакции сообщение телеграфного агентства, но что-то в ней было такое, что привлекло наше внимание. Филлис достала атлас и принялась изучать карту.

— С трех сторон Марианы окружают большие глубины, — сказала она.

— Да, — отозвался я. — Что-то тут не так. Не знаю, что именно, но мне как-то не по себе.

— Слухами земля полнится: надо проверить все неофициальные источники, — решила Филлис.

Мы так и поступили. Безуспешно. Ничего, кроме заметки телеграфного агентства: «Туристический лайнер “Кивиноу” затонул в ясную погоду, в живых осталось двадцать человек, назначено официальное расследование». Но о результатах расследования мы так никогда и не услышали. Инцидент был заглушен шумихой вокруг затонувшего при невыясненных обстоятельствах русского судна, промышленного восточнее Курил. Так как для Советов любая неудача связана с происками капиталистических акул и реакционных фашистских гиен, то желчные намеки и обвинения в адрес Запада сыпались довольно долго, и происшествие это стало казаться куда значительнее, чем потеря американцев — на самом деле более серьезная. В шуме брани мистическое исчезновение гидрографического норвежского судна «Утскарпен» за пределами родной Норвегии осталось почти незамеченным.

К сожалению, я потерял свои записи, но насколько помню, еще с полдюжины кораблей, так или иначе связанных с морскими исследованиями, исчезли до того, как американцев постигла новая потеря, теперь у Филиппин.

На сей раз они потеряли эскадренный миноносец, а вместе с ним и терпение.

Хитроумное заявление: «...так как воды в районе Бикини недостаточно глубоки для объявленной серии подводных испытаний атомного оружия, место полигона перенесено на тысячу миль к западу», возможно, и ввело в заблуждение простаков, но в кругах газетчиков и радиожурналистов началась настоящая драка за прикомандировку к экспедиции.

Мы с Филлис были на хорошем счету, и нам повезло. Взяв билеты на самолет, мы, спустя несколько дней, составили компанию остальным счастливым.

Наше судно держалось на стратегической дистанции от места, где затонул «Кивиноу».

Не могу описать глубинной атомной бомбы — я никогда ее не видел. Нам позволили созерцать лишь небольшой плот, на котором возвышалось нечто вроде полусфериче-

ской палатки. Нас успокоили, сказав, что эта бомба почти не отличается от атомной бомбы обычного типа, за исключением массивной оболочки, способной выдержать давление на глубине пяти миль.

На рассвете, в назначенный день, буксир оттащил плот за горизонт, а мы перешли к экранам. Дав «полный назад», буксир оставил плот дрейфовать в заданной точке, и в течение трех часов тот плавно раскачивался на волнах. Голос из громкоговорителя отсчитывал время до запуска; мы шатались по палубе, пока начался обратный счет:

— ...три, два, один, ПУСК!

С плота взвилась сигнальная ракета, оставляя за собой хвост бурого дыма.

— Бомба сброшена, — объявил голос.

Долго ничего не происходило, все в молчании застыли перед экранами. Плот продолжал раскачиваться на залитой солнцем воде. Если не считать рассеивающихся клубов дыма, оставленного ракетой, можно было подумать, что ничего не случилось — с виду полная безмятежность. Но мы сидели, затаив дыхание.

И вот внезапно плоская гладкая поверхность вздыбилась, море извергло огромное белое облако, которое, корчась и скручиваясь, поднималось все выше и выше. Наше судно содрогнулось от удара взрывной волны.

Мы оторвались от экранов и выскочили на палубу. Облако повисло над горизонтом, продолжая корчиться, разрастаться, и во всех его движениях было что-то непристойное, грязное.

И только когда облако поднялось на огромную высоту, на нас обрушился первый водяной вал

Мы обедали за одним столиком с Малларби из «Книжных новостей» и Беннелом из «Сената». Никогда раньше я и не мечтал о столь прославленной компании. Но в свое время мне хватило ума жениться на Филлис, «окольцевав» ее прежде, чем она обнаружила, какой у нее был широкий выбор.

Это была ее игра. Моя роль в подобных представлениях довольно скромна — я поднимаюсь на палубу и демонстрирую свою общительность. Дальше следует партия Филлис, в которую я не вмешиваюсь. Мне остается только наблюдать, как разворачивается нечто среднее между шахматной игрой

и искусным надувательством. Следить, как она реагирует на неожиданный ход противника, — одно удовольствие. Филлис редко проигрывает.

На этот раз она подвела собеседников к нужной теме между первым и жарким.

— До сих пор камнем преткновения было нежелание признать в качестве причины некий Разум, — заметил Малларби. — То, что произошло сегодня, — первый шаг к признанию.

— И все равно Разум остается под вопросом, —отреагировал Беннел. — Граница между инстинктивным и разумным весьма условна, особенно когда речь идет о самозащите. Хотя бы потому, что и то и другое может вызвать одну и ту же реакцию.

— Но вы же не станете отрицать, что даже независимо от причины это совершенно новое явление?

Собеседники вошли в азарт — Филлис добилаcь своего. Расслабившись, она поудобнее устроилась в кресле и вся превратилась в слух.

— Я могу предположить, — говорил Беннел, — что это существовало там в Глубинах столетиями, неизвестное нам, пока мы не влезли со своими исследованиями в его экологическую нишу.

— Конечно, можно предположить и такое, — согласился Малларби, — но я бы не стал. Биб и Бартон тоже спускались в Глубины, однако с ними ничего не случилось. Вы также не учитываете оплавленные тросы, а уж это трудно объяснить инстинктами.

Беннел усмехнулся:

— Все теории, которые я слышал до сих пор, имеют множество слабых мест. Моя — не исключение.

— А гибель американского судна? Это что, по-вашему, — статическое электричество? — едко спросил Малларби.

— Я недостаточно знаком с деталями, чтобы утверждать, будто это невозможно.

— Боже мой, — фыркнул Малларби. — Утешение для детишек и дурачков!

— Пусть. Но если выбирать между двумя теориями — моей и Бокера, — я предпочту первую.

— Я не последователь Бокера. Его предположения мне, так же как и вам, кажутся нелепыми, но посмотрите, с чем мы столкнулись: обилие гипотез, не способных объяснить ничего и взаимоисключающих друг друга — с одной сто-

роны, и гипотеза Бокера — с другой. И ведь какой бы фантастической мы ее ни считали, она связывает вместе больше данных, чем все остальные.

— Жюль Верн мог бы предположить версию не хуже, — съязвил Беннел.

Ни я, ни Филлис ничего не слышали о гипотезах Бокера, но по тому как Филлис уверенно вмешивалась в разговор, это было трудно предположить.

— Вероятно, — слегка нахмурившись, сказала она, — не стоит вот так просто отбрасывать теорию Бокера.

Это сработало. Через несколько минут мы были исчерпывающе осведомлены о взглядах Бокера, а наши собеседники так и остались в неведении насчет наших знаний.

Нельзя сказать, что имя Алистера Бокера было нам совершенно незнакомо. Это — известный географ, окруженный последователями и учениками, его имя часто появлялось на страницах газет. Тем не менее сведения, которые извлекла Филлис, были для нас совершенно новыми. Вкратце их можно обобщить примерно так.

С год назад Бокер представил в Адмиралтейство меморандум. Учитывая авторитет ученого, меморандум зачитали в высоких кругах, несмотря на то что суть его была следующей: оплавленные кабели и пораженное электрическим током судно должны рассматриваться как бесспорные доказательства разумной деятельности в определенных глубинах океана. Но давление, температура, постоянный мрак и тому подобное, заявлял Бокер, являются непреодолимым препятствием эволюции разумных форм жизни. Исходя из того что ни одно государство до сих пор не создало механизмов, способных работать в подобных условиях, напрашивается вывод: Разум возник не в Глубинах. А если так, то он должен был откуда-то прийти и, кроме того, иметь защитную оболочку, выдерживающую давление как минимум в две тонны на квадратный дюйм. На Земле, кроме глубоководных океанических впадин, нет другого места с такими характеристиками.

Что из этого следует? Если эволюция не могла пройти на Земле — а она все-таки прошла, — естественно предположить, что она прошла на планете с высоким атмосферным давлением. Вопрос: когда и каким образом эта разумная форма жизни попала на Землю?

Бокер припомнил болиды, вызвавшие много шума несколько лет назад и изредка появляющиеся вплоть до настоящего времени. Ни один болид, подчеркнул он, не опус-

тился ни в каком другом районе Земли, кроме океанических впадин. А если вспомнить, с какой силой взрывались подбитые, можно представить, как велико давление внутри их.

Из всего вышеизложенного Бокер делал вывод, что мы сейчас, ничего не подозревая, подвергаемся инопланетному вторжению. И если бы его спросили об источнике этого вторжения, он указал бы на Юпитер, как на ближайшую планету, отвечающую необходимым условиям существования пришельцев.

Меморандум заканчивался рассуждениями о причинах вторжения. По мнению автора, его совсем не обязательно рассматривать как враждебное — существует такая вещь, как бегство от условий, а интересы людей не могут столкнуться с интересами существ, которым необходимо для жизни давление в несколько тонн. Бокер призывал направить все усилия на поиск путей к контакту с целью научного обмена в самом широчайшем смысле слова.

Мнения, высказанные лордами Адмиралтейства по поводу меморандума, опубликованы не были. Но достоверно известно, что буквально через несколько дней Бокер забрал свой меморандум с их недружественных столов и представил его на суд главного редактора «Книжных новостей». Редактор, возвращая ученому меморандум и заботясь исключительно о репутации своего издания, высказался с присущим ему «тактом»: «Наша газета более ста лет существует без комиксов, и я не вижу причин нарушать сложившуюся традицию».

Потом документ оказался на столе у редактора «Сената» Бегло пробежав его, тот вскинул брови и продиктовал вежливый отказ. Меморандум еще долго путешествовал по различным изданиям, пока не затерялся. Его пересказывали из уст в уста, но все равно он был известен только в узких кругах.

— Не понимаю, — удивилась Филлис с таким видом, будто была знакома с ситуацией не первый год, — почему его не напечатали издания типа «Ежедневных заметок» или «Объектива»? Разве это не в их духе? Или американская пресса?

— «Заметки» согласились, — ответил Малларби, — однако Бокер предупредил, что подаст в суд, если они только упомянут его имя. Бокеру нужна была либо публикация в солидном издании, либо вообще никакой. «Заметки» искали ученого, который согласился бы поставить свою подпись под чужой работой, но никто на это не соблазнился. Тогда

Бокер зарегистрировал свое авторское право на меморандум, положил статью в сейф, и на этом все кончилось. «Заметки» отступились — без авторитетного имени это пахло просто очередной сенсацией. С «Объективом» вышло примерно то же самое. Меморандум напечатала одна маленькая американская газетенка, но так как это было уже их третье сообщение об инопланетном вторжении за последние четыре месяца, то никто не обратил на статью никакого внимания. Другие издания посчитали, что их обвинят в стремлении нажить дешевый капитал на гибели экипажа «Кивиноу», и отказались от публикации. Но рано или поздно этот материал все равно окажется в газетах, с ведома Бокера или нет — неважно, но непременно без его призыва к дружескому контакту. А ведь это, как я понимаю, самое главное для ученого. Да, они обязательно напечатают меморандум, оставив исключительно комический и драматический аспект работы — эдакая страшилка. Фу! Мороз по коже...

— А какой еще прок от этой мешанины? — поинтересовался Беннел.

— Все-таки, как я уже говорил, необходимо признать, что Бокер — единственный, кому удалось создать целостную картину событий, связав, казалось бы, совершенно противоречивые данные. Правда, такое изобилие данных, *ipso facto**, содержит в себе долю фантазии. Можно отрицать или критиковать его теорию, но это лучшее, что мы имеем на сегодняшний день.

Беннел покачал головой:

— Мы опять вернулись к началу. Ну предположим, что в Глубинах существует некий Разум... У нас нет доказательств, что он не может эволюционировать при давлении несколько тонн с такой же легкостью, как и при пятнадцати фунтах. Вам нечего мне противопоставить. Нельзя довольствоваться утверждением типа «аппарат тяжелее воздуха летать не может». Докажите мне...

— Вы заблуждаетесь. Бокер говорит о том, что Разум развился в условиях высокого давления, но он не мог этого сделать под влиянием остальных факторов наших Глубин. Что бы власти ни думали о Бокере, с некоторых пор они и сами считают, что там внизу — нечто разумное. Ведь они не в пять минут сконструировали глубинную атомную бомбу. Но в любом случае, прав Бокер или нет, главное его предложение не выполнено. Сегодняшнюю бомбу трудно назвать

* Тем самым (лат.)

дружественным шагом, к которому он призывал. — Малларби на минуту задумался. — Я несколько раз встречался с Бокером. Это культурный, либерально настроенный человек, со свойственным всем людям этого типа заблуждением — они думают, что и другие тоже либералы. До него не доходит, что обыватель при виде всего нового и необычного пугается и говорит: «Уничтожить и побыстрее!» Нам с вами уже доводилось наблюдать подобное.

— Но если, — возразил Беннел, — как вы говорите, власти верят в Разум на глубине, то тут, мне кажется, есть чего испугаться. Тогда все, что произошло сегодня, — не более чем возмездие. Вы не можете этого не признать.

Малларби скептически покачал головой:

— Мой дорогой Беннел, я не только могу признать, я это уже признал. Представьте себе, как нечто, подвешенное на веревке, опускается к нам из космоса; оно испускает всевозможные волны, вызывающие у нас чувство дискомфорта и даже страдание. Что бы вы сделали? Наверняка обрезали бы веревку и попытались обезвредить это нечто. А теперь представьте, что вслед за первым появляется второй, затем — третий... «Это похоже на вторжение», — говорите вы и принимаете соответствующие меры. С какой целью вы их уничтожите — с целью избавиться от состояния дискомфорта, из мести или любого другого чувства — неважно. Итак, кого винить — себя или объект из космоса? В нашем случае — вопрос чисто риторический. Трудно предположить форму разума, которая не возмутилась бы тем, что мы сегодня совершили. Конечно, если бы это была единственная Глубина, причем необходимая нам, как воздух, — другое дело. Но вы сами знаете, что это не так. Ну а во что это выльется, я думаю, мы скоро увидим.

— Вы и в самом деле ожидаете ответной реакции? — удивилась Филлис.

— Давайте снова прибегнем к моей аналогии и попытаемся представить себя на их месте. Нечто огромной и разрушительной силы опускается на ваш город. Ваши действия?

— Но что мы можем сделать?

— Ну, хотя бы натравить на это мальчиков из секретных лабораторий. Если это повторится еще раз...

— Вы слишком далеко заходите, Малларби, — прервал его Беннел. — Вы предполагаете почти параллельную степень развития.

— Да, — согласился Малларби, — но не забывайте о том, как были уничтожены наши корабли. Я предполагаю высоко-развитую технологию.

— Неужели поздно вернуться к предложению Бокера? — встала Филлис. — Ведь пока сброшена всего одна бомба. И если не будет другой, то у нас есть надежда, что они сочтут первую просто природным катаклизмом.

— Увы, — Малларби снова покачал головой, — первая, но не последняя. Слишком поздно, дорогая миссис Ватсон. Две совершенно различные цивилизации на нашей маленькой Земле? Человечество этого не потерпит. Мы внутри себя не можем разобраться, а вы хотите... Боюсь, призыв Бокера вообще не имел шансов на успех.

Все произошло примерно так, как и говорил Малларби. К нашему возвращению с испытаний был упущен последний шанс. Каким-то образом «проницательная» общественность связала все события воедино, и ханжеская попытка выдать бомбардировку Глубин за обычные испытания провалилась. Чувство скорби по поводу гибели «Кивиноу» сменилось пламенным чувством мести.

Атмосфера была как при объявлении войны. Вчерашние флегматики и скептики превратились в ярых поборников крестового похода против . как бы это выразиться... того, кто имеет наглость нарушать свободу навигации. Единодушие, с которым мир подхватил эту идею, поражало воображение. Все загадочные явления, произошедшие в последние годы, связывали теперь исключительно с тайнами Глубин.

Волна всемирного ажиотажа застигла нас во время однодневной остановки в Карачи. Город кишел историями о морских чудовищах и пришельцах из космоса. Независимо от Бокера несколько миллионов человек самостоятельно пришли к аналогичному выводу. Это навело меня на мысль: не согласился ли Бокер в создавшихся условиях на интервью? Я связался с И-би-си с просьбой выяснить, насколько это реально.

Бокер согласился на пресс-конференцию для избранных лиц, но, как мы потом узнали, этот брифинг мало что добавил к сценарию, написанному нами по пути из Карачи в Лондон. Он повторил свой призыв к поиску мирного решения проблемы — столь контрастный с общественным мнением, что он, естественно, и не был услышан.

Скоро мы еще раз убедились, что ненависть не может питать самое себя. Никто не в силах долго сражаться с ветряными мельницами. Ничего сверхъестественного, что могло хоть как-то оживить ситуацию, не происходило. Королевский Флот предпринял лишь один-единственный шаг — отчасти для удовлетворения общественности, отчасти из соображений собственного престижа: сбросил еще одну бомбу. В результате все побережье Южных Сандвичевых островов оказалось заваленным дохлой рыбой, от которой несколько недель в воздухе стояла жуткая вонь.

Сложилось мнение, что происходящее не соответствует нашим представлениям о межпланетной войне. А поскольку это не межпланетная война, то сам собой напрашивался вывод — это происки русских.

У русских, в свою очередь, даже и не возникало сомнения, что все это — дело рук капиталистических поджигателей войны. Когда же сквозь железный занавес просочились слухи о вторжении инопланетян, красные ответили следующими взаимоисключающими утверждениями: во-первых, все это — ложь чистой воды, попытка скрыть приготовления к войне; во-вторых, все это — правда, ибо капиталисты, верные себе, атаковали мирных, ничего не подозревающих инопланетян атомными бомбами; и в-третьих, правда это или нет, СССР будет непоколебимо бороться за мир во всем мире всем имеющимся в его распоряжении оружием, кроме бактериологического.

Одним словом, все возвращалось на круги своя. Люди говорили: «Ах, и не напоминайте мне об инопланетянах. Однажды я уже поверил в эту чепуху. Хватит! Стоит задуматься всерьез... Интересно, какую игру ведут русские? Непременно они что-то затевают, если здесь замешаны атомные бомбы».

Так, довольно скоро, *status quo ante bellum hyphotheticum** был восстановлен, и мы снова оказались в привычном положении взаимных подозрений. Единственный положительный результат — морская страховка подскочила на один процент.

— Нам не везет, — жаловалась Филлис. — Болидов все меньше и меньше, интереса к ним никакого. После первого погружения и то не было так скверно. До сих пор не понимаю, как мы упустили Бокера. Теперь его идея окон-

* Положение, существовавшее до предполагаемой войны (лат.).

чательно зашла в тупик. Впечатление такое, будто и впрямь ничего не происходит.

— Если бы ты внимательно читала газеты, — сказал я, — ты бы узнала, что на той неделе сброшено еще две бомбы: одна — в бухте Падающих Кокосов, другая — во Впадине Принца Эдуарда. Сейчас надо читать то, что напечатано мелким шрифтом.

— И чего они выбирают какую-то глухомань для своих бомбежек?

— Ни один цивилизованный регион не положит атомных бомб у своего порога, и никто их за это не осудит. Предложи мне хоть миллион, все равно я откажусь от зрелища дохлой рыбы.

— Может быть, нам стоит пойти в Уайтхолл и поговорить с твоим адмиралом?

— Он капитан, — поправил я, обдумывая эту мысль. — В прошлую нашу встречу мне показалось, ты произвела на него впечатление...

— Я тебя поняла, — Филлис не дала мне закончить. — Хм, тогда — обед во вторник. Однажды ты обнаружишь, что промахнулся и получил отставку.

— Прелесть моя, тебе же самой нравится водить всех за нос! Ты бы рассердилась, если бы я потребовал от тебя зарыть свой талант в землю.

— Все это прекрасно, милый, но мне хотелось бы знать, чей нос ты имеешь в виду?

Капитан Винтерс принял приглашение на обед.

— По-моему, — сказала Филлис, откидываясь на подушку и изучая потолок, — Милдред очень привлекательна.

— Да, дорогая, — не задумываясь, откликнулся я.

— Да?

Мы немного помолчали.

— Мне показалось, она отвечала тебе взаимностью, — заметила Филлис.

— Э... — промямлил я, — так, легкое увлечение.

— Вот-вот.

— Дорогая, ты ставишь меня в неловкое положение. Мне надо было сказать, что одна из твоих лучших подруг некрасива?

— Я не уверена, что Милдред — одна из моих лучших подруг. Но она действительно привлекательна

— И все равно она не может сравниться с тобой. Ты у меня — сама искренность: глаза, улыбка... Ты — чудо. Да тебе это прекрасно известно. И, честное слово, ты была на высоте.

— А капитан тоже ничего! — увернулась Филлис.

— Можно подвести итог: мы провели вечер с двумя милыми привлекательными людьми, не так ли?

Филлис что-то пробурчала.

— Любимая, не ревнуешь же ты меня в самом деле? Мой талант притворяться...

— Как-то внезапно он у тебя прорезался, дорогой, — оборвала меня Филлис.

— Я всегда сочувствовал мужчинам, толкущимся вокруг тебя.

— Мне они не нужны.

— Дорогая, — заметил я спустя некоторое время, — я начинаю сомневаться, стоит ли нам еще видиться с Милдред.

— М-м-м... и с капитаном тоже.

— А все-таки, что говорил тебе капитан?

— О, массу комплиментов! В нем определенно есть ирландская кровь.

— Давай от дел суетных перейдем к насущным. Итак, о чем вы говорили с капитаном?

— О чем? Да в основном он старался держать язык за зубами, а то, что мне удалось из него вытянуть, не очень-то утешительно. Местами — просто ужасно...

— То есть?

— В принципе, ничего не изменилось. Ни здесь, ни там — на глубине. Во всяком случае, никто не имеет ни малейшего представления о том, что нас ждет. Незнание нагнетает тревогу, и наши адмиралы боятся, как бы она не обернулась паникой. Из его объяснений я поняла, что все попытки исследования Глубин не увенчались успехом. Например, эхолокация. Они прощупали все дно, но ничего не определили. Вторичное эхо оказывалось настолько слабым, что понять, стайки ли это мелких рыб или более крупные существа, было невозможно.

Мало проку оказалось и от глубинных микрофонов: то абсолютная тишина, то невообразимое нагромождение звуков, подобное тому, что мы слышали из телебата. Помня о том, что случилось с исследовательским судном, они попытались использовать трос из токонепроводящего материала,

но и он сгорел на глубине тысяча саженей. Телекамера, работающая в инфракрасном свете, расплавилась на глубине восьмисот саженей и замкнула половину их приборов; хорошо, что они догадались изолировать ее от судна.

С атомными бомбами покончено, во всяком случае на некоторое время. Капитан сказал, что их разрешено использовать только в определенных местах — «у черта на рогах». Но все равно радиоактивность уничтожает несметное число промысловой рыбы. Рыбинспекция по обеим сторонам Атлантики подняла дикий гвалт и утверждает, что своими испытаниями ВМС нарушили естественный процесс миграции рыб, а заодно и всю экологическую систему. Правда, кое-кто из специалистов считает, что данных для подобных утверждений маловато, что все это может происходить и по другой причине. Бесспорно, это отразится на обеспечении продовольствием. Словом, общественность без понятия, чего еще ждать от бомб, кроме гибели рыбы и повышения цен, поэтому популярность их резко упала.

— Ну, все это мы знали и раньше, — заметил я.

— Тогда кое-что новенькое для тебя: из сброшенных бомб две не взорвались.

— И что?

— Не знаю. Но адмиралы явно перетрусил. Видишь ли, эти бомбы сконструированы так, что взрываются на заданной глубине от давления. Надежно и весьма просто.

— Значит, они не достигли области нужного давления и застряли где-то по пути.

— Все это было бы так, но дело в том, что в бомбы вмонтировано специальное устройство, срабатывающее в подобных случаях как часовой механизм. И вдруг произошла осечка. Вот это и беспокоит адмиралов.

— Все элементарно, мой дорогой Ватсон, — улыбнулся я, — вода попала в часовой механизм, что-то там заклинило и...

— Во-первых, ничего там не заклинило, — холодно обрुбила Филлис, — во-вторых, Ватсон — это ты, а в-третьих, видел бы ты при этом лицо Винтерса...

— Еще бы! Посеять парочку атомных бомб — не шутка, я бы на их месте тоже не прыгал от радости, — откровенно признался я. — Что еще?

— Еще три судна пропали без вести

— Когда?

— Одно — полгода назад, второе — с месяц, третье — на прошлой неделе.

— Возможно, здесь нет никакой связи.

— Все может быть... Но капитан уверен в обратном.

— Сколько осталось в живых?

— Никого.

Мы помолчали.

— Что-нибудь еще? — спросил я.

— Подожди, дай вспомнить. Ах да... они разработали какой-то специальный снаряд убийственной силы, но не атомный. Правда, испытать не успели.

Я с восхищением посмотрел на свою жену.

— Вот это работка, дорогая. И ты еще говоришь, что капитан держал язык за зубами! Да у тебя мертвая хватка! Может быть, тебе удалось раздобыть и какие-нибудь чертежи или рисунки?

— Глупая твоя голова. В газетах нет публикаций только потому, что никто не хочет лишний раз волновать народ. Ни одна редакция не пойдет на это. Прошлый шум-гам настолько сократил тиражи, что теперь рекламодатели ни за что не станут рисковать. Никто ведь не собирается звонить, например, во впадину Минданао и интересоваться, не хочет ли там кто-нибудь приобрести любопытную информацию.

— Пожалуй, ты права, — согласился я.

— Иногда и вояки проявляют здравый смысл, — задумчиво констатировала Филлис и добавила: — Хотя, возможно, он и умолчал о чем-нибудь.

— Наверняка, — поддакнул я.

— А! Самое главное, — спохватилась Филлис, — капитан обещал познакомить меня с доктором Матетом.

Я сел.

— Но, милая, после нашей последней передачи Океанографическое общество пригрозило отлучением всякому, кто посмеет связываться с нами. Это же часть их антибокеровской кампании.

— Да, но доктор Матет — друг капитана, он в курсе всех дел. И мы с тобой все-таки не отъявленные бокерианцы, не так ли?

— Кто знает, совпадет ли твое мнение о нас с мнением доктора Матета? Ну да ладно... Когда же мы встречаемся с ним?

— Полагаю, я увижу его через пару дней, милый.

— Не понял. Не хочешь ли ты сказать, любимая...

- Так мило с твоей стороны доверять мне.
- Но...
- Все, дорогой. Пора спать, — отчеканила Филлис.

Как потом рассказывала Филлис, Матет встретил ее обычными словами.

— И-би-си? — недоуменно воскликнул он. — Мне помнится, капитан Винтерс говорил про Би-би-си.

Это был довольно крупный худощавый человек с огромной шарообразной головой. Полированный загорелый лоб заканчивался, казалось, на самой макушке, и весь величественный купол его головы был обрамлен волнистыми седыми волосами. Слегка портили впечатление пучки волос, торчащие из ушей. Два горящих карих глаза, выдающийся римский нос, большой выразительный рот, тяжелый, чуть-чуть раздвоенный подбородок... — Филлис настолько образно описала мне этого человека, что я ясно представил, как он сутулился под тяжестью своей невообразимой ноши.

На его вопрос Филлис вздохнула и в очередной раз пустилась в рутинные объяснения о различии двух радиовещательных компаний, уверяя, что спонсорство отнюдь не означает продажность и бессодержательность. Матет нашел, что это новая и любопытная точка зрения. Тогда Филлис процитировала лучшие фрагменты из наших самых популярных передач, перечислила имена всех знаменитостей, которые когда-либо давали нам интервью, и постепенно, шаг за шагом, ей удалось убедить доктора, что мы — достаточно милые и даже мужественные люди, сражающиеся во славу передовых идей науки. А когда Филлис заверила, что имя доктора Матета не будет упомянуто ни при каких обстоятельствах, он понемногу разговорился.

Все его объяснения, выдержанные в строго академическом стиле, изобиловали несчетными силлогизмами и всевозможными специальными терминами. Филлис пришлось изрядно поломать голову над этой тарабарщиной. Я изложу лишь суть разговора, не вдаваясь в подробности.

С год назад появились сообщения об изменении цвета некоторых океанических течений. Так в течении Куро́сио, на севере Тихого океана, впервые обнаружена необычная муть, уносимая на северо-восток и постепенно исчезающая в безбрежных просторах.

— Само собой, мы взяли пробы воды и подвергли их тщательному анализу, — сказал Матет. — И чем бы, вы думали, вызвано изменение цвета?

Филлис выжидающе молчала, и он сам ответил на вопрос.

— В основном илом от ракушек радиолярий с заметным вкраплением диатомового ила.

— Как интересно, — удачно нашлась Филлис. — И в чем же причина?

— О! — воскликнул доктор. — Вот вопрос! Изменение слишком значительно, чтобы приписать его к явлениям обычным. Даже в образцах, взятых на другом конце океана — у берегов Калифорнии, — мы обнаружили большой процент диатомового ила.

— Поразительно! И что же в результате?

— В результате? Очевидны лишь следствия, например изменение миграций рыб. Совершенно естественно, что в воде, богатой диатомовыми водорослями...

Он еще долго продолжал в том же духе, а Филлис пыталась хоть что-нибудь уразуметь.

— ...но нас интересует первопричина. Я смотрю в корень. Что произошло в действительности? Как случилось, что иловые отложения поднялись с огромнейших глубин на поверхность в таких удивительных количествах?

Филлис почувствовала, что пора и ей вставить словцо.

— Может быть, это как-то связано с атомными бомбами? Мы там...

Доктор Матет так свирепо посмотрел на нее, что Филлис осеклась.

— Бомбы сбросили гораздо позже! И сомнительно, чтобы результат взрывов обнаружился в Курисио, а не у Мариан.

— А-а-а...

— Естественней предположить, что мы наблюдаем вулканическую деятельность на дне океана. Как известно, это область повышенной сейсмической активности. Однако сейсмографы не зарегистрировали ни одного толчка...

Матет пустился в долгие пространные рассуждения о вулканах и о том, что причина кроется, безусловно, не в них.

— Тем более, — поддержала его Филлис, — ил не оседает, и нечто нам неизвестное продолжает происходить там, на дне.

— Да, — согласился Матет и вдруг, спустившись с высот Олимпа, добавил: — Честно говоря, один Бог знает, что там за чертовщина.

Они поговорили еще немного, и Филлис выяснила, что изменения произошли не только в течении Курсио: глубоководные отложения поднялись недалеко от Гватемалы — в Монзунском проливе, и по другую сторону перешейка — в Москитском течении. Повысилась плотность воды в экваториальной зоне Атлантики, у берегов Австралии, а также во многих других местах.

Филлис старалась записать все, что нам могло пригодиться для передачи. Только в конце беседы ей удалось задать вопрос, который давно крутился у нее на языке.

— Доктор, — спросила она, — как вы думаете, насколько это серьезно? Лично вас это беспокоит?

Он улыбнулся:

— Нельзя сказать, что я не могу уснуть по ночам, если вы это имеете в виду. Нет, нас, как вы изволили выразиться, беспокоит то, что мы вдруг оказались некомпетентны в сфере нашей компетенции. Мы бьемся лбами о стену и ничего не можем понять. — Он беспомощно развел руками. — А что касается результатов, считаю, что они даже благоприятны: со дна поднят огромный плодородный слой питательного ила. Я ожидаю в ближайшем будущем снижения цен на рыбу, и тем, кто предпочитает рыбные блюда, остается только позавидовать. К сожалению, я не из их числа. — Он опустил голову. — Меня беспокоит только то, что впервые я не могу ответить на простое «почему» в области, где всегда считался неплохим специалистом.

— Слишком много географии, — сетовала Филлис, — слишком много океанографии, слишком много батииографии, слишком много всяких «графий». Будь ты хоть семи пядей во лбу, отобрать из этой кучи что-либо путное, по-моему, невозможно.

— Хм, — промычал я.

— Никаких «хм»! Когда у тебя в одно ухо влетает, а в другое вылетает, что в этом хорошего?

— Не думала ли ты, что Матет выложит тебе готовенький материал на целую передачу? Мало-помалу кое-что накапливается, вот и еще одна капля. Огорчаться не стоит. Кстати, он никак не связывает это с болидами?

— Да нет. Я попыталась навести его на эту мысль, но он не отреагировал. Матета интересуют только факты, и вообще он был очень осторожен в высказываниях. Мне даже показалось, он сожалеет о том, что согласился на встречу. Знаменитость, не поддающаяся ни на лесть, ни на уговоры. Ничего кроме фактов, никаких тебе гипотез или догадок. Одно желание — не подмочить репутацию, как уже случилось с Бокером.

— С Бокером?! — воскликнул я. — Как хорошо, что ты напомнила. Уж он-то, наверняка, в курсе всех событий и имеет на этот счет свою теорию.

— После той пресс-конференции он избегает общения с прессой. — Филлис покачала головой. — И не удивительно: такая шумиха! Слава Богу, мы не принимали в этом участия.

— Будем тянуть жребий — кому звонить? — предложил я.

— Я сама.

— Меня восхищает твоя непрошибаемая самоуверенность. Хорошо, давай.

Я развалился в кресле и с упоением слушал, как исполнительница Филлис, пройдя через обычный ритуал объяснений касательно И-би-си — Би-би-си, очаровывает светилу науки.

Нужно признать, Бокер имел смелость и силу пойти против общественного мнения и не отказаться от своей, ставшей в одно мгновение непопулярной, теории. Но он сразу же дал нам понять, что не имеет ни малейшего желания ввязываться в пустопорожние споры, так как ему совсем не улыбается вновь оказаться посмешищем для толпы.

Бокер сидел перед нами гордый и невозмутимый, слегка склонив набок голову с пышной седой шевелюрой.

— Вы хотите знать мою гипотезу потому, что у вас нет никаких мало-мальски приемлемых объяснений? Прекрасно, мне не составит труда ее изложить. Вряд ли вы с ней согласитесь, но в любом случае прошу не упоминать моего имени. Когда до всех дойдет, что я прав, тогда другое дело. Я не ишу дешевой славы и не желаю, чтобы обо мне думали как о мелком трибуне. Договорились?

Я кивнул.

— Мы просто хотим, — пояснила Филлис, — воссоздать цепь событий. Если с вашей помощью удастся отыскать

недостающее звено, мы будем очень признательны. Ну а если вы нам не доверяете, это ваше право, и мы его уважаем.

— Мне нечего возразить, так что приступим. Теорию о происхождении глубинного Разума вы знаете, не буду ее повторять. А нынешняя ситуация представляется мне таковой... Существа... назовем их так, благополучно устроились в экологической нише, и следующая их задача — обустроить новое жилище на свой лад. Ведь они — самые настоящие первопроходцы, колонисты. Чем, по-вашему, станет заниматься человек, прибыв на новое место? Благоустройством. И вот то, что мы наблюдаем сегодня, — и есть первый результат их деятельности.

— И чем же именно они заняты? — спросил я.

— Почему я знаю? — Бокер пожал плечами. — Учитывая то, как мы их встретили, думаю, чем-нибудь вроде защитных сооружений. Скорее всего они добывают металл. Во впадине Минданао, а также в глубинах юго-восточнее Бухты Падающих Кокосов работы идут полным ходом.

— Э-э... но горнорудные работы в таких условиях... — До меня дошло, почему Бокер пожелал остаться инкогнито.

— Откуда нам знать, каков уровень их цивилизации? Я могу привести вам множество примеров, где мы сами добились того, что, на первый взгляд, абсолютно невозможно.

— Это при давлении-то в несколько тонн, в крошечной темноте... — начал было я, но Филлис так взглянула на меня, что я тут же прикусил язык.

— Доктор Бокер, — сказала она, — вы обозначили две конкретные точки Мирового океана. Почему именно эти?

Бокер перевел взгляд на Филлис:

— Как однажды заметил мистер Холмс знаменитому тезке вашего мужа: «Самая большая ошибка — строить теории на пустом месте. Но пренебрегать уже имеющимися данными — умственное самоубийство». Я обладаю неплохим воображением, однако не могу представить себе ничего другого, кроме сверхмощного насоса, перекачивающего бескрайние залежи ила на поверхность океана.

— Но, — влез я, становясь в позу (мне порядком надоели постоянные издевки призрака мистера Холмса), — если, как вы утверждаете, они добывают руду, то почему цвет меняется за счет ила, а не за счет грунта?

— Прежде чем достигнуть рудоносных пластов, молодой человек, необходимо пройти огромный пласт ила, это во-первых, а во-вторых, согласитесь, плотность песка и ила

значительно разнится: песок просто не успевает достичь поверхности и под собственной тяжестью опускается на дно.

К сожалению, мне не дали возразить.

— А все-таки, доктор, почему вы упомянули именно эти два места? — Филлис просто заикнулась на своем.

— Я не утверждаю, что в других местах ничего не происходит, но исходя из расположения полагаю, что если там и ведутся работы, то с какой-то другой целью.

— С какой? — воскликнула Филлис, глядя на Бокера с поистине детским любопытством.

— Коммуникации. Вот, посмотрите сюда, — Бокер развернул карту, — немного ниже экватора — впадина Романш. Это узкий перешеек в подводных рифах Атлантического хребта — единственный проход, связывающий бассейны западной и восточной Атлантики. Здесь начинается изменение окраски. Причина наверняка вот в чем: некто на дне, мне кажется, не удовлетворен состоянием прохода — возможно, он загроможден обломками скал или мелковат, а может быть, слишком узок. Так или иначе, его как минимум нужно очистить от наслоений ила, что, видимо, и происходит. В общем, что бы то ни было, это каким-то образом связано с благоустройством.

Мы молчали, переваривая его слова.

— А вот эти две точки? — Филлис первая собралась с мыслями. — В Карибском море и Гватемальской котловине.

Бокер достал портсигар и предложил нам закурить, но мы вежливо отказались. Тогда он закурил сам, откинулся на спинку стула и, выпустив под потолок тонкую струйку дыма, произнес:

— Как вам понравится такая идея — туннель, связывающий Глубины по обе стороны перешейка? Вспомните историю Панамского канала.

В чем, в чем, а в узости мышления Бокера не упрекнуть, если уж он выдвигает теорию, так это действительно Теория. И что самое главное: еще никому не удалось его опровергнуть. Проблема в том, что бокеровские гипотезы совершенно неудобоваримы для нормальных людей. И как ни хороша была очередная его гипотеза, она костью застряла у меня в горле, что случается со мной нечасто, ибо я всегда считал себя чуть ли не шпагоглотателем. Так что до конца разговора я занимался тем, что пытался расправиться с этой злосчастной костью. У меня не было ни мыслей, ни

слов, ни сил, чтобы хоть что-то противопоставить безукоризненной логике Бокера.

На прощание он подкинул нам еще один сюрприз.

— Вы, конечно, слышали о двух невзорвавшихся атомных бомбах?

— Конечно...

— А что вы знаете о вчерашнем атомном взрыве, за который ни одна страна не взяла на себя ответственность?

— Вы думаете, что это одна из тех бомб? — неуверенно спросила Филлис.

— Почти уверен. Очень хотелось бы думать, что это не так, но... но вот что любопытно: одну бомбу сбросили у Алеут, другую — во впадину Минданао, а эта взорвалась недалеко от Гуама...

— Как жаль, — сокрушалась Филлис, — что в свое время я не была прилежной ученицей и наплеватьски относилась к географии, которую бедняжка мисс Попл тщательно пыталась в меня вдолбить. Каждый день всплывают какие-нибудь новые названия, о которых я сроду не слышала.

— Не унывай, — утешил я, — в военных сводках упоминаются такие названия, о которых сами географы порой не подозревают, не говоря уж о том, что на обычных картах они и вовсе не значатся.

— Вот опять... сообщают, что около шестидесяти человек смыло какими-то цунами, прошедшими над островом Ростбифа. Где этот Ростбиф? И что еще за цунами?

— Не цунами, дорогая, а цунáми, по-японски — волна, гигантская волна, возникающая в результате подводных землетрясений. А где находится Ростбиф — понятия не имею, зато могу предложить целых два острова Сливового Пудинга.

— И чего ты вечно корчишь из себя отличника, Майк? — Филлис осуждающе посмотрела на меня. — М-да, интересно, как это все нас коснется?

— При чем тут мы?

— Я о том, что сейчас происходит на дне.

— С чего ты взяла, что это не настоящие цунами, и связываешь с ними...

— Ах, — перебила меня Филлис, — как звучит: настоящие цунами, с ними, с нами, сними-снами... что еще случится с нами?

— Хорошо, — не выдержал я. — Давай попробуем разобратся.

— ...сними-снами...

— Если тебя это так волнует, можешь позвонить своему ученому другу Матету.

— ...настоящие цунами...

— У него непременно есть сводки. Он тебе скажет точно — настоящие они или не настоящие, или...

— Ты уверен? А как они это узнают?

— Спроси чего-нибудь полегче. Узнают и узнают. Матет обязательно в курсе, если там что-то не так.

— Хорошо, — сказала Филлис и вышла из комнаты.

Не прошло и трех минут, как она вернулась.

— Настоящие цунами. Цитирую: «Небольшое сейсмическое возбуждение, произошедшее вблизи острова Святого Амброзия; долгота такая-то, широта такая-то». Кстати, Ростбиф — второе название острова Надежды.

— А где этот остров Надежды?

— А кто его знает, — Филлис беспечно махнула рукой.

Она взяла газету и села на диван.

— Как скучно, — сказала Филлис, сдерживая зевоту, — ничегошеньки не происходит.

— Пока... — резонно заметил я.

— Вчера звонил капитан Винтерс: за два месяца — ни одного сообщения о болидах.

— Он как-нибудь прокомментировал это событие? — Я достал сигарету.

— Нет, просто упомянул между делом.

— Бокер сказал бы, что закончилась первая фаза колонизации: его первопроходцы обустроились. Дальнейшее зависит от того, как они будут жить: либо — долго, либо в долгах.

— Я думаю — в долгах, а, как говорят русские «Долг платежом красен».

— Плачу́ и пла́чу, плачу́ и пла́чу... — отозвался я — Если бы кто-нибудь услышал домашнее чириканье лучшей специалистки по сенсациям, он смог бы составить нам конкуренцию.

Филлис пропустила мое замечание мимо ушей

— Помнишь, о чем говорил Малларби? — спросила она. — Вот и я не могу понять, какое нам дело, что происходит на

дне, почему мы не можем оставить их в покое и уступить ненужную часть мира?

— На первый взгляд, вполне разумно, — согласился я. — Но Малларби имел в виду другое, и в этом я с ним абсолютно согласен — мы столкнулись не с разумом, а с инстинктом. Инстинкт самосохранения сопротивляется уже самой мысли о чуждом ему Разуме, и не без оснований. Трудно представить себе форму разума, если, конечно, не впадать в абстракцию, которая не попыталась бы переустроить среду обитания на свой лад. И как-то уж очень сомнительно, чтобы интересы двух форм разума совпадали; настолько сомнительно, что, думается, вместе нам никак не ужиться.

Филлис задумалась.

— Уж очень мрачно, Майк. Прямо какая-то дарвиновская перспектива.

— «Мрачно» — это, дорогая, эмоции. На самом деле такова жизнь. Представь, один вид живет в соленой воде, другой — в пресной. Настанет день, когда они расплодятся настолько, что им станет тесно в своих водоемах, и тогда одни ради своего удобства или продолжения рода — назови, как хочешь — начнут опреснять моря, а другие... как бы это сказать... — подсаживать реки и озера. Только так и никак иначе.

— То есть ты за то, чтобы закидать океаны атомными бомбами?

— Дорогая, я за естественный ход событий. «Всему свое время» — это не я сказал. Если за летом следует осень, еще не значит, что осенью надо будет тащить лестницу и обрывать листья с деревьев.

— Действительно, с какой стати?

— Вот и я говорю...

— То есть ты против бомбежек? Я правильно тебя поняла?

— Да оставь ты бомбы в покое! Черт возьми, не в них дело. Пойми, как только у человека наметилась первая извилина в мозгу, он огляделся и увидел, что мир, в том виде, как он есть, его не устраивает. Думаешь, эти — там, на дне — всем довольны? Черта с два. У нас есть все основания для подобного вывода. Или ты считаешь, что наши бомбежки им пришлись по вкусу? Как бы не так. Тут же напрашивается следующий вопрос: сколько осталось до прямого столкновения?

— Ты спрашиваешь меня? Ты сам прекрасно знаешь, что все началось с первой бомбы. Я тоже об этом сожалею.

— Жалеть уже поздно, дорогая. Теперь в их черном списке преобразований природы мы с тобой — на первом месте. А в том, как скоро они обезопасились от нашего оружия, есть нечто зловещее, словно они приготовились ко всему заранее. Будем надеяться, что эти твари останутся в своих Глубинах и не позарятся на наши владения. В противном случае хотел бы я знать, чем мы их встретим?

— Значит, ты все-таки за атомные бомбы, — подытожила Филлис.

— Бог мой! Милая, ни я, ни ты, ни весь Королевский Флот, никто не хочет сбрасывать эти бомбы: шуму много, а результат сомнительный. Однако я очень надеюсь, что наш доблестный Флот, «ополчась на море смут, сразит их противоборством»*. А вот какое оружие мы применим, зависит от времени, места и условий.

Филлис сидела, подперев рукой голову, невидящим взором уставившись в газету.

— Ты говоришь — «такова жизнь», ты в этом уверен? — спросила она немного погодя.

— Да, пусть даже из предположений Бокера верна только часть... нам с ними не ужиться на Земле.

— И когда, по-твоему, это случится?

Я пожал плечами. Если представить, какие естественные препятствия должны преодолеть и те и другие, чтобы добраться друг до друга, пройдет по меньшей мере не один десяток лет, а то и столетий.

Филлис снова вперилась в пустоту, и я, зная этот симптом, не собирался нарушать ее задумчивости. Мы долго молчали, пока вдруг в наступившую тишину не вкрался мягкий и тревожный полусшепот Филлис:

— ...ветер, его полночные завывания и стоны утопают в нарастающем рокоте гневных волн океана... слышишь, где-то совсем рядом противно завизжала лебедка — это матросы сбросили за борт спасательную шлюпку. Ветер подхватил их хриплые, просоленные голоса и понес прочь. Тише! Что это? Я слышу чей-то голос, доносящийся словно из небытия: «одна сажень, две...» — шум ветра все тише, голос все отчетливей: «три сажени, четыре...» Какой-то мерный, неясный гул, гнусное чавканье рыб — мы погружаемся: «пять саженей...» — противное чавканье сменяется жуткой какофонией: «полное погружение!...» — тишина пять секунд, десять... Нет, я не слышу, я — ощущаю каждой клеткой,

* В. Шекспир, «Гамлет, принц датский»

ощущаю тяжелые стоны Глубин... мне страшно... что-то происходит... опять чей-то голос. Что, что он говорит?... я не могу разобрать... о Левиафанах?! теперь я различаю каждое слово... о Боже! Какой нечеловеческий голос:

«...Самая... недоступная точка Земли — дно. Так было, есть и будет. Кромешная темнота. Мрак. Самая мрачная точка Земли. Так было, есть и будет до тех пор, пока не высохнут моря и океаны, и тогда растрескавшаяся, безжизненная планета будет нескончаемо вращаться по своей орбите, а жизнь на ней станет историей. Но это случится не раньше, чем Солнце высушит пять миль воды над нами. А пока — здесь Мрак. Мрак и Холод. Мрак и Холод и Тишина. И Покой. Пусть будет так. Мы так хотим.

Дно — самое лучшее и самое страшное место на Земле. Здесь правит сама Смерть. Вглядитесь, все устлано бренными останками цветущей некогда жизни. Биллионы и биллионы существ обрели здесь свой последний приют. Тишина... Гробница Мира. Вы говорите: «Нет! Ничто не может существовать Здесь», а мы отвечаем: «Мы. Ваши предки миллион лет назад тоже выкарабкались на берег, преодолев толщу вод, так что мешает нам?... ждите нас, мы идем...»

А потом сразу вступаешь ты и говоришь о неизбежности столкновения двух Разумов. Затем я — о возможности взаимопонимания и все такое прочее. Как идея?

— Если честно, то я не понял: что, для чего, зачем?

— Мне представляется это как передача из серии «Камо грядеши».

— Конечно, можно попробовать. Но... Ты хочешь показать картину новой жизни на примере завораживающих кельтских мифов?

— Приблизительно...

— Это ужасно, Фил. Говорить об этом в таком тоне? Не знаю. Давай лучше попробуем подготовить документальный материал. Вот тогда, я думаю, будет что-то.

— Может, ты и прав. Но пока у нас нет материалов на передачу, я бы на твоём месте так не пренебрегала моей идеей. Впрочем, кажется, за фактами дело не станет. — Филлис неожиданно замолчала. — Иногда мне очень страшно, Майк. Так хочется, чтобы они убралась отсюда и побыстрее.

Я мысленно согласился с ней. Но к тому, что произошло дальше, не был готов никто.

Мы выехали рано утром. Машина была загружена еще с вечера, и, выпив по чашечке кофе, мы быстро тронулись в путь. Я посмотрел на часы — пять минут шестого.

Нам предстояла неблизкая дорога, что-то около трехсот миль, до небольшого коттеджа в Корнуэлле близ Консантайна, некогда приобретенного Филлис на скромное наследство тетушки Хелен.

Я, конечно, предпочел бы дом где-нибудь в окрестностях Лондона, но Филлис, по ей одной ведомой причине, была непреклонна.

Коттедж Роз — так назывался наш скромный пятикомнатный домик из серого камня — стоял на юго-восточном склоне холма, поросшего вереском, розовый цвет которого и дал название коттеджу.

Это невысокий дом, с крышей почти до самой земли в чисто корнуэллском стиле, с фасадом, выходящим на реку Хелфорд, так что ночью всегда видны огни маяка на мысе Лизард, а днем открывается изумительный вид на изрезанное побережье Фалмутского залива. А если вы отойдете ярдов на сто от подветренной стороны холма, то вдалеке, за Маунтским заливом, различите острова Силли, за которыми — Атлантика.

Если же вам захочется прогуляться в Фалмут — пожалуйста, семь миль, за покупками в Хелстон — ради Бога, девять. И уж коль скоро вы добрались до Корнуэлла, то понимаете, что не зря преодолели почти триста миль.

Мы использовали коттедж как временное пристанище — закинув в котомку накопившиеся заказы, идеи, задумки, мы вырывались недели на четыре, чтобы разгрести весь этот скарб, поработать извилинами, постучать на пишущей машинке в тишине благостного уединения. Отдохнувшие и освежившие мы возвращались в Лондон. бегали по мага-

знам, поддерживали нужные и ненужные связи, работали наконец! Вся эта суэта продолжалась до тех пор, пока из глубины души не вырывался крик отчаяния, и тогда, на скоро покидав вещи в автомобиль, мы трогались в путь.

В то утро я нещадно гнал машину Филлис мирно спала на моем плече, пока я не разбудил ее.

— Йовил, дорогая Самое время перекусить.

Я оставил Филлис приходить в себя после сладкого сна а сам пошел купить свежие газеты.

...Мы сидели за столиком, уплетали кашу и просматривали прессу

В передовицах сообщалось о кораблекрушении, но, поскольку корабль был японским, я подумал, что газетам видимо, просто нечего больше печатать. Из голого любопытства я прочитал заметку под фотографией: «Японский лайнер “Ясучиро”, курсировавший между Нагасаки и Амбоном, затонул при невыясненных обстоятельствах. Из семи сот с лишним человек, находившихся на борту корабля, живых осталось пять».

Странное дело: меня не покидает ощущение, что мы тут на Западе слишком экспрессивны, а они — на Востоке — чересчур инертны. Так, например, если в Японии обрушится мост, сойдет с рельсов поезд, или, как сейчас, затонет судно, это не вызовет таких эмоций, как случись нечто подобное у нас Я не осуждаю японцев, но тем не менее это так

— Посмотри, — вдруг сказала Филлис.

— В чем дело?

Она ткнула пальцем в газету. «Гибель японского лайнера у Молуккских островов» — гласило название. Точно такое же коротенькое сообщение, только вместо фотографии — схема района кораблекрушения.

— Тебе не кажется, что корабль затонул где-то совсем рядом с нашей старой знакомой — впадиной Минданао?

— Действительно, неподалеку.

Я внимательно ознакомился с сообщением. «Смерть в тишине обрушилась на спящий лайнер. ...Бедные дети.. несчастные матери..» (Ну, конечно, без этого нельзя!) «..вопили от ужаса... Обезумевшие женщины в ночных сорочках выскакивали из своих кают... Бедные матери с огромными от ужаса глазами, подхватив самое драгоценное в жизни — детей...» и так далее, и тому подобное. Если отбросить всех этих женщин и детей, вставленных кор-

респондентом лондонской редакции, дабы выжать слезу у читателей, то вся заметка выглядела настолько беспомощной, что я вначале поразился, почему две столь авторитетные газеты предоставили событию первые полосы, но затем понял, что скрывалось за всеми этими дутыми страстями: «Яцухиро» непостижимо и загадочно, без всяких видимых причин, внезапно, как камень, пошел на дно

Позже я раздобыл копию сообщения агентства и увидел, что оно в своей неприкрашенной лаконичности куда более тревожно и драматично, чем все эти рассуждения о «ночных рубашках»: «Причина не выяснена, море спокойное, повреждений не было. Корабль погрузился в воду менее чем за одну минуту без явных следов аварии. Взрыва не наблюдалось...» Так что в ту ночь не было ни криков, ни воплей. У японцев едва хватило времени продрать глаза, и вряд ли они успели сообразить спросонок, что произошло. Их почти мгновенно поглотила вода: никаких криков — одни пузыри, когда двадцатитысячетонный стальной гроб взял курс на дно.

Я поднял глаза на Филлис. Она задумчиво смотрела на меня, опершись подбородком на ладони.

— Неужели это то самое, Майк, так скоро?

Я замялся.

— Трудно сказать, тут столько надуманного... и я не могу судить... Подождем до завтра. Думаю, из «Таймс» мы узнаем, что случилось на самом деле. А может, и нет...

Дальше мы уже ехали куда медленнее и остановились один только раз в Дартмуте — на ленч.

Наконец, к середине дня, ужасно уставшие, мы добрались до места. И хоть я не забыл позвонить в Лондон, чтобы попросить прислать все вырезки о кораблекрушении, мне уже казалось, что трагедия на другом конце света столь же далека от маленького серого домика в Корнуэлле, как гибель «Титаника».

На следующий день «Таймс» сообщила о происшествии, но как-то уж очень вяло и осторожно, очевидно, в редакции и сами разводили руками. Совсем иного характера были вырезки, присланные нам с И-би-си: фактов — нуль, зато куча комментариев. «Покрыта тайной гибель японского лайнера “Яцухиро”, ушедшего в вечность в ночь на понедельник у южных Филиппин и унесшего с собой более семисот жизней. Со времен загадки “Марии Целесты” мир еще не знал столь таинственного происшествия». «Созда-

ется впечатление, что лайнер “Яцухиро” займет достойное место в длинном списке неразгаданных тайн моря. Тайна шхуны “Мария Целеста”, которая была обнаружена дрейфующей у...» «Рассказы пяти оставшихся в живых японских моряков только сгущают мрак, окружающий судьбу судна “Яцухиро”. Почему оно затонуло? Как это случилось? Почему столь внезапно? Неужели мы так никогда и не найдем ответа на эти вопросы, как не нашли ответа на вопросы, связанные с “Марией Целестой”? «Даже в наш век, в век науки, море продолжает ставить нас в тупик. Гибель “Яцухиро” — очередная неразрешимая загадка в истории мореплавания. Как и знаменитая “Мария Целеста”...»

— Майк, они что, все с ума посходили? Вот опять: «Трагическая гибель “Яцухиро” стоит в одном ряду с неразрешимой загадкой “Марии Целесты”». Но ведь самое таинственное в случае «Марии Целесты» — это как раз то, что она не затонула. Все наоборот...

— Приблизительно так.

— Тогда я ничего не понимаю.

— Все очень просто, дорогая. Это — такой «угол зрения» или «уровень мышления». Никто не знает и не понимает, почему затонул «Яцухиро», и причисляют его гибель к загадкам морей. Ну а «Мария Целеста» — первое, что приходит в голову из этой области. Другими словами, все зашли в тупик.

— Тогда я предлагаю выбросить весь этот мусор.

— А вдруг на что наткнемся? Давай почитаем. Не может же так быть, что мы единственные, до кого дошла связь событий... Читай внимательнее.

Мы просмотрели уже почти всю кипу вырезок, узнав массу сведений о «Марии Целесте» и ничего — о «Яцухиро», когда наконец Филлис издала громкое «А!» первооткрывателя.

— Вот, — сказала она. — Это уже что-то новенькое. Слушай: «Роскошный, сверкающий золотом лайнер “Яцухиро”, построенный на деньги с Уолл-стрит, затонул при невыясненных обстоятельствах у берегов Филиппин. В то время когда растущая пропасть между неконтролируемыми доходами зажиточной буржуазии и стремительно снижающимся жизненным уровнем японских рабочих...» А, ну понятно.

— О чем это они?

Филлис пробежала статью глазами.

— Да ни о чем. Пишут, что капиталистический лайнер, до краев набитый награбленными деньгами, не выдержал подобной тяжести и пошел ко дну.

— М-да, интересное наблюдение, первая и единственная версия во всей этой куче бумаг. Игра, как видно, пошла не для слабонервных. Если вспомнить, какую кутерьму подняли рекламодатели во время последней паники, созданной газетами, я думаю, они теперь решили просто прикрыться «Марией Целестой». Но не собираются же они на этом успокоиться. У более солидных изданий все-таки не такие чувствительные рекламодатели. Я не представляю «Трибюн» или...

Филлис прервала меня:

— Майк, ты что, еще не понял — игра кончилась. Затонуло огромное судно, погибло семьсот человек!.. Это ужасно. Сегодня мне приснилось, что я заперта в тесной каюте, а изо всех щелей хлещет вода.

— Вчера... — начал я и остановился. Мне захотелось напомнить Филлис, как вчера она вылила целый чайник кипятка на ненавистных домашних муравьев. Уж наверняка их полегло более семисот. Но я вовремя опомнился и продолжал: — Вчера множество народа погибло в автокатастрофах, столько же погибнет и сегодня..

— Да при чем тут это?

Конечно, Филлис была права, я привел плохое сравнение, но говорить о существах, для которых мы — самые настоящие муравьи, мне не хотелось.

— Мы привыкли считать, — сказал я, — что естественная смерть — это смерть в постели на старости лет. Заблуждение. Смерть естественна в любом проявлении, и всегда — неожиданна.

Но это тоже оказалось неподходящей темой, и Филлис ушла, оскорбленно стуча каблучками

Я раскаивался

Мы ждали объяснения, и на следующее утро оно появилось. Видимо, мы были не одиноки в нашем ожидании. Почти все газеты сразу подхватили его, а толстые еженедельники развили и углубили.

В двух словах это называлось «усталостью металла»

Дело в том, что в конструкциях «Яцухиро» впервые был применен новый сплав, разработанный японцами. Эксперты

пришли к выводу, что при критической частоте вибрации двигателя не исключено нарушение структуры сплава. Поломка какой-нибудь детали может вызвать цепную реакцию. Другими словами, при совсем незначительном толчке или ударе корабль разваливается на части и тонет.

Существовала, правда, маленькая оговорка — мол, дескать, пока не будут изучены останки судна, кристаллическая структура деталей, нельзя считать это окончательным выводом, но так как корабль покойся на глубине шести миль..

И тем не менее все работы по постройке судов класса «Яцухиро» приостановили на неопределенное время.

— О, светочи науки! — простонал я. — Как вы любите все притягивать за уши. Слабое утешение для родственников погибших и никакое — для остальных. Тайнственная усталость металла! Заметь, не сварной шов, не какая-нибудь заклепка, а именно — общая усталость, без каких-либо уточнений что за сплав, в каких деталях он применялся — ничего! И вообще — все в порядке: злосчастный сплав использовался исключительно на одном японском судне, а значит, остальным не грозят подобные напасти. И море Море — безопасно, как всегда! В путь, ребята, ничего не бойтесь!.. Посмотрим, что они запоют, когда развалится очередная посудина.

— Но теоретически усталость возможна.

— В том-то и дело, что теоретически. И то я сомневаюсь. А главное, им все сойдет с рук. Общество проглотит это «объясненьице» и не поморщится. Специалисты тоже протестовать не станут, во всяком случае пока.

— И я бы хотела поверить и, наверное, даже смогла бы не зная я, где это произошло.

— Надо внимательно следить за ценами на акции корабельных компаний, — задумчиво произнес я.

Филлис подошла к окну и долго смотрела на синие воды простирающиеся до горизонта.

— Майк, — неожиданно сказала она, — прости меня за вчерашнее. Я... эти японцы так меня расстроили. До сих пор мы играли в какие-то шарады, ребусы; смерть Вайзмана Трэнта казалась несчастьем, недоразумением. Но это... это же совсем другое. Целый лайнер ни в чем не повинны людей! Отцы, матери, дети... всех в одно мгновение... Ты понимаешь меня? Для моряков риск — профессия, но эт

несчастные... Мне не по себе, Майк, я боюсь. Там, внизу, на дне... что там?

Я обнял Филлис:

— Не знаю. Мне кажется — это начало.

— Начало чего?

— Начало того, чего не избежать. В Глубинах — чуждый нам Разум, мы ненавидим и боимся его. Тут ничего не напишешь, это происходит на уровне инстинкта, подсознания. Случайно на улице ты сталкиваешься с пьяным или сумасшедшим, тебя охватывает страх, и этот страх тоже иррационален. Это — животный страх.

— Ты хочешь сказать, что, если бы причина крылась в каких-нибудь китайцах, все было бы иначе?

— А ты сама как думаешь?

— Я?.. Я не уверена.

— Точно знаю, я бы рычал от возмущения. Меня бьют ниже пояса, я знаю — кто и поэтому могу сориентироваться и дать сдачи. Но так, как это происходит сейчас, когда у меня только смутное представление — «кто» и никаких предположений — «как», я весь холодею при мысли «почему». Вот так, Фил, если тебя это интересует.

Она крепко сжала мою руку:

— Я рада, Майк. Вчера я вдруг почувствовала себя такой одинокой.

— Хорошая моя, это всего лишь напускная небрежность, защитная маска. Я пытаюсь обмануть самого себя...

— Я запомню, — произнесла Филлис со значением, но я не уверен, что правильно ее понял.

Гости врывались в наше уединение стихийным бедствием — всегда посреди ночи как гром среди ясного неба. То они неверно рассчитали время, то — переоценили возможности автомобиля, то еще что, но обрушивались они, как тайфун, вечно голодные, с одной мыслью об яичнице с беконом.

Гарольд и Туни не явились исключением. В субботу, часа в два ночи, меня разбудил визг тормозов их машины. Выйдя на улицу, я увидел, что Гарольд уже вытаскивает из багажника вещи, а Туни подозрительно озирается по сторонам. Увидев меня, она воскликнула:

— О, это действительно здесь! Я только что говорила Гарольду, что мы, наверное, ошиблись, потому что...

— Да-да, конечно, — начал я оправдываться, ведь Туни была у нас впервые, — стоило бы посадить парочку розовых кустов. Все от нас только этого и ждут... кроме соседей.

— Я говорил ей, — пробурчал Гарольд, — но она не поверила.

— Ты мне всего лишь сказал, что в Корнуэлле роза — это не роза.

— Да, — подтвердил я, — здесь так называют вереск.

— А почему бы тогда для ясности не переименовать дом в коттедж Вереска?

— Проходите, — сказал я, закрывая тему.

Иногда просто диву даешься, почему твои друзья женятся на тех, на ком женятся. Я знаю как минимум трех девушек, которые составили бы Гарольду великолепную пару: одна, например, могла запросто сделать ему карьеру, другая... ну да ладно. Туни, безусловно, красивее, но... есть, на мой взгляд, некоторое различие между комнатой, в которой живешь, и комнатой с выставки «Идеальный дом». Как говорит Филлис: «Откуда может взяться у девушки с именем Петуния то, чего не хватало ее родителям».

Подросла яичница с беконом, и Туни пришла в восторг от нашего миланского столового сервиза. Она с расспросами накинута на Филлис, а я тем временем решил разузнать у Гарольда, что ему известно об «усталости металла». Он работал в престижной конструкторской фирме в отделе конъюнктуры и ассортимента. Кое-что Гарольд должен был знать. Он бросил беглый взгляд на Туни — казалось, на всем белом свете ее интересует только сервиз.

— Нашей фирме это не нравится, — коротко сказал он и тут же переключился на неполадки своей машины.

Обычно такие разговоры невообразимо скучны, но в три часа ночи они прямо-таки действуют на нервы. Я уже было открыл рот, собираясь покончить с «неполадками» точно так же, как минуту назад Гарольд разделался с «усталостью», но тут Туни издала странный звук и повернулась ко мне.

— Усталость металла! — Она захихикала.

Гарольд попробовал вмешаться:

— Мы говорили о моей машине, милая.

Но Туни машина не интересовала.

— Хи-хи, усталость металла, хи-хи... — Она явно напрашивалась на вопрос.

Однако в четвертом часу ночи не до расспросов. С нашей стороны это не было невежливостью, обыкновенная самооборона. Гарольд поднялся со стула.

— Уже поздно, — сказал он, — пора...

Но Туни не из тех, кого легко смутить. Она принадлежала к тому типу женщин, которые считают, что их мужа, вступив в брак, уже один раз свалили дурака, и не стоит ждать от них ничего путного впредь.

— Господи, — просвистела она, — неужели здесь верят этой чепухе?

Я поймал удивленный взгляд Филлис. Еще вчера я говорил, как газетчики здорово одурачили простаков, а тут, на тебе, Туни первая же и опровергла меня.

— Но почему же? — возразила Филлис: — «Усталость металла» отнюдь не новое явление.

— Конечно, — согласилась Туни, — недурно сработано. В этот бред могут поверить даже вполне разумные люди. — Она обвела нас испытующим взглядом.

Мне захотелось возразить, но я вовремя посмотрел на Филлис. «Не суйся не в свое дело» — явственно читалось в ее глазах.

— Но это же официальная версия, — сказала она. — Все газеты...

— Ах, милочка, вы верите газетам?! Неужто? Конечно, без официального мнения — никак, но и то они это сделали лишь потому, что дело в японцах. Ах, как это напоминает Мюнхен.

При чем тут Мюнхен? Я ничего не понимал.

— Поясни, пожалуйста. Я не успеваю за твоей мыслью, — мягко попросила Филлис.

— Ну это же ясно как божий день! Они сделали это один раз — им сошло с рук, но дальше будет хуже. Здесь обязательно надо занять твердую позицию. Политика соглашательства ни к чему хорошему не приведет, это факт. Мы давно должны были ответить на их провокации.

— Провокации?

— Ну да. Подводный Разум, болиды, марсиане и прочая ахинея.

— Марсиане? — Филлис явно была ошеломлена.

— Ну, нептуняне, неважно. Не понимаю, почему его до сих пор не арестовали?

— Кого?

— Бокера, конечно. Говорят, едва его приняли в университет, как он тут же вступил в партию. С тех пор так и работает на них. Само собой, он не сам все это придумал, нет. Придумали в Москве и использовали Бокера, ведь он такой авторитетный ученый. История о Разуме под водой обошла весь мир, и множество народа поверило в этот бред. Но теперь с этим покончено. В задачу Бокера входило подготовить почву для... ну, вы меня понимаете.

Да... мы начинали понимать.

— Но ведь русские обвиняют нас, — робко вставил я.

— Не выдерживает критики, — отвергла Туни. — Они оседлали своего любимого конька и обвиняют нас в том, в чем виноваты сами.

— То есть все, от начала до конца — ложь?! — уточнила Филлис.

— Естественно, ну как вы не понимаете? Сначала они закидали нас летающими тарелками, затем — кроваво-красными аэросферами... Господи, это же так просто! Потом эти, обитатели морских Глубин, так умело преподнесенные Бокером. А чтобы запугать нас еще больше, они перерезали парочку тросов и даже потопили несколько лайнеров.

— Э-э... а каким образом? — не выдержал я.

— Своими новыми миниатюрными подводными лодками, которые они использовали против несчастных японцев. Вот увидите, они будут продолжать топить корабли. История с «усталостью металла» только для отвода глаз, скоро опять вернутся к бокеровским подводным чудовищам. И это весьма дурно, потому что, пока люди верят в эту дрянь, призывы к ответным мерам не достигнут ушей нашего правительства.

— Значит, версия с «усталостью металла» предназначена только для того, чтобы успокоить народ? — спросила Филлис.

— Ну правильно! — Туни обрадовалась, что ее наконец поняли. — Наше правительство ни за что не согласится признать, что это происки красных, тогда от него сразу потребуют принять ответные меры. Нет, оно никогда не пойдет на это — уж слишком велико их влияние здесь, у нас. И вот власти прикидываются, что верят в бокеровские бредни. Что ж, пускай. Когда все выплывет наружу, они предстанут перед миром в довольно глупом виде. Пока все нормально: корабль японский, русские далеко. Но это — пока. Народ уже начал выражать свое недовольство и требует от правительства твердой позиции.

— Народ? — удивился я

— Народ в Кенсингтоне, и не только в нем

Филлис принялась убирать тарелки.

— Просто удивительно, насколько, живя здесь, в глуши, ты оторван от остального мира, — сказала она, словно ее замуровали в коттедже

Гарольд подавился дымом и закашлялся

— Слишком много свежего воздуха, — объявил он и, демонстративно зевнув, взялся помогать Филлис.

На следующий день мы пополнили наши сведения о коварных намерениях русских, однако, зачем им понадобилось топить безобидное пассажирское судно, так и осталось невыясненным. Все воскресные выпуски газет пестрели сведениями об «усталости металла», и Туни, по-моему, прекрасно провела время, пролистывая их с улыбкой посвященного.

Что бы ни думали в «Кенсингтоне, и не только в нем», в Корнуэлле прекрасно приняли официальную версию. В баре «Пик», к примеру, нашелся свой собственный эксперт по части кристаллических структур. Это был старый горняк, который с удовольствием делился воспоминаниями о всевозможных поломках горнорудной техники и объяснял их исключительно хрупкостью металла по причине длительной вибрации.

— Шахтеры, — утверждал он, — на много лет опередили ученых. Мы уже давным-давно знали про усталость, только называли иначе.

Слушатели с пониманием кивали, так как события на море во все века интересовали жителей Корнуэлла.

Гарольд выглядел озабоченным.

— Меня, похоже, ждет горячее времечко, — сказал он грустно, когда мы вышли из бара. — Муторное дело. Придется всем доказывать, что наша продукция не подвержена «усталости».

— Зачем? Ведь покупателям без ваших товаров все равно не обойтись?

— Все это так, но конкуренты они будут из шкуры лезть, чтобы доказать, что их продукции не страшна никакая «усталость». Если в этой ситуации мы не поступим точно так же, нас поймут превратно. Придется увеличивать ассигнования... Черт бы побрал этот проклятый корабль! Превратись он в черепаху, это никого бы не удивило и все было бы нормально. А теперь столько хлопот на мою голову.

и ничего утешительного на горизонте. Не знаю, благодарить ли за это единомышленников Туни или кого другого, но факт остается фактом: число отказов плыть морем пропорционально возросшему количеству желающих лететь самолетом. И еще, ты не обратил внимание на акции судоходных компаний?

— Да, а что?

— Вот тут и впрямь худо. А их акции продают не друзья Туни. Это сколько же людей не верят ни в «усталость», ни в «красную угрозу»?!

— Ну а ты?

— Нет, конечно же, нет. Но не в этом дело. Я не из тех, кто влияет на цены акций. А вот если те, кто способен влиять на цены, вдруг забеспокоятся, заволнуются — тогда все к черту. Мне плевать, есть там кто на дне или нет, я боюсь новой экономической катастрофы.. А тут еще вы!

— От нас твоей экономике никакого вреда; даже если бы мы захотели, ничего бы не вышло — многострадальная правда, увы, не перевешивает мирового производства. Не скажу, что у нас за пазухой нет материала на пару передач, но последнее время из наших источников не было ни одного сообщения о подводной жизни.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Примерно то, что, если у тебя вложен капитал в судоходство, я бы на твоём месте, пока не поздно, продал свои акции и вложил в авиакомпанию.

Гарольд издал протестующий стон.

— Знаю-знаю, вы с Фил на этих болидах собаку съели, но хоть какое-нибудь практическое решение у вас есть?

Я отрицательно покачал головой.

— Тогда о чем говорить?! Что вы можете предложить, кроме библейского «горе мне, горе»? Чего вы добились после этой проклятой бомбежки? Перепугали уйму народа, подорвали производство — в общем, пострадали все и главное — без толку. Какого труда стоило привести людей в чувство! — Гарольд в отчаянии махнул рукой. — А вы опять за свое. Зачем зря будоражить народ? Может, там, на дне, ничего и нет.

— А отчего, по-твоему, затонул японский лайнер? Какая польза от страуса, зарывшего голову в песок?

— Так безопаснее для головы, Майк.

Когда я передал Филлис наш разговор, то с удивлением обнаружил, что она полностью согласна с Гарольдом.

— Игра стоит свеч, когда есть практическая польза. В данном случае пользы нет, — без тени сомнения изрекла Филлис. — Всю жизнь нас окружают люди и вещи, о которых мы почти ничего не знаем. Пойми, Майк, обнажать истину без цели — распутство. Ух!.. Каков афоризм, а? И куда я дела записную книжку?

Гарольд с Туни уехали, и мы снова принялись за дела. Филлис с завидным усердием раскапывала, что еще не сказано о Бекфорде из Фонтхилла, а я занимался менее литературным трудом — корпел над составлением серии о королевских браках по любви, условно названной «Королевское сердце, или Венценосный купидон».

Незаметно пролетел месяц. Внешний мир почти не вторглся в наше добровольное заточение. Филлис преспокойно завершила сценарий о Бекфорде, написала еще два и вернулась к своему нескончаемому роману. Да и я благополучно отмыл королевскую честь от политического презрения и настроил парочку-другую статей.

В погожие дни мы бросали дела, шли к морю, купались или брали напрокат лодку.

О «Яцухиро» все будто забыли, но термин «усталость металла» прочно прижился среди местных жителей; им обозначали всяческие незадачи — все, что казалось странным и необъяснимым. В обиход вошли всевозможные «усталости» — усталость фарфора, стекла и прочего. Болиды и все с ними связанное казалось таким нереальным, что мы тоже, забыв обо всем, наслаждались тишиной и покоем.

И тут в пятницу вечером в девятичасовой сводке новостей сообщили, что затонула «Королева Анна».

Сообщение, как всегда, было очень коротким: «...Никакими подробностями не располагаем, число жертв пока не установлено... "Королева Анна" — рекордсмен трансатлантических рейсов, судно водоизмещением девяносто тысяч тонн...»

Я наклонился и выключил радио.

Филлис закусил губу. В ее глазах стояли слезы.

— Боже мой, «Королева Анна»!

Я достал носовой платок.

— Майк, это мое любимое судно!

Я придвинулся к Филлис, и мы долго сидели обнявшись, вспоминая Саутгемптон, где видели судно в последний раз. Божественное творение — нечто среднее между живым существом и произведением искусства, горделиво уносящееся

в открытое море. Мы тогда молча стояли у причала и смотрели, как тает на воде пенная дорожка.

Я прекрасно знал Филлис и понимал, что мысленно она уже там, на корабле: обедает в сказочных ресторанах, танцует в шикарных бальных залах, прогуливается по палубе и переживает вместе со всеми то, что случится.

Я еще крепче прижал ее к себе. Как хорошо, что органы моего воображения расположены значительно дальше от сердца, чем у Филлис.

Спустя четверть часа зазвонил телефон, я снял трубку и с удивлением узнал голос Фредди.

— Привет! Что случилось? — спросил я, понимая, что десять часов вечера — несколько странное время для звонка директора отдела новостей.

— Боялся, что не застану. Слышали новости?

— Да.

— Отлично. Срочно надо что-нибудь о подводной угрозе. На полчаса.

— Но послушай, совсем недавно от меня требовали даже не намекать.

— Все меняется, Майк. Теперь — нужно! Не сенсации нет. Заставь всех поверить, что на дне что-то есть...

— Фредди, если это розыгрыш!..

— Срочное и ответственное задание.

— Больше года меня считали полным кретином, раздувающим сумасшедшие бредни, а теперь ты звонишь в такое время, когда на вечеринках заключаются идиотские пари, и говоришь...

— Черт побери, Майк, я не на вечеринке. Я в своем офисе и, похоже, проторчу здесь до утра.

— Объяснись.

— Я как раз собирался... Понимаешь, слухи. Невообразимые слухи, будто это дело рук русских. И какого черта всем взбрело в голову, что красные начнут именно так. Люди взбудоражены настолько, что могут смести все и одновременно, не оставив и камня на камне. Так называемые любители лозунга «Мы им покажем!» воспользовались моментом. Идиоты, скоты... Их необходимо остановить. Они вынудят правительство подать в отставку, чего доброго предъявят русским ультиматум или что-нибудь еще похлеще. Версия об «усталости металла» не пройдет, это понятно

Поэтому и всплыли вы со своими Глубинами. Завтра мы должны дать материал. В игру включилось Адмиралтейство. Мы вышли на нескольких научных светил. в следующей сводке уже будут кое-какие намеки... Би-би-си не отстает, американцы вовсю развернули кампанию. Так что, если желаешь внести свою лепту, не медли.

— Я понял. На полчаса. В каком стиле?

— Интервью с учеными. Серьезно, деловито, и чтоб кровь не леденило от ужаса. Не злоупотребляй заумными терминами. Материал для нормального смышленного человека с улицы. Главное — обыденно. Предлагаю фабулу: угроза серьезная и развивается быстрее, чем ожидалось. Удар, нанесенный нам, страшен, но ученые, объединив усилия, найдут средства дать отпор, et cetera* Осторожный, но уверенный оптимизм. Договорились?

— Попробую, но, честно говоря, оптимизмом здесь не пахнет.

— Это неважно, главное, чтобы слушатели прониклись. Твоя задача: убедить всех, что для их же пользы выкинуть из головы антирусский вздор. Если это удастся, мы отыщем возможность подкрепить твою версию.

— Думаешь, в этом будет нужда?

— Что ты имеешь в виду?

— После «Яцухиро» и «Королевы Анны».. мне кажется, они не последние. Там, на дне, видимо, не на шутку обиделись...

— Я ничего не хочу знать. У тебя есть дело, займись им. Закончишь — позвони, продиктуешь. Надеюсь, ты позволишь распорядиться материалом по нашему усмотрению?

— Хорошо, Фредди. Ты получишь то, что хочешь. — Я повесил трубку и повернулся к Филлис. — Дорогая, для нас есть работенка.

— Только не сегодня, Майк. Я не могу...

— Ладно, справлюсь сам. — Я пересказал ей пожелания Фредди Виттиера. — Для начала думаю выбрать стиль, придумать тезисы, а затем повыдергивать из старых сценариев подходящие отрывки. Ах черт, ведь они остались в Лондоне!

— По-моему, мы их знаем почти наизусть, а заумничать, как сказал Фредди, не стоит. — Филлис помолчала. — У нас с тобой неважная репутация, мы можем с треском провалиться.

* И так далее (лат.)

— Если утром газеты сделают свое дело, то недоверия к нам поубавится. Наша задача — лишь закрепить...

— Нам нужна твердая позиция. Первое, о чем нас спросят: «Если все так серьезно, почему вы молчали? Почему до сих пор ничего не сделано?» Что ты ответишь на это?

Я почесал затылок.

— А если так: «Без сомнения, трезвые понимающие люди Запада восприняли бы это известие вполне нормально, но какой реакции ожидать от остального, более эмоционального и легковозбудимого населения планеты? Его реакция непредсказуема. Поэтому, в интересах дела, мы сочли необходимым не волновать аудиторию в надежде, что наши ученые предотвратят опасность раньше, чем она выползет на поверхность и возбудит тревогу общественности». Ну как?

— Лучше не придумашь, — одобрила Филлис.

— Дальше — предложение Фредди об ученых умах, которые собираются вместе и всю мощь современной науки и техники вкладывают в месть и предотвращение опасности. Это — святой долг по отношению к погибшим и крестовый поход за безопасность океанов.

— Тем более что так оно и есть, — с ноткой поучения произнесла Филлис.

— Почему ты всегда считаешь, будто то, что я сказал, — я сказал случайно?

— Ты всегда начинаешь так, словно истина — не более чем случайность, а заканчиваешь, как сейчас. Это раздражает, Майк.

— Я исправлюсь, Фил. Я напишу все, как надо. Иди спать, а я тут займусь делом.

— Стать?! С какой стати?

— Но ты же сама сказала, что не можешь?..

— Не говори чепухи. Неужели я могу тебе доверить одному готовить такой важный материал?!

Наутро, около одиннадцати часов, я в полубредовом состоянии спотыкаясь спустился на кухню, составил на поднос чашки с кофе, тосты, вареные яйца и на ощупь поднялся наверх.

Было уже больше пяти утра, когда я закончил диктовать в Лондон наш совместный труд. К этому времени мы настолько выбились из сил, что не соображали уже, хороши получилось или нет.

— Давай сходим в Фалмут, — предложила Филлис.

Мы пошли в Фалмут и не преминули посетить четыре наиболее известных портовых бара.

Фредди оказался прав. Разговоры о красной угрозе не сходили с уст: бурные — между двойными виски и рассудительные — среди бокалов пива. Эта точка зрения наверняка бы победила, если б не единоклющие, с каким утренние газеты взвалили ответственность на подводных существ. Такая солидарность создала впечатление, что антирусские настроения — выдумка местных консерваторов и экстремистов.

Однако это еще не означало, что все поверили новой версии. Многие помнили первую панику, быстро сменившуюся попыткой все высмеять. И вот сейчас людям опять предлагали резко изменить свое мнение. Но серьезные обозреватели ведущих газет пресекали насмешки, и люди задумались: а вдруг действительно в этом что-то есть?!

— Завтра возвращаемся в Лондон, — объявила Филлис. — Ты достаточно раскопал морганатических браков, а там нас ждет интересная работа на нашу общую тему.

Филлис выразила мое желание. По обыкновению, мы еще затемно оставили коттедж Роз.

Вернувшись на лондонскую квартиру и включив радио, мы слышали о гибели авианосца «Мериториус» и лайнера «Карибская принцесса».

Насколько помню, «Мериториус» в момент гибели находился в Средней Атлантике, в восьмистах милях к юго-западу от островов Зеленого Мыса, «Карибская принцесса» — милях в двадцати от Сантьяго-де-Куба. Оба корабля затонули в течение двух-трех минут, и в живых не осталось ни одного человека. Трудно сказать, кого это потрясло больше — британцев, потерявших новенькое военное судно, или янки, лишившихся одного из лучших пассажирских лайнеров. Я уж не говорю о том, что и те и другие были потрясены гибелью «Королевы Анны» — общей гордости трансатлантических рейсов. Всех обуяло неистовое негодование, но настолько жалкое и беспомощное, что оно напоминало чувства человека, которого кто-то в толпе ударил в спину, и вот он стоит, сжав кулаки, и озирается, не зная, кому дать сдачи.

Большинство американцев поверили в подводную угрозу и подняли такой ор о необходимости решительных мер, что он тут же перекинулся на Англию.

В пивбаре на Оксфорд-стрит я на собственной шкуре прочувствовал весь спектр общественных настроений.

— Почему, я вас спрашиваю?! — расходился какой-то толстяк. — Если в самом деле на дне сидят какие-то твари, почему мы их не атакуем? За что мы платим Флоту? Или у нас нет атомных бомб? Разбомбить их к чертовой матери, пока они нам еще забот не подкинули! Или мы так и будем сидеть сложа руки, а они будут думать, что им все дозволено! Что, у нас не хватит сил показать им где раки зимуют?! Ага, спасибо. Да, светлого...

Кто-то припомнил дохлую рыбу.

— К черту, — не унимался толстяк, — океан большой, ни хрена с ним не случится. Или пусть разработают что-нибудь другое, не атомное.

Кто-то предположил, что океан как раз слишком большой для игры в прятки, но ему тут же возразили.

— Правительство твердит: Глубины, Глубины. Все болтают об этих Глубинах. Тогда почему бы не шархнуть по этим Глубинам, не задать им как полагается. Эй, кто заплатил за этот бокал? Ваше здоровье!

— Я тебе отвечу, — откликнулся сосед, опрокидывая залпом полбокала, — если тебя интересует. Потому что все это — пыль в глаза, и только! Глубины, Глубины... скажите, пожалуйста! Расскажи это своей бабушке. Марсиане, как же! Ты мне вот на что ответь: наши корабли тонут? Тонут. У янки, у япошек — тоже? Тоже. А у красных тонут? Дудки. Вот и ответь: почему?

— Потому что весь их флот — раз, два и обчелся.

Кто-то вспомнил, что русские тоже когда-то потеряли судно и подняли дикий гвалт.

— Эх вы... Да разве это подтвердилось?! Русские и не на такие выдумки способны.

— Болтать можно сколько угодно, — подвел черту джентльмен в шляпе, — но я скажу так: «Спасибо, старина, хватит. Мне бы, например, спалось спокойней, если бы я знал, что кто-нибудь хоть что-то делает».

Скорее всего американское правительство допекли подобные требования, и оно отдало приказ сбросить бомбу в Кайманскую впадину, недалеко от места гибели «Карибской принцессы». Вряд ли они надеялись на какой-либо результат

от подобной бомбежки наугад в районе площадью 1500 миль.

Это ожидаемое событие вызвало неслыханный резонанс по обе стороны океана. Американцы гордились, что они первыми подняли «карающий меч возмездия», а мои оскорбленные соотечественники выражали своему правительству презрение, демонстративно приветствуя намерения Штатов.

Как сообщалось, флотилия из десяти кораблей вышла в море, имея на борту изрядное количество специальных глубинных бомб, не считая двух атомных. Это было праздничное, торжественное шествие под всеобщее бурное одобрение, заглушившее одинокий протестующий голос Кубы.

Всякий, слышавший прямую трансляцию, никогда не забудет вдруг изменившийся голос диктора: «...кажется... Что это?.. О Боже! Он взорвался!..» — и эхо взрыва, вырвавшееся из динамика. Затем снова бессвязное бормотание комментатора и еще один взрыв. Грохот, паника, крики, звон корабельных колоколов и вновь задыхающийся голос диктора: «Первый взрыв, который вы слышали, — это эсминец “Каворт”, второй — фрегат “Редвуд”, на его борту одна из атомных бомб, сконструированная так, чтобы взорваться на глубине пяти миль... Оставшиеся восемь кораблей флотилии на полном ходу покидают опасный район. Я не знаю, и никто не может сказать, сколько времени у нас в запасе. Думаю, несколько минут. Палуба ходит ходуном... мы стараемся из всех сил... Все взоры обращены туда, где затонул “Редвуд”... Эй, кто-нибудь! Кто знает, сколько нам осталось?.. Дьявол, кто-то же должен знать... Мы уходим, мы уходим так быстро, как можем... другие тоже... Все пытаются унести ноги... Кто-нибудь! Каких размеров может быть взрывная воронка?.. ради Бога... Неужели никто ни черта не знает?! Мы спешим изо всех сил, может быть, нам удастся... Господи, сколько осталось?.. Может быть... может быть... ну быстрее, ради Бога, быстрее... Давай, жми на всю катушку! Пусть все провалится, быстрее... Кто-нибудь, сколько эта чертова посуда будет тонуть?! Пять минут, прошло пять минут... Все еще живы... Почти наверняка мы покинули район основной воронки. Господи, у нас есть шанс. Дай нам его использовать... Идем, все еще идем. Все смотрят назад, смотрят и ждут. Неужели он еще не достиг дна? Наверное, нет. Слава Богу... Уже больше семи минут. Может, она не взорвалась? Или глубина меньше пяти миль? Почему никто не может сказать? Сколько этот ад будет длиться?! Худшее

должно быть, позади. Остальные суда кажутся уже белыми точками... Живы, Господи... пока живы... Все глядят назад... Боже! Море. »

На этом месте передача оборвалась.

Правда, диктор остался жив. Его судно и еще пять из всей флотилии вернулись без повреждений, но слегка радиоактивные.

В офисе ему сразу вклеили выговор «за использование ряда выражений, оскорбивших слушателей пренебрежением к Третьей Заповеди».

В тот же день все споры прекратились сами собой. Нужда в нашей пропаганде полностью отпала. Скептики были посрамлены, все удостоверились, что в Глубинах есть Нечто и это Нечто — очень опасно.

Над миром прокатилась волна тревоги. Даже русские, преодолев национальную сдержанность, признали, что потеряли три судна: одно исследовательское — восточнее Камчатки и два, без уточнения, снова у Курил. «Вследствие этого, — объявили они, — мы выражаем свое согласие на сотрудничество со всеми силами доброй воли во имя преодоления угрозы, с целью установления мира во всем мире».

На следующий день правительство Ее Величества предложило провести в Лондоне военно-морской симпозиум по вопросам изучения проблемы. Симпозиум продлился три дня и, по мнению правительства, был весьма своевременным.

Начались повальные отказы от билетов на морские рейсы; перегруженные авиакомпании были вынуждены объявить предварительную запись. Курс судоходных компаний резко пошел на убыль, увеличились цены на продукты, все виды табака исчезли с прилавков. Правительство наложило ограничения на продажу нефтепродуктов и готовило систему служб жизнеобеспечения.

— Ты только загляни на Оксфорд-стрит, — говорила мне Филлис за день до открытия симпозиума, — раскупают все подряд! Особенно ситец. Самый задрипанный лоскут продается втридорога. Все готовы глаза друг другу выцарапать за тряпки, на которые неделю назад никто бы и внимания не обратил. Исчезло все до последнего клочка. Видно, припрятают на складе, надеясь потом продать еще дороже.

— В Сити, говорят, то же самое, — подхватил я. — Похоже, скоро можно будет купить судоходную компанию, имея в кармане пару монет. Зато ни за какое состояние не

удастся приобрести акции авиафирм. Цены на сталь выросли, на резину, на пластик — тоже Единственно, чей курс пока стабилен, — пивоваренные заводы

— Я видела на Пиккадилли одну парочку, они грузили в «роллс-ройс» два мешка кофе — Филлис вдруг осеклась, до нее только сейчас дошли мои слова — Ты продал акции тетушки Мэри?

— Давно, — улыбнулся я, — и вложил деньги — гм-м, довольно забавно, в производство авиамооторов и пластика.

Филлис благосклонно кивнула, причем с таким видом, будто я выполнил ее распоряжение. Затем ей в голову пришла другая мысль.

— А как насчет пропусков для прессы на завтра? — спросила она.

— Пропусков на симпозиум не было вообще, но объявлена пресс-конференция.

Филлис уставилась на меня.

— Не было?? Они думают, что творят?!

Я пожал плечами:

— Сила привычки. Когда они готовят грандиозную кампанию, то сообщают прессе ровно столько, сколько считают нужным, и, как правило, с большим опозданием.

— Однако...

— Знаю, Фил, но нельзя же требовать от спецслужб измениться за одну ночь.

— Какая глупость. Совсем как в России Там есть телефон?

— Дорогая, это же международный симпозиум! Не собираешься ли ты...

— Естественно, собираюсь. Чушь какая-то!

— Но учти: с кем бы из высокопоставленных особ ты ни захотела связаться, тебе скажут, что он только что вышел

Это ее остановило.

— Никогда не слышала подобной бредятины, — пробурчала Филлис. — Как, по их мнению, мы должны делать наше дело?

Говоря «наше дело», Филлис подразумевала совсем не то, что имела бы в виду еще несколько дней назад. Наша задача внезапно изменилась. Теперь мы уже не убеждали общественность в реальности невидимой угрозы, а под-держивали моральный дух и пытались не допустить паники

И-би-си завела новую рубрику — «Парад новостей», — где мы, сами того не заметив, оказались в роли неких специалистов — океанических корреспондентов.

В действительности Филлис никогда не состояла в штате компании, да и я расстался с И-би-си уже пару лет назад; тем не менее кроме отдела выплат никто, по-моему, этого не заметил. Генеральный директор, ошибочно полагая, что мы его подчиненные, требовал от нас укреплять моральный дух общества, хотя зарплату нам начисляли не как прежде — раз в месяц, а поштучно и как придется.

Но о какой нормальной работе может идти речь, когда нет никакой возможности добыть стоящую информацию. Мы немного поговорили на эту тему, и я, оставив жену, пошел на И-би-си, в свой офис, которого по существу у меня не было.

Около пяти позвонила Филлис.

— Милый, — сказала она, — запомни, ты пригласил доктора Матета на ужин — завтра в клубе в девятнадцать ноль-ноль. Я буду с вами. Понял?

— Понял, дорогая.

— Я объяснила ему ситуацию, и он согласился со мной — это абсурд. Хотела пригласить и Винтерса — ведь они друзья, — но тот сказал, что служба есть служба, и отказался. Я встречаюсь с ним завтра за ленчем, ты не против?

— Не возьму в толк, дорогая, почему служба не есть служба при встрече тет-а-тет? Ну да ладно, можешь погладить себя по головке — ты хорошо поработала. Я ценю порыв души доктора Матета. Лондон сейчас переполнен всякими «оградами», которых он не видел много лет.

— Да уж. Теперь он в один день увидит их целую кучу.

На этот раз Филлис не пришлось уламывать доктора Матета. Облокотясь на стойку, с шерри в руке, он напоминал мессию.

— У спецслужб свои правила, — изрек он. — Мы — дело другое. С меня никто не брал никаких обязательств. Я считаю своим долгом довести до общественности основные факты. Вы, конечно, читали официальное заявление?

Конечно, мы читали это заявление. В нем содержался чуть ли не приказ — всем судам держаться как можно дальше от Глубин до особого распоряжения. Естественно, что многие капитаны поступали так и раньше, но теперь,

заручившись правительственной поддержкой, они могли сослаться на это при любых разногласиях с судовладельцами.

— Какой-то чертежник, гордый, как индюк, своей работой, обозначил опасные области глубиной более двадцати тысяч футов, — сказал я, — а сейчас рвет на себе волосы, потому что кто-то ему сказал, что Глубины начинаются с двадцати пяти тысяч.

— Ученым Советом принято считать опасной зону с четырех тысяч, — поправил Матет.

— Как?! — дико воскликнул я.

— Сажений.

— Двадцать четыре тысячи футов, милый. Надо все умножить на шесть, — ласково разъяснила мне Филлис и, пропустив мимо ушей мои благодарности, обратилась к доктору: — А по-вашему, с какой глубины?

— Откуда вы узнали, что я не согласен с мнением Совета, миссис Ватсон?

— Вы использовали пассивную конструкцию, — мило улыбаясь, ответила Филлис.

— А говорят, что все нюансы речи лучше всего передает французский! Что ж, признаюсь. Я рекомендовал три тысячи пятьсот сажений, но судовладельцы встали на дыбы.

— Однако! — удивилась Филлис. — Я считала, что это — военно-морской симпозиум.

— Так-то оно так, но адмиралы не хотят ронять свой престиж. А их престиж прямо пропорционален безопасной площади Мирового океана.

— Выходит, очередной псевдосимпозиум? — огорчилась Филлис.

— Надеюсь, что нет.

Мы прошли к столику. Филлис легкомысленно болтала о том о сем, а затем изящно вернулась к разговору:

— В прошлый раз мы говорили об иле, вы тогда недоумевали. О чем вы думали?

Матет улыбнулся:

— О том, о чем и сейчас: изгою всегда труднее добиваться своей цели. Бедняга Бокер даже теперь, когда все согласилось со второй половиной его теории, все равно остается изгоем. Я не имел возможности публично разделить с ним предположение о горных работах, но ничего другого не мог себе представить. И, как однажды заметил гений с Бейкер-стрит вашему тезке...

Я перебил его:

— Но вы ведь и не хотели присоединиться к одинокому голосу вопиющего в пустыне Бокера?

— Не хотел. И не я один. Провал Бокера предостерег нас от преждевременных высказываний. Кстати, вы знаете, что течения опять изменили цвет, то есть вернулись в первоначальное состояние?

— Да, капитан Винтерс говорил мне, — сказала Филлис. — Но в чем причина? — произнесла она с таким видом, будто и не звонила Бокеру, как только Винтерс сообщил ей эту новость.

— Если принять гипотезу горных работ... — Матет пустился в занудные объяснения. — Представьте, что вы откачиваете грунт: сначала у вас образуется небольшая воронка, она все расширяется, но с ее краев постоянно скатывается песок, — песок всего лишь прообраз ила. Он скатывается до тех пор, пока воронка не станет достаточно широка. Наконец вы достигаете твердых пород; можно представить, какой это долгий и титанический труд. Так вот, если принять гипотезу Бокера, то, видимо, они перекачали весь ил и добрались до твердых пород. Трудно представить масштабы проделанной работы, ведь необходимо убрать колоссальные залежи ила! Но если это так, то все объяснимо: дейтрит слишком тяжел, чтобы подняться выше, чем на пару сотен футов.

Филлис смотрела на Матета такими глазами, что трудно было заподозрить ее в том, что все это ей прекрасно известно и более того — что у нее уже готов сценарий передачи именно на этом материале.

— Теперь все ясно, доктор, — невозмутимо произнесла она. — Вы так доступно объясняете. Значит, нам точно известно место проведения работ?

— Да, мы можем сказать об этом с большой степенью точности, — согласился он. — И это будут первоочередные цели для наших ударов.

— Как скоро?

— Вот это уже не в моей компетенции, но думаю, этот день не за горами. Любая отсрочка может произойти только по техническим причинам. Вопрос в том, насколько большой район океана мы позволим себе заразить радиацией? Имеем ли мы право на непродуманный риск? И еще масса подобных вопросов.

— И это все, что мы можем сделать в качестве ответных мер?

— Это все, что известно мне. В настоящий момент главный упор — на безопасность мореплавания, а это не моя область. Тут я могу сказать только то, что сам знаю лишь по слухам.

Матет поведал, что, насколько ему известно, корабли подвергаются двум видам нападения (или трем, если считать поражение электричеством, что случалось пока крайне редко) Но самое интересное, что ни одно из них не взрывчатое.

Во-первых — вибрация. Вибрация такой интенсивности, что суда буквально рассыпаются на части за одну-две минуты.

Во-вторых — средство, менее туманное по природе, но более загадочное по своим возможностям, поражающее корабли ниже ватерлинии. Учитывая скорость, с какой тонули жертвы, и тот факт, что воздух, сжатый в корпусе, с грохотом вышибал палубы, можно предположить, что какой-то таинственный инструмент не просто пробивает обшивку, а как бы начисто срезает дно судна.

Еще до начала симпозиума Бокер выдвинул гипотезу, что существуют некие периметры обороны вокруг глубоководных районов. Он подчеркнул, что не составляет труда сконструировать механизмы, покоящиеся на заданной глубине и активизирующиеся только при приближении цели — таков принцип работы акустических и магнитных мин. Но само устройство механизма, способного резать сталь, как нож — масло, не мог вообразить даже Бокер.

Из-за скудности имевшихся данных оспорить или развить эти предположения никто не мог.

— Я считаю, — сказал доктор Матет, — что самое главное сейчас — успокоить людей, объяснить им, что ничего сверхъестественного в этом нет. Надо пресечь глупую панику, в которой повинна исключительно фондовая биржа. Верно: нас застигли врасплох, но верно и то, что мы, как всегда, найдем средства отвести опасность. И чем быстрее люди поймут это, тем лучше для них. Именно поэтому я и согласился на встречу с вами. В настоящий момент создается множество различных комиссий, и, как только там разберутся, что в этой войне нет вражеских агентов и шпионов, думаю, появится много полных, откровенных сообщений.

На этом мы и расстались.

Я и Филлис старались изо всех сил, убеждая народ, что «твердая рука уверенно держит руль, и наши парни из

секретных лабораторий, создавшие на своем веку всевозможные чудеса техники, не подведут. Дайте им пару дней — они горы своротят и покончат с напастью». И надо сказать, у нас возникло приятное ощущение, будто спокойствие постепенно возвращается.

Возможно, основным стабилизатором обстановки стал серьезный инцидент в одном из технических комитетов. Поступило предложение испытать, в качестве контроружия, торпеды с дистанционным управлением. Все согласились, но встала на дыбы делегация России.

— Дистанционное управление, — заявили русские, — изобретение наших ученых, значительно опередивших капиталистическую науку Запада, и бессмысленно ждать, что мы подарим свое открытие подстрекателям войны.

Оратор с западной стороны заверил, что уважает пыл, с которым Советы борются за мир во всем мире, и отдает должное советской науке, за исключением, конечно, биологии, но хотел бы напомнить, что цель встречи — консолидация всех сил перед лицом общей опасности.

Глава советской делегации усомнился, что Запад, обладая он подобным устройством контроля, какое изобрели русские инженеры, поделился бы своим открытием с советскими людьми.

Ему возразили, уверив, что Запад имеет устройство, о котором говорит советский делегат, и еще раз напомнили о целях симпозиума.

Срочно был объявлен перерыв, после которого русские, связавшись с Москвой, выступили с заявлением, что, мол, даже если признать истинность подобных утверждений, то не возникает сомнений: империалистические акулы украли секрет устройства у советских ученых. Учитывая ложные заявления и открытое признание в шпионаже, в равной степени демонстрирующие незаинтересованность Запада в продолжении диалога и в разрешении задач симпозиума, у делегации не остается другого выбора, как покинуть зал заседаний.

Эта акция русских убедила всех в нормализации положения и надолго успокоила растревоженный мир.

Что касается вибрационного оружия подводных обитателей, то комиссия по этой теме уверила, что уже проведены некоторые испытания, которые дали весьма обнадеживающие результаты.

На третий день, создав Комитет исследований и сотрудничества, включивший в себя представителей ЮНЕСКО, Постоянного комитета действия, Комитета военно-морского сотрудничества и других организаций, симпозиум завершил работу.

И тут среди всеобщего умиротворения раздался одинокий голос Бокера, как всегда резко диссонирующий со всеми остальными.

— Хотя время и упущено, — вещал он, — может быть, еще не поздно попытаться договориться с жителями Глубин. Они продемонстрировали человечеству технологию, равную нашей, если не превосходящую. Обитатели дна в пугающе быстрое время не только сумели обосноваться в океане, но и создали мощное средство защиты. Мы должны не только по достоинству оценить их возможности, но и отнестись к ним уважительно. Ведь при столь огромном различии в условиях существования, серьезное столкновение интересов человечества с данным ксенобатическим разумом невозможно!

Как ни была горяча речь Бокера, из всех его слов до людей дошло только два — «ksenobatический разум», мгновенно переименованный в «ksenobat».

— На языке, да не в голове, — с горечью заметил Бокер. — Если их интересуют только греческие слова, могу предложить еще одно — Кассандра.

Запрет избегать больших глубин дал положительные результаты: в течение нескольких недель не было ни одного сообщения о затонувших судах. Биржи уgomонились, восстановилось спокойствие, число пассажиров, хоть и медленно, но начало расти. И, несмотря на продолжавшиеся загвоздки с транспортом, стало казаться, что многострадальное человечество в который раз было обращено в панику любителями сенсаций.

А в это время мозговые центры спецслужб упорно работали, и месяца четыре спустя Адмиралтейство объявило, что некое военно-морское соединение, экипированное новейшим оружием, направляется в район испытаний южнее мыса Рейс, недалеко от места гибели «Королевы Анны».

На не слишком горячее пожелание прессы участвовать в испытаниях последовал категорический отказ. Никто из моих знакомых, впрочем, и не горел желанием присоеди-

ниться к экспедиции. Вполне возможно, власти просто не хотели рисковать больше необходимого или, может, их сбил тот прохладный энтузиазм, с которым пресса настаивала на своих правах. Но, так или иначе, ни одного корреспондента ближе чем на судах сопровождения не было, так что информацию из первых рук мы могли получить только от кого-нибудь из команды испытательных судов.

Филлис, познакомившись с одним молоденьким лейтенантом — прямым очевидцем событий, — затащила его к нам на обед. После нескольких рюмок он разговорился.

— Самая настоящая конфетка, — убеждал он нас. — Хотя, по правде говоря, до испытаний не очень-то в это верилось, да, в общем, никто и не скрывал своих сомнений.

Где-то милях в пятидесяти мы бросили якорь и принялись готовиться. Ух, скажу я вам, эта антивиброфиговина вначале жутко бьет по мозгам. И кто ее только назвал «анти». Жужжит, как муха, действует на нервы; полуслышишь-получуешь, но потом — ничего, как родная.

Вообще, надо сказать, мы были нашпигованы что надо! Еще одна штуковина, эдакая металлическая акула (парни-разработчики называли ее «Дельфин», но точно — акула) — сразу рвет футов на двести вперед и пристраивается на глубине пяти саженей. «Дельфин» этот, конечно, под контролем, но чуть что — сразу сигнал и пошел на цель. Как он эту цель обнаруживает, радиус его действия, почему по нам не шарахнет — не знаю, в этом я не секу. Если вам чего такого надо, вы лучше обратитесь к разработчикам, а если в общих чертах, то — примерно таким образом.

Ну, приготовились мы, спец-разработчики кончили крутить-вертеть все, что только можно, и приступили. «Дельфин» — впереди, корабль жужжит, как улей, у всех аж под ложечкой засосало, у меня во всяком случае точно. Команда, на всякий пожарный, в спасательных жилетах, даже свободные от вахты.

Три часа — ни черта. Уже когда стали закрадываться сомнения — не чухня ли вся эта затея, вдруг из мегафона: «Пошел “Дельфин-1”, подготовить “Дельфин-2”». Не успели вывести «Дельфин-2», первый достиг цели, и еще как! Взрыв, и тысяча тонн воды в небо! Мы, как положено, отсалютовали, спустили «Дельфин-2» и подготовили «Дельфин-3».

Рядом со мной стоял один из их ученой команды — рот до ушей. «То, что там взорвалось, — говорит, — было под

большим давлением. Сам по себе «дельфин» взрывается раза в четыре слабее».

Мы строго держались курса и, как ястребы, вглядывались в океан. Минут пять, наверное, прошло, пока опять не затрещал мегафон: «Пошел «Дельфин-2», спустить «Дельфин-3»». На этот раз море взметнулось много быстрее, чем в прошлый. Спустили «Дельфин-3» и снова стали ждать. Долго ничего не происходило, и вдруг мерзкое жужжание, которое к тому времени все перестали замечать, резко изменилось, и мы сразу обратили на него внимание. Этого типа, который стоял со мной, как волной смыло: он издал какой-то нечленораздельный звук и скрылся в лаборатории (тоже мне, соорудили прямо на палубе сарай и назвали его лабораторией). А жужжание все нарастало, пока не перешло в дикий вой. Палуба дрожала! Все схватились за свои спасжилеты и тряслись от страха.

И было от чего. Прямо перед нашим носом взорвался «Дельфин-3», взрыв намного слабее, чем предыдущие, но все равно ощущение не из приятных. Разработчики решили, что он взорвался сам по себе, от подводной вибрации. Тут из лаборатории вылетел один из их братии, весь взбудораженный, и приказал запускать антивибромашину. И запустили: сбросили на дно несколько сферических контейнеров и принялись ждать, когда там жакнет, пока не поняли, что ничего не будет. Примерно так.

Потом из сарая донесся восторженный шум и оттуда гурьбой вывалились спецы, хлопая друг друга по плечам и пожимая руки.

Где-то через час с большим грохотом взорвался «Дельфин-4». Ученые совсем обалдели, скакали по палубе, целовались и распевали «Пароход Билл». Ну вот, пожалуй, и все.

Лейтенант был хорошим парнем, да неважным источником информации. Но уж очень нам хотелось послушать очевидца, хотя мы и сами приблизительно знали, как работает «Дельфин» и что сброшенные на дно сферы предназначены для поражения источника вибрации.

Успешные испытания мгновенно отозвались эхом на фондовой бирже. Сразу возник спрос на «Дельфинов», акции судостроительных компаний несколько стабилизировались, но цена фрахта оставалась высокой — судовладельцы стремились покрыть расходы на покупку «Дельфинов». Оснащение судов требовало времени, цены росли буквально на все.

Однако темпы вооружения достигли такого размаха, что уже через полгода и Лондон, и Вашингтон позволили себе высказываться с оптимизмом. Премьер-министр обратился к парламенту с таким заявлением: «Битва выиграна. Наши суда, оснащенные новым оружием, вернулись на свои обычные маршруты. Правда, мы уже были свидетелями того, что победить в одном сражении — не значит одержать победу во всей войне. Мы обязаны помнить об этом. Разбойник с большой дороги, коим до сих пор остается скрытый противник, не дремлет и подстерегает нас на жизненно важных трассах океанических просторов. Сколько несчастий мы претерпели от него! И хотя мы победили в решающей схватке, все равно должны помнить об опасности. Нельзя позволить себе ни на минуту расслабиться в борьбе с коварным врагом.

Мы используем все завоевания и достижения человечества, весь наш разум, чтобы победить Антихриста, скрывающегося в океанских безднах. И пусть знания о нем ничтожны и еще никто не сталкивался с ним воочию, и пусть для нас, живущих под Солнцем, он так и останется безымянным и бесформенным порождением Тьмы — я верю, мы пройдем до самого конца по тернистому пути и победим. В борьбе мы познаем врага: его природу, его силу, а главное — его слабость, и тогда люди наши как флаг Свободы поднимут паруса над безбрежной гладью океана и выйдут в море, встречая на пути своем лишь те опасности, которые в старые добрые времена встречали их отцы».

Но уже спустя месяц всего за какую-то неделю погибло более десяти судов. Чудом оставшиеся в живых утверждали, что «Дельфины» работали безупречно — подвели антивибраторы, которые не смогли предотвратить распада судна на куски.

И сразу — правительственное уведомление: «До тех пор пока не будут проведены повторные испытания, всем судам не рекомендуется курсировать в районах Глубин».

Примерно в это же время появились два сообщения, незаслуженно обойденные вниманием: одно из Сафиры, другое — с острова Апреля.

Сафира — бразильский островок в Атлантическом океане, с населением не более ста человек. Примитивные условия, почти натуральное хозяйство, полное отсутствие

интереса к делам внешнего мира... Говорят, что эти люди — потомки португальских мореплавателей, спасшихся после кораблекрушения и вынужденных обосноваться на острове в восемнадцатом веке. К тому времени когда их обнаружили, они уже прочно вросли в эту землю и никуда не собирались возвращаться. Тот факт, что из граждан Португалии они превратились в подданных Бразилии, их не волновал. Символическая связь с приемной матерью-родиной поддерживалась небольшим корабликом, раз в полгода доставляющим на остров различные грузы. Обычно он возвещал о своем приближении протяжным гудком; сафирцы выскакивали из своих домиков и спешили к крохотному причалу, где покачивались их рыбацьи посудины.

На этот раз сирена гудела напрасно: никто не выбегал из деревянных хижин, никто не приветствовал прибывший с материка корабль, только стая птиц кружила над гаванью. Снова и снова раздавался над островом протяжный вой сирены, но кроме пернатых никто так и не отозвался на этот зов. Тишина. Даже привычный дымок не курился над трубами.

С корабля спустили шлюпку, и несколько матросов под командой помощника капитана налегли на весла. Подплыв к причалу и поднявшись по каменным ступенькам на крутой берег, они, чуя недоброе, остановились, вслушиваясь в тишину.

— Может, они уплыли? — нарушил безмолвие один из матросов.

— Н-да, — отозвался помощник капитана и, набрав полную грудь воздуха, крикнул, будто доверял своим легким больше, чем корабельной сирене.

Но в ответ — тишина. Только замирающее эхо прокатилось над бухтой.

— Н-да... Что ж, пойдем посмотрим.

Чувство неуверенности, охватившее матросов, заставило их держаться вместе. Гурьбой они шли за офицером, пока не приблизились к первой постройке.

— Фу, — выдохнул помощник капитана, распахнув ногой незапертую дверь.

На грязном столе в тарелке смердело несколько пропавших рыбин. В остальном же по здешним понятиям было чисто и прибрано: постели расстелены на ночь, никаких следов беспорядка или поспешных сборов, все говорило о

том, что хозяева вышли на пару минут. Но тухлая рыба и остывшая в очаге зола...

И во втором, и в третьем домике они застали точно такую же картину. В четвертом матросы обнаружили в люльке мертвого младенца.

Подавленные и озадаченные, они вернулись на корабль.

Капитан связался с Рио. Из столицы приказали прочесать остров.

Команда неохотно сошла на берег, матросы старались держаться группами, но, ничего не обнаружив, почувствовали себя увереннее.

Поиски продолжались три дня. На вторые сутки в горных пещерах они наткнулись на десять трупов, шесть из них принадлежали детям. Очевидно, люди умерли от голода с неделю назад.

Третий день поисков ничего не дал, команда обшарила остров вдоль и поперек, но кроме трех десятков одичавших овец и коз ничего не нашла.

Они похоронили покойников, передали в Рио полный отчет и снялись с якоря.

Известие об этом событии прозвучало лишь в вечерних новостях, да некоторые газеты выделили ему пару строчек. Остров получил прозвище — «остров Марии Целесты», и вскоре о нем забыли.

То, что произошло на острове Апреля, долго бы не всплыло на поверхность, если бы не случай.

Группа яванских повстанцев, называемых то контрабандистами, то террористами, то коммунистами, то патриотами, то фанатиками, то просто смутьянами, доставляла правительству немало хлопот. Индонезийская полиция сбилась с ног, пока выявила и уничтожила их штаб-квартиру; повстанцы потеряли свое влияние на территории в несколько квадратных миль. Рядовые члены — мелкие сошки — растворились в толпе празднующихся оборванцев, но двум десяткам вдохновителей и организаторов восстания, за чьи головы обещали высокую награду, исчезнуть было гораздо сложнее.

Учитывая характер местности и находившиеся в распоряжении силы, индонезийские власти отказались от немедленного преследования мятежников, решив дождаться

информатора, который рано или поздно заявится к ним, соблазнившись легкой наживой.

Уже за первый месяц объявилось несколько донощиков, но все они остались без награды: всякий раз преступникам удавалось вовремя улизнуть.

Власти уже решили, что дело безнадежно, когда год спустя в Джакарту прибыл человек с донесением к правительству. Это был уроженец острова Апреля, что расположен немного южнее Зондского пролива, по соседству с принадлежащим Великобритании островом Рождества. Он рассказал, что еще полгода назад на их острове текла спокойная мирная жизнь, пока на небольшом катере туда не приплыли восемнадцать человек. Захватив единственный на Апреле радиопередатчик, они объявили себя новой администрацией, учредили на острове свои порядки, приказали построить себе дома и обзавелись женами. В общем, установили жесткую диктатуру, а тех, кто попытался возмутиться, расстреляли. Когда же на остров прибывали редкие в тех краях корабли, захватчики сгоняли часть населения в сарай и держали под прицелом в качестве заложников. Зная нравы навоявленной администрации, местные жители и пикнуть не решались, и суда покидали гавань, даже не заподозрив, что здесь не все чисто.

Бежать из этого варварского плена осведомителю удалось просто чудом. Загодя спрятав в кустах каноэ, он в сумерках отчалил от острова, надеясь добраться до материка и выяснить, действительно ли диктаторов послало на голову островитян джакартское правительство. На полпути его подобрал пароход и доставил в столицу.

Описание преступников не оставляло сомнений, что на Апреле объявились пропавшие карбонарии, и на остров под флагом Индонезийской Республики срочно снарядили канонерку.

Не желая рисковать лишний раз, операцию решили провести ночью. При свете звезд канонерка, скрытая от поселения высоким мысом, вошла в заброшенную бухту. На берег высадился вооруженный десант во главе с проводником-информатором, затем судно удалилось от берега и легло в дрейф.

Отряду для занятия позиции требовалось часа три, но уже минут через сорок на канонерке услышали первую автоматную очередь. Эффект внезапности был утрачен, и капитан приказал дать полный вперед.

Пока судно подходило к берегу, пальба сменилась глухим протяжным гулом. Все удивленно переглянулись: кроме гранат и автоматов у группы ничего не было.

После недолгого затишья вновь раздались короткие очереди и снова оборвались протяжным воем.

Канонерка обогнула мыс. В слабом мерцающем свете разобрать, что происходит на острове в двух милях от судна, было невозможно; опять несколько выстрелов и далекие вспышки в непроглядной темени. Включили прожектор. Луч света нашарил поселок, однако — никакого движения, все будто вымерло. Это уже потом кто-то вспомнил, что справа по борту промелькнула неясная тень в глубине.

Корабль подошел к самому берегу и заглушил двигатели. Матросы замерли у орудий, держа пальцы на гашетке, и следили за лучом, прощупывающим остров. Остров странно блестел.

Прожектор высветил несколько автоматов, валявшихся у самой кромки воды. Капитан через мегафон призвал десант выйти из укрытия, но никто не отозвался. Луч еще раз обожегал весь остров и вернулся к автоматам на песке. Повисла тревожная тишина.

Капитан решил дожидаться утра. Деревня в свете прожекторов казалась ярко освещенной сценой, на которой, чудилось, вот-вот появятся актеры. Но актеры так и не появились.

Едва занялся рассвет, от канонерки отчалила шлюпка с пятью матросами и старпомом. Под прикрытием корабельных орудий они высадились на берег и первым делом осмотрели брошенное оружие. Автоматы покрывал тонкий слой слизи, моряки бросили их в лодку и отмыли руки.

От берега к поселку вели четыре широкие борозды где-то восьми футов шириной, полукруглого сечения, глубиной пять-шесть дюймов. Небольшая насыпь по краям говорила о том, что след мог быть оставлен каким-нибудь шарообразным телом. Внимательно изучив борозды, старпом пришел к выводу, что только одна из них идет от поселка. Это открытие заставило его с тревогой взглянуть в сторону деревни. Он увидел, что вся округа, странно блестящая ночью, до сих пор мерцает загадочным светом. Ничего не понимая, взяв автомат наперевес, старпом повел своих спутников в глубь острова, бросая по сторонам настороженные взгляды, вслушиваясь в малейшие шорохи.

Чем ближе они подходили к поселку, тем яснее становилась причина непонятного блеска. Трава, деревья, хижины — все было покрыто тонким слоем слизи.

Разновеликие домики стояли полукругом, образуя небольшую площадь. Моряки сгрудились в самом центре и застыли спина к спине.

Ни звука, ни движения, только слабый трепет листвы в утреннем бризе. Люди вздохнули немного свободнее.

Вся земля под их ногами была устлана блестящими от слизи железяками. Старпом носком ботинка поддел одну из них, затем, пристально оглядев лачуги, остановил выбор на самой большой.

— Пошли, — распорядился он.

Фасад дома, как и все прочее, искрился от слизи и казался до противного липким. Старпом пнул незапертую дверь и вошел внутрь. Никого: ни живых, ни мертвых, пара опрокинутых табуреток, а в остальном — полный порядок.

Они вышли. Старший помощник бросил взгляд на следующую хижину, вздрогнул и посмотрел более внимательно. Он обогнул дом, из которого они только что вышли, — все стены, кроме лицевой, были сухие и чистые.

— Похоже, — произнес он, — что кто-то заляпал этой гадостью поселок с центра площади.

Прочесав всю деревню, они убедились в правильности своей догадки, но не смогли ничего объяснить.

— Как? Чем? И какого дьявола?

— Что-то выползло из моря, — неуверенно предположил матрос.

— Что-то?! Целых три штуки!

Они вернулись на площадь и еще раз оглядели все поселение. Да, деревня покинута, и делать здесь больше нечего.

— Прихватите парочку железяк, — приказал офицер и направился в сторону ближайшего дома.

Там он отыскал бутылку, соскреб в нее слизь и закупорил пробкой.

— Теперь на солнце эта мерзость еще и воняет, — вернувшись, объявил он команде. — Пошли отсюда.

Взойдя на борт, старпом предложил капитану сфотографировать борозды на песке и разложил перед ним трофей.

— Любопытно, — сказал старпом, подкидывая на ладони осколок матового металла, — их там словно дождем на-

бросало. — Он поскреб железяку ногтем — С виду свинец, а легкий, как перышко. Вы видели раньше что-нибудь подобное, сэр?

Капитан отрицательно помотал головой и заметил, что мир в наше время полон странных вещей.

Вернулась шлюпка с фотографом.

— Дадим еще несколько гудков, — решил капитан, — и если в течение получаса никто не отзовется, перебираемся на новое место. Должны же мы, черт побери, отыскать того, кто нам скажет, что здесь произошло.

Через несколько часов они причалили в северо-восточной бухте острова, где на равнине недалеко от берега раскинулась точно такая же деревенька, разве что чуть поменьше. И вновь — четыре широкие борозды на пляже и никаких признаков жизни. Правда, на этот раз из четырех борозд две возвращались в море и совсем не было слизи.

Капитан склонился над картой.

— Вот еще одна бухта. Снимаемся с якоря.

Деревня казалась вымершей, как и две предыдущие, хотя на пляже не было видно никаких следов. Снова и снова капитан и помощник рассматривали побережье в бинокли, снова и снова гудела корабельная сирена, но — ни одной живой души.

Они уже собирались отчаливать, когда вдруг старпом воскликнул:

— Взгляните, сэр! Вон там, на холме, кто-то размахивает тряпкой!

Капитан направил бинокль, куда показывал помощник.

— Еще двое... трое, немного левее... Спустить шлюпку, — приказал он и добавил: — Держитесь от них на расстоянии. Возможна эпидемия или другая чертовщина.

Капитан наблюдал со своего мостика.

В нескольких сотнях ярдов восточнее поселка из-за деревьев вышли девять человек, они размахивали рубашками и что-то кричали в сторону шлюпки. Что именно, капитан разобрать не мог — их голоса тонули в шуме прибоя.

Лодка уткнулась носом в берег, старпом жестом поманил людей, однако никто не откликнулся на его зов. Тогда он сам направился к ним, но через десять минут вернулся в шлюпку в одиночестве.

— В чем дело? — прокричал капитан, не успев ботики пришвартоваться к судну.

Старпом запрокинул голову:

— Они не захотели плыть, сэр
— Что с ними случилось?
— Лично с ними — ничего. Они говорят, что море небезопасно.
— Что они имеют в виду?
— Они боятся, сэр, что их может постичь участь тех двух деревень. Они были атакованы...
— Атакованы? Кем?
— Э-э... Лучше бы вам самому поговорить с ними, сэр.
— Я послал за ними шлюпку, черт возьми. С них и этого достаточно!
— Боюсь, сэр, что даже под угрозой смерти, сэр Капитан помрачнел:
— Хотел бы я знать, чем они так напуганы? Или кем? Старпом облизнул пересохшие губы. Он всячески избегал вопрошающего взгляда капитана.
— Они... э-э... они говорят, сэр, что это киты, сэр. Глаза капитана округлились.
— Кто?!

Помощник не знал, куда деться.
— Я понимаю, сэр. Это... э-э... Но они утверждают, что это были киты и... медузы, сэр. Огромные медузы. Может быть, э-э... вам в самом деле стоит поговорить с ними?

Известия с Апреля не «взорвали» мир в общепринятом смысле этого слова. Атолл, который невозможно отыскать на страницах атласов, не представляет для публики особого интереса. И те немногие строки, посвященные событию, очень скоро канули в Лету. Скорее всего об этом вообще никто бы не узнал, не случись американскому журналисту оказаться в Джакарте и не наткнись он на этот материал. Он тут же слетал на остров Апреля и, вернувшись в Штаты, опубликовал статью в одном из еженедельников. Редактор еженедельника вспомнил происшествие на Сафире и, связав оба события воедино, представил миру новую угрозу в первом воскресном выпуске газеты.

Так случилось, что это произошло как раз накануне сенсационного коммюнике Постоянного комитета действий, и Глубины опять оказались в центре всеобщего внимания. Более того, сам термин «Глубины» зазвучал по-иному, более конкретно и драматично. Комитет поспешил дать очередные рекомендации: всем судам держаться континентального шель-

фа, ибо потери последнего месяца ярко свидетельствуют о том риске, которому подвергаются корабли.

Совершенно очевидно, что никто не стал бы наносить столь ощутимого удара по только оправившемуся судоходству, не имея на то веских причин. И тем не менее владельцы судоходных компаний в запале негодования обвинили Комитет во всех смертных грехах: от паникерства до преследования личных интересов, связанных с авиакомпаниями. «Если последовать этой рекомендации, — возмущались они, — то всем трансатлантическим лайнерам придется ползти каботажным рейсом через воды Исландии, Гренландии, через Бискайский залив, вдоль западного побережья Африки и т. д. Торговые рейсы в Тихом океане вообще придется отменить. А Новая Зеландия и Австралия оказываются отрезанными от всего остального мира. Правительство, — кричали судовладельцы, — пошло на удивительно необдуманный шаг, позволив Комитету без всестороннего обсуждения опубликовать “рекомендацию”. Все это грозит замораживанием морской торговли, паникой и уж никак не способствует безопасности. Как можно давать рекомендации, когда заранее известно, что они невыполнимы?»

Комитет невозмутимо отбивался от нападков, утверждая, что это не приказ, а предостережение, что опасно пересекать места глубиной более двух тысяч саженей.

Судовладельцы огрызались, дескать, какая разница — приказ или предостережение, суть от этого не меняется. Поднялась невообразимая шумиха, газеты запестрели всяческими схемами-указателями, но, так как все их карты разнились между собой, создавалось весьма двойственное впечатление

Комитет был уже готов несколько переиначить свое заявление, когда на мир обрушились два сообщения: одно — из средней Атлантики, о гибели итальянского лайнера «Сабина», другое — из южной, о потере немцами судна «Ворпоммерн».

Известие об этом передали по радио в субботу, а наутро все воскресные газеты (по крайней мере шесть из них), как коршуны, налетели на правительство, обвинив его в некомпетентности, задав тем самым тон для всей остальной прессы.

«Таймс» открыто потребовала от общественности «как следует надавить на власти». Менее категорично по форме, но сходно по сути выступила «Гардиан». «Ньюс Кроникл»

был не то чтобы против, но не лез на рожон «Экспресс» отвернул свой молот отковки имперских цепей к крушению этих, немощность которых, по его словам, лишь «ослабляет государство». «Самое большое предательство, — объявила Мэйл», — неспособность «править морями»*, — и потребовала немедленной отставки саботажников. «Геральд» уведомляла домохозяек, что предвидится повышение цен на продукты. «Уокер» заметил, что в обществе, управляемом таким образом, подобные трагедии невозможны в принципе, так как, не будь в нем роскошных лайнеров, нечему было бы и тонуть. И далее обрушивался на судовладельцев, толкающих моряков на смерть, да еще за несоизмеримо низкую плату.

В среду я позвонил Филлис.

На Филлис периодически находило (едва мы дольше обычного задерживались в Лондоне), будто у нее нет никаких сил переносить цивилизации и ей необходимо немного передохнуть. Если я был свободен, мне дозволялось сопровождать ее, если нет — Филлис удалялась общаться с природой в одиночестве. Обычно возвращалась она где-нибудь через неделю, духовно окрепшая и окрыленная. Но вот уже две недели как от нее не было ни слуху ни духу: ни звонка, ни открытки, как правило, предшествующей ее возвращению. Бывало, конечно, и такое, что открытка приходила на следующий день после приезда Филлис. Но две недели — срок немалый!

Я слушал гудки довольно долго и уже собирался повесить трубку, когда вдруг услышал знакомый голос:

— Привет, дорогой!

— А если это не дорогой, а налоговый инспектор. или бийца?

— О, они бы столько времени не висели на телефоне!

— Во-во, — пробурчал я.

— Извини, я была в саду.

— Сажала розы?

— Укладывала кирпичи.

— Наверно, что-то с линией — мне послышалось. «кирпичи».

— Да-да, именно «кирпичи», дорогой.

— А-а-а... Ну понятно, — отозвался я, — кирпичи.

* «Правь, Британия, морями» — один из английских гимнов

— Я даже не подозревала, что это так здорово. Представляешь, оказывается существует несметное число всяких растворов: фламандский, английский... А еще здесь нужна такая штучка, называется «мастерок».

— А что строишь, если не секрет? Какую-нибудь кладовку?

— Нет, — рассмеялась Филлис. — Обычная стенка. Как у Бальбуса или мистера Черчилля. Где-то я читала, что в минуты стресса Черчилль находил такую работу успокаивающей. А что было хорошо для Черчилля — хорошо и для меня.

— Я рад. Надеюсь, ты уже в полном порядке?

— О да! Это так успокаивает, Майк. Особенно когда кладешь кирпич, а ведро с раствором падает тебе...

— Я понял, Фил. Однако время идет... Ты нужна здесь.

— Мне приятно, дорогой, что ты соскучился, но бросить дело на половине...

— Да не я соскучился... То есть я, конечно, тоже.. И-би-си хочет нас видеть.

— Зачем?

— Точно не знаю, но домогаются настойчиво.

— И когда же они хотят нас видеть?

— Фредди приглашал в пятницу на ужин. Ты как?

Наступила недолгая пауза.

— Хорошо, попробую успеть. Я приеду шестичасовым.

— Прекрасно, я встречу тебя. Кстати, Фил, есть еще одна причина.

— Да? Какая?

— Песок, дорогая. Осыпавшийся песок и неостановимое колесо, и вечно сверкающее острие. Монотонный размеренный звук падающих капель в клепсидре жизни...

— Ты что репетируешь, Майк?

— А что мне остается?

— Ну пригласил бы Милдред отобедать.

— Приглашал, но когда часто видишь ее, она действует на нервы. Даже странно.

— Майк, Милдред три недели как в Шотландии.

— Да? Ты сказала «Милдред», а мне послышалось...

— Все, кончай, дорогой. До пятницы.

— Я даю до пятницы обед молчания, Фил. Прощай.

Мы опоздали всего на несколько минут, но судя по поспешности, с какой Фредди потащил нас в бар, он, казалось, изводился от жажды уже не первый час. Фредди

створился в толпе у стойки и тут же вынырнул с полным ртом односом двойных и одинарных шерри.

Залпом осушив два двойных, он стал наконец похож на человека и начал замечать окружающее. Он даже обратил внимание на состояние Филлис: обломанные ногти и большой кусок пластыря на левой руке. Фредди нахмурился, но ничего не сказал. Я заметил, что он исподтишка разглядывает меня.

— Моя жена, — сказал я, — отдыхала в Корнуэлле. Разрешения сезона по укладке кирпичей.

Мое объяснение скорее успокоило его, нежели заинтересовало.

— А как с вашим чувством единой команды? — спросил я. — Ничего не случилось?

Мы дружно замотали головами.

— Чудесно. Тогда у меня для вас кое-что есть.

Оказалось, один из всемогущих спонсоров И-би-си сделал предложение. Ему, видимо, понравились наши с Филлис спортивные выступления, и он заинтересовался нами.

— Что ж, — произнес я, развалившись на стуле, — человек с понятием! Последние пять-шесть лет...

— Заткнись, Майк, — обрubiла моя дражайшая женушка.

— События, — продолжал Фредди, — по мнению спонсора, достигли той точки, когда смело можно вкладывать в это дело деньги, пока они еще хоть что-то значат. Он заявил, что хочет внести свою лепту во благо общества и, с другой стороны, не видит ничего предосудительного в том, чтобы поиметь с этого барыши. Он предлагает снарядить экспедицию. Кстати, все это между нами: не дай Бог Би-би-си что-нибудь пронюхает и опередит нас.

— И куда же отправится экспедиция? — как и подобает активной жене, спросила Филлис.

— Это был и наш первый вопрос, — откликнулся Фредди.

— Все зависит от Бокера.

— От Бокера?! — Я подскочил. — Неужели Фортуна улыбнулась над ним?

— Некоторым образом. Как сказал спонсор: «Если отбросить космический вздор, то в остальном Бокер прав; во всяком случае прав более, чем другие». Поэтому он пошел к Бокеру и спросил напрямик: «Как думаешь, где в следующий раз объявятся эти существа?» Бокер, естественно, не ответил. Но они договорились, что спонсор субсидирует, а Бокер возглавит экспедицию и выберет место на свое усмотрение.

рение. И даже спутников выбирает Бокер. Так что вы стали участниками по его выбору, с благословения И-би-си и с вашего согласия.

— Он всегда был моим любимым «ографом», — сказала обрадованная и несомненно польщенная Филлис. — А когда отправляемся?

— Минуточку, — влез я. — Были времена, когда морские прогулки рекомендовались как оздоровительные мероприятия, но теперь...

— Конечно, ты прав, Майк, — поддержал меня Фредди. — Осторожность и только осторожность! Все уже получили массу впечатлений от первого знакомства с этими гадами. Но сейчас важно не то, что вы с Фил лично познакомились с ними, а то, чтобы вы сумели побольше о них разузнать.

— Любая предусмотрительность достойна одобрения, — назидательно произнес я.

— В общем, завтра ступайте к Бокеру, а потом сразу ко мне — подпишем контракт.

Весь оставшийся вечер Филлис выглядела задумчивой.

— Если ты не хочешь... — не выдержал я, когда мы вернулись домой.

— Ерунда, конечно, хочу. Но, как думаешь, что значит — «субсидировать»? Могу ли я, скажем, как-нибудь отовариться за их счет?

— Даже лотосы приедаются, — проворчал я, обзвывая окрестности.

— А мне нравится побездельничать на солнышке.

— «Нравится» — не то слово, дорогая. Я хочу сказать, — неторопливо рассуждал я, — что женщины двадцатого века считают инсоляцию неким косметическим средством с легким возбуждающим действием. Но вот что любопытно: ни в одной летописи нет даже упоминания, что твои предшественницы занимались чем-либо подобным. Зато мужчины, заметь, из века в век жарятся на солнцепеке.

— Угу, — отозвалась Филлис.

— Как ты смеешь на мою вдохновенную тираду отвечать сомнительным «угу»? — возмутился я.

— Майк, я сейчас в таком состоянии, что могу ответить «угу» абсолютно на все. Это же тропики, дорогой! Мистер Моэм столько раз это подчеркивал.

— Моэм, моя радость, даже не в тропиках зачастую зависел не от того, от кого надо, хотя и там ему тоже говорили «угу». И температура тут вовсе ни при чем. Даже в... в триангуляции, в которой он уступал только Евклиду — другому автору наиболее раскупаемых книг. Кстати, напрашивается вопрос: может ли подход к литературе с точки зрения трюизмности...

— Майк, ты бредишь. Это жара. Давай просто лениво сидеть на солнышке и ждать...

И мы снова предались этому убийственному занятию, которому отдали уже несколько недель своей жизни.

Мы сидели под солнечным зонтиком неподалеку от гостиницы со странным вымученным названием «Гранд Отель Британия и ля Джустиция». Отсюда мы могли наблюдать и покой природы, и суету города. Справа до самого горизонта простиралось пронзительно голубое море, в которое вдавался поросший пальмами мыс, казавшийся миражем в дрожащем знойном воздухе, — эдакий театральный задник в испанской пьесе. Слева кипела жизнь столицы — единственного города на всем острове.

Эскондида — так назывался остров — был случайно открыт в стародавние времена заплутавшими в океане испанскими мореходами. Прошло много лет, но, несмотря на все перемены, произошедшие в этой части света, остров сохранил свое название и даже испанский колорит. Архитектура, язык, темперамент островитян оставались по-прежнему скорее испанскими, чем английскими. Площадь (она же Плата), церквушка, пестрые магазинчики и прочие достопримечательности выглядели как иллюстрации из путеводителей по Испании. Зато население острова было очень разнообразно — от загорелых европейцев до черных как смоль негров.

За отелем высилось несколько гор с абсолютно лысыми шапками и ярко-зеленым плодом на плечах, как бы вздымавших Эскондиду к небу.

Название города — Смиттаун — можно было выяснить только из надписи на алом почтовом ящике, водруженном на Площади. А когда кто-то нам сказал, что Смит — не кто иной, как удачливый пират, в голову сразу полезли всякие романтические истории и легенды.

Именно здесь уже пятую неделю и околачивалась наша экспедиция.

Бокер разработал собственную теорию вероятности и методом исключений получил десять возможных объектов

нападения. Четыре из них, находящиеся в Карибском море и предопределили наш маршрут

Сначала мы высадились в Кингстоне на Ямайке и провели там неделю в компании оператора Теда Джерви, звукооператора Лесли Брея и техпомощника Мюриэл Флинн. Сам Бокер и двое его приближенных в это время занимались облетами Кайман-Брака, Большого, Малого Каймана и Эскондиды на военном самолете, любезно предоставленном ему местными властями, выбирая постоянную базу для нашей экспедиции. Доводы, побудившие Бокера в конце концов остановиться на Эскондиде, казались убедительными, но мы несколько огорчились, когда спустя два дня Большой Кайман подвергся первому нашествию Глубин. Однако, несмотря на наше разочарование, мы поняли, что Бокер действительно знает, что делает.

Четверо из нас сразу слетали туда, но без толку: следы на пляже уже оказались затоптаны ордами любопытных.

Все произошло ночью. Более двухсот местных жителей в испуге сбежало, большинство просто бесследно исчезло, а немногие оставшиеся считали своим долгом наврать интервьюерам с три короба, так что событие быстро обросло баснями.

Бокер решил не менять расположение лагеря, считая, что на Эскондиде у нас не меньше шансов, чем где-либо, тем более — Смиттаун единственный город на всем острове и рано или поздно настанет его черед.

Но шли недели, ничего не происходило, и мы начали сомневаться. Радио что ни день сообщало о новых нападениях, однако за исключением небольшого происшествия на Азорах, остальные случились в Тихом океане. У нас появилось угнетающее чувство, что мы ошиблись полушарием.

Я говорю «мы», но подразумеваю только себя. У моих товарищей дел было по горло. В частности — освещение. Все нападения случались ночью, а для съемки в темноте нужен хороший свет. Как только городской совет узнал, что ему не придется раскошелиться, то тут же дал согласие на дополнительную иллюминацию здания, почтовые ящики, деревья — все было облеплено мощными прожекторами, управление которыми в интересах Теда вывели на единый пульт в его гостиничном номере.

Островитяне полагали, что их ожидают грандиозные празднества, городской совет называл это занятие безобидной формой сумасшествия, а я — бесполезной затеей.

Да и все мы с каждым днем становились все скептичнее, пока... Пока не случился набег на остров Гэллоу, прогремевший на весь Карибский бассейн.

Столица — Порт-Энн — и три самых крупных береговых поселения подверглись нападению в одну ночь. Три четверти населения — как не бывало. Выжили только те, кто заперся в доме или спасся бегством. Поговаривали о каких-то невероятных размеров танках, якобы выползающих из моря. Но во всей этой неразберихе совершенно невозможно было понять, где правда, а где ложь. Единственный достоверный факт — тысяча человек бесследно исчезли.

Настроения резко изменились. Спокойствия, безмятежности, чувства безопасности как не бывало: все вдруг ясно осознали, что могут стать следующей жертвой. Люди откапывали на пыльных чердаках дедовское оружие, давно вышедшее из употребления, и приводили его в порядок. Организовывались добровольные дружины, шли разговоры о создании межостровной Службы быстрого реагирования. В общем, первые две-три ночи город бурлил, по улицам с важным видом ходили патрули.

Однако прошла неделя, никакого намека на опасность, и боевой пыл потихоньку испарился. Кстати, активность подводных обитателей прекратилась повсеместно. Единственное сообщение — с Курил, но и то в чисто славянском духе. ни даты, ни подписи. Надо полагать, что оно долго блуждало по тамошним системам госбезопасности и тщательно рассматривалось под микроскопами.

На десятый день естественный принцип смиттаунцев во всем полагаться на таїапа* полностью восстановился. По ночам и во время сиесты Эскондида беспробудно спала Мы — вместе с нею. Казалось совершенно невозможным, что кто-то может нарушить покой. Мы полностью адаптировались к местной жизни, во всяком случае некоторые из нас: Мюриэл увлекся островной флорой; наш пилот Джонни Таллтон постоянно прохлаждался в кафе, где очаровательная сеньорита обучала его местному диалекту; Лесли адаптировался до такой степени, что приобрел гитару, треньканье которой днями напролет доносилось из открытого окна. Мы с Филлис вернулись к сценариям для будущих передач, и только Бокер да два его ближайших соратника —

* Завтра (исп.)

Билл Вейман и Алфред Хейл — не дремали. Если бы не видел спонсор!..

Мы томились под зонтиком, а Лесли завел свой обычный репертуар. «O Sole mio»* летело сверху.

— Сейчас последует «La Paloma»**, — застонал я и о хлебнул джина.

— Мне кажется, — сказала Филлис, — пока мы здесь стоило бы выяснить... Ох, что это?

Со стороны моря до нас донесся ни с чем не сравнимый шум. Мы выглянули в окно и увидели крохотного мал чугана цвета кофе, почти целиком скрытого широкополос шляпой. Он вел упряжку здоровенных волов, за которыми визжала, скрипела, скрежетала пустая повозка. Мы обратили на мальчишку внимание еще утром, когда он спускался с гор с повозкой, груженной бананами, даже тогда нам показалось, что это весьма шумно и неприятно, теперь, когда она шла порожняком, грохот был несветный.

С трудом мы дождались, пока волны минуют Плазу, но тут опять послышался голос Лесли. Он уже пел «La Paloma».

— Мне кажется, — вернулась к разговору Филлис, надо извлечь из этого Смита все, что можно. Почему бы не стать, к примеру, Робин Гудом? Что нам стоит сделать него такого? А что ты знаешь о старинных парусниках

— Я?! С какой стати я должен о них что-то знать?

— Любой мужчина почитает за честь разбираться в морских судах; я думала, что и ты... — Филлис неожиданно замолчала.

Сверху раздался заключительный аккорд «La Paloma» Лесли грянул новую песню:

Я сижу в лаборатории,
Раскалится добела
Ксеноботоинфузория,
Ты с ума меня свела!

Ох вы атомы ядерные,
Термоядерный утиль!
Что ж вы, неучи, ученого
Подвели под монастырь?

* Солнце мое (ит.).

** Голубка (исп.).

А когда не торопили бы,
Я бы горы своротил,
Некробаротерапию бы
Шаг за шагом воплотил.

Я настроил бы локаторы,
Я бы выждал до утра,
Взмыл бы в небо авиатором,
Жахнул сверху и ура!

Я бы.. ..
.....

— Бедняга Лесли, — печально сказал я, — посмотри, что с ним сделал этот чертов климат. Рифмовать «лабораторию» с «ксенобатинфузорией»! Боже мой, что творится! Какое размягчение мозгов! Извилины плавают. Пора объявить Бокеру ультиматум. Конкретный срок, скажем, неделя, и мы уезжаем. Иначе нас ждет здесь полное разложение, и мы тоже начнем сочинять песенки с дебильными рифмами. Струны наших душ заржавеют, и в один прекрасный миг мы вдруг обнаружим, что срифмовали «своротил — воплотил»

— Хорошо... — неуверенно начала Филлис.

За моей спиной раздалися шаги и возник Лесли.

— Приветствую! Самое время пропустить стаканчик, а? Слышал новую песенку? Настоящий шлягер! Твоя жена назвала ее «Жалоба ученого», но мне больше нравится «Озадаченный ученый». Что пьем? Джин? — протараторил он и побежал к стойке.

— Итак, — сказал я мрачно, — я говорю «неделя» и настаиваю на этом. Хотя и этот срок может оказаться фатальным.

Я оказался более прав, чем думал.

— Любимая, да плюнь ты на эту луну и иди ко мне.

— У тебя нет души. В этом все дело. И зачем я вышла за тебя?!

— Хуже, когда души больше, чем нужно. Посмотри на Лоуренса Хоупа.

— Ты — свинья, Майк! Терпеть тебя не могу.

— Дорогая, уже час ночи.

— На Эскондиде сама жизнь смеется над часовых дел мастерами. Ненавижу тебя, Майк. Милая, милая Диана заведи меня от этого человека!

Я подошел к окну.

— «Корабль, остров, бледная луна...» — прошептала Филлис. — Так хрупко, так вечно... так прекрасно! Ты только взглядишь!

Мы стояли у окна и любовались пустынной Плазой и спящими домами, серебряным в лунном свете морем.

— Как хорошо! Я запомню это навсегда! — Ее дыхание дрожало на моей щеке. — Почему ты не видишь и не слышишь того, что слышу я, Майк? Почему?

— Это было бы так скучно. Представь, мы с тобой хорошо зовем к Диане. У меня свои боги, Фил.

Она пристально посмотрела на меня.

— Может быть, но их трудно разглядеть.

— Ты так считаешь? А я уверен в обратном. «Кто обращен молитвой к Мекке, а я к твоей постели, Ясмин» — твой любимый Флекер, дорогая.

— Ну, Майк!

И тут со стороны моря до нас долетел крик. Затем еще и еще. Завизжала женщина...

— Майк, неужели...

Крики, выстрелы...

— Это они, Майк, они!

Шум нарастал. Люди высовывались из окон, спрашивая друг друга, что происходит. Какой-то мужчина выскочил из дверей, завернул за угол и понесся к морю.

— Эй, Тед! — закричал я и забарабанил в стену. — Врубите прожектора, внизу, что у моря. Дает свет, старина!

Я расслышал слабое «о'кей». Вспыхнули прожектора, и ничего необычного не было видно, только десятка два мужчин спешили к гавани.

Внезапно на несколько секунд шум стих. Хлопнула дверь Теда, и в коридоре отчетливо прозвучали его шаги. Затем опять плач, вопли, еще громче, еще надрывнее, чем раньше, будто во время паузы тишина набиралась сил, чтобы следующее мгновение взорваться.

— Я должен... — начал я и замер, не обнаружив рядом собой Филлис.

Филлис закрывала дверь на замок.

— Я должен быть там...

— Нет, — отрезала она, загородив собой дверь.

Филлис была похожа на разгневанного ангела, если, конечно, не учитывать, что ангелов обычно изображают в пристойных одеяниях, а не в гипюровых ночных сорочках.

— Но, Фил, — взмолился я, — это же моя работа. Мы здесь именно для этого.

— Плевать.

Она не сдвинулась с места, только ангел превратился в маленькую капризную девочку. Я протянул руку.

— Фил, пожалуйста, отдай ключ.

— Нет, — коротко сказала она и швырнула ключ в окно.

Он монеткой звякнул о булыжник. Ошеломленный, я посмотрел ему вслед. Как это не похоже на Филлис.

По залитой светом площади проносились спешащие к морю люди. Я снова повернулся к двери.

— Отойди. Будь добра, отойди.

— Не глупи, Майк. Не забывай о главном.

— Это как раз то...

— Нет, не то! Ну как ты не понимаешь?! Все, что мы знаем о Них, мы знаем не от тех, кто сломя голову бросился выяснять, что случилось, а от тех, кто спрятался или убежал.

Я был зол. Но не до такой степени, чтобы справедливость ее слов не дошла до меня.

— Фредди, — продолжала Филлис, — говорил, что мы обязаны вернуться и рассказать обо всем, что увидим.

— А как же...

— Взгляни, — она кивнула на окно.

Все это напоминало кино, которое прокручивают в обратную сторону: толпа, огромная толпа, пяталась, словно гигантский рак, пока не заполонила площадь.

Филлис покинула свой пост и присоединилась ко мне. Прямо под нами проскочил Тед с переноской в руках.

— Что это? — крикнул я ему.

— Бес его знает. Я не могу протолкнуться. Что бы там ни было, оно идет сюда. Я буду снимать из окна. В такой толчее невозможно работать.

Он еще раз оглянулся на площадь и скрылся в дверях отеля.

Вдруг из толпы вынырнул самолично доктор Бокер в сопровождении Джонни Таллтона. Запрокинув голову, Бокер закричал:

— Алфред!

Из окон отеля высунулось несколько голов.

— Где Алфред?

Никто не знал.

— Если кто разглядит его в этом месиве, пусть скажет, чтобы он непременно возвращался в номер. Остальным оставаться на местах, — распорядился Бокер. — Наблюдайте, но не высовывайтесь. Во всяком случае, пока. Тед, включай все прожектора. Лесли...

— Уже бегу, док.

— А ну назад! Укрепи микрофон в океане, и ни шагу на улицу! Еще раз говорю, это касается всех!

— Но что это, док? Что?

— Не знаю. И поэтому пока останемся в отеле. Мисс Флинн! Где, черт возьми, мисс Флинн? А, вы здесь. Хорошо. Следите внимательно...

Бокер повернулся к Джонни и обменялся с ним парой слов. Джонни кивнул и скрылся за отелем. Бокер еще раз окинул взглядом толпу и, хлопнув дверью, поспешил в укрытие.

Площадь к тому времени была запружена до отказа. Те, в ком любопытство боролось со страхом, толкались у дверей, готовые в любой момент броситься за спасительные стены. С десятков мужчин, кто с пистолетами, кто с винтовками, залегли прямо на мостовой, направив дула в сторону надвигающейся опасности. Если не считать одиночных всхлипов и выкриков, над площадью повисло тревожное всеохватывающее безмолвие. И вот тогда до нас докатился негромкий, но душераздирающий скрежет чего-то тяжелого о булыжную мостовую.

В крохотной церковной пристройке распахнулась дверь, и оттуда в длинной черной сутане вышел священник. Его тут же окружил народ, люди бросились на колени. Священник простер над толпой руки, то ли защищая своих прихожан от власти дьявола, то ли благословляя на битву с ним.

Где-то совсем рядом прогремело три-четыре выстрела, затем еще... Мы видели стрелков, видели, как они перезаряжают винтовки, но мишень была скрыта от нас угловым домом. Оттуда, из-за поворота, раздавался хруст крошащихся кирпичей, звон стекла, и вскоре мы увидели первый танк — нечто из серого матового металла, вползающее на площадь, сметающее на своем пути углы и стены домов.

Со всех сторон защелкали выстрелы, но пули только плющились о его металлические бока, не оставляя ни вмя-

тин, ни царапин. Танк продвигался вперед медленно и бесстрастно. Массивный и неуязвимый, он как бы втягивал себя на площадь со скоростью не более трех миль в час. Наконец мы смогли разглядеть его как следует.

Вообразите себе яйцо, причем яйцо не менее тридцати пяти футов в длину, затем поставьте его на попа, отсеките нижнюю половину; то, что останется, покрасьте в свинцовый цвет, и вы получите самый настоящий морской танк.

Как он передвигался — оставалось только догадываться. На колесах? Вряд ли. Судя по виду и звуку, он просто полз на своем брюхе без всяких там приспособлений. Ни на что земное это не походило.

За ним показался следующий — такая же серая машина. Оба танка заняли позицию по краям площади, пропуская по центру, прямо на нас, — третий.

Толпа вокруг священника рассеялась, и он, высоко подняв голову и воздев над собой распятие, двинулся к танку. Но танк никак не отреагировал на святого отца, он просто покатым боком отгеснил старца и, как ни в чем не бывало, проехал мимо.

Достигнув самого центра площади, танк остановился.

— Войска занимают позицию, — шепнул я Филлис — Это не случайность. Что дальше?

С минуту ничего не происходило. Во всех окнах торчали любопытные, кто-то еще зачем-то стрелял, вероятно, для очистки совести.

— Смотри, — Филлис указала на танк в центре площади.

На самой верхушке «яйца» образовался небольшой нарост — беловатое полупрозрачное подобие пузыря. Он был значительно светлее остальной поверхности и стремительно разрастался.

— Господи, он все раздувается...

Грянул одиночный выстрел; пузырь задрожал, но не больше. Казалось, он вот-вот оторвется от обшивки и взвоется в небо, как воздушный шар.

— Сейчас лопнет. Я уверена, сейчас лопнет.

— Еще два.

Первый пузырь был уже не менее трех футов в диаметре и все рос и рос.

— Сейчас, сейчас... — голос Филлис дрожал.

Огромный пульсирующий пузырь продолжал расти, и лишь когда достиг футов пяти, вдруг перестал раздуваться,

забился, затрясся, как желе, и оторвался от тонкой ножки, связывающей его с танком

Перетекая, как амeba, он постепенно уплотнялся, превращаясь в устойчивый шар. Мы и не заметили, как он оказался футом в десяти от нас.

И тут что-то произошло: не то чтобы пузырь взорвался — никакого звука мы не услышали, скорее он раскрылся, как бутон, раскинув во все стороны бесчисленное число белых щупалец.

Мы инстинктивно отскочили от окна, подальше от этой мерзости. Четыре или пять щупалец неслышно упали на пол и моментально стали сокращаться, возвращаясь обратно.

Громко вскрикнула Филлис: одно щупальце дотянулось до ее правого плеча и теперь, сокращаясь, увлекало за собой.

Филлис попыталась оторвать его левой рукой, но пальцы тут же прилипли к белому телу.

— Майк! — закричала она. — Майк!

Щупальце натянулось, как тетива лука, неумолимо таща Филлис к окну. Я подскочил, обхватил ее и рванул с такой силой, что мы оказались в другом конце комнаты. Однако оторваться нам не удалось, и щупальце потянуло на улицу нас обоих. Я уцепился коленом за ножку кровати и что есть мочи держал Филлис. Когда мне уже казалось, что нам не вырваться, Филлис вдруг закричала и мы повалились на пол.

Она была в обмороке, из ран на плече и кисти левой руки сочилась кровь. Я положил ее так, чтобы ничто не могло до нее дотянуться, и осторожно выглянул на площадь. Отовсюду доносились леденящие кровь крики и стоны. Первый пузырь, окруженный сонмом щупалец, лежал на земле. Щупальца одно за другим исчезали за его оболочкой, унося в нутро пузыря свою добычу. Несчастные еще боролись, пытаясь вырваться из цепких лап, бились, вопили, но тщетно...

Вдруг я увидел Мюриэл Флинн: ее волочило по булыжной мостовой за чудесные рыжие волосы. Она так страшно кричала от боли и ужаса, что у меня зашло за сердце. Рядом тянуло Лесли, он не сопротивлялся, не кричал; ему повезло больше: при падении из окна бедняга сломал шею

Какой-то мужчина пытался освободить ускользающую от него женщину. И он уже дотянулся до нее, но задел липкое щупальце, и дальше их поволокло вместе.

Кольцо сужалось, щупальца сокращались, люди бились, как мухи в паутине. Во всем этом была какая-то тщательно продуманная жестокость. Не в силах оторваться от кошмарного зрелища, я чуть не прозевал, как от танка отделился второй пузырь.

Три аспиды скользнули в окно, произвивались на полу и медленно уползли назад.

Я выглянул на площадь. Снова та же картина: теперь уже второй пузырь собирал тщетно отбивающихся людей. Зато первый, нажравшись до отвала, захлопнулся и не спеша покатился к морю. Танки, похожие на больших серых слизняков, оставались на месте, занятые производством отвратительных пузырей.

Следующая «Горгона» взметнула в воздух своих змей, я отскочил, но на этот раз ничего не угодило к нам в комнату. Я решил закрыть окно, и очень вовремя: едва я задвинул задвижку, четыре щупальца с такой силой шмякнулись о стекло, что оно треснуло.

Вернувшись к Филлис, я положил ей подушку под голову и, оторвав кусок простыни, принялся перевязывать раны.

Вдруг с улицы донесся новый незнакомый звук. Я подошел к окну и увидел низко летящий самолет. Застрекотали пулеметные очереди, я отпрянул назад.

Прогремел взрыв, погас свет, распахнулось окно, и мимо меня пролетели какие-то брызги, заляпав всю комнату. Я снова выглянул на улицу: набитые людьми шары катились к морю, танк тоже начал пятиться.

Пилот заходил на второй вираж. Я бросился на пол.

— Майк, — едва слышно позвала Филлис

— Все в порядке, Фил, я здесь.

За окном раздался еще один взрыв.

— Что случилось?

— Они убираются, Фил. Джонни угостил их с воздуха, я думаю, это он. Теперь уже все в порядке.

— Майк, у меня болят руки.

— Потерпи, моя хорошая, я сейчас схожу за доктором

— Что это было, Майк? Если бы не ты.

— Все уже позади, Фил.

— Майк, тут что-то липкое кругом... Ты не ранен?

— Нет-нет. Весь номер забрызган какой-то гадостью

— Тебя трясет, Майк!

— Ничего не могу с собой поделать. Фил, милая Фил... Так близко... Если бы ты только видела... Мюриэл, Лесли..

— Ну-ну, — Филлис принялась утешать меня словно маленького, — не плачь, Мики, не надо. — Она попыталась встать. — Ой, как больно!

— Я сейчас, дорогая.

Со стулом наперевес я рванулся к двери и дал волю обуревавшим меня чувствам.

Наутро мы собрались вместе: Бокер, Тед, Джерви, я и Филлис — жалкие остатки экспедиции. Правда, оставался еще Джонни, но он уже был на пути в Кингстон вместе с магнитофоном и киноплёнками, а также с моими записями.

Раны Филлис были тщательно перевязаны, и, несмотря на плохое самочувствие и бледный вид, она не пожелала остаться в постели.

Глаза Бокера потеряли обычный блеск, а на лбу и щеках появилась густая сеть морщин. Он немного прихрамывал и опирался на палку. Вообще, за ночь он невероятно постарел.

Только я да Тед вышли невредимыми из ночного бедлама.

Тед вопросительно посмотрел на Бокера.

— Если вы в состоянии, сэр, — произнес он, — надо первым делом убираться отсюда, подальше от этого дерьма.

— Несомненно, и чем скорей, тем лучше.

Мы вышли на свежий воздух.

Усеянная осколками металла площадь блестела от слизи, в воздухе стояло жуткое зловоние, и куда ни глянь все покрывала отвратительная липкая скверна.

Уже на расстоянии ста футов вонь заметно поубавилась, а среди пальм на противоположном конце города воздух был чист и свеж. Редко когда я так остро ощущал прелесть легкого бриза.

Бокер сел, прислонившись спиной к дереву, и задумался. Мы пристроились рядом и ждали, когда он заговорит.

— Алфред, — вздохнул доктор, — Билл, Мюриэл, Лесли... Это я привел вас сюда... Я виноват...

— Вы не правы, доктор, — вступилась Филлис, — никто не гнал нас силком. Вы предложили — мы согласились. Случись то же самое со мной, уверена, Майк не упрекнул бы вас. Правда, Майк?

— Да, Фил. Уж я-то знаю, кого бы я поставил к стенке!

— Слышали, доктор? — Филлис взяла его за руку. — И все думают так же.

Бокер прикрыл глаза, опустил голову и осторожно положил ладонь на руку Филлис.

— Вы слишком добры ко мне, Филлис, — тихо сказал он, поглаживая ее руку. Затем выпрямился, весь подобрался и произнес уже совсем другим тоном: — Что ж, мы получили кое-какие результаты, может, не столь однозначные, как ожидали, но и это уже кое-что!

Спасибо Теду — человечество увидит то, что давно жаждет увидеть. Спасибо Теду — у нас теперь есть первый образец!

— Образец? — удивленно переспросила Филлис. — Какой образец?

— Да так, — заскромничал Тед, — кусочек щупальца.

— Но как? Как тебе удалось?

— Повезло. Понимаешь, первый раз ничего не влетело ко мне в окно, но, увидев, что происходит, я приготовил нож. А когда второй гад выбросил свои щупальца и одно упало мне на плечо, я тут же его отсек. Примерно около восемнадцати дюймов. Оно сразу же отвалилось и упало на пол, повертелось, поизвивалось, а потом свернулось. Мы отправили его вместе с Джонни.

— У-у-ух! — вырвалось у Филлис.

— Придется на будущее запастись ножами, — попыток я.

— Не забудь хорошенько наточить их. Не так-то легко эти сволочи режутся, — посоветовал Тед.

— Эх, — с сожалением вздохнул Бокер. — Еще бы кусочек! Я бы сам с ним повозился. Есть в них что-то очень странное. Хотя суть ясна: нечто родственное морскому анемону. Вопрос в том, выращены ли они искусственным путем или... — Он поежился. — Особенно меня интересует, как они присасываются к телу и как отличаются живое от неживого. И еще: кто управляет ими и как? По-моему, их сподьзуют не как оружие, в нашем понимании, а скорее в качестве ловушек.

— Вы хотите сказать, — уточнила Филлис, — что они вылавливают и собирают нас как... э-э... примерно, как мы — реветок?

— Что-то вроде этого. Но зачем?

Мы призадумались. Честно говоря, я бы предпочел, чтобы в голову Филлис пришло какое-нибудь другое сравнение.

— Пули, — вслух рассуждал Бокер, — не причиняют вреда ни танкам, ни медузам. Может, конечно, у них есть чув-

ствительные точки, но мы о них ничего не знаем. Зато нам известно, что танки находятся под большим давлением: они взрываются со страшной силой, то есть давление в них — на грани взрыва. Отсюда следует, что на Апреле кто-то либо метнул гранату, либо случайно попал в чувствительную точку. Да, все разговоры о «китах» — не ложь и не сказки: на расстоянии их действительно легко принять за что-нибудь подобное. В этом, по-моему, мы сами убедились. Ну а что касается медуз, так люди вовсе были недалеко от истины — пузыри, несомненно, близкие родственники кишечнорастворимых. Я думаю вот о чем: сдается мне, что внутри танков, кроме давления, ничего нет, они — просто груда металла. Какая же сила движет эти глыбы?

С утра я внимательно изучил их следы: булыжники на мостовой глубоко вдавлены в землю, некоторые расколоты под их тяжестью... Для меня это загадка. Может, какие-нибудь присоски?.. Безусловно, в их действиях есть некая разумность, но или не очень высокая, или плохо скоординированная. Ну разве не разумно — вывести танки в самый центр площади?!

— В свое время я видел, как настоящие армейские танки сносили на поворотах углы домов, точь-в-точь как эти, — заметил я.

— Вот, пожалуйста, еще одно доказательство плохой скоординированности. Может, кто-нибудь тоже что-то заметил? — Бокер обвел нас взглядом.

— Мне показалось, — замялся Тед, — что все пузыри отличались друг от друга. Хотя бы радиусом действия, и более поздние сокращались гораздо медленнее. Один провалился на площади секунд двадцать, прежде чем начал сворачиваться.

— Ты полагаешь, они что-то искали? — заинтересовался Бокер.

— Я не захожу так далеко. Главное, что я все успел заснять.

— Будем надеяться, что сможем почерпнуть кое-что из пленок. А никто не заметил, как щупальца реагировали на выстрелы?

— Мне показалось, — сказал Тед, — что пули проходили сквозь них, как сквозь воздух. А может, почудилось...

Бокер хмыкнул и погрузился в размышления.

Филлис что-то бубнила себе под нос.

— Что-что? — Я наклонился к ней.

— Многореснитчатые кишечнополостные...

— А-а-а!.. — протянул я.

— Мы плохо продумали план, — заговорил Тед. — Надо было установить микрофон в твоей комнате, Майк. Ты мог бы вести синхронный репортаж.

— Во-во! То же самое мне скажут на И-би-си. Хотя мне все равно было не до этого. Ну ничего, будет время как следует поработать. Эх, черт возьми, — добавил я, — как вспомню, что надо возвращаться в отель... Ничто в мире так не смердело, как этот проклятый Смиттаун!

Мы еще долго сидели в пальмовой роще, занятые каждый своими мыслями, пока Бокер не вывел нас из задумчивости.

— Знаете, — сказал он, — если бы я верил в Бога, я бы, наверное, страшно перепугался. Но, к счастью, я слишком старомоден и, слава Богу, в Бога не верю.

Брови Филлис поползли вверх.

— Почему? — воскликнула она. — Почему бы вы перепугались?

— Потому что, будь я суеверен, столкнувшись с чем-то новым, необычным, я наверняка решил бы, что Всевышний задумал преподать мне урок. «Вы, люди, — наверное, сказал бы мне Бог, — возомнили из себя невесть что и думаете, будто умнее других. Вы научились расщеплять атомы, поимать микробов, полагаете, что вправе управлять миром, возможно, и небом. Вы — тщеславные насекомые, глупцы, эгоисты, в природе еще столько всякой всячины, что ваш охотный мозг не в состоянии даже представить. Сейчас я покажу вам кое-что и посмотрю, что вы тогда запоете. Мне хотелось это сделать гораздо раньше».

— Но так как вы не верите?..

— Не знаю... На земле жили люди и до нас. И они жили в лучшем положении. Всякие там динозавры и прочее... короче, они выжили. А теперь все человечество на грани...

Он не стал заканчивать, да мы и не просили. Все сидели в молчании, отрешенно уставившись в безмятежное лазурное море.

Среди прочих газет, купленных в лондонском аэропорту, мне сразу бросился в глаза последний номер «Бихолдэра». Конечно, и у «Бихолдэра» есть определенные достоинства, но меня никогда не оставляло чувство, что он публикует не

столько здравые мысли, сколько предрассудки. Вот и сейчас на первой полосе огромными буквами красовалось: «ДОКТОР БОКЕР С НОВА НА КОНЕ». И далее: «Мы никогда не сомневались в мужестве Алистера Бокера, без страха ринувшегося навстречу подводному дракону, мы также отдаем должное той проницательности, с какой он рассчитал место возможной встречи с монстром, но те кошмарные, фантастические сцены, которыми нас угостила в прошлый вторник И-би-си, заставляют скорее удивиться не тому, что четыре члена экспедиции погибли, но тому, как выжили остальные. Мы считаем своим долгом поздравить доктора Алистера Бокера с тем, что ему в этой ситуации посчастливилось отделаться лишь растяжением коленного сустава, тогда как чудовище стащило с него носок и ботинок.

Однако каким бы душещипательным ни казалось это приключение, какой бы вклад ни внес доктор Бокер в развитие средств обороны, ошибочно с его стороны считать себя единственным на Земле провидцем.

Мы обеспокоены, и обеспокоены не без оснований, теми сокрушительными ударами по мировому производству, которые наносит подводный мир. Но мы уверены, что недалек тот день, когда наши выдающиеся умы найдут панацею от всех бед и восстановят свободу мореплавания. Мы скорбим о безвинно павших мирных островитянах и негодуем при мысли о свершенных злодеяниях. Тем не менее не следует поддаваться на очередную провокацию доктора Бокера, пытающегося запугать нас. Мы не сомневаемся, что все думающее население Земли на нашей стороне.

Мы склонны приписать предложение Алистера Бокера по созданию системы защиты вдоль всего западного побережья Соединенного Королевства, увы, не здравому смыслу, а стремлению ввести в заблуждение простодушного мирянина, склонного к экстравагантным сенсациям.

Давайте проанализируем, из чего исходил доктор Бокер, давая свои паникерские рекомендации: несколько набегов на крошечные тропические острова некоего, до сих пор нам не известного чудовища, где в результате погибла пара сотен человек?! Но примерно столько же ежедневно гибнет в автокатастрофах! Конечно, все это весьма прискорбно, но вряд ли дает нам основания возводить дорогостоящие баррикады в тысячах миль от места происшествий, причем за наш с вами счет, дорогие читатели. Это примерно то же, как

если бы мы принялись строить сейсмостойкие здания только потому, что в Токио произошло землетрясение...»

И так далее и тому подобное. Они разгромили Бокера в пух и прах. Я решил не показывать статью доктору, но, к сожалению, взгляд «Бихолдэра» не уникален, и Бокер вскоре прочитал эту галиматью в другой газете.

Хорошо, что нам с Филлис удалось ускользнуть раньше, чем коллеги по перу, встречавшие нашу экспедицию, набросились на доктора.

Однако не видеть Бокера — не значит забыть о нем. Пресса, мгновенно разделившаяся на его противников и сторонников, создавала впечатление его постоянного присутствия.

Едва мы открыли дверь своей квартиры, на нас обрушились звонки представителей обеих сторон. Я дозвонился до И-би-си и заявил, что, если они не подключатся к нашему телефону, я оборву провод; пусть записывают все звонки, иначе мне придется выполнить свою угрозу, что будет им явно не на руку.

Они согласились и наутро доставили длиннющий список желающих с нами поговорить. Среди них я обнаружил имя капитана Винтерса.

— Тут есть, на мой взгляд, один с явным преимуществом, — сказал я. — Не хочешь ли набрать его номер?

— О Боже! Ничего я не хочу. Это ты хочешь, чтобы твоя жена стала инвалидом!.. — ни с того ни с сего взорвалась Филлис, но все-таки взглянула на фамилию в списке. — А! Морской Флот — это другое дело!

Филлис взялась за телефон.

— Нас желает видеть один из досточтимых лордов Адмиралтейства, — сообщила она, повесив трубку. — Винтерс будет нас сопровождать, а потом приглашает на обед.

— Прекрасно.

Священный трепет, который мы испытали, чуть замаявшись у дверей, растаял, едва мы предстали перед адмиралом. Адмирал оказался на удивление не страшным и даже по-отечески сердобольным.

Заботливо поинтересовавшись, не беспокоят ли Филлис яны, он поздравил нас с благополучным возвращением и предложил сесть.

— Э-э... — протянул адмирал, кинув взгляд на папку, лежавшую на столе. — Мы, конечно, получили доклад доктора Бокера, но в нем есть несколько спорных моментов. Нам кажется, в нем... э-э... как бы это сказать помягче... некоторая вольность обобщений, не совсем позволительная для ученого. Мы подумали, что не мешает встретиться с очевидцами, чтобы прояснить кое-какие детали.

Мы уверили его, что все понимаем.

— Весь сегодняшний день, — сказал я, — шли жаркие дебаты между нашим спонсором, членом правительства и администрацией И-би-си. Спорили о том, что можно позволить в эфире Бокеру, а чего нет. Не было только самого Бокера, а уж он будет биться до последнего против любых правок его выступления.

— Конечно, конечно. — Адмирал заглянул в папку. — Вот здесь он пишет про так называемые морские танки и какие-то странные тела, которые он почему-то нарекает псевдокишечнополостными. Он говорит, что они неуязвимы для ружейных выстрелов, но взрываются от разрывных снарядов... Это так?

— Да, они лопаются, как электрические лампочки, — подтвердил я. — Все, что от них остается, — куча металлических обломков.

— А слизь?

— Да, конечно. И слизь.

— На солнце она превратилась в лак, — добавила Филлис.

Адмирал кивнул.

— Теперь об этих, псевдокишечных. Вот что тут о них говорится. — Он зачитал нам бокеровское описание пузырей. — Вы можете что-нибудь добавить к этому?

— Да вроде все точно, — сказала Филлис.

— А как, на ваш взгляд, обе эти формы обладают... э-э... органами чувств?

— Трудно сказать, сэр. Да, они реагировали на некоторые раздражители... Но если вы имеете в виду степень их разумности, то в двух словах на это не ответишь. Могут сказать одно: направлял их некий Разум, мозг, если хотите. Ведь сделать механизмы с дистанционным управлением, по-моему, не так сложно.

— Видно, вы знакомы с теорией Бокера, он говорит примерно то же самое. А каково ваше мнение?

— Я затрудняюсь, сэр. В принципе, доктор Бокер вполне логичен. Моя жена выразилась по этому поводу довольно просто, она назвала это «ловлей креветок».

— То есть что попадется — то попадется? Дело случая?

— Именно это и отличает живое от неживого...

— Гм-м... А как насчет способа передвижения танков, есть идеи?

Мы покачали головами. Адмирал перебирал страницы доклада.

— Сколько я знаю доктора Бокера, он очень редко чувствует себя неуверенным, особенно что касается его специальности. Но в этот раз... А с этими кишечнорастворимыми?! Если я правильно понял, они, по его мнению, не только не растворимые, но и вообще не живые существа. Вот послушайте, что он пишет: «Допустимо, что органические ткани можно получить путем синтеза, как это делают наши химики, синтезируя пластик молекулярной структуры. Если этого добиться, то полученный артефакт (придай ему чувствительность к внешним раздражителям) будет вести себя, как живое существо. Неподготовленный человек не в состоянии заподозрить искусственный продукт.

Наблюдения только подтверждают правильность моей теории. Из многочисленных форм жизни неведомый Разум выбрал растворимых в силу их простой организации. Возможно, что и танки — произведение того же рода. Другими словами, мы подверглись нападению органических механизмов с дистанционным или программным управлением. Единственное, что отличает их, например, от наших торпед, управляемых на расстоянии, — это то, что они органической природы. Я даже полагаю, что нам приходится решать более сложные задачи в управлении неорганическими машинами». Итак, мистер Ватсон, ваши впечатления?

— Я согласен с Бокером, сэр. А что с образцом?

— Вот копия экспертизы: Для меня это китайская грамота, но мои консультанты говорят, что от этого анализа мало проку. Все высказывания экспертов слишком осторожны, чтобы из них можно было что-нибудь почерпнуть. В общем, щупальце поставило ученых в затруднительное положение.

— Может быть, я что-то не понимаю, — заметила Филлис, — но разве это имеет большое значение? С практической точки зрения, я имею в виду. Живые они или псевдоживые, обращаться с ними, по-моему, надо одинаково

— Это верно, — согласился адмирал, — но все равно выводы, не подкрепленные доказательствами, бросают тень и на доклад, и на самого ученого.

— О-хо-хо, — с болью в голосе изрекла Филлис, как только за нами закрылась дверь. — Как бы я хотела сейчас тряхнуть этого Бокера. Ведь он же обещал мне про «псевдо» — ни-ни. Самый настоящий *enfant terrible**, а не ученый муж. Ну, попадись он мне!

— Да, — кивнул капитан Винтерс, — это только усугубляет его положение.

— И еще как! Пресса обязательно проболтается, и будет вам еще один «бокеризм», уж помяните мое слово. Плохо дело, снова все забуксует и даже разумные люди отвернутся от Бокера. Да, надо ждать неприятностей. Ладно, пошли обедать, пока я окончательно не вышла из себя.

Следующая неделя выдалась скверной. Вслед за «Би-холдэром» газеты с ликованием набросились на псевдокишечнополостных: редакционные писаки окунули перья в сарказм и зубоскальство, целые батальоны ученых, которые и раньше не оставляли в покое Бокера, бросились в новую атаку, готовые его растоптать, карикатуристы внезапно открыли, что их «любимые» политические деятели, оказывается, мало похожи на людей.

Вторая половина прессы, наоборот, рисовала кошмарные картины будущего и требовала защиты от псевдожизни.

Наш спонсор, опасаясь за свою репутацию, решил расторгнуть контракт с И-би-си. Дирекция рвала на себе волосы. Руководитель отдела продажи эфирного времени вспомнил старую поговорку, что любое паблисити — хорошее паблисити. Но спонсор утверждал, что покупательский бум — не что иное, как подтверждение теории Бокера, и влечет за собой продолжение роста цен. И-би-си парировала, что созданное паблисити уже накрепко связало его продукцию с именем Бокера и бессмысленно не постараться заработать на этом сколько возможно.

— Моя фирма собиралась внести свой вклад в развитие науки и общественной безопасности, а не совершать вульгарный рекламный трюк, — сказал спонсор. — Тут накану

* Ужасный ребенок (фр.).

не ваш комик высказался, что, дескать, только псевдожизнь открыла ему глаза на собственную тещу. Если это позволяет себе И-би-си, то что говорить о других?!

И-би-си заверила, что подобное не повторится, но заметила, что после отказа от стольких обещаний, данных спонсором редакции, вряд ли его фирме удастся сохранить авторитет.

В то же время коллеги с Би-би-си вдруг обнаружили неслыханную симпатию к нашей компании. Казалось, конкуренты что-то замышляют — больно подозрительной была их вызывающая вежливость.

Я пытался работать в редакции, но все кому не лень заглядывали в дверь, сообщали о событиях на фронте, советовали вставить или опустить ту или иную подробность, в зависимости от состояния дел. И через пару дней, не выдержав, я перебрался домой. Однако и здесь меня не оставили в покое. Телефон не умолкал: рекомендации, всяческие предложения, сообщения о смене конъюнктуры сыпались как из рога изобилия. Я старался всюю: писал, переписывал, пытаюсь угодить всем беспокойным.

А И-би-си уже воевала с Бокером. Он кричал, угрожал, обещал все бросить, если его не пустят в прямой эфир.

Закончив сценарии, мы так устали, что не было сил вникать во все эти споры и распри. А когда вышла первая передача, мы решили, что на радиостанции ее перепутали с «Полчаса Маменькиного Ангелочка».

Собрав манатки, мы махнули за покоем в Корнуэлл.

— Боже мой! — воскликнул я, увидев нововведение. — Неужели не хватает веранды? Если ты думаешь, что в жару я буду сидеть там только потому, что...

— Это, — холодно перебила меня Филлис, — беседка.

— Неужели? — изумился я, разглядывая необычное сооружение со скособоченной стеной. — Ну и к чему нам беседка?

— А вдруг кому-нибудь летним днем захочется в ней поработать? Она прекрасно защитит от ветра и не даст разлететься бумагам.

— Да-а?..

— В конце концов, — оправдываясь, добавила Филлис, — если кто-то кладет кирпичи, значит, он что-то строит.

«Логично, но подозрительно», — подумал я и уверил Филлис, что если это беседка, то очень премиленькая, просто для меня это явилось неожиданностью.

— Чтобы прийти к подобному выводу, — ехидно заметила Филлис, — не нужно так долго думать.

Меня так и подмывало что-нибудь ответить, но я все же попридержал язык и сказал, что, на мой взгляд, все сработано чудесно, тем более что сам я вообще не способен положить один кирпич на другой.

Как иногда необходима смена обстановки! Эскондиды, танки, пузыри со своими щупальцами... трудно было поверить в их существование. И все-таки мне не удалось расслабиться, как я надеялся.

В первое же утро Филлис взяла черновики своего романа и отправилась в беседку. Я слонялся вокруг в ожидании долгожданного успокоения, но оно так и не снизошло на меня.

Все так же по лицу хлестал ветер, все так же волны бились о скалы. Море могло рокотать, штормить, топить корабли, но так было всегда, все это старые штучки. Я смотрел на пенный прибой и понимал всю нереальность Эскондиды. Эскондиды принадлежала другому миру, — миру, где никто не удивляется ни танкам, ни кишечнорастворимым. Здесь все было не так: Корнуэлл был реален и солиден. Над ним проходили века, его берега омывали волны, и если море забирало людей, то не потому, что бросало им вызов, а потому, что люди бросали вызов ему. Море казалось настолько мирным и домашним, что невозможно было вообразить его извергающим исчадия ада, наподобие тех, что выползли на пляж Эскондиды. Отсюда и Бокер представлялся мне уже злым духом, вызывающим сатанинские галлюцинации. Здесь без него жизнь текла размеренно и спокойно, по крайней мере так представлялось сначала. Но стоило мне спустя несколько дней вынырнуть из текучки наших будничных дел, я понял, до чего расшатан мир.

Воздушный флот работал строго по предписанию: перевозить грузы только первейшей необходимости. Жизнь вздохнула почти на двести процентов. Самолестроение крутилось на полную катушку, пытаясь снизить стоимость перевозок, потребность в которых была столь велика, что даже первоочередники могли просидеть на аэровокзалах добрых пару лет. Все гавани были забиты до отказа брошенными судами. Докеры, потеряв работу, собирались на митинги,

выходили на демонстрации, словом, всеми силами боролись за гарантированный заработок, в то время как их профсоюз колебался и выжидал. Выброшенные на улицу моряки присоединились к докерам, требуя защиты своих прав. Труженики авиаиндустрии грозили поддержать бастующих, если им не повысят зарплату. Упал спрос на сталь, на уголь, и, когда было предложено закрыть несколько обанкротившихся предприятий, вся отрасль забастовала в знак протеста.

Буревестники из Москвы, ощутив, как меняется политический и экономический климат, провозгласили, что судоходный кризис — это, большей частью, происки реакции. Запад, говорили они, уцепился за несколько несчастных случаев, чтобы оправдать расширение военно-воздушных программ.

Промышленность работала только на самое необходимое. То и дело созывались конференции финансистов. Пронесся слух, что продукты будут распространяться пропорционально доходам, вспыхнули мятежи. Торговля бурлила.

Однако все еще находились смельчаки, за немалую плату готовые выйти в открытое море. Но это было не более чем бравада — никакие сверхценные грузы не могли оправдать ни риска, ни баснословной цены таких круизов.

Вдруг кто-то спохватился, что все погибшие суда работали от силовых установок, и сразу моря заперестрели парусниками. Возникла идея наладить их массовое производство, от которой быстро отказались, сочтя, что не сегодня-завтра с напастью будет покончено и нет надобности в инвестициях.

Ученые всего мира продолжали упорно трудиться. Каждую неделю испытывалось новое оружие, кое-что даже запускали в производство и тут же снимали по причине многочисленных изъянов. Оправдывая свои промахи, ученые в век научно-технического прогресса вспоминали, что и у магов и чародеев случались неудачи. Но в том, что со дня на день средство будет найдено, не сомневался никто.

Я так понимаю, люди верили в науку больше, чем наука сама в себя. Как ни хотели ученые мужи предстать освободителями человечества, у них ничего не выходило. И все же главная трудность состояла не в немощи инженерной мысли, а в недостатке информации. «Ну как, как подступиться, — жаловался мне один ученый, — если тебе нужно сделать ловушку для привидения для духа? Ну хоть бы

что-нибудь, хоть запах...» Ученые с радостью ухватились бы за любую соломинку; но кроме теории Бокера не было ничего. Может, именно поэтому в ученой среде к ней отнеслись довольно серьезно.

Что касается морских танков, то они не сходили со страниц газет и с экранов телевизоров. И-би-си то и дело прокручивала нашу запись с Эскондиды и даже любезно предоставила небольшой фрагментик Би-би-си. Видя, какую тревогу вызывают эти передачи, я недоумевал, но потом понял, что кому-то наверху выгодно отвлечь внимание народа от состояния внутренних дел. Что-что, а уж морские танки как нельзя лучше подходили для этой цели.

С тех пор как мы покинули Смиттаун, прошло не так много времени, а, по сообщениям прессы, в области Карибского бассейна пришельцы из Глубин совершили уже одиннадцать набегов, двенадцатое было отбито благодаря оперативным действиям американских ВВС.

Но все это, однако, мелочи по сравнению с тем, что творилось в другом полушарии. С дюжину танков выползло на Хоккайдо и Хонсю, четыре города на Минданао одновременно атаковали около шестидесяти танков и так далее и так далее. Да, британцам жилось гораздо спокойнее на высоком континентальном шельфе, нежели обитателям Филиппин и Индонезии, где тысячи людей в панике покидали побережье, бросали дома, срываясь с оседлых мест, и бежали в глубь островов. То же самое происходило и в Вест-Индии.

Мороз продирает по коже, когда я получаю подобные вести. Совершенно отчетливо я осознал наконец весь ужас происходящего, насколько же все было серьезнее, чем представлялось. Сотни, тысячи танков свидетельствовали не об отдельных, случайных рейдах, а о широкой, развернутой кампании.

— Власти обязаны защитить людей, — не выдержав, возмутился я, — хотя бы раздать оружие! Какая к черту экономика, когда невозможно подойти к морю. Они должны сделать, чтобы люди могли нормально жить и работать.

— Кто знает, где танки вынырнут в следующий раз, — откликнулась Филлис, — нужны молниеносные действия, а это значит, что каждый должен иметь при себе оружие днем и ночью.

— Вот именно. Так что правительство никуда не денется и раздаст его.

— В самом деле?

— Что ты хочешь сказать?

— Тебе не кажется странным: власть, якобы правящая по воле народа, готова пойти на все, лишь бы не давать этому народу в руки оружие? Народ защищает не самого себя, а правительство. Разве не так? Исключение разве что швейцарцы: они доверяют своему правительству, но у них нет выхода к морю и, следовательно, нет наших забот.

Филлис меня озадачила. Сегодня она выглядела особенно усталой и была совсем не похожа на себя.

— Что случилось, Фил?

— Ничего, — Филлис вздрогнула, — просто у меня сдают нервы при виде всей этой лжи и грязи. Майк, тебе никогда не хотелось родиться в век Истинного, а не Мнимого Разума? Мне кажется, они скорее отдадут этим монстрам тысячи жизней, нежели рискнут раздать людям оружие, и найдут для оправдания своего решения массу доводов. Какое им дело до нескольких тысяч или миллионов людей?! Женщины всегда восполняют потери. А вот ценным правительством рисковать нельзя.

— Дорогая...

— Нет, конечно, что-то они сделают. Например, поставят парочку гарнизонов в особо опасных местах. Но все равно всегда и везде они будут опаздывать. Плотно набитые человеческим мясом шары будут катиться к морю, несчастных девушек, как Мюриэл, будут тянуть за волосы по асфальту, людей будут разрывать на куски, как того парня, которого ухватили сразу две медузы... вот тогда прилетят самолеты, а адмиралы скажут: «Нам ах как жаль, мы немножко опоздали, но вы сами понимаете, что существуют определенные трудности, сборы, приготовления». Или я не права?

— Но, Фил, дорогая...

— Я знаю, что ты хочешь сказать, Майк. Я действительно разволновалась. Никто, никто ничего не делает! Никаких попыток что-нибудь изменить! Все говорят: «Боже, Боже, какой упадок». Одни слова, слова, слова... будто словом можно остановить катастрофу. Зато стоит появиться Бокеру, как тут же его объявляют паникером. Так сколько, Майк, сколько, по их мнению, должно погибнуть людей, чтобы они сочли нужным что-либо сделать?

— Но, Фил, они же пытаются...

— Да? Майк, они просто балансируют! Какова минимальная плата за сохранение политического господства?

Сколько людей должно погибнуть до возникновения опасности? Разумно ли на данном этапе объявлять чрезвычайное положение? Сплошная болтовня и нежелание ударить палец о палец. О, я бы!.. — Она неожиданно умолкла. — Прости, Майк, что-то я совсем расклеилась. Наверное, просто устала.

Филлис вышла. Этот ее взрыв очень меня беспокоил. С тех пор как умер наш ребенок, я не видел ее в таком состоянии.

Следующее утро ничего не изменило. Я нашел Филлис сидящей в беседке. Уронив голову на руки, она плакала.

— Дорогая, любимая моя, что случилось? — Я нежно поцеловал ее.

Филлис посмотрела на меня.

— Я больше так не могу, — сказала она, слезы текли по ее щекам.

Я сел рядом и обнял Филлис за плечи.

— Все пройдет, моя хорошая, не расстраивайся.

— Нет, не пройдет, Майк. Мне страшно. — Она посмотрела на меня каким-то странным испытующим взглядом.

— Тебе нечего бояться, Фил.

— А ты, ты не боишься?

— Мы просто засиделись, Фил. Скисли, размякли над своими сценариями. Давай прогуляемся. По-моему, неплохо бы прокатиться на серфинге.

Филлис утерла рукой слезы.

— Хорошо, пойдем.

Стояла чудесная погода. Ветер, море, серфинг вернули Филлис к жизни. Она почувствовала себя намного лучше.

— День-два, — сказала она, — и все заживет без следа.

Довольные, мы вернулись в коттедж в половине десятого вечера. Филлис пошла варить кофе, а я включил радио. Поймав Би-би-си, где шла пьеса, в которой Гледис Янг собиралась стать заботливой матерью, я тут же переключил приемник на родную И-би-си. Там передавали какую-то нудятину, но я оставил ее — пусть говорят.

Вскоре передача кончилась и некто, кого я никогда прежде не слышал, представил своего закадычного друга — из динамика грянула песня:

Я сижу в лаборатории,
Раскалился добела...

Понадобилось время, чтобы до меня дошло, что происходит. Я уставился на приемник.

Ох вы, атомы ядерные,
Термоядерный утиль!

За спиной раздался грохот. Я обернулся и увидел Филлис, у ее ног валялся поднос с разбитыми чашками. Колени Филлис подкосились, я едва успел подхватить ее и усадить в кресло.

Я бы выждал до утра
Взмыл бы в небо авиатором...

Я выключил радио. Каким-то образом И-би-си удалось раздобыть песенку Лесли, Тед успел ее записать...

Филлис не плакала. Она сидела в кресле и раскачивалась из стороны в сторону.

— Я дал ей успокоительного, и она уснула, — сказал доктор. — Вашей жене нужен отдых и перемена обстановки.

— Как раз за этим мы и приехали, — заметил я.

— Вам, кстати, тоже, — задумчиво произнес он, оглядывая меня.

— Со мной полный порядок. Я одного не понимаю, доктор: в сущности, она знает не больше других, все видели пленки. Правда, мы сами были участниками...

— Вам это часто приходит во сне, не так ли? — спросил он, внимательно глядя мне в глаза.

— Да, парочка кошмаров...

Доктор кивнул:

— И раз за разом все прокручивается, как наяву? Особенно то, что связано с женщиной по имени Мюриэл и мужчиной, которого разорвало надвое?

— Да, — опешил я. — Откуда вы знаете? — Тут меня осенило. — Но я обмолвился об этом раз или два, не больше! Я сам почти уже забыл...

— Такое вряд ли скоро забудешь.

— Вы хотите сказать, что я разговариваю во сне?

— И, по-видимому, часто.

— Понятно. Поэтому Филлис...

— Да. Я дам вам адрес моего друга с Харли-стрит, обязательно завтра же загляните к нему.

— Хорошо, доктор. Знаете, это все работа: каждый день я занимался тем, что описывал весь этот ужас. Теперь я могу расслабиться.

— Возможно. Но все равно зайдите на Харли-стрит.

Врачу с Харли-стрит я признался, что в своих сновидениях не Мюриэл, а Филлис видел влекомой за волосы по асфальту, и не парня разрывали на части, а именно ее — Филлис. Видно, она провела немало бессонных ночей, не давая мне в бреду кинуться в окно.

— *Quid pro quo**, — сказал на это врач.

Нирвана — для избранных. И тем не менее я тоже на какое-то время окунулся в блаженство в старинном замке графства Йоркшир, куда мне посоветовали отправиться отдохнуть.

Первые дни при полном отсутствии газет, радио, телевидения не вызвали ничего, кроме раздражения, но затем я прямо физически ощутил, как ослабевают струны перенапряженных нервов. Казалось, произошла смена скоростей: непрерывная гонка уступила место стабильной размеренности, мотор заработал нормально. Пришло внутреннее упрощение, появились постоянные привычки. В общем, я стал другим человеком и за полтора месяца так втянулся в дурман ничегонеделания, что запросто застрял бы в Йоркшире еще Бог весть насколько, если бы в один прекрасный день жажда не привела меня в маленький пивной ресторанчик.

Я стоял за стойкой, потягивая пиво. Хозяин включил радио. Наш архиконкурент передавал вечерние новости, и первое же известие пробило брешь в моей, с таким трудом воздвигнутой, китайской стене.

«Число жертв в Овьедо-Сантандер, — сообщал диктор, — до сих пор не установлено. На сегодняшний день зарегистрировано три тысячи двести пропавших без вести, однако испанские власти полагают, что цифра занижена на пятнадцать—двадцать процентов. Со всех частей света в Мадрид продолжают поступать телеграммы с выражением соболезнования; среди них из Сан-Хосе, Гватемалы, Сальвадора, Ла Серены, Чили, Банбери, Западной Австралии, а также с

* Одно за другое (*лат.*)

многочисленных островов Вест-Индии, которые сами пережили страх варварских нападений. Однако кошмар, доставшийся на долю жителей северного побережья Испании, ни с чем не сравним.

Сегодня в парламенте лидер оппозиции, присоединившись к премьер-министру, выразил глубокие соболезнования по поводу несчастья, постигшего испанский народ. Он отметил, что последствия нападений в Хихоне могли быть намного печальнее, если бы люди не взяли защиту в свои руки. Задача нашего правительства, подчеркнул он, — обеспечить население всеми средствами обороны. А если власти уклоняются от своего долга, то пусть потом не осуждают народ за вынужденную самозащиту.

С незапамятных времен, напомнил он, у нас существует армия для обеспечения внешней безопасности; в 1829 году мы образовали полицию, дабы обезопасить себя от внутренних врагов; как бы теперь не оказалось, что правительство не способно оградить от страшного бедствия жителей побережья, которые имеют на это полное право, принадлежа к великой нации.

Члены оппозиции считают, что правительство, не выполнив предвыборные обязательства, порочит название своей партии, что политика сбережения ничем не отличается от скарденности. Самое время, говорит оппозиция, принять меры для безопасности, чтобы жителей наших островов не постигла судьба испанцев.

Премьер-министр уверил оппозицию, что правительство внимательно следит за ходом дела и конкретные шаги, если это понадобится, будут предприняты незамедлительно. Однако, заметил он, Британские острова расположены вдали от Глубин, в которых сосредоточена главная угроза.

Имя Ее Величества возглавляет список фонда, открытого лорд-мэром Лондона для...»

На этом месте хозяин выключил радиоприемник.

— Эх! — возмутился он. — Из себя выводит. Одно и то же, одно и то же. Сколько можно? Что мы, шпингалеты неразумные?! Как во время войны, ей-Богу! Дерьмовая охрана по всему городу, ожидающая дерьмовых десантников, дерьмовое вооружение, дерьмовое затемнение, тьфу! Как сказал один старик: «За кого они нас принимают?!»

Я предложил ему выпить и, объяснив, что оказался без новостей, спросил о том, что происходит в мире.

Если отбросить его однообразное прилагательное и добавить то, что мне удалось выяснить несколько позже, события разворачивались примерно так: последние недели область набегов расширилась за пределы тропиков. Банбери, а также Западную Австралию атаковало более пятидесяти танков. Спустя несколько дней врасплох была захвачена Ла Серена. В это же время в Центральной Америке на Тихоокеанское и Атлантическое побережья обрушилась целая серия вторжений. Неоднократно подвергались нападениям острова Зеленого Мыса; опасная зона распространилась вплоть до Канарских островов и Мадейры. Незначительные вылазки зарегистрированы в районе Африканского Рога.

Выражение «*Ex Africa semper olivum novum*» можно несколько вольно перевести как: «Все любопытное случается там, где нас нет», то есть Европа, по мнению европейцев, была, есть и будет стабильна. Ураганы, землетрясения, цунами — все это слишком экстравагантно для Европы и божественным провидением направлено в более экзотические и менее здравомыслящие части света. Европейец сам в периоды своих буйных помешательств наносил Европе куда больший ущерб. Так что никто всерьез не думал, что беда может грянуть ближе, чем где-нибудь на Мадейре или Касабланке. Поэтому, когда пять дней назад танки выползли на скользкую дорогу к Сантандеру, для жителей это было как снег на голову.

Едва они появились на улицах города, местный гарнизон был поднят на ноги тревожными телефонными звонками. Кто-то бешено орал в трубку, что вражеские подводные лодки вторглись в порт, кто-то утверждал, что субмарины высаживают танковый десант, кто-то называл субмарины «амфибиями», короче, никто в гарнизоне ничего не понял, на место происшествия выслали разведотряд.

А тем временем танки занимали позицию. Верующие, уверенные в дьявольском происхождении «амфибий», латыни призывали непрошенных гостей вернуться, откуда явились — к своему Господу-Люциферу. Но «амфибии», нигде не взирая на заклинания, медленно выходили на позицию, гонимые перед собой несчастных служителей культа.

Подоспевший разведотряд с трудом пробивал себе дорогу в толпе молящихся горожан.

«Будь то иностранное вторжение или сам Дьявол в плоти, правда за нами», — решил командир отряда и приказал открыть огонь.

Комиссариат, приняв пальбу на улице за восстание военных, бросил полицию на подавление мятежа.

Началась какая-то партизанщина. Грохот выстрелов, причитания молящихся, стоны раненых, иступленные крики попавших в сети кишечнорастворимых — все слилось в единую апокалиптическую симфонию.

Только наутро, когда пришельцы убрались восвояси, выяснилось, что бесследно исчезло более двух тысяч человек.

— Но почему так много? — не удержался я. — Они что, так и молились прямо на улице?

Как понял из газет хозяин паба, люди просто не могли взять в толк, что творится.

— Они там не шибко грамотные, — пояснил он, — прессы не читают и, что в мире дерьмо такое, понятия не имеют. А потом началась дерьмовая паника: счастливым удалось бежать, но, в основном, все пытались забраться под крыши.

— Но там же им ничего не угрожало? — изумился я.

Оказывается, мои сведения устарели. Со времен Эскондиды твари кое-чему научились; в частности, они усвоили, что, если разрушить первый этаж, здание разваливается само собой и остается только подбирать людей на развалинах. Таким образом, выбора не было: либо погибнуть под обломками, либо — на свежем воздухе.

На следующую ночь близ Сантандера дозорные заметили огромные полуовальные тени, выползающие на берег во время прилива. Жителей, слава Богу, успели эвакуировать, а испанская авиация остановила танки пулеметным огнем и бомбами.

В Сан-Висенте ВВС уничтожили целую дюжину, а остальных заставили повернуть назад.

Еще в четырех прибрежных городах войска потрудились на славу: из пятидесяти танков в Глубины возвратилось лишь пять. Это была крупная победа, и немало тостов было поднято в честь доблестной армии.

На другую ночь ничего не произошло, хотя нападения ждали и расставили дозорных вдоль всего побережья. Вероятно, танки или те, кто их посылал, получили болезненный урок.

Утром поднялся ветер, а к вечеру над морем расстелился такой густой туман, что было видно не дальше, чем на несколько ярдов. Около одиннадцати без единого звука в Хихоне показались танки. И только треск ломающихся шаланд на их пути разбудил рыбаков.

Прежде чем все поняли, что случилось, первый танк уже успел выпустить пузырь. Раздались крики, началась суматоха.

Медленно и неуклюже продвигались адские машины по узким улочкам города, за ними из воды появлялись все новые и новые. Люди не знали, куда деваться: убегая от одного танка, они наталкивались на другой и так без конца; из тумана выбрасывалась призрачная нить, находила свою жертву и ускользала обратно в туман. Плотно набитые шары один за другим с плеском исчезали в море.

— Высадились, — угрюмо сказал дежурный по комиссариату и медленно опустил трубку телефона. — Мобилизовать всех боеспособных и раздать автоматы! — приказал он и добавил: — Вряд ли они помогут, но чем черт не шутит. Цельтесь хорошенько и, если обнаружите уязвимое место, тут же доложите.

Внезапно раздался взрыв, задрожали стекла; следом еще один. Зазвонил телефон. Взволнованный голос сообщил, что докеры бросают под танки динамитные шашки. И снова взрыв.

— Отлично! — Дежурный тут же принял решение. — Найдите их главного и от моего имени назначьте командиром.

Но не так-то просто было заставить неприятеля отступить. Бойня продолжалась почти до самого рассвета. Кто говорил, что было всего пятьдесят танков, кто утверждал, что — сто пятьдесят. Одни уверяли, что уничтожили семьдесят ползучих гадов, другие — тридцать.

Когда занялась заря и рассеялся туман, город представлял собой сплошные развалины, покрытые толстым слоем вонючей слизи. Но люди чувствовали, что заслужили лавры победителей.

— Около сотни этого дерьма, — заключил владелец паба, — уничтожили за две ночи. А сколько их еще ползает по дерьмовому дну?! Пора уже их с дерьмом смешать дерьмо такое! Но нет! «Причин для беспокойства нет», — говорит наше дерьмовое правительство. Ха! Слышали, знаем Причины дерьмовой нет, видите ли, для дерьмового беспокойства! Вот так и будет, пока тыщу-другую бедолаг не схрумают летучие медузы! Тогда и посыплются дерьмовые приказы, вот увидишь.

— Бискайский залив, — заметил я, — самое глубокое место в нашем регионе.

— Ну и что? — по делу спросил он.

Вот именно — ну и что. Давно прошли те времена, когда нападения совершались исключительно вблизи Глубин. Даже если взглянуть на это с точки зрения механики: медленный покатый подъем куда удобнее кручи. Но, с другой стороны, чем выше давление извне, тем меньше им надо тратить внутренней энергии. Господи, как мало мы о них знаем!

Мы выпили за то, чтобы его слова не сбылись, и я побрел назад в замок.

Колдовские чары распались, я уложил вещи и сообщил всем, что утром уезжаю в Лондон.

Чтобы не скучать в дороге, а заодно войти в курс событий, я накупил кипу газет.

«Защита побережья...», «Защита побережья...» — мелькало на каждой странице. Левые ратовали за немедленное вооружение, правые называли опасность химерой и всячески ее отвергали. В принципе, ничего не изменилось. Ученые еще не создали панацею, хотя что-то, как обычно, испытывалось. Порты были забиты судами, авиастроительные заводы работали в три смены, рабочие угрожали забастовкой, а коммунистическая партия вещала, что каждый самолет — это еще один голос, отданный за войну.

«Никого не обманет, — утверждали товарищи из Кремля, — что форсирование воздушных программ не что иное, как часть буржуазно-фашистских замыслов по развязыванию войны. Негодование русского народа, который сопротивляется одной лишь мысли о возможной войне, так велико, что в целях защиты мира правительство СССР приняло решение утроить производство самолетов. Войны можно избежать!»

Данный анализ этого утверждения нашими советологами не оставил сомнений, что Дельфийский оракул перенесен из Дельф в Москву, а незабвенная Пифия из храма Аполлона — прямо в Кремль.

Первое, что я увидел, открыв дверь, — куча конвертов на полу. Квартира была явно брошена. В спальне — следы поспешных сборов, в кухне — немытая посуда.

Я взглянул на настольный календарь, на нем неделю назад рукой Филлис было нацарапано лаконичное — «баранья отбивная».

Рядом лежала ее записная книжка. Обычно я никогда не заглядываю в нее, придавая ей статус личных писем, но сегодня — исключительный случай: нужно было найти хоть намек, где искать Филлис. Я открыл блокнот, однако последняя запись не внесла никакой ясности:

Неугомонный мистер Нэш*, ученая душа,
Открыл словарь и все слова смеясь перемешал
И «да» — не «да», и «нет» — не «нет»!
О мистер Бард! О мистер Бред!

И пусть мне жить еще и жить, и снова, и опять,
Но все равно мне рифмы той вовек не отыскать —
Той рифмы, что прекрасней грез,
Что Огден Нэш с собой унес

— Здесь меньше грез, а больше слез, — вырвалось у меня, — и совсем никаких объяснений. Определенно никаких, — пробурчал я и взялся за телефон.

Приятно было услышать, как обрадовался мне Фредди Виттиер.

— Ну-ну, — прервал я поток приветствий и поздравлений с возвращением, — я так долго никого не видел и ни с кем *incomunicado****, что, кажется, потерял жену. Ты не просветишь меня?

— Потерял, прости, что?

— Жену, Филлис! — почти прокричал я.

— Фу-у-у! — облегченно вздохнул на другом конце провода Фредди. — Мне послышалось «жизнь». Филлис в порядке, не волнуйся. Она уехала с Бокером.

— Тебе не кажется, Фредди, что это не лучший способ сообщать новости? Что ты хочешь сказать этим своим «уехала с Бокером»?

— В Испанию, — лаконично пояснил Фредди, но тут же добавил: — Они там ставят какие-то ловушки на танки. В ближайшее время надо ждать от нее известий

— Значит, она прикарманила мою работу?

— Наоборот, сохранила для тебя. Это другие пытались, а она не дала. Хорошо, что ты вернулся, Майк. Филлис продержалась на курорте куда меньше, через неделю она уже приехала в Лондон.

* Огден Нэш — американский поэт (1902—1971)

** Не общался (*исп.*)

Пустая квартира вселяла в меня уныние, и я допоздна проторчал в клубе.

Меня разбудил затрезвонивший прямо над ухом телефон. Включив свет, я обнаружил, что всего пять часов утра.

— Алло?

Это был Фредди. Мое сердце тревожно забилося — с чего бы ему будить меня в такую рань?

— Майк? Надевай шляпу, бери магнитофон, за тобой уже послана машина.

— Машина? — туго соображая, переспросил я. — Что-нибудь с Филлис?

— Филлис? О Боже, нет, конечно! Она звонила вечером, я передал ей от тебя поцелуй. А теперь пошевеливайся, старик. Машина будет с минуты на минуту.

— Погоди, у меня нет магнитофона. Он, наверное, у Фил.

— Дьявол! Постарайся раздобыть к самолету.

— К самолету? — Я совсем растерялся, но в трубке уже раздавались гудки.

Нехотя я выскользнул из-под одеяла и принялся одеваться. В дверь позвонили.

— Что все это значит? — спросил я нашего постоянного шофера.

Но он знал только, что меня надо доставить к самолету, улетающему спецрейсом в Нортольт. Я захватил паспорт, и мы вышли.

— А вот и еще один «Говорящий Голос»! Да это же наш Ватсон! — окликнули меня в зале ожидания.

Я оглянулся и присоединился к небольшой заспанной группе с Флит-стрит, попивающей горячий кофе.

— Что все это значит? — поинтересовался я. — Какого черта меня вытащили из теплой, хотя и одинокой постели, поволокли ночью... О, спасибо. Да, это немного оживит

Самаритянин, протягивающий кофе, уставился на меня

— Ты что, ничего не слышал?

— О чем?

— Как? О подводных тварях. Ирландия, Банкрана, До-негол — город гномов и волшебных духов. Как раз место для этих гадов. Не сомневаюсь, аборигены наверняка скажут, что их снова дискриминировали, что первый город на Британских островах, который посетили танки, не

случайно оказался ирландским. Помяни мое слово, обязательно скажут.

Паспорт мне не пригодился.

Странно было почувствовать знакомый запах гнилой слизи в маленьком ирландском поселке. Эскондида, Смиттаун — тропическая экзотика, но здесь, среди мягкой зелени и туманной синевы, морские танки и медузы со своими отвратительными щупальцами казались совершенной нелепицей.

И тем не менее следы нашествия были повсюду. Борозды на пляже, вдавленный в землю булыжник, покореженные дома, женщины с красными от слез глазами, видевшие, как их мужья скрылись за полупрозрачными стенками пузырей, все та же мерзкая слизь и жуткий запах.

Донегол посетило шесть танков. Три из них удалось подорвать подоспевшим военным, остальные добрались до воды целыми и невредимыми. Больше половины населения, скатанное в тугие коконы, бесследно исчезло в море. Следующей ночью набег повторился, но несколько южнее — в заливе Голуэй.

Когда я вернулся в Лондон, кампания уже шла полным ходом. Здесь не место в деталях ее описывать — копии официальных сообщений сохранились до сих пор, и они гораздо точнее, нежели мои путанные воспоминания.

Вернулась и Филлис. Мы сразу кинулись в работу, — работу для нас новую и необычную. Мы поддерживали связь с Адмиралтейством, а также с Бокером и сообщали нашим слушателям, что предпринимается властями против танков.

А предпринималось действительно немало. Ирландская Республика оставила прошлые обиды, рассчитывая получить от Соединенного Королевства побольше мин, базук, минометов, и даже согласилась расквартировать воинские подразделения. По всему западному и южному побережью заложили минные поля, в приморских городах расставили патрули, наготове стояли броневики и самолеты.

Но ничто не останавливало подводных дьяволов. Ирландия, Британия, Бискайский залив, Португалия ночь за ночью подвергались разрушительным набегам. И все-таки главное оружие противника — внезапность — было утрачено: первый же подрывавшийся на mine танк поднимал по тревоге армию, людей спешно эвакуировали, и, хотя разрушений

было много, медузы, как правило, оставались без добычи. А то и вовсе ни одна тварь не возвращалась в море.

Много хлопот танки доставили по другую сторону Атлантики — в районе Мексиканского залива. Здорово досталось и Филиппинам, Японии, островам Индийского океана, но и там, в итоге, на них нашли управу.

Бокер сломя голову носился по всему миру, убеждая власти разных стран поставить хоть парочку капканов, но безуспешно. Все соглашались с ним: мол, было бы полезно узнать о враге побольше, но, ссылаясь на практические трудности, отказывали. «Вряд ли, — говорили ему, — люди пойдут на то, чтобы у них под боком отвратительный монстр безнаказанно продуцировал ненасытных медуз».

Все же несколько ловушек типа ловчей ямы Бокер вырыл, однако никто в них не попался. Тогда он, приложив всю мощь своего красноречия, убедил каких-то защитников не взрывать танки, а набрасывать на них стальную сеть. Сеть набросили, но что делать дальше, никто не знал. При всякой попытке вскрыть танк в воздух выбрасывался целый гейзер вонючей слизи, а частенько они просто взрывались сами по себе. По мнению Бокера, это вызывалось прямыми солнечными лучами, хотя были на этот счет и другие мнения. Короче говоря, изучение природы подводных существ не продвинулось ни на шаг после ночи на Эскондиде.

Из всех стран Северной Европы больше всего атак пришлось на Ирландию, как полагал Бокер, откуда-то из Глубин южнее Рокалля. Надо отдать должное ирландцам — они быстро научились справляться с нечистью и считали позором, если хоть один танк ускользал из их рук. В Шотландии обошлось почти без жертв, а что касается Англии, то на ее долю выпало несколько мелких инцидентов в Корнуэлле, ну разве что еще вторжение в Фалмутский порт: там двум танкам удалось достигнуть линии прилива, где их и уничтожили, остальные не доползли даже до берега.

Затем набег прекратился. Прекратился неожиданно, и на материках — полностью.

По прошествии недели никто не сомневался, что некто, прозванный «Полководцем Глубин», дал отбой. Континенты оказались ему не по зубам, попытка захвата материков с треском провалилась, и танки отступили к островным районам. Но и там ситуация давно изменилась: неприятель нес крупные потери.

Еще через неделю отменили чрезвычайное положение.

День или два спустя Бокер дал в эфире свои комментарии.

«Некоторые из нас, — начал он, — не самые разумные, уже отпраздновали победу. Им я могу сказать, что, если вода в котле не закипела только потому, что у каннибала кончились дрова, жертве в котле рано радоваться. И если эта жертва не хочет быть съеденной, ей надо спешно что-нибудь предпринять, пока людоед не вернулся с охапкой хороших сухих дров.

Давайте внимательно посмотрим на так называемую победу. Мы, морская нация, в расцвете своего могущества, боимся выйти в открытое море! Нас вытеснили из среды, которую мы испокон веков считали своей. Мы еще отваживаемся выйти в мелкие прибрежные воды, но как долго это продлится? Где гарантия, что нас не погонят и оттуда? Мы — в блокаде, в блокаде более серьезной, чем когда бы то ни было. Наш хлеб насущный зависит от авиации! Даже ученые, пытающиеся изучить причину наших несчастий, и те отправляются в путь исключительно на парусниках! И это вы называете победой?!

Никто, никто еще не может сказать, где корень зла. Возможно, те, кто высказался о «ловле креветок», недалеко от истины. Возможно. Лично я уверен, что все не так просто. А может быть, им нужна суша? Что ж, надо признаться, их попытки захватить сушу гораздо успешнее, чем наши — достичь Глубин. Следовательно, они лучше осведомлены о нас, чем мы о них, и потому опасны. Вряд ли эти существа пойдут старым путем, я думаю, они обязательно применят новое оружие. Но что будем делать мы? Сумеем ли противопоставить свое? Полагаю — нет. А вы?

На сегодняшний день потребность в оружии для нас не уменьшилась, а напротив — возросла многократно.

Кто-то может упрекнуть меня в том, что еще вчера я призывал к дружбе с ними, а сегодня — развернулся на сто восемьдесят градусов. Все правильно, но ведь никто же не попытался достигнуть взаимопонимания. Вероятно, ничего бы не вышло, теперь я в этом убежден, но, без сомнения, то, что я когда-то пытался предотвратить, нарастало и требует немедленного разрешения. Два Разума ненавидят друг друга. Жизнь во всех ее формах — борьба, и Разум — самое мощное оружие в этой борьбе. Разум — абсолют, а двух абсолютов быть не может.

Ход событий показал, что моя прежняя точка зрения оказалась печально антропоморфична. И я заявляю: как только мы отыщем контроружие, мы должны, обязаны напасть и стереть их с лица Земли. Сейчас нам дарована Провидением небольшая передышка, но они вернуться, непременно вернуться, ими движет то, что движет и нами: убить или умереть. И когда они вернуться, не дай Бог, они будут лучше вооружены...

Это — не победа. Я повторяю, это — не победа...»

Наутро я встретил Пэнделла из отдела связи. Он посмотрел на меня печальным взором.

— Мы пытались, — стал оправдываться я. — Мы сделали, что могли, но на него снизошло вдохновение.

— Увидишь его, передай все, что я о нем думаю, — попросил Пэнделл. — Дело не в том, что он не прав: я просто не знаю другого человека с таким поразительным даром портить людям праздник. Если вдруг случится, что он снова появится в нашей программе — приемники выключат тысячи слушателей. Дай ему дружеский совет — в следующий раз обратиться на Би-би-си.

Так получилось, что мы встретили Бокера в тот же день. Он, естественно, поспешил услышать отклики на свое выступление. Я, по возможности щадя его самолюбие, рассказал, что мне было известно.

— Примерно то же — во всех газетах, — вздохнул он. — И за что я осужден навечно жить в демократической стране, где дурак равен разумному человеку? Если бы та энергия, что идет на околпачивание простаков в погоне за их головами, была направлена на полезную деятельность — вот была бы нация! А так — что?! По меньшей мере три газеты ратуют за «сокращение миллионов, выброшенных на исследования», и это ради того, чтобы каждый смог купить в неделю лишнюю пачку сигарет! А значит, возрастет стоимость перевозок табака, следовательно, поднимутся налоги и так далее. А суда тем временем ржавеют в портах. Какая бессмыслица!

— Но мы же выиграли сражение, — возразила Филлис

— Стало хорошей традицией, — съязвил Бокер, — сначала получать тумачи, а уж потом выигрывать войну.

— Ну и что?! — воскликнула Филлис. — Мы проиграли море, но в конце концов...

Бокер застонал и закатил глаза:

— Ну и логика!..

Тут вмешался я:

— Вы считаете, что они намного превосходят нас, не так ли?

— Не знаю, что и ответить, — нахмурился он. — Скорее они мыслят иначе. А если так, нельзя проводить никаких аналогий, любая попытка сравнения только собьет с толку.

— И вы действительно считаете, что война не кончена? — спросила Филлис. — Это не желание помочь задыхающемуся судорожному?

— Вам так показалось?

— Нет, но...

— Да, я имел в виду и это. Выбора нет: либо — мы, либо — нас. И если в ближайшее время...

Я сидел на корме и осторожно правил обернутым войлоком веслом. Вдруг что-то зашуршало о борт, и лодка дрогнула, наткнувшись на упругое препятствие.

Я напряженно вглядывался в темноту, пытаюсь разобрать, на что мы напоролись, — вряд ли это мог быть берег — Что это? — прошептал я.

Филлис привстала, резко качнув нашу маленькую лодочку.

— Сеть, огромная сеть, — отозвалась она.

— Попробуй ее поднять.

Лодка накренилась, грозя опрокинуться.

— Нет, слишком тяжелая.

Такой задержки я не предвидел.

Пару часов назад, изучив с церковной крыши дальнейший путь, я заметил на северо-западе узкий проход между двумя холмами и подумал, что если удастся благополучно миновать этот перешеек, то дальше можно будет плыть в относительной безопасности. Мы дождались прилива и под прикрытием ночи пустились в дорогу. Устроившись на корме, я потихонечку правил веслом, позволяя течению бесшумно нести нас в направлении канала. И вот теперь этот невод...

Я развернул лодку и веслом нащупал сеть. «Не менее полудюйма», — прикинул я толщину веревки, вытаскивая из кармана складной нож.

— Придержи сеть, — попросил я Филлис.

Но не успел я открыть лезвие, как над нами взвилась осветительная ракета, заливая ярким светом всю округу.

С левого от нас торфяного холма прямо в воду сбегала узкая тропинка, вдоль которой росло несколько кустов. От самой вершины до подножия холма тянулся ряд домов; далее из воды торчали лишь крыши да трубы.

Вдруг на берегу щелкнул затвор винтовки, раздался глухой выстрел и над моей головой просвистела пуля. Мы кинулись на дно лодки.

— Убирайтесь туда, откуда явились! — долетел до нас голос с острова.

Мы подняли головы.

— Мы просто хотим добраться до своего дома, — прокричала Филлис невидимому собеседнику. — Мы проплываем мимо и не собираемся здесь останавливаться, тем более просить вас о чем-то.

— Все так говорят. Ну и куда же вы плывете?

— В Корнуэлл.

— В Корнуэлл? — засмеялся человек. — Что ж, тогда у вас еще есть надежда.

— Да, — подтвердила Филлис.

— И все равно уматывайте, иначе буду стрелять. Давайте, давайте отсюда!

— У нас достаточно еды... — начала Филлис.

Я замахал на нее руками. Теперь я окончательно убедился, что мы сможем достичь коттеджа, только пробираясь тайком, и уж вовсе не стоит афишировать, что у нас есть съестные припасы.

— Хорошо, — крикнул я. — Мы уходим!

Надобность сохранять тишину отпала, я отгреб от сети и взялся за шнур мотора.

— Вот так-то лучше. И больше не пытайтесь, — посоветовал невидимка. — Это я такой старомодный, а другие не столь щепетильны и с радостью разmozжат вам головы. Я не любитель пулять без разбора.

Ракета догорела, тьма снова сомкнулась над нами.

Филлис перебралась на корму и крепко стиснула мое колено.

— Мне жаль, что так вышло, — сокрушенно вздохнул я.

— Ничего, Майк, ничего. Рискнем еще разок где-нибудь в другом месте. Бог любит троицу.

— А ведь он мог бы попасть! — Я поежился.

— Судя по всему, мы не первые, кто хотел здесь провраться, — заметила Филлис. — Интересно, где мы сейчас находимся, ты не знаешь?

— Где-нибудь в районе Стейнс-Вейбридж. Жаль, что приходится отступать.

— Если б нас подстрелили, было бы хуже.

Мы медленно продвигались вперед, ориентируясь по одиноким факелам.

— Если тебе не известно, где мы находимся, то откуда ты знаешь, куда нам плыть? — поинтересовалась Филлис.

— Да я не знаю, — честно признался я. — Я просто «уматываю», как выразился этот джентльмен. По-моему, весьма разумно.

Сквозь густые облака изредка проглядывала серебристая луна. Филлис сидела, плотно укутавшись в пальто, и слегка дрожала.

— Июнь луна вино вина... — нараспев прочитала она. — Помнишь, как пели раньше июньскими вечерами на берегу... *Sic transit Gloria Mundi**.

— Но даже для того времени люди были не в меру оптимистичны, — откликнулся я. — Заметь, между прочим, самые умные всегда прихватывали теплые пледы.

— Да? И кто, например?

— Неважно. *Autres temps, autres mondes*.

— *Autre monde***, — озираясь, поправила меня Филлис. — Майк, ну нельзя же плыть неведомо куда! Давай найдем хоть что-нибудь, где можно согреться и выспаться, наконец.

— Хорошо, — согласился я и прибавил скорость.

Где-то в миле от нас возвышался курган, сплошь утыканный черными точками домов.

От него тянулась длинная цепочка полузатопленных зданий, и мы выбрали одно из них поприличнее — в позднем тригорианском стиле, подальше от острова.

Деревянная оконная рама так разбухла, что мне пришлось веслом выбить стекло. Проникнув внутрь, мы оказались в помещении, служившем некогда спальней. Филлис держала факел, освещая отделанную с большим вкусом комнату. Еще совсем недавно тут жили люди, а сейчас здесь было по щиколотку воды. Я прошлепал к двери и, поднатужившись, открыл ее — лестница, ведущая вниз, была полностью залита, но верхний этаж оказался чист и сух.

— Сойдет, — промолвила Филлис.

Она зажгла свечи и принялась обустраивать комнату на свой вкус, а я поспешил вниз, чтобы покрепче привязать лодку и перенести из нее наши скромные пожитки.

* Так проходит земная слава (*лат.*).

** Другое время — другой мир (*фр.*).

Вернувшись, я обнаружил, что Филлис скинула пальто, и улыбнулся, глядя, как она деловито и грациозно переставляет стулья, прекрасная в своем эластичном костюме, переливающимся в пламени свечей.

Мы завесили окна одеялами, чтобы никто не позарился на нашу лодку, заявившись на огонек. Затем, отодрав деревянные перила, я разжег камин, и мы славно устроились у огня, наслаждаясь теплом.

Отужинав сосисками и горячим чаем со сгущенным молоком, мы почувствовали себя почти как дома, хотя нас и не покидала мысль, что где-то в недоступных закромах бывшего особняка наверняка сокрыто нечто более лакомое, нежели сваренные в консервной банке сосиски и чай из дождевой воды.

Экономно затушив свечи, мы откинулись на подушки и расслабились, любуясь отблесками огня из камина.

— И что теперь? — спросила Филлис, передавая мне половинку сигареты.

— Как это ни печально, — ответил я, — но с мыслью о Корнуэлле, видимо, придется расстаться.

— Ты думаешь о том невидимке, который чуть не пристрелил нас? Почему он рассмеялся? Может, он нам не поверил?

— Мне кажется, что таких, как он, с ружьем наизготове, у нас на пути встретится еще ого-го сколько! И, думаю, его смех означал именно это.

— Даже вернись мы в Лондон, нас рано или поздно ждет то же самое. С каждым днем становится все хуже и хуже. Где-нибудь в деревне еще есть шанс выжить — там можно вырастить хоть что-то. А город — пустыня, пустыня из стекла и камня.

Филлис была права. С тех пор как кончились съестные припасы, город стал бесплодной пустыней. Именно поэтому я и решил перебраться в коттедж Роз. Там есть земля, правда, не ахти какая, но ни на что другое рассчитывать не приходилось — никто не позволит нам поселиться на плодородных землях. Вряд ли и в Корнуэлле нас встретят с распростертыми объятиями, но если никто еще не захватил коттедж, то у нас есть еще хоть какой-то шанс... конечно, если мы вообще туда доберемся.

Мы проговорили больше часа, но так ничего и не решили. Филлис зевнула. Разложив на кровати спальные мешки,

я подбросил в камин дров и, устраиваясь на ночь, положил в изголовье заряженный дробовик.

Надежда появилась на следующий день, вернее — около часа ночи, когда меня разбудил глухой стук.

Я сел на кровати. В комнате было темно, лишь несколько головешек слабо тлели в камине. Раздался еще один удар, а затем что-то заскреблось, затерлось, зацарапалось о наружную стену. Схватив ружье, я подскочил к окну и сдернул одеяло. Кругом плавал и бился о стены какой-то мусор. палки, обломки мебели. Лодка спокойно покачивалась на том же месте, где я ее привязал. И вдруг — снова глухой удар, теперь уже с противоположной стороны дома.

— В чем дело? — проснулась Филлис.

Мне некогда было ей отвечать: с дробовиком в одной руке и факелом в другой я бросился в соседнюю комнату.

Осторожно приоткрыв окно и предусмотрительно выставив вперед ружье, я глянул вниз. Маленькая моторная яхта, быстро уносимая течением, завернула за угол дома и скрылась из виду. Я успел разглядеть только лежащую на палубе женщину.

— Что случилось? — донесся до меня голос Филлис, когда я пробегал мимо дверей нашей спальни.

— Яхта, — бросил я, слетая вниз по ступеням.

Вода этажом ниже доходила уже до пояса, но мне было не до этого, я даже не почувствовал, насколько она холодна. С трудом забравшись в лодку, я еще изрядно попотел над мотором, и когда он завелся с пятого оборота, то яхты, конечно, уже и след простыл.

Я рванул вниз по течению и только совершенно случайно заметил в полузатопленной рощице мелькнувшую среди ветвей тень.

Кроме женщины, простреленной двумя выстрелами — в грудь и в шею, на яхте никого не было. Я скинул тело за борт и перебрался в свою лодку. У меня не было ни сил, ни желания разбираться в управлении, и я привязал яхту покрепче, чтобы течение не унесло ее до моего возвращения. Боясь схватить воспаление легких, я поспешил обратно, пока не зашла луна, а то не хватало еще заблудиться в темноте.

Оставлять яхту, конечно, было рискованно: в наше время это бесценная добыча. Но выбора не было. Я надеялся, что защитный цвет (красить суда во все цвета радуги перестали давным-давно) скроет ее.

Освободившись от мокрой пижамы, я завернулся в одеяло, которое Филлис предусмотрительно нагрела у огня, и приятное, спасительное тепло разлилось по телу.

— Яхта морская? — взволнованно спросила Филлис.

— Пожалуй, — согласился я. — С такими высокими бортами она действительно рассчитана на море, хоть и невелика.

— Не занудствуй, Майк. Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Сможет ли она доставить нас в Корнуэлл?

— Скорей уж сможем ли мы доставить ее в Корнуэлл. Попытаемся, конечно, а что нам еще остается? Интересно, что ты скажешь, когда увидишь ее?

— Погоди, посмотрим еще, цела ли яхта. Может, она вся в дырах.

После ночного купания тепло подействовало, как снотворное. Попросив Филлис разбудить меня с рассветом, я уснул в наилучшем за последние несколько недель расположении духа. Я знал, что мы отправляемся в Корнуэлл не на пикник, но оставаться в Лондоне было хуже во сто крат. Лондон — медленно захлопывающийся капкан, — капкан, из которого хорошо бы унести ноги, пока он не лязгнул зубами.

Бокер даже не предполагал, предупреждая мир о грядущей опасности, что глубоководные существа уже пустили в действие новое оружие. Прошло шесть месяцев, прежде чем человечество осознало происходящее.

Если б суда продолжали следовать своими обычными маршрутами, события на море не ускользнули бы от глаз людей. Но трансатлантические перевозки стали достоянием авиакомпаний, а повышенная туманность на западе Атлантики не причиняла неудобств летающим на больших высотах самолетам. Поэтому доклады пилотов о плотных скоплениях тумана просто регистрировались, и только.

Просматривая сообщения тех дней, я обнаружил, что примерно тогда же появились сообщения о необычно большой облачности на северо-западе Тихого океана; плохая погода установилась севернее японского острова Хоккайдо, а еще севернее — у Курил, по слухам, и того хуже.

Но так как уже давно никто не осмеливался пересекать Глубины, известия об изменениях в климате были отрывочны и мало кого заинтересовали. Даже аномальная туманность у побережья Северной Америки долго не привлекала внимания.

В Англии, хоть и жаловались на промозглое лето, но скорее по привычке.

Мир бы еще невесть сколько оставался в неведении, если б не русские. Москва объявила о появлении на советской территории обширной области густого тумана с эпицентром на 130' восточнее Гринвича, на 85-й параллели. Русские ученые установили, что никогда за время советской власти в этом регионе не наблюдалось ничего подобного, тем более в течение целых двенадцати недель. «А значит, — заявило советское правительство, — это не что иное, как подрывная деятельность капиталистических поджигателей войны. Права СССР на область между 32' восточнее Гринвича и 168' западнее Гринвича подтверждены международным законодательством, следовательно, любое посягательство на социалистическую собственность рассматривается как акт агрессии. Советский народ вправе принять любые меры для сохранения мира в этом районе».

«Народы Запада, — тут же откликнулся Госдепартамент США, — заинтригованы советской нотой. Они хорошо помнят территориальное деление Арктики и, в свою очередь, точности ради, напоминают советскому правительству истинные координаты их арктических владений: 32° 4' 35" восточнее Гринвича и 168° 43' 35" западнее Гринвича, а это несколько меньшая область, чем заявлено в ноте. Однако последние наблюдения указывают на существование точно такого же явления и над территорией Соединенных Штатов, с центром тоже близко к 85-й параллели, но на 79' западнее Гринвича. По стечению обстоятельств именно этот район выбран правительствами США и Канады в качестве полигона для испытания ракет большой дальности. Подготовка к испытаниям уже завершена и пробные запуски назначены на ближайшие дни».

Русские в своих комментариях указали на странность места, выбранного для полигона, где невозможны визуальные наблюдения. Американцы, не отставая от русских, изумились славянскому рвению к установлению мира в необитаемых районах.

Обмен нотами двух сверхдержав привлек внимание общественности к необычному явлению. Вот тогда и выяснилось, что удивительно густой туман распространился чуть ли не по всему земному шару.

Первое сообщение, которое что-то прояснило в беспредметных разговорах, пришло из Готхоба в Гренландии. В

сообщении говорилось об увеличении потока воды через Дэвисов пролив, несущего из моря Баффина обломки льда, что совершенно нехарактерно для этого времени года.

Спустя несколько дней с Аляски сообщили об аналогичном явлении в Беринговом проливе.

Затем и со Шпицбергена пришли известия о стремительном подъеме уровня воды и понижении температуры.

Все это сразу объяснило загадочные туманы у Ньюфаундленда и в других районах, порожденные вторжением холодных течений в теплые воды. Но откуда взялись эти холодные течения?

Вскоре из Годхвана, что немного севернее Готхоба, известили о небывалом количестве айсбергов самых причудливых форм. Американцы, исследовав арктический район с воздуха, подтвердили, что океан севернее моря Баффина сплошь усеян айсбергами.

«Мы увидели, — описывал один пилот, — величайшее зрелище в мире: огромный ледник сползал с Гренландской ледниковой шапки. Сколько я ни летал над Гренландией — такого не видел. Здоровенные скалы, высотой в сотни футов, внезапно откалывались от ледника и, падая в море, вздымали вверх целые фонтаны воды. На сотни миль — сплошные тучи брызг, и льдины — гигантские белоснежные острова. Не успевал один айсберг отчалить от ледника, на него тут же обрушивался другой, и так беспрерывно; казалось, что фейерверки брызг буквально зависли в воздухе. Грандиозное зрелище!»

Примерно то же наблюдали летчики и над восточным побережьем острова Девон и над южной оконечностью острова Элмир. У Дэвисова пролива сталкивались, разбивались друг о друга бесчисленные ледяные глыбы, пробивая себе путь в Атлантику.

С другой стороны арктического круга была точно такая же картина.

Публика воспринимала эти новости, развалившись в мягких креслах. Хотя первые фотографии и произвели на всех неизгладимое впечатление, вскоре стали поговаривать о наскучившем однообразии полярных натюрмортов. Начальный испуг быстро сменился полным безразличием; мол, современной науке известно все и об айсбергах, и о течениях, и о всяком таком прочем. Чего, стало быть, волноваться?

Как-то Филлис случайно столкнулась с Туни.

— Не понимаю, — возмущалась Туни, — почему спят те, кто должен бодрствовать?! Полное безволие! А ведь это творится под самым носом! Почему они не остановят их?

— Но как остановить айсберги? — поинтересовалась Филлис. — Это же, наверное, не просто.

— Ах! — Туни махнула рукой. — Я не об айсбергах. Я о русских, которые их производят.

— А-а! Так это они их делают?!

— А ты как думала?! Естественно, русские. Рассуди логически: разве подобные вещи случаются сами по себе? Конечно, нет. А красные, хоть и достигли полюса позже других, всегда считали, что у них больше прав на Арктику, чем у кого бы то ни было. Я совершенно не удивлюсь, если они заявят, что открыли Северный полюс еще в девятнадцатом веке. О, это в их стиле! Разве русские в состоянии вынести, что и кроме них кто-то что-то открывал?!

— Ну а чего ради им сдались эти айсберги? — любопытствовала Филлис.

— Как? — изумилась Туни. — Ты и этого не понимаешь? Но все же так элементарно! Это же часть их политики — повсюду, где только возможно, возводить на нашем пути препятствия. Посмотри, какое скверное в этом году лето; поговаривают об отмене Уимблдона — и это все из-за этих белых бестий, которых красные понапускали в наш Гольфстрим. И все молчат, все до единого — ни один ученый не проронил ни слова! Народ уже сыт по горло, доложу я тебе. Все устали и требуют положить конец безобразию. Уж слишком далеко все зашло, милочка. Давно уже можно было покончить с этим, взорвать их или еще что-нибудь...

— Кого взорвать, русских?

— Айсберги! Если разделаться с ними, красные сами утихомируются.

— Ты абсолютно уверена, что дело в русских?

Туни искоса посмотрела на Филлис:

— Мне очень странно видеть, милочка, как некоторые при всякой возможности пытаются выгородить нашего отъявленного врага.

На этом они и расстались.

Обмен нотами затянулся до осени, — осени еще более отвратительной, чем прошедшее лето. Что оставалось делать, как не относиться к этому философски.

Где-то на другом полушарии в самом разгаре было лето, но по погоде — не лучше нашей осени. Открылся сезон

ловли китов, если так можно выразиться, поскольку желающих выйти в море было по пальцам пересчитать. Однако смельчаки все же находились, и вскоре до нас дошли вести с Земли Виктории о ледниках, сползающих в море Росса. Появились опасения, что и сам шельфовый ледник может отколоться от материка.

Аналогичные новости сыпались на нас в течение недели. Страницы солидных иллюстрированных еженедельников пестрели красочными фотоснимками фантастически красивых ледяных скал, низвергающихся в море... «Могущество Природы!» — было начертано на глянцевой обложке одного толстого журнала, под снимком переливающейся на солнце восхитительной ледяной громады. «...Вздываясь к небу готическими белоснежными шпилями, новый Эверест морей пускается в одинокий вояж! Перед вами тонко схваченная фотохудожником ледяная красота айсберга! На месте ледников, испокон веков считавшихся частью суши, простирается открытое море!»

Такое вежливо-снисходительное отношение к Матери-природе и благовоспитанное восхищение ее мудростью, способной без конца удивлять человечество, еще долго усыпляло бы самые трезвые умы, если бы не очередная хулиганская выходка доктора Бокера.

«Воскресные новости», провозгласившие себя трибуном интеллектуальной сенсации, всегда испытывали затруднения с материалом. Более дешевым и менее уважаемым изданиям, работающим в стиле эмоционального нокаута, было значительно проще. «Воскресные новости» — совсем другое дело: отказ от сенсации во имя сенсации подразумевает некоторые познания, хороший вкус и литературные способности. Но, как следствие, возникала постоянная нехватка тем для поддержания должного уровня. Мне кажется, что именно глубокий кризис материала и подтолкнул «Воскресные новости» предоставить свои страницы Алистеру Бокеру.

То, что редактор предчувствовал, чем это обернется, легко прочитывалось из короткой преамбулы перед статьей ученого, в которой черным по белому было написано, что редактор снимает с себя всю ответственность за нижеизложенное.

С таким вот «доброжелательным» предисловием, под заголовком «Дьявол и Глубина» Бокер и развивал свою новую теорию.

«Никогда, — писал он, — со времен Ноева ковчега, мир не был столь преступно близорук, как теперь. Но так не может продолжаться вечно, скоро закончится полярная ночь, и тогда ослепшие прозреют.

Печальная история неудач, берущая начало от гибели «Яцухиро» и «Кивиноу», подходит к концу. Мы потерпели поражение и на море, и на суше. Да-да, именно поражение

Многим, я знаю, не по вкусу это слово: они никогда не признают неудач, полагая себя доблестными рыцарями мира сего. Но слепое упрямство — отнюдь не доблесть, а слабость под личиной ложного оптимизма.

Оглянитесь вокруг: меняется наш образ жизни — повсюду волнения, рост цен, ломка всех экономических структур... Но что для большинства есть наш сегодняшний проигрыш? Так, временное отступление, которое кончится само собой. Откуда, откуда такое непростительное спокойствие? Уже пять лет лучшие ученые мира бьются над проблемой контроружия, и за все пять лет они не продвинулись ни на дюйм. О чем это говорит? Только о том, что все наши надежды тщетны и мы уже никогда не вернемся в море.

Теперь о последних событиях в Арктике и Антарктиде. Хватит держать нас за неразумных младенцев! Настало время открыть глаза человечеству.

Меня не волнует, какие силы заставили молчать тех, кто уже давно установил связь между поражением на море и изменением климата: придворные клики, закулисные фракции, в чьих интересах держать общественность в неведении «во имя ее же собственной пользы», или другие ревнители порядка — это не имеет значения. Были, есть и будут люди, из всех сил стремящиеся найти средство, которое уничтожит нашего общего врага в Глубинах. Однако хочется напомнить, что до тех пор, пока это средство не найдено, мы стоим перед лицом самой большой опасности, когда-либо существовавшей перед земной цивилизацией, и от которой у нас нет защиты! Мы не в состоянии побороть нависшую над нами угрозу, пока не обнаружим и не обезвредим их «Главное Командование». Но что мы можем противопоставить их оружию, что? Как остановить таяние льдов, как?

Вы считаете, что растопить ледник невозможно? Это фантастика? Абсурд? Нет, нет и еще раз нет! Если бы мы захотели, мы бы сами могли это сделать, используя освобожденную силу атома. Так что это — самая настоящая реальность.

Давайте вспомним о туманах. Из-за долгой полярной ночи мы о них давно ничего не слышали. Мало кому известно, что если арктической весной существовало всего две области распространения тумана, то к концу лета их уже насчитывалось восемь, причем значительно удаленных друг от друга.

Причина возникновения тумана всем известна — это встреча теплых и холодных течений воздуха и воды. Но как могло произойти, что в Арктике вдруг возникло восемь новых, независимых друг от друга течений? И, как результат — непрерывный поток ледяных глыб в Берингово и Гренландское моря. В Антарктике паковые льды проникли на сотни миль севернее их обычной весенней отметки. В арктических районах, к примеру в Норвежском море, льды появились, наоборот, южнее. Да и у нас самих нынешняя зима была непривычно холодной и влажной.

А айсберги? В последнее время мы только и говорим о них. Почему? Вероятно, потому, что число их неимоверно возросло. Но тут же возникает еще одно «почему», на которое никто еще не ответил публично: почему их вдруг стало столь много?

Все знают, как образуются айсберги.

Когда-то, давным-давно, огромный ледник сполз на сушу. Продвигаясь к югу и снося на своем пути горы, он шел все дальше и дальше, пока не остановился стеной сверкающих скал из прозрачного зеленоватого льда, покрыв собой половину Европы. Затем постепенно он начал свое обратное движение к северу. Столетия ледник отступал, таял; его больше нет нигде, за одним исключением — в Гренландии. Гренландия — огромный остров (в девять раз превышающий Британские острова), последний бастион ледникового периода. Только здесь на девять тысяч футов все еще возвышается этот гигантский памятник истории планеты — до сих пор непобежденный ледник. От его боков год за годом откалываются айсберги, и, кажется, так было всегда. Но почему-то теперь их в десять, в двадцать раз больше обычного. Для этого должна быть причина, и она есть.

Если бы мы сами сегодня стали растапливать льды, то уже завтра могли бы полюбоваться результатом своих трудов. Это не такой уж долгий процесс, как считают некоторые. Более того: следствия будут проявляться вначале тонкой струйкой, а затем бурным потоком. Я видел так называемые подсчеты, предполагающие, что если полярные

льды растают, то уровень воды поднимется только на сотню футов. Называть эти бумаги подсчетами — явная ложь. Это не более чем предположение, которое может оказаться как верным, так и неверным. Бесспорно единственное: уровень моря поднимается. Но насколько?

В этой связи я хочу обратить ваше внимание, что в январе сего года уровень воды в Ньюлине возрос на два с половиной дюйма».

— О Боже! — вырвалось у Филлис, когда она дочитала статью. — Опять этот сорвиголова! Нам надо с ним встретиться.

Мы попытались дозвониться к Бокеру, но его линия постоянно была занята.

Наутро мы сами пошли к нему, и, на удивление, нас тут же приняли.

— Хорошо, что вы пришли, — вставая из-за стола, заваленного почтой, сказал Бокер. — Нынче все держатся от меня на расстоянии пушечного выстрела.

— Не перегибайте, док, — ответила Филлис. — Не успеете вы оглянуться, как окажетесь самым популярным человеком среди торговцев землей и землеройной техникой.

Бокер не прореагировал.

— И вас бы постигла сия участь, — произнес он, — когда б вы почаще общались со мной. И вы бы стали прокаженными. Спасибо Англии, в других странах меня давно уже упекли бы за решетку.

— Представляю, как вы огорчены, — откликнулась Филлис. — Тюрьма — прекрасное место отдыха для тщеславных великомучеников. Но ведь еще не все потеряно? — Филлис засмеялась. — Хорошо, а если серьезно, док? Неужели вам в самом деле нравится, когда вас побивают камнями?

— Просто у меня кончилось терпение.

— У других тоже. Вы все время норовите повернуть против течения. Однажды вы поплатитесь, Бокер. Не сегодня, так завтра.

— Если не сегодня, то, возможно, и никогда! — изрек Бокер. — Но зачем тогда, девушка, вы пришли ко мне? Только ради того, чтобы сказать, что меня неминуемо ждет возмездие? Чего вы хотите?

— Отрезвления, док. Я не понимаю, мне казалось, что вы были близки к грандиозному откровению, а скатились до каких-то там двух с половиной дюймов...

Бокер внимательно посмотрел на Филлис.

— Да, — произнес он, — и что вам не нравится? Если два с половиной дюйма помножить на сто сорок один миллион квадратных миль поверхности, то в тоннах это получится...

— Меня не интересует арифметика. Для нормальных людей два с половиной дюйма — ничто, ну разве чуточку выше обычного. После такого многообещающего начала!.. Очень многие теперь раздосадованы, мол, стоило ли так тревожиться по пустякам. Некоторые даже смеются: «Ха! Ну и светило!»

Бокер махнул в сторону стола:

— Вон сколько ваших раздосадованных, точнее, возмущенных и взволнованных! — Он закурил. — Я только этого и добивался, причем с самого начала, и вы об этом знаете. Абсолютное большинство, а особенно специалисты, как могут сопротивляются очевидным фактам. И это в век науки! Отворачиваясь от доказательств, они готовы свернуть себе шеи, лишь бы ничего не видеть и не знать. Сколько понадобилось усилий, чтобы они приняли мою первую теорию? И то — скрепя сердце, с большим запозданием, когда уже невозможно было отрицать! А сейчас что? То же самое! События в Арктике взволновали многих, но сделать выводы никто не решился. Возможно, они молчали под давлением правительства. Я тоже молчал.

— Как это не похоже на вас, доктор, — заметил я.

Бокер только усмехнулся.

— Сначала я ошибся. А потом, когда все стало ясно, я сказал себе: «На этот раз вы откусили больше, чем сможете проглотить». Я решил никого не волновать понапрасну, пока была надежда, что их попытка растопить льды потерпит фиаско. Эдакая полудобровольная самоцензура. Но теперь все обернулось достаточно скверно.

— А что американцы?

— О, у них ничем не лучше нашего. Бизнес — их национальный вид спорта, а следовательно, вещь почти священная. Они испугались очередной паники и тоже играли в молчанку, правда, не сидели сложа руки, как мы, а сбросили в Северный Ледовитый океан парочку бомб. Беда в том, что результаты бомбежки остались в тумане в самом прямом смысле.

Меня интересует вот что: как эти существа проникли в Арктику? Вряд ли через Берингов пролив — им бы пришлось преодолеть несколько тысяч миль мелководья. Скорее

всего рядом с нами — между Рокаллем и Шотландией. Перевалив через подводный хребет Фарерских островов, они оказались в достаточно глубоких водах, ведущих в полярный бассейн.

На этом отрезке существует два сравнительно узких прохода. Если объединиться с норвежцами и минировать проход чуть восточнее острова Яна Майена, а второй проход, между Гренландией и Шпицбергенем, закидать бомбами, то, может быть, это хоть что-нибудь даст. Они, конечно, могут контратаковать, но кто знает...

А тут еще братья-славяне паясничают, не понимая, что творится с морем. По их мнению, море причиняет Западу массу неудобств согласно диалектико-материалистическому закону. И доберись они до Глубин, не сомневаюсь, не преминули бы заключить соглашение с их обитателями на период диалектического оппортунизма.

— Это точно, — поддакнул я.

— Дальше — больше: Кремль вдруг так рассвирепел, что все внимание наших спецслужб перекинулось от действительно серьезной угрозы на гнусные ужимки этого восточного клоуна, который думает, что моря и океаны созданы назло капиталистам.

Вот так, молодые люди, и оказалось, что мы, как всегда, опоздали. Нет чтобы всем умам объединиться, так наоборот, наши «гениальные» мужи ищут опасность там, где ее нет в помине, и игнорируют то, чего знать не желают. Бывают в истории моменты, когда люди напрочь забывают, для чего Бог создал страуса.

— Поэтому вы и решили, что пора объединить их умы.. э-э... руки для удара? — спросил я.

— Да, но не только. На этот раз за мной стоят влиятельные и озабоченные люди. Я должен был дать сигнальный выстрел по эту сторону Атлантики. Что до американцев — не пропустите на этой неделе «Лайф» Кое-что, конечно, все-таки будет сделано.

— Что? — спросила Филлис.

Бокер оценивающе посмотрел на нас и слегка кивнул головой:

— Только между нами: я ничего не говорил, вы ничего не слышали. Единственное, по-моему, что власти еще в состоянии сделать, — это организовать спасение ценностей. А тем, у кого нет шанса войти в список этих ценностей,

остаётся уповать на Бога. Боюсь, что у нас с вами будет мало шансов.

— Эвакуация великих произведений искусств и наивеличайших личностей? Как перед войной? — взволновалась Филлис.

— Именно, именно.

Филлис нахмурилась.

— Вы сказали, что у нас будет мало шансов, док. Почему? — спросила она.

— Потому что я не верю в систему ценностей нашего руководства. Шедевры искусства? Да, без сомнения, они постараются сохранить их, но за счет чего? Можете назвать меня филистимлянином, если пожелаете, но искусство, я вам скажу, стало Искусством только в последние лет двести. А до этого оно, в сущности, являлось лишь домашней утварью. Несколько тысяч лет мы прекрасно обходились и обходимся сейчас без культуры кроманьонцев, а попробуйте прожить, ну, скажем, без огня?

А наивеличайшие личности?! Это, по-вашему, кто? В венах каждого англичанина течет немало как норманнской, так и донорманнской крови. Но я не удивлюсь, что, когда начнется драка за выживание, в ход пойдут родословные; и те, в чьих жилах окажется больше донорманнской крови, станут с пеной у рта оспаривать свое преимущество на жизнь. Ну, повезет еще нескольким выдающимся интеллектуалам за их прошлые заслуги, ну, может быть, кое-кому из молодых. А для простых людей лучше всего пристроиться при знаменитостях.

— Кончайте, док. Вы же, в конце концов, не какой-нибудь лаборант-неудачник, — остановила его Филлис.

На лице Бокера промелькнула едва заметная улыбка.

— И все равно, — произнес он серьезно, — это будет дельце не из приятных.

— А скажите... — вырвалось у нас с Филлис одновременно.

— Давай, Майк, — уступила мне жена, — твоя очередь.

— А скажите, доктор, как, по-вашему, можно осуществить такой гигантский проект? Я имею в виду — растопить ледник?

— Есть целый ряд гипотез: от совершенно бредовой идеи, типа перекачки горячих океанических вод из тропиков, до использования геотермических вод. Последнее мне представляется тоже малореальным.

— А что предлагаете вы? — спросил я. Было бы невероятно, если б у Бокера не оказалось своей теории.

— Хорошо, я скажу, — как-то безнадежно согласился он. — У них есть насос для перекачки ила — это мы знаем. Так вот, если этот насос использовать совместно с тепловой установкой, скажем, на атомном топливе, то можно создать тепловое течение. Вопрос в том, есть у них атомный реактор или нет. К сожалению, не считая нашего подарка — помните невзорвавшуюся бомбу? — у нас нет на этот счет никаких данных. В принципе, я думаю, моя теория не так уж плоха.

— Допустим, вы правы, но где они возьмут уран?

— Помилуйте, в их распоряжении две трети земной поверхности! Неужели вы думаете, что если они знают об уране, они не в состоянии его раздобыть?!

— Ну ладно, а айсберги? — не унимался я.

— С айсбергами много проще. Будь у вас такое оружие, которым в три секунды можно потопить корабль, разве трудно с его помощью отколоть кусок льда?

Мы помолчали.

— И тем не менее, — Филлис покачала головой, — мне не верится, что мы бессильны...

— Дело в том, что, как я уже говорил, мы и эти твари мыслим совершенно по-разному. Вся наша военная стратегия основывается на земном опыте. Мы впервые столкнулись с внеземным Разумом и даже не имеем понятия о применяемых в морских танках сплавах, тем более о технологии изготовления этих сплавов. Во время наших войн мы можем хотя бы предугадать очередной ход противника, ибо мыслим так же, как он; что касается этих существ... я даже не знаю, что сказать. Как движутся их танки? Вряд ли при помощи двигателя, в нашем понимании. Может, как в случае с кишечнополостными, они использовали неведомую нам биологическую форму? Кто знает? Так как мы можем изобрести превентивное оружие?! Сколько лет прошло, а нас волнует все тот же вопрос: черт возьми, что, что происходит на дне?!

— Доктор Бокер, — не выдержал я, — скажите, сколько нам осталось до...

— Понятия не имею. Все зависит от них. Я считаю бесполезным и даже вредным гадание на кофейной гуще.

— Когда люди, наконец, поймут, что происходит и в Бессилии, попросят о помощи, что вы им посоветуете? — спросила Филлис.

— Разве я правительство? Это ему самое время задуматься над вашим вопросом. Мой совет настолько непрактичный, что...

— И все-таки, док?

— Ну, раз вы так хотите... Я бы посоветовал присмотреть холм повыше, с хорошей плодородной почвой, оборудовать его и укрепить.

Однако хоть Бокер и дал свой «сигнальный выстрел», ничто не сдвинулось с мертвой точки. В Америке статья ученого затерялась среди других, не менее волнующих событий недели. В родной Англии от Бокера все отвернулись: здесь оказаться в числе «желтой прессы» — значит вляпаться по уши в грязь, и тогда уж не жди, что кто-нибудь протянет тебе руку. В Италии и Франции к заявлению Бокера отнеслись более серьезно, но на мировой арене политический вес их правительств был значительно меньше. Россия, проигнорировав содержание статьи, не упустила случая прокомментировать ее как очередную выползку космополитов против трудящихся всего мира. В общем, по-нашему мнению, кампания провалилась. Но, как уверил нас Бокер, в стене официального равнодушия, наконец, образовалась первая брешь.

И в Лондоне и в Вашингтоне были созданы комитеты по «всестороннему изучению явления и выработке рекомендаций». Правда, работали они спустя рукава и беды не знали, пока в Вашингтон не посыпались возмущенные письма из Калифорнии. Калифорнийцев мало волновало, что какой-то там уровень воды поднялся на каких-то там несколько дюймов, калифорнийцев волновало то, что резко упала средняя температура и над их побережьем появились холодные промозглые туманы. Они запротестовали.

Да, туго, наверное, пришлось вашингтонскому комитету, поскольку, когда протестуют калифорнийцы, получается довольно солидный шум. К тому же соседей поддержали и в Орегоне, и в Неваде.

Не знаю — как где, а в Америке поняли, что пора что-то предпринимать.

В апреле во время весеннего половодья вода перехлестнула набережную Вестминстера. Заверения, будто это случилось и раньше, были отмечены бульварной прессой триумфальным «а что мы вам говорили». Весь мир, за

исключением одной шестой, забился в истерику. «Бей их! Бей их!» — раздавалось со всех сторон. Даже солидные, серьезные издания присоединились к требованиям: «Закидать бомбами подводных завоевателей».

«Миллиарды, потраченные на бомбу, которую мы собирались сбросить на Корею, не должны пропасть даром, — писал какой-то писака. — Мы побоялись в свое время использовать ее по назначению, а теперь боимся применить в подводной войне. Первое — понятно, второе — непростительно. Люди, на чьи средства создано это оружие, не могут отомстить за родных и близких, погибших на море и на суше от руки ненавистного Дьявола. Так что же остается — размахивать этой бомбой на перекрестках да помещать ее цветные фотографии в иллюстрированных еженедельниках? О чем думает правительство? Отношение властей уже с самого начала...» — и так далее, и тому подобное; можно было подумать, что у всех отшибло память и люди напрочь забыли о бомбардировках Глубин.

— Прекрасно сработало, — сказал нам при встрече Бокер.

— А по-моему, очень глупо, —отреагировала Филлис. — Все те же старые аргументы за бомбежку без разбора.

— Я не об этом, — возразил Бокер. — Власти, конечно, сбросят парочку-другую бомб, причем, как всегда, без толку, зато с большой помпой. Нет, я говорю о перспективе. Сейчас все напоминает прожект, вроде строительства огромной дамбы из мешков с песком, но когда мы перерастем это — что-нибудь да будет сделано.

Бокер попал в самую точку. Прошел год, и весной правительство распорядилось возвести вдоль берегов Темзы защитные сооружения из мешков с песком. Предосторожности ради движение транспорта перенесли подальше от набережных, которые тут же заполнили толпы любопытных. Полиция тщетно пыталась рассеять слоняющихся прохожих. Люди махали проплывающим на уровне мостовой буксирам, баржам и глядели на медленно поднимающуюся воду. Казалось, если вода прорвет укрепления, они возмутятся, но если ничего не случится, разочаруются.

Разочаровываться им не пришлось. Река уже ласкалась о тюки с песком, и кое-где вода просачивалась на тротуар. Полицейские, пожарные бдительно следили за своими участками, но, как они ни старались, везде поспеть было невозможно. Тогда в работу включились праздные зеваки, помогая подтаскивать мешки и затыкать многочисленные бреши

Никаких сомнений насчет того, что скоро произойдет, не оставалось. Однако никто не спешил покинуть набережную, предвкушая волнующие события.

Темза прорвалась одновременно в нескольких местах.

Команда И-би-си устроилась на крыше передвижной телевизионной станции, припаркованной на Воксхолл-Бридж. Оттуда мы увидели, как струи мутной воды хлынули сквозь заграждения и, сливаясь в единый поток, обрушились на тротуары, подвалы и фундаменты зданий.

Я поймал Би-би-си, которая разместилась на Вестминстерском мосту, и услышал, как Боб Хамблеби описывает скрывающуюся под водой набережную Виктории.

Парням с телевидения повезло меньше — они то и дело мелькали перед нашими глазами с фотоаппаратами и переносными телекамерами, пытаясь наверстать упущенное из-за неправильно выбранной позиции. Да, видимо, они проиграли немало пари — вода прорвалась не в том месте, на которое они поставили.

Все закрутилось, завертелось. Река вырвалась на улицы Ламбет Сауфварк и Бермондсэй, затопила Чизвик. Ниже по Темзе серьезно пострадал Лаймхаус. Сообщения неслись отовсюду, усилия сдержать натиск воды ни к чему не привели, оставалось ждать отлива и заделывать дырки в укреплении. И снова ждать — следующего наводнения.

Парламент, отвечая на многочисленные вопросы, старался выглядеть бодрым и самоуверенным, хотя все ответы его были малоубедительны:

«Основная работа возложена на министерства и департаменты... Все жалобы будут рассматриваться через муниципалитеты... Непредвиденные обстоятельства вмешались в первоначальные подсчеты гидрографов... Готовится приказ о срочной реквизиции землеройной техники... Общество может полностью довериться своему правительству... Подобное больше не повторится, принятые правительством меры исключают дальнейшее наступление воды... Основная задача — строительство новых укреплений... Все человеческие и материальные ресурсы будут справедливо распределены по опасным районам страны.. »

Однако всеобщая реквизиция — это одно, а справедливое распределение реквизированного — совсем другое. Нечастные клерки министерств и муниципалитетов побледили, высохли и ходили с вечно красными от недосыпа глазами. Общество захлестнула полная неразбериха: постоянные переориентации и передислокации, душераздира-

ющие жалобы и неописуемые угрозы, прямой подкуп и настоящий разбой. И все же в отдельных районах кое-что стало налаживаться.

Однажды Филлис пошла на Риверсайд посмотреть, как продвигаются работы, и среди тысяч зевак-ревизоров наткнулась на Бокера. Они вместе поднялись на мост Ватерлоо и взглядом небожителей оглядели копошащийся внизу муравейник.

— Альф, священная река, башни и стены без конца и без края, — произнесла Филлис.

— И по обеим сторонам будут не очень романтические, но глубочайшие бездны, — заметил Бокер. — Интересно, как много они успеют сделать, пока до них дойдет вся тщетность затейного?

— Трудно поверить, что такое бесподобное сооружение может оказаться ненужным, но, пожалуй, вы правы.

— Основой основ этого чудо-творения, — Бокер указал вниз, — являются посулы старого дурака географа Стакли, что максимальный уровень воды не превысит десяти, ну самое большое — двенадцати футов. Одному Богу известно, откуда он выкопал эту цифру. Главное — всех занять работой, и многие, надо сказать, считают это действительно неплохим средством против паники. Любопытно, на что они надеются? Им удалось однажды выпутаться из войны, и теперь они тоже рассчитывают отделаться легким испугом? Ну-ну! Есть, слава Богу, такие, у кого побольше здравого смысла, но из моральных соображений они не вмешиваются в это дело.

— Я давно хотела спросить вас, док, что будет с простыми людьми? Для них что-нибудь делается?

Бокер устремил взгляд в пространство.

— Правительство думает о них, — с сарказмом произнес он.

Они некоторое время молча глядели на суету внизу.

— Что ж, — нарушил молчание Бокер, — полагаю, что найдется тот, кто, добравшись до Ада, еще посмеется над всем этим среди теней.

— Хочется верить, док. А кто?

— Король Канут.

Новости все прибывали, но из-за нехватки бумаги то и дело возникали трудности с их печатанием, так что на Соединенные Штаты места в газетах практически не оста-

валось. Однако мы знали, что и там не все в порядке. Климат Калифорнии больше не являлся проблемой номер один для американцев — от Ки-Уэст до самой мексиканской границы возникли иные куда более серьезные осложнения. Во Флориде перед владельцами латифундий вновь предстала угроза заболачивания земель, а в Техасе огромная территория севернее Браунсвилла вообще исчезла под водой. Чудовищные потери понесли штаты Луизиана и Миссисипи. В народе стали популярны заклинания типа «Река, стой! Прочь от моего порога!», но река не уходила, напротив, вода прибывала.

Всего не перечислить. Весь мир страдал под одним и тем же игом. Разница была лишь в том, что в отсталых странах на укреплениях потели тысячи мужчин и женщин, тогда как в развитых — круглые сутки работала не знающая усталости техника. Но как для тех, так и для других задача была непосильной. Быстро росли ввысь защитные сооружения, но еще быстрее поднимался уровень воды. Реки разливались, и никакие искусственные отводы не спасали поля.

Незадолго до действительно серьезного наводнения у Блэкфрайерс наиболее мудрые и обеспеченные сообразили, что битвы не выиграть, и оставили Лондон. На их место пришли беженцы из восточных графств и других прибрежных городов, чье положение было еще хуже, чем наше.

Как раз в это время среди избранных сотрудников И-би-си (вроде нас с Филлис) разошелся секретный документ, если это, конечно, можно назвать документом: «В интересах поддержания общественного порядка... Должны быть приняты некоторые меры во избежание...» — и так далее, и так далее еще на две страницы. Мне не доводилось читать более идиотского обращения, все его содержание вычитывалось между строк. Было бы куда проще и лучше сказать: «Ребята, оставаться опасно, но из соображений престижа мы просто не имеем права покинуть Лондон. Да, мы не можем вам приказать, но нас бы очень устроило, если б среди вас нашлись добровольцы. Мы обязуемся повысить вам жалование и гарантируем, если что случится, не оставить вас в беде. Ну как, согласны?»

Мы с Филлис обсудили предложение. Будь у нас семья, мы скорее всего, не колеблясь, поспешили бы убраться в более безопасное место (хотя кто знает, где найдешь — где потеряешь), но так как мы — одни, то вправе распоря-

жаться собственной жизнью, как нам заблагорассудится. Взвесив все «за» и «против», Филлис подытожила:

— Что нас ждет в другом месте — вдали от благ большого города, без новостей, удобств и прочего? Срываться с насиженного места и бежать, не зная куда, вряд ли умно. Я за то, чтобы остаться. Посмотрим, как будет дальше.

Короче, мы остались и очень обрадовались, узнав, что Фредди с женой поступили точно так же.

Прошло несколько недель. И-би-си арендовала два верхних этажа большого универсального магазина близ Марбл-Арч и занялась переоборудованием их в крепость, способную выдержать длительную осаду.

— Я бы предпочла что-нибудь еще повыше, например, в Хэмпстеде или на Хайгейт, — заметила Филлис, когда мы об этом узнали.

— Зато какая реклама для И-би-си, — откликнулся я. — «Внимание, внимание! Говорит И-би-си, передача ведется с самого края пропасти...» Да и для магазина тоже отличная реклама.

— Ну да, если верить, что вода в один прекрасный день отступит.

— А даже если нет, что они теряют, сдав два этажа?

Я внимательно изучил план магазина — к тому времени мы были уже совсем не те, что раньше, и старались предусмотреть все до мелочей.

Дом был построен на высоте семидесяти пяти футов над уровнем моря. Я сообщил об этом Филлис.

— А что у нашего архиконкурента? — спросила она.

— Бродкастинг Хаус, восемьдесят пять футов.

— Гм-м, — произнесла Филлис, проводя пальцем по плану. — А их телестудия! Смотри, всего двадцать пять футов! Хочешь — не хочешь, им придется напроситься к нам в друзья.

Лондон, казалось, жил двойной жизнью. Ожидая неизбежного прорыва, все старались скрыть друг от друга свои приготовления. Представители фирм на официальных встречах, как бы между прочим, вскользь упоминали о необходимости что-то делать, а возвращаясь в свои офисы, продолжали лихорадочно готовиться к наводнению. Бедолаги, работавшие на строительстве укреплений, не задумывались ни о чем — они радовались сверхурочным и до странности не верили в опасность.

Даже после прорыва мало что изменилось, кроме пострадавших никто не забил тревогу. Стену восстановили, и все вернулось на круги своя. Настоящая драма разразилась только после весеннего разлива.

Хотя на этот раз по всему городу и были развешаны плакаты и объявления, предупреждающие об опасности, люди отнеслись к предупреждениям флегматично. «Слава Богу, у нас уже есть опыт», — говорили они и перетаскивали все свое добро на верхние этажи, непрестанно ворча на власти, не способные оградить их от неприятностей.

За три дня до наводнения каждый житель Лондона получил уведомление о предполагаемом времени прорыва, но боязнь паники и тут сыграла свою роль: уведомление было настолько осторожным и щепетильным, что практически не возымело воздействия.

День прошел нормально, и к вечеру множество народа выплеснулось на улицы, желая увидеть, что произойдет, если произойдет вообще. Подземка закрылась в восемь часов вечера, городской транспорт не работал, пешеходы мрачно прогуливались вдоль Темзы в нетерпеливом ожидании кульминации.

Ровная, маслянистая поверхность реки медленно надвигалась на укрепления и быки мостов. Черная вода беззвучно поднималась все выше, а толпы любопытных, затаив дыхание, смотрели вниз.

Предполагаемая кризисная отметка составляла двадцать три фута и четыре дюйма. Это было на четыре фута ниже нового парапета, поэтому никто не волновался, что река поднимется выше укреплений. Беспокоило другое — вдруг не выдержат стены.

Мы расположились на северном конце моста Ватерлоо. На набережной, все еще освещенной фонарями, не было видно ни единого человека — все заняли позиции на мосту. Стрелки часов на башне парламента невыносимо долго ползли по циферблату, как бы сопровождая наползающую на стены реку, пока наконец не добрались до одиннадцати. Над притихшим городом раздались гулкие удары Биг-Бена.

Их мерный звон заставил людей вздрогнуть, переступить с ноги на ногу, затем снова все стихло. Большая стрелка поползла вниз. Десять минут, пятнадцать, двадцать пять... И вот где-то в это время выше по течению послышался нарастающий рокот и ветер донес до нас эхо людских голосов. Все повернули головы и зашептались. Через несколько се-

кунд вдоль набережной понесся огромный грязный поток, увлекающий за собой мусор, кусты, скамейки... Над мостом прокатился тяжелый сдавленный стон. И тут за нашими спинами рухнула стена старого замка. Освобожденная река ринулась в пролом, выворачивая огромные камни, разрушая преграды. Вода вырвалась на улицы.

Ни введение чрезвычайного положения, ни распоряжение об эвакуации ничего не дали. В стране царила полная неразбериха, хаос. Трудно поверить, что даже те, кто издавал указы, надеялись на их выполнение. Конечно, если бы речь шла всего лишь об одном городе, может быть, и удалось бы навести порядок. Но паника охватила больше двух третей населения страны: люди устремились в возвышенные районы, и лишь самые жесткие меры могли сдержать беженцев, и то ненадолго.

В Англии дела обстояли из рук вон плохо, в других местах — и вовсе отвратительно. Нидерландцы проиграли свою многовековую битву с морем и отступили в глубь материка. Рейн и Маас затопили страну, разлившись на многие мили. Население подалось в Бельгию и Германию. Но и на северогерманской равнине было ненамного лучше: разлив рек Эмс и Везер прогнал людей из родных городов и селений. Датчане спешно эвакуировались в Швецию.

Какое-то время нам еще удавалось ориентироваться в происходящем. Но когда жители Арденн и Вестфалии в ужасе кинулись в бегство, спасаясь от голодных и отчаявшихся пришельцев с севера, достоверные сведения погрязли в трясине слухов.

Обитатели восточных графств Великобритании бежали от наводнения в Мидленд (там обошлось почти без жертв — людей заранее предупредили о грозящей беде). Жители Чилтерн-Хилса объединились в единый фронт, защищаясь от нашествия беженцев из Лондона и восточных окраин Англии.

В самом Лондоне события разворачивались по той же схеме, но с меньшим размахом. Обитатели Вестминстера, Челси, Ли Уолли, Хаммерсмита, оставив обжитые дома, уходили в Хэмпстед и Хайгейт, где их уже поджидали баррикады и ружейный огонь. Однако ничто не могло остановить ожесточенных переселенцев: они врываются в близлежащие дома, силой добывали оружие и начиналось крово-

пролитие. Нечто похожее происходило и в Сиденхеме, и в Тутингбеке.

Запаниковали и районы, еще не пострадавшие от наводнения. Несмотря на всё потуги правительства восстановить спокойствие, подавляющее большинство считало, что необходимо перекочевать в более возвышенные места.

В некоторых, не тронутых водой, частях Лондона еще несколько дней сохранялась иллюзия привычной жизни. Не зная, что предпринять, люди пытались жить по-старому, и, хоть подземку затопило, множество народа по привычке спешило на рабочие места, полиция продолжала патрулировать улицы. Но просачивающееся из пригородов беззаконие говорило о неизбежности краха. Вскоре вышло из строя аварийное освещение, и первая же ночь без единого огонька явилась своего рода *суп де грассе** по остаткам спокойствия. Начались повальные грабежи, особенно досталось продовольственным магазинам. Преступность достигла таких размеров, что и полиция и военные оказались бессильны.

Мы решили, что пора переселяться в новую крепость И-би-си

Из передач по радио выходило, что во всех городах Великобритании события развиваются в основном одинаково, если не считать, конечно, более низко расположенных поселений — там законы отмерли намного раньше. Я не собираюсь вдаваться в подробности — это дело историков — и не сомневаюсь, что когда-нибудь появятся их объективные скрупулезные труды.

И-би-си в эти дни постоянно дублировала своего рода конкурента, зачитывая вслед за ним многочисленные постановления правительства, все еще надеявшегося восстановить некоторый порядок. Какое это скучное и неблагодарное занятие — изо дня в день убеждать еще не пострадавших домовладельцев оставаться на своих местах, или расквартировывать пострадавших, или предупреждать уже расквартированных. Возымели ли наши голоса хоть какое действие, нам было неизвестно. Возможно, на севере и был какой-то эффект от этих передач, но на юге, где

* Завершающий смертельный удар (фр)

любые попытки рассредоточить людей проваливались из-за невероятного скопления народа и затопленных автомобилей и железнодорожных трасс, — от них точно не было никакого проку. Слоняющиеся оравы сорванных с насиженных мест лондонцев вселяли ужас в тех, кто еще не лишился родного крова; люди боялись, что, если не поторопиться, им может не хватить не доступного для воды клочка земли. Сначала, стараясь опередить друг друга, все хотели во что бы то ни стало раздобыть машину, но очень скоро выяснилось, что идти пешком куда безопаснее, хотя самое безопасное — вообще не высовываться из дома.

Английский парламент перебрался в Харрогит — город в Йоркшире, расположенный на высоте семьсот футов над уровнем моря. Та скорость, с какой он переехал в свою новую резиденцию, диктовалась все тем же страхом, что кто-то может его опередить; со стороны казалось, что парламент возобновил работу всего через несколько часов после наводнения в Вестминстере. На его заседаниях поднимались вопросы о разрушительных процессах на ледовых окраинах Земли. В частности, не ошиблись ли мы, проводя политику бомбардирования арктических Глубин с интенсивным использованием ядерных веществ? Не поступили ли мы в данном случае себе во вред, ведь парламент принял решение о бомбардировке вопреки советам экспертов?

Отвечая на этот вопрос, министр иностранных дел заявил, что даже если отказаться от принятого решения, это мало что изменит.

— Русские, — пояснил он, — произвели больше ядерных взрывов, чем мы и американцы вместе взятые.

Все удивились столь резкому повороту политики активных борцов за мир.

— Из наших источников, — разъяснил министр, — мы знаем, что Россия стоит перед угрозой образования на своей территории нового внутреннего моря. От устья Оби к югу простираются огромные пространства пойменных лугов, сейчас полностью залитые водой. Если ничего не изменится и уровень воды не будет подниматься, то новообразованный бассейн достигнет размера Гудзонова залива. К тому же Москву очень беспокоят быстро распространяющиеся наводнения в Карелии и области южнее Белого моря.

Администрация И-би-си тоже перебралась из Лондона в Харрогит и стала оживленным военным лагерем на окраине города. С противоположной стороны расположилось началь-

ство нашего архиконкурента. На таком расстоянии друг от друга соперники могли жить совершенно спокойно, без боязни, что за ними подглядывают в телескоп.

Что касается нас, то мы день ото дня все глубже погружались в рутину.

Жилые помещения располагались на последнем этаже, этажом ниже — офисы, студии, техснаряжение, склады и прочее, в подвалах здания — огромные запасы керосина и дизельного топлива. Наша крыша служила посадочной площадкой для вертолетов, а крыша соседнего дома была сплошь утыкана нашими антеннами. Несколько обжившись, мы решили, что довольно неплохо устроились.

И все равно, несмотря на, казалось бы, надежное убежище, мы, руководимые все тем же страхом, первым делом перетасили часть содержимого продовольственного склада в собственные апартаменты, пока это не сделали другие.

Что за роль была нам отведена — оставалось только догадываться: насколько я понимаю — создавать видимость обычной работы. Последовать за администрацией в Йоркшир мы могли лишь в крайнем случае — при неминуемой опасности. На чем это распоряжение было основано? Вероятно, на уверенности, что Лондон погибнет не весь сразу, а по частям: сначала — одна его клетка, потом — другая... и так до тех пор, пока вода не заплещется у дверей наших «кают». А до той поры все штатные сотрудники И-би-си — оркестр, артисты, дикторы — обязаны были работать как ни в чем не бывало. Единственным свидетельством того, что составители сей программы допускали неожиданный поворот событий, было заблаговременное перемещение фонотеки в Йоркшир. И то, опасались они скорее беспорядков и неразберихи, нежели катастрофы.

Забавно, что еще несколько дней кое-кто из администрации нет-нет да и показывался в Лондоне, но потом и те исчезли, бросив нас на произвол судьбы. С тех пор мы перешли на осадное положение.

Не хочу быть дотошным и утомлять вас подробностями следующего года — это долгая и нудная история мирового упадка.

Во время холодной затянувшейся зимы вода не переставала прибывать. Вооруженные оборванцы рыскали по Лондону в поисках пропитания, и в любой час дня и ночи

можно было услышать отзвуки перестрелки неполадивших между собой банд.

Даже на нас пару раз попытались напасть, но эти попытки не увенчались успехом, и, так как вокруг еще хватало магазинов, представлявших собой более легкую добычу, нас оставили на закуску.

С приходом весны народу на улицах заметно поубавилось. Не желая провести еще одну зиму в голодном, антисанитарном городе, многие подались в деревни, и уличные бои переместились от центра к окраинам.

Поредели и наши ряды: из шестидесяти пяти человек осталось двадцать пять. Остальные партиями улетели на вертолете, после того как центр жизни переместился в Йоркшир. Мы остались в виде какого-то незначительного поста, исключительно ради престижа компании.

Я и Филлис тоже подумывали, не пора ли и нам податься в новую столицу, но, потолковав несколько минут с командиром вертолета, решили еще немного повременить, уж больно переполненной и малопривлекательной показалась нам теперешняя штаб-квартира И-би-си.

Нельзя сказать, что мы испытывали большие неудобства на своей лондонской верхотуре, напротив, чем меньше нас оставалось в этом орлином гнезде, тем больше пространства и продовольствия приходилось на каждого.

Поздней весной правительство взяло все радиовещание под прямой контроль, и таким образом мы слились с нашими архиконкурентами. Бродкастинг Хауз к тому времени практически опустел, запасы его истощились, и несколько сотрудников Би-би-си, до сих пор не покинувшие Лондон, присоединились к нам, благо у нас всего было вдоволь.

Новости мы получали по двум основным каналам: умеренно правдивые — из Харрогита от И-би-си и неумеренно оптимистичные — отовсюду. К последним мы относились весьма цинично и очень быстро от них устали. Казалось, что все государства мира встречают и даже побеждают напасть с прямо-таки залихватской смелостью, свойственной исконным традициям их непобедимых народов.

К середине дрянного промозглого лета Лондон совсем притих. Банды ушли, остались только шакалы-одиночки. Без сомнения, их было довольно много, но в огромном городе они казались крохотной горсткой. Мы снова могли показаться на улицах без страха тут же быть убитыми.

Вода неумолимо поднималась, не оправдывая никаких прогнозов: самые высокие приливы достигали уже пятидесяти пяти футов. Граница наводнения проходила севернее Хаммерсмита, захватывала большую часть Кенсингтона, тянулась вдоль южной стороны Гайд-парка, затем к югу от Пиккадилли, через Трафальгарскую площадь вдоль Стренда и Флит-стрит и дальше шла к северо-востоку выше западной стороны Ли Уолли; только Сити и холм с собором святого Павла оставались незатопленными. На юге граница пролегла через Барнис, Баттерси, Сауфварк, большую половину Дептфорда и нижнюю часть Гринвича.

Однажды во время прилива мы прогуливались возле Трафальгарской площади. Вода плескалась у самых ног. Стоя у балюстрады и глядя на забрызганных пеной львов Ландсейера, мы гадали, что бы сказал адмирал Нельсон при виде своей статуи в окружении покачивающейся на воде удивительной коллекции обломков.

На полузатопленных шестах, светофорах, фонарях — излюбленном месте голубей — сидели чайки, кое-где на деревьях чирикали воробьи; скворцы еще не покинули церковь святого Мартина, а вот голуби, — голуби улетели.

— Не помню, кто сказал: «Так кончится мир — не грохотом, а хныканьем», — произнес я, глядя на тоскливый пейзаж.

— Не помнишь?! Да это же Эллиот!

— Да? Видимо, он обладал даром предвидения.

— Величайшее предназначение поэта — предвидеть, — назидательно отозвалась Филлис.

— Гм-м, — усомнился я, — а может, его миссия — снабжать нас цитатами при всяком неожиданном повороте событий. Ну, не злись, не злись. Эллиоту, действительно, надо отдать должное.

Мы помолчали.

— Если бы мы только могли помочь этому миру... — заговорила Филлис. — Мне все время казалось, что еще не поздно что-нибудь сделать, а вот теперь я начинаю сомневаться. Ничего не вернуть, все, поздно. А посещать места вроде этого выше моих сил, Майк.

— Это — единственное в своем роде, Фил. Когда-то оно было поистине уникально. А теперь мертво, хотя еще не стало музеем. «Вся гордость вчерашняя наша в Ниневии и Тире», — скоро запричитаем мы. Скоро, но не сейчас.

— Ты что, сегодня на короткой ноге с чужими музами? Чьи это слова?

— Это Киплинг, дорогая. Но скорее у него была не Муза, а Кошка.

— Бедняга Киплинг.

— Однако ему тоже надо отдать должное.

— Майк, — после затянувшегося молчания неожиданно произнесла Филлис, — давай уйдем отсюда. Прямо сейчас.

— Да, так будет лучше. Пора отвыкать от сентиментальности.

Филлис взяла меня под руку, и мы повернули назад. Вдруг откуда-то с южной стороны площади до нас донеслось тарахтение мотора и из-под арки Адмиралтейства выскочил катер. Резко повернув, он помчался к Уайтхоллу, поднимая за собой волну, захлестнувшую окна дорогих правительственных кабинетов.

— Здорово! — восхитился я. — Даже во сне такое не приснится!

— Стоит подумать, — заметила Филлис, снова становясь практичной, — где бы и нам раздобыть катер.

К концу лета вода поднялась еще на девять футов, и к середине сентября нас осталось всего шестнадцать человек.

Даже Фредди объявил, что ему надоело убивать время в четырех стенах и он собирается подыскать себе что-нибудь поинтереснее. Вертолет унес его вместе с женой в Йоркшир, а мы остались обдумывать наше собственное положение.

Как ни опротивело нам готовить бодренькие передачи из обливающегося кровью сердца империи, мы оставались на месте, потому что считалось, что они все еще приносят какую-то пользу. Да и все до сих пор работающие радиостанции мира насвистывали примерно одну и ту же песенку.

За два дня до отлета Виттиеров, поздним вечером, мы поймали Нью-Йорк. С высоты Эмпайер Стэйт Билдинг диктор описывал изумительный вид ночного города: «Башни Манхэттена, как замершие на посту часовые; переливающаяся в лунном свете вода разбивается об их подножия...» Да, представить такую картину было несложно, но наше воображение рисовало нам уж никак не «часовых», а скорееobeliski. Дослушав передачу, мы поняли, что нам никогда не сравняться с американцами в живописании картин умирающего города и, прощаясь с Фредди, сказали, что скорее всего тоже оставим Лондон.

Однако две недели спустя, когда мы вновь по прямому проводу слышали его голос, у нас еще не созрело окончательное решение. Да и Фредди не уговаривал нас последовать его примеру.

— Это не пустые слова, Майк. Это совет незаинтересованного человека тому, кто может оказаться на сковородке.

— В чем дело, Фредди?

— Понимаешь, если бы я так горячо не просился сюда, я бы непременно подал прошение о переводе обратно. Черт побери, Майк, оставайся там и ни о чем не жалея!

— Но...

— Подожди минуточку. — Фредди на мгновение исчез. — Порядок! — снова раздался его голос. — Теперь нас никто не подслушивает. Пойми, Майк, здесь сущий ад. Йоркшир переполнен, жрать нечего, терпение у всех вот-вот лопнет; если через пару дней не вспыхнет гражданская война, я сочту это за чудо. Голодные озлобленные крестьяне думают, что мы сидим у них на шее, но это не так. Оставайся, Майк, не ради себя, так ради Фил.

— Так возвращайся, Фредди! Если все так плохо, на первом же вертолете и возвращайся! Подкупи, в конце концов, пилота...

— Да, наверное. Не понимаю, какого черта нас вообще сюда пустили. Мы здесь никому не нужны, лишние два рта и только. Жди нас следующим рейсом, Майк.

— Удачи тебе, Фредди. Привет жене и Бокеру, если его там еще никто не прикончил.

— О, Бокер здесь, и считает, что вода не поднимется выше ста двадцати пяти футов. Он утверждает, что это хорошая новость.

— Еще бы — от него стоило ждать чего-нибудь похлеще! Ну ладно, Фредди, до скорого.

Еще одна супружеская чета, которая собиралась лететь следующим рейсом, осталась, хотя я никому не рассказывал о своем разговоре с Йоркширом.

Мы ждали Фредди два дня, на третий связались с И-би-си, но там ничего не знали о нем — Фредди вместе с женой и вертолетом загадочно исчезли. А поскольку у компании других вертолетов не было, то последняя ниточка нашей связи с Йоркширом оборвалась.

За холодным летом пришла холодная, гнусная осень. Прокатались и тут же заглохли слухи, что вновь появились морские танки; может быть, танки сочли добычу на пус-

тынных лондонских улицах слишком бедной? Не знаю, но, судя по сообщениям радио, в других районах они действительно активизировались.

Фредди оказался не далек от истины — в Йоркшире начались серьезные осложнения. Как-то вечером по радио мы слышали призыв местных властей ко всем лояльно настроенным гражданам поддержать законное правительство и оградить его от возможных попыток насильственного переворота. Но то, как это было подано, не вызывало сомнений, что такая попытка уже состоялась. Стало ясно — это конец. Даже лучший диктор И-би-си не смог придать убедительность словам, и весь правительственный призыв выглядел жалкой мешаниной из увещеваний, угроз и молений.

Наша администрация не могла или не хотела ничего прояснить.

— С беспорядками скоро будет покончено, — объявила она, желая пресечь распространившиеся слухи и не допустить среди нас антиправительственных настроений.

Мы ответили, что ничто не может вызвать в нас недоверие к законной власти, и еще раз запросили о положении в Йоркшире.

Но тут связь неожиданно оборвалась.

Ситуация, когда слышишь весь мир, и никто, никто даже не упоминает о родной Англии, пока не привыкнешь, довольно странная. Из Америки, Канады, Австралии, Кении мы что ни день получали запросы о нашем молчании.

Прежде, отдавая планете свои скудные знания, мы хоть слышали, как наши сообщения потом повторяли зарубежные станции. А теперь мы не понимали, что происходит. Если даже радиовещательные системы обеих корпораций оказались неисправными, то в эфир все равно выходили бы независимые станции Шотландии и Северной Ирландии. Но и от них не было ни звука. Остальному миру, занятому маскировкой собственных трудностей, было не до нас. Правда, однажды мы все-таки слышали голос, бесстрастно говоривший о «L'ecroulement de L'Angleterre». Что это значит мы не поняли, но звучало очень зловеще.

Кончилась зима. Лондон, казалось, вымер — можно было пройти целую милю, так никого и не встретив. Как люди сумели перезимовать, оставалось загадкой. Остатками награбленного?

Естественно, это не тема для расспросов, тем более когда из-под пальто на тебя смотрит дуло пистолета. Мы и сами давно не расставались с оружием, но ни разу, к счастью, нам не довелось еще нажать на курок. Странно, волчьи инстинкты пока не взяли верх над разумной человеческой настороженностью. Случайно встреченные люди делились с нами слухами, сплетнями и некоторыми новостями местного значения. Именно от них мы узнали о плотном враждебном кольце, образовавшемся вокруг Лондона, о том, что окружающие районы объявили себя независимыми государствами и, выдворив беженцев, закрыли границы. Всякого вступившего на их территорию ждет верная смерть.

— Это что! Будет еще хуже! Все так считают, — заверил нас разговарившийся прохожий. — Пока есть запасы — все нормально, главное сейчас — не позволить себя обокрасть какому-нибудь прощелыге. Потом будет наоборот — с ног собьешься, пока отыщешь пройдоху, у которого еще что-то припрятано. Вот где гадко-то станет.

Отметка прилива подобралась к семидесяти пяти футам. По ночам с юго-запада дул пронзительный ледяной ветер, прижимая к крышам бурый дым из печных труб. Запасы угля давно кончились, и люди сжигали в каминах все, что попадалось под руку, — столы, стулья, книги...

Я думаю, что в то время во всей Англии не было ни одного человека, который устроился бы лучше нашей группы. Продовольствия, топлива — всего имелось с избытком, и хватило бы на несколько лет — ведь никто не думал, что из всей команды нас останется только шестнадцать. Однако не хлебом единым жив человек! И когда впервые вода перехлестнула ступени нашего дома и все здание наполнилось шумным эхом ниспадающего в подвалы потока, щемящее чувство одиночества сдавило горло.

Многие из нас совсем раскисли и ходили понурые, задавая единственным вопросом: «Неужели сто футов — это еще не предел?»

Я не мог лицемерить и поведал всем новую версию Бокера о ста двадцати пяти футах, означающих, что в своем орлином гнезде мы можем чувствовать себя в безопасности. Это было слабым утешением, поскольку никто еще не забыл слова того же Бокера о том, что любые прогнозы весьма относительны, ведь никто точно не знает, сколько льда в Антарктиде, Арктике и в других северных районах. И все равно, лежа в постели, под гулкий плеск гонимых ветром по

Оксфорд-стрит волн, мы твердили про себя, как молитву: «сто двадцать пять, сто двадцать пять...»

Как-то солнечным, но холодным майским утром я разыскивал Филлис. Расспросы привели меня на крышу, где я застал ее, глядящую на утыканное деревьями озеро, некогда бывшее Гайд-парком. Она плакала.

— Я так и осталась сентиментальной, Майк, — вытирая заплаканные глаза, сказала она. — Я больше не могу. Увези меня отсюда. Пожалуйста.

— Куда, Фил?

— В коттедж. В деревне будет лучше. Там кое-что и растет, а не только, как здесь, умирает. А тут... хоть с крыши прыгай. У нас нет выбора, Майк.

Я задумался.

— Даже если мы и доберемся до коттеджа, то все равно умрем от голода.

— Там... — Филлис замялась. — Мы продержимся, Майк, обязательно продержимся до того, как вырастим что-нибудь. Потом, там же есть рыба, ты наловишь много рыбы. Да, будет тяжело, но оставаться здесь, на этом кладбище!.. Я больше не могу, Майк. Что мы совершили, чтобы заслужить такую кару? Пусть мы не совершенны, но не настолько же! Если б хоть знать, с кем сражаться, а так!.. Люди тонут, умирают от голода, убивают друг друга... Все, все ради жизни! Может, тот, кто посильнее, и выживет, переждет на крыше какого-нибудь небоскреба, но что его ждет потом? Что еще придумают эти твари?

Ты знаешь, Майк, они мне часто снятся, лежащие там, внизу, в беспросветном мраке, иногда напоминающие ужасных осьминогов или слизняков, иногда — огромные облака мерцающих клеток. Но как бы они ни выглядели, они существуют, и от них никуда не деться. Они сделают все, лишь бы нас уничтожить.

Это так страшно, Майк, эти сны... огромные бескрайние равнины — дно океана, притягивающее к себе все — раковины, осколки костей, миллиарды и миллиарды крупниц планктона. Одно движение вниз, век за веком... И несметные полчища морских танков, без конца и края, насколько хватает глаз; они переваливают через расщелины, через затопленные города, они идут сюда, Майк.

Много раз мне снилось, что мы с тобой поймали и вскрыли танк, и там оказался Он Сам, и мы поняли, что надо сделать, чтобы уничтожить их всех. И никто, кроме

Бокера, нам не поверил, но док создал новое оружие, и мы победили, Майк, понимаешь, победили.

Я знаю, все это глупо, но очень приятно проснуться с чувством, будто ты спас мир. Как жаль, что это всего лишь сны и кошмар продолжается.

Увези меня, Майк! — взмолилась Филлис. — Иначе я сойду с ума. Я больше не могу видеть, как дюйм за дюймом гибнет великий город. Увези, увези куда хочешь, лишь бы не оставаться в Лондоне. Лучше погибнуть, чем пережить еще одну такую зиму.

— Хорошо, дорогая, — сказал я.

А что я мог еще сказать?!

Оставалось найти способ добраться до Корнуэлла. Попытаться идти сухим путем? Но мы были наслышаны о специальных капканах, засадах, сигнализациях, сторожевых пунктах и так далее, причем, говорят, доходило до того, что буквально вырубали целые рощи, лишь бы ничто не могло помешать всадить очередному беженцу пулю в лоб. Во всем — строгий расчет, каждому известно, что значит лишний рот, каждый знает свою задачу — не допустить и не пропустить. Таков закон борьбы за выживание. А поскольку наше собственное чувство самосохранения требовало от нас того же — выжить, мы решили идти другим путем.

Поиски катера ни к чему не привели, и все же мне удалось раздобыть небольшую лодку.

Мы задержались в надежде на более теплые дни, но в конце июня, расставшись с иллюзиями, я погрузил в лодку провиант, и мы тронулись вверх по реке.

Если бы не счастливая случайность, подарившая нам маленькую моторную яхту «Мидж», я не знаю, что бы с нами случилось. Думаю, в конце концов, нас бы просто пристрелили.

Однако «Мидж» все изменила, и на следующий день мы вернулись в Лондон.

Что ни говорите, а плавание по затопленным улицам — дело довольно мучительное и неприятное. Нас выручала хорошая память, и мы ни разу не напоролись днищем на скрытые под водой фонари или светофоры. Обычно в более мелких местах я прибавлял скорость, но на углу улицы, ведущей к Гайд-парку, мы проторчали несколько часов в ожидании прилива.

Мучившее нас предчувствие, что кто-нибудь из оставшихся коллег захочет присоединиться к нам, оказалось безосновательным. Все без исключения, сочтя нас сума-

сшедшими, принялись уговаривать остаться и больше не покидать надежного пристанища, называя наше решение — безумием. И все же они помогли нам заправить и снарядить «Мидж» в дорогу. Ребята так старались, что яхта осела на несколько дюймов.

Мы продвигались по Темзе медленно и осторожно. Больше всего нас беспокоил ночлег — «Мидж» с ее содержимым являла собой лакомую добычу. Мы причаливали на тихих, укромных улочках затопленных городов и там проводили ночь. Иногда из-за сильного порыва ветра мы застревали в подобных местах на несколько дней. В общем, путешествие, на которое обычно у нас уходило в среднем полдня, заняло больше месяца.

Чем ближе мы подплывали к Корнуэллу, тем тревожнее становилось на душе. Чем встретит нас коттедж Роз?

Держа револьвер наготове, я направил яхту в устье реки Хелфорд. Кое-где на склонах холмов показались вооруженные люди, но они почему-то пропустили нас; как потом оказалось, «Мидж» просто приняли за местную яхту.

Мы свернули в один из многочисленных рукавов, но ошиблись. Мы ошиблись еще с десятков раз (и все из-за размножившихся, как грибы после дождя, притоков), прежде чем увидели знакомый силуэт коттеджа с крышей почти до самой земли.

Конечно, здесь уже побывали, и неоднократно. Но хотя беспорядок был на славу, унесли немного, в основном съестное и топливо.

Бегло осмотревшись, Филлис скрылась в подвале, а через минуту уже бежала в сад к своей беседке.

— Слава Богу, все в порядке, — облегченно вздохнула она, вернувшись.

Мне показалось, что Филлис выбрала не самое удачное время проявлять заботу о беседке, пусть даже построенной ее собственными руками.

— Что в порядке?

— Провизия, конечно. Мне не хотелось тебе говорить заранее: если б что случилось, было бы так обидно.

— Подожди, подожди. Какая провизия?

— Майк, у тебя что — голова совсем не работает? Е-да, понимаешь — еда. Ты что действительно думал, что я подрядилась в каменщики ради забавы? Я замуровала половину подвала, набив продуктами, и устроила еще один склад — под беседкой.

Я ошарашенно уставился на жену.

— Ты хочешь сказать... Но это же было еще до наводнения!

— Но не до того, как они начали нападать на наши корабли. Уже тогда стало очевидно, что нас ждут большие трудности. Вот я и подумала, что неплохо было бы как-нибудь подготовиться, хотя бы запастись продуктами. Если бы я сказала тебе об этом, ты бы меня не понял.

— Не понял?

— Ну, Майк, согласишься, что ты из тех, кто будет лучше платить по курсу черного рынка, чем примет разумные меры предосторожности.

— И поэтому ты засучила рукава?

— Мне так не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал об этом, Майк. Поэтому я сама... Мне кажется, я не зря потрудилась.

— И надолго нам этого хватит?

— Не знаю. Здесь добрый фургон плюс то, что мы привезли на «Мидж».

У меня еще оставались кое-какие сомнения, но выражать их я пока воздержался, и мы принялись за разгрузку и уборку.

Через четыре месяца узенькая полоска суши, соединявшая наш холм с большой землей, скрылась под водой, и мы превратились в настоящих островитян.

Здесь, в Корнуэлле, происходило то же самое, что и везде: неохотное отступление — вначале, и паническое бегство на возвышенности потом, когда страх, что тебя опередят, пересилил остальные чувства. Остались только те, в чьих сердцах теплилась надежда, что еще не все потеряно и вода не коснется их порога. Потом началась настоящая война. Каждый защищал свои владения: одни — от опустошительных набегов людей с возвышенностей, другие — от отчаявшихся беженцев. Не знаю, насколько это правда, но рассказывали, что, по сравнению с восточными графствами, здесь было намного легче, так как большинство населения ушло в земли более плодородные, нежели вересковые пустоши. А в Девоншире, Дорсете, Сомерсетшире велись непрекращающиеся ожесточенные бои между умирающими от голода жителями.

Через неделю сломался приемник и починить его не было никакой возможности.

Полная изоляция легла на нас тяжелым бременем. Хотя, с другой стороны, мы радовались, что наш остров не вызывал того искушения у местных обитателей, которого мы

так боялись. Рыбы в море было полно, да и урожай, собранный корнуэлльцами в прошлом году, не заставлял их браться за оружие, чтобы добыть пропитание. Нас не трогали: все, наверное, думали, что мы обходимся рыбой и теми запасами, которые привезли на «Мидж».

Я начал писать эту книгу в начале ноября. С тех пор прошло четыре месяца. Вода продолжает медленно подниматься, но уже не с такой скоростью, и, кажется, в Ла-Манше айсбергов значительно поубавилось.

Изредка нас посещают морские танки, иногда по одному, но чаще — по пять-шесть. Практически они не доставляют нам никаких хлопот — дозорные всегда предупреждают людей об опасности, и все поползновения морских гадов терпят фиаско. Да и сами танки становятся все менее агрессивными, редко случается, что они заходят дальше чем на четверть мили от края воды и, не найдя жертв, быстро поворачивают обратно.

Гораздо тяжелее было пережить лютую зиму, более страшную и холодную, чем все предыдущие. Не успокаивающееся все три месяца море выбрасывало на берег огромные льдины, залив промерз до самого дна; хорошо, что наш домик расположен с подветренной стороны, иначе нам бы пришлось совсем туго.

Запасы тают на глазах, и мы подумываем покинуть Корнуэлл, как только наступит лето. Думаю, продуктов хватило бы еще на одну зиму, но что потом — все равно надо уходить.

Не питая больших надежд разжиться топливом где-нибудь в Плимуте или Девоншире, я на всякий случай поставил на «Мидж» мачту. Под парусами или нет, мы еще не решили, куда поплывем, ясно, что на юг, где можно что-нибудь посадить, вырастить и собрать урожай. Может быть, там нас ждет смерть от пули, но, как ни смотри, это лучше, чем умереть от голода.

— Нас ждет великое путешествие, — всякий раз говорит Филлис. — Пока к нам благоволит Фортуна, мы должны рисковать.

Сегодня двадцать четвертое мая.

Мы не плывем на юг, я извиняюсь, что забежал вперед.

Потомкам не придется раскапывать жестяные банки с этими записями, они остаются со мной, и, возможно, их даже очень скоро прочтут. С некоторых пор наши планы резко изменились.

А случилось вот что.

Мы готовили «Мидж» к путешествию. Филлис красила, а я копался в двигателе, регулируя зажигание, когда в заливе показалась лодка. Я убедился, что револьвер при мне, и пристально следил за приближением непрошеного гостя. Когда лодка подошла достаточно близко, я узнал в нем одного местного жителя, с которым мне пару раз доводилось встречаться последнее время.

— Эй, там! — закричал он. — Ваше имя — Ватсон?

— Да, — отозвался я.

— Тогда мне к вам.

Он убрал парус и причалил к берегу.

— Майкл и Филлис Ватсон? — еще раз спросил он, вылезая из лодки. — Вы работали на И-би-си?

Мы кивнули.

— Тут по радио передали ваши имена.

Мы, выпучив глаза, смотрели на необычного гостя.

— Кто? — придя в себя, выпалил я.

— Они называют себя «Совет Возрождения». Уже неделю, если не больше, они каждый день выходят в эфир и всегда заканчивают списком разыскиваемых. Вчера зачитали ваши имена, добавив, что «могут находиться в окрестностях Пенлинна». Вот я и подумал, что надо наведаться к вам.

— Но... Но кто они такие и чего хотят? — чуть ли не проорал я.

Он пожал плечами:

— Пытаются разгрести завал. И я говорю им — «Бог в помощь». Давно пора.

Филлис побледнела:

— Неужели?... Неужели кончилось?

Мужчина внимательно посмотрел на нее.

— Нет, — тихо произнес он. — Но лучше хоть попытаться, чем бросить все так, — он кивнул в сторону разрушенных домов.

— Но зачем мы им?

— Они хотят, если это в ваших силах, чтобы вы вернулись в Лондон. Если нет, оставайтесь здесь и ждите дальнейших указаний. Многих собирают в Шеффилде или

Малверне, но вас почему-то хотят непременно видеть в Лондоне.

— И они не говорят — зачем?

Он покачал головой:

— Еще они говорят, что обеспечат всех портативными рациями и советуют организовывать местное самоуправление.

Мы с Филлис переглянулись.

— Я, кажется, понял, зачем нас ищут.

Она кивнула.

— Пойдемте, — сказал я доброму вестнику. — У нас припрятано пару бутылочек на случай вроде этого.

— Расскажите все, что вам известно, — попросил я после того, как мы выпили по первому бокалу.

— Да вроде больше ничего. Два дня назад выступал Бокер. Вы его помните?

Еще бы нам было его не помнить!

— Так вот, он давал «общий обзор ситуации» и казался много приветливее, чем раньше.

— Расскажите, расскажите! — обрадовалась Филлис. — Милый док в хорошем настроении — это что-то значит!

— Главное, он говорит, что вода больше не поднимается (можно подумать, я сам этого не заметил), и, хотя много плодородных земель погребено под океаном, оставшейся части человечества хватит, чтобы прокормить себя. А осталось нас на Земле одна пятая, если не одна восьмая, от бывшего.

— Что?! — вскричала Филлис, не веря своим ушам. — Всего?

— Похоже, что в сравнении с другими нам повезло, — заметил он. — Пережить три дьявольские зимы без лекарств, без еды — это не шутка. Люди дохли, как мухи.

Мы молчали, не в силах вымолвить ни слова. Я понимал только одно — будущий мир будет очень сильно отличаться от прошлого.

— А может, не стоит и пытаться?.. — удрученно произнесла Филлис. — Эти твари все равно не уймутся и придумают что-нибудь новое.

Наш гость усмехнулся:

— Бокер сказал кое-что и про них. Считайте, что они получили свое.

— Что получили?

— Не помню, как называется... Что-то там сбросили в эти чертовы Глубины... Ультра... ультра...

— Ультразвук? — догадался я.

— Точно. Бокер сказал, что он убивает их. И знаете, кто это придумал? Японцы. Они утверждают, что уже очистили свои воды от подводных монстров.

— Но кто-нибудь узнал, что представляют собой эти монстры? Кто они? На что похожи? — сыпала вопросами Филлис.

— Не знаю. Все, что сказал по этому поводу Бокер, — «на поверхность всплыло огромное количество студенистой массы и быстро разложилось на солнце». Предполагают, что их разрывает от перепада давлений при всплытии. Ну и бес с ними.

— По мне довольно и того, что им воздалось. — Я наполнил бокалы. — За освобождение Глубины!

Человек уплыл, а мы пошли в беседку.

Филлис выглядела так, будто только что закрыла дверь «Салона Красоты».

— Я воскресаю, Майк! — угадала она мои мысли.

— Я тоже, Фил. Хотя впереди нас ждет отнюдь не пикник.

— Ерунда! Зато есть надежда! Без нее — слишком тяжело.

— Это будет очень странный и необычный мир, — размышляя, сказал я. — Всего одна восьмая, Фил!.. Одна восьмая!

— Во времена Елизаветы нас насчитывалось миллион!

Мы принялись строить планы на будущее.

— Я думаю, нам хватит горючего до Лондона.

— Да, Майк, надо быстрее заканчивать с «Мидж» и возвращаться в Лондон.

Филлис сидела, подперев голову руками, и смотрела на воду.

Зашло солнце, похолодало.

— Знаешь, о чем я думаю, Майк? Ничто не ново на Земле. Когда-то, давным-давно, наши предки жили на огромной зеленой равнине, покрытой густыми лесами. В лесах водились дикие звери, и люди охотились на них. Но настал день — и случился потоп... Мне кажется, я узнаю это море, Майк... мы уже были здесь. Ты понимаешь, Майк, мы ведь и в прошлый раз выжили.

Содержание

Куколки , роман, <i>перевод с английского Н. Коптюг</i>	5
Кракен пробуждается , роман, <i>перевод с английского А. Захаренкова</i>	139

МИРЫ ДЖОНА УИНДЕМА

Собрание фантастических произведений в 5 томах

Том второй

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *Т. Пикович*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дундина, И. Лаздина*
Оператор компьютерной верстки *Н. Жук*
Художественный редактор *М. Захаренкова*
Иллюстрация на обложку и оформление форзаца:
И. Леонтьев
Оформление шмуцтитлов: *М. Ермаков*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным
издательством

ЛР № 062455 от 23.03.93

Подписано в печать 12.10.95. Формат 84×108/32.

Гарнитура Антиква. Печать высокая.

Усл. печ. л. 16,80. Тираж 15 000 экз.

Заказ № 1145. С 132

Издательство «Полярис»

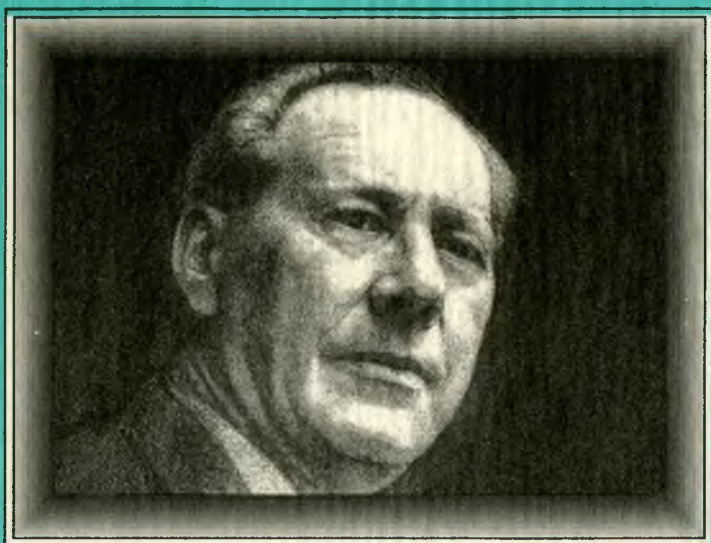
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

Куколки

Ядерный огонь, опаливший землю, давно угас. Но остаточная радиация продолжает корежить гены. Всех мутантов безжалостно уничтожают, стремясь вернуть мир к Норме. Но не всякая мутация проявляется внешне. Человечество было гусеницей. Теперь оно готово стать бабочкой, выйдя из куколки...

Кракен пробуждается

Морские глубины притягивают и пугают, они более чужды человеку, чем иные миры. Но для кого-то океанские бездны — дом родной. И этот кто-то не прочь потеснить сухопутных соседей...

